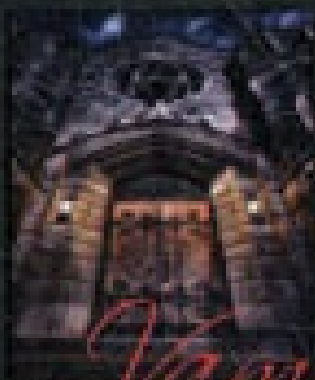

Монтегю Саммерс

ВАМПИРЫ

В ВЕРОВАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ

Vampirus

Вампиры в верованиях и легендах

Август Монтегю Саммерс

Вампиры в верованиях и легендах

Август Монтегю Саммерс

2010

Преподобный Монтегю Саммерс, английский писатель и знаток готического романа, католический клирик и исследователь оккультизма, автор работ по истории ведьмовства и демонологии, по географии ведовства, оборотничества и вампиризма, в своей книге прослеживает мрачные предания о вампирах до истоков их возникновения. В поисках внятного толкования характерных черт и действий вампиров, попытке сформулировать гипотезу, которая могла бы объяснить эти жуткие явления, Саммерс приводит множество примеров и случаев вампиризма. На основе свидетельств очевидцев он рассказывает о привычках, особенностях, внешнем виде и отличительных признаках вампиров и способах защиты от них.

Жанр: Antique: Myths, Legends, Epos, Sci-Fi: Horror

Язык: Русский

Язык оригинала: English

Переводчик: Л. А. Карпова

Published as: Вампиры в верованиях и легендах, ЗАО «Центрполиграф», Москва, 2010

ISBN: 978-5-9524-4941-1

Автор: vetka

Программа: FictionBook Editor Release 2.6

Дата: 22 May 2011

Адрес: Издательский текст

Номер: 953b56a2-7d9a-11e0-9959-47117d41cf4b

Версия: 1.0

Монтегю Саммерс

Вампиры в верованиях и легендах

ПРЕДИСЛОВИЕ СВЯЩЕННИКА БРОКАРДА СЬЮЭЛЛА

Преподобный Монтегю Саммерс (1880–1947) был одной из самых таинственных и загадочных, хотя и одной из самых ярких фигур в литературном мире и обществе Лондона на протяжении первой половины XX в. Он много писал по истории драмы эпохи Реставрации (два его больших труда «Театр эпохи Реставрации» (1934) и «Драматический театр Пеписа» (1935) незаменимы для получения консультаций и ссылок) и был эрудированным редактором и комментатором драматических произведений Афры Бен, Конгрива, Драйдена, Шэдвелла, Отвея и Уичерли. К тому же Уичерли был главным основателем общества «Феникс», которое провело бесценную работу и стало первопроходцем, возродив драму эпохи Реставрации на сцене Лондона в начале 20-х гг. XX в. И таков был авторитет этого общества, что ведущие актеры и актрисы того времени были рады принимать участие в его постановках, а такие выдающиеся личности, как леди Кунард, сэр Эдмунд Госс и сэр Томас Бичэм, почитали за честь взять их под свое покровительство.

Монтегю Саммерс был также авторитетом в области готического романа. Его «Исследования Готики» (1938) и по сей день являются самой лучшей книгой по этой теме, а его «Библиография Готики» (1940) представляет собой незаменимый справочник, несмотря на недостатки, имевшие место ввиду того, что он составлялся в военное время, когда доступ к иностранным библиотекам был невозможен. Саммерс был редактором новых изданий таких типично готических романов, как «Замок Отранто» Хораса Уолпола, «Зофля, или Мавр» Шарлотты Дейке, «Некромант» Фламенберга и «Ужасные тайны» маркиза Гросса, — ко всем из них он написал ценные вступления.

Однако Саммерс более известен как автор и издатель серии произведений по истории колдовства, черной магии и тому подобной тематике, начав с «Истории колдовства и демонологии» (1926), «Географии черной магии» (1927) и «Вампира и иже с ним» (1928). Все эти произведения были недавно переизданы издательством «Юниверсити букс» под редакцией господина Феликса Морроу. Саммерс был переводчиком и редактором первого и единственного английского издания самого крупного классического произведения по колдовству *Malleus Maleficarum* Спенджера и Крамера (Лион, 1484). Он был автором переводов на английский язык книг Синистрари «Демонизм» и «Признания Мадлен Бавен, одержимой бесами монахини из Лувьера», которые стали предметом судебных разбирательств, закончившихся осуждением книг как непристойных с конфискацией всех оставшихся непроданных экземпляров. (Конец 20-х — начало 30-х гг. XX в. в Британии было временем таких дурацких судебных процессов, когда ряд ценных произведений — и среди них такой прекрасный роман, как «Колодец одиночества», — был запрещен невежественными судебными чиновниками.)

Монтегю Саммерс умер внезапно 10 августа 1948 г., и его дела пришли в

совершенный беспорядок ввиду вскоре последовавшей смерти его секретаря и наследника Гектора Стюарта-Форбса, который был единственным человеком, кто мог бы предоставить необходимый материал для написания биографии этого замечательного человека. К сожалению, все личные бумаги Саммерса и его литературные труды исчезли, за исключением рукописи его неопубликованной автобиографии под названием «Китайские тени», которую мне посчастливилось отыскать и которая в настоящее время находится у меня. Эта книга сейчас готовится к печати, и она охватывает только карьеру Саммерса-литератора и театрального деятеля. Вторая ее часть, которая находилась у него в проекте и должна была описывать его карьеру священнослужителя и его изыскания в области оккультизма, так никогда и не была написана. Но за несколько лет мне удалось собрать сведения, касающиеся всех аспектов жизни Монтегю Саммерса, и в настоящее время они готовятся к публикации как отдельная книга мемуаров друга Саммерса господина Жозефа Жерома.

Саммерс был загадкой и при жизни. Его друзья помнят его добрейшим и милейшим человеком, обладавшим даром гостеприимства. Но есть и другие, которые утверждают, что он был «мрачным». В мемуарах и биографиях того времени можно найти сотню забавных и слегка скандальных анекдотов о нем. Но в некоторых кругах к нему относились с боязливой тревогой — и не только потому, что у него был потрясающий дар находить уничтожающие остроумные ответы и он не мог снисходительно относиться к людской глупости. Ходили слухи, что он был не просто историком, изучавшим черную магию, которую он описывал с таким знанием дела и удовольствием. Кажется вероятным, что в его юности имели место некие известные лишь ему одному и немногим другим людям события, о которых лучше забыть. Вполне возможно, что предостережения, которые звучали в его книгах, об опасности занятий черной магией основывались на каких-то его собственных давних экспериментах. Он публично выступал в защиту повторного введения смертной казни за занятия колдовством — и, несомненно, он делал это искренне. Если некоторые считали его кем-то вроде церковного доктора Фауста, то другие видели в нем современного Мэтью Хопкинса, и его иногда называли «искателем ведьм», что сильно его забавляло.

Также строились — и строятся по сей день — предположения относительно происхождения святых орденов, членом которых был Саммерс. Ведь он носил платье священнослужителя древнего и удивительного покроя и был очень педантичен при чтении католического требника. Но его имя не фигурирует в списках священнослужителей ни Римско-католической, ни англиканской церкви, и он, по-видимому, не имел церковной должности, хотя у него была личная часовня, в которой он служил мессу при каждой смене своего местожительства. Если Саммерс сам давал понять, что он католический священник, то чаще его считали приходским священником, лишенным духовного сана. Это утверждение не соответствовало истине, но оно забавляло Саммерса, и он не прилагал усилий к тому, чтобы его опровергнуть.

Однако известно следующее. Саммерс, бывший выпускником оксфордского

Тринити-колледжа, получил духовный сан англиканской церкви в 1908 г. Одно это давало ему бесспорное право называться «преподобным», что часто ставилось под сомнение. Но в 1909 г. Саммерс покинул англиканскую церковь и начал готовиться к получению сана священника Римско-католической церкви в богословской семинарии неподалеку от Лондона. Видимо, он продолжил свою учебу в Европе (возможно, в Лёвене, Бельгия, иногда этот город называют по-французски Лувен). Он был рукоположен по канонам Римско-католической церкви, но, когда встал вопрос о принятии им духовного сана, вышестоящие духовные лица в Англии вынесли неблагоприятное для него решение. Разумеется, причины для вынесения решения такого рода обычно остаются известными только властям и человеку, которого оно касается. Это может объясняться не более чем временной неспособностью со стороны кандидата исполнять обязанности священника. Личность Саммерса и некоторые его интересы были достаточно необычны, чтобы стали понятны колебания епископа, который затем отказался посвятить его в духовный сан.

Но Саммерс, видимо, все же получил духовное звание несколько позже, либо — как он давал понять — от католического епископа в Италии, либо от какого-нибудь *episcopus vagans* («старого католика» или от кого-то вроде него), рукоположение от которого было бы признано правомерным, хотя и незаконным в Риме. Молодому человеку, который обычно служил мессу для Саммерса в его личной часовне в Ричмонде в 1927 г., однажды была показана, как явствует из описания, подлинная аттестация о рукоположении, подписанная итальянским епископом. Но так как все личные бумаги Саммерса потеряны, маловероятно, что этот документ когда-нибудь найдется. Тот факт, что Саммерс никогда не представлял свою аттестацию ни одному английскому католическому епископу, говорит о вероятности того, что его рукоположение было получено каким-то образом тайно и формально незаконно. Однако оно тем не менее делало Саммерса священником; но каждое исполнение им его обязанностей (функций) было вызовом церковным порядкам и подвергало его осуждению и наказанию со стороны церковного закона.

В своем предисловии к новому изданию «Истории колдовства и демонологии» Саммерса Феликс Морроу пишет: «Думаю, большинство объективных людей, изучающих эту тему, согласится со мной в том, что эта притягательная и иногда ужасающая книга была написана серьезным и талантливым священником, который твердо и последовательно придерживался идеи неразделимой связи, существующей между сверхъестественным и колдовством. Вряд ли хоть один беспристрастный читатель этой книги не согласится с этим, но определенная доля сдержанности, наверное, необходима, и господин Морроу в предыдущем абзаце уже заставил нас насторожиться». Саммерс, по его словам, был римским католическим священником, «но тон и настрой его книги, а также некоторые его взгляды... едва ли согласуются с определенными официальными или полуофициальными высказываниями католической церкви». Саммерс обладал очень глубокими знаниями и был, несомненно, католическим священником, по крайней мере в том смысле, что обладал

священными знаками отличия, которые католики признавали имеющими силу. Но он ни в каком смысле не имел разрешения и полномочий совершать богослужения от имени Римско-католической церкви. С точки зрения церкви он действовал без разрешения на свой страх и риск и не отвечал ни перед кем, кроме самого себя, не признанный ни одним епископом, не имеющий прихода или какой-нибудь выгодной должности. Поэтому к любому заявлению, которое мог сделать Саммерс о том, что его мнение по какому-либо вопросу является настоящей точкой зрения католической церкви в противоположность тому, что предлагают другие католические авторы, требуется относиться с величайшей осторожностью.

Все книги Монтегю Саммерса по черной магии и смежным темам явно написаны со строго традиционной католической точки зрения, и поэтому естественно, что их иногда принимают за выражение мнения церкви по этому предмету. Но люди, знакомые с церковным правом, поймут, что отсутствие какого-либо разрешения отчетливо указывает на то, что абсолютную ортодоксальность этих трудов нельзя считать доказанной.^[1] Нельзя сказать, что в книгах Саммерса можно найти что-то действительно необычное. Напротив, он был хорошим богословом и ярым католиком. Но временами, когда речь заходит о спорных вопросах, складывается впечатление, что его точка зрения является единственной, которой может придерживаться католик. Однако церковь не претендует на то, чтобы давать готовый ответ на любой вопрос, который может возникнуть. Ее заботой является сохранность вверенной ей веры, но пространство, в пределах которого по широкому кругу вопросов католики совершенно свободно могут выбирать различные точки зрения, гораздо больше, чем принято считать. Поэтому взгляды, которых придерживаются католики по вопросам, выходящим за строгие рамки веры, часто расходятся, а то, что в какой-то период является среди католиков мнением большинства по тому или иному вопросу, может уже не быть таковым спустя какое-то время. Взгляды Саммерса на черную магию, безусловно, отражали мнение большинства католиков в XV в.; в наши дни все обстоит иначе. Похожие сдвиги акцентов можно увидеть в развитии, например, католической идеи эволюции, социализма, библейской критики и множества других тем. Так, в то время, когда колдовство в настоящее время, как и раньше, строго запрещено церковью, католик волен придерживаться каких угодно взглядов на объяснение случаев колдовства и их происхождение. Точно так же церковь запрещает католикам участвовать в спиритических сеансах, но не выносит никакого решения относительно *природы* этих явлений.

Не может быть никаких сомнений в глубоких знаниях и авторитете Саммерса в этой области. Видимо, его ошибкой было считать общепринятые взгляды на черную магию в эпоху Средневековья и ближайшего к нему периода постсредневековья мнением всех католиков, а не точкой зрения, которой придерживались очень многие — и часто знаменитые — католики, церковники и миряне на протяжении длительного времени. Как следствие, он предоставлял булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*

(«Всеми силами души») полномочия, выходящие за рамки тех, на которые согласился бы любой современный богослов; и из-за этого папского одобрения авторов-доминиканцев, написавших *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм»), он был склонен считать эту пророческую книгу такой же авторитетной, что и папскую буллу.

Саммерсу особенно не нравился осторожный и критический подход его современника-иезуита отца Герберта Терстона, тоже известного исследователя и регистратора паранормальных явлений. Терстон был очень осторожным и внимательным исследователем. Если его мнение об оккультных явлениях было скорее скептическим, то его методы были, по крайней мере, созвучны традиционной осмотрительности церковных иерархов и богословов при рассмотрении таких вопросов. Нежелание теологов допускать вмешательство сверхъестественных сил до тех пор, пока все другие возможные объяснения паранормальных явлений не будут исключены, всегда являло собой живой контраст готовности простых верующих увидеть знамения и чудеса божественного или дьявольского происхождения. (Позиция церковных властей в Ла-Салете в 1847 г. и Лурде в 1858 г. является тому прекрасной иллюстрацией.)

Монтегю Саммерсу нравилось считать себя «осторожным и обстоятельным исследователем», как он где-то называет себя; но это не всегда так. И не то чтобы ему не хватало критического подхода или ему не были известны традиционные правила «испытания духов». Но увлеченность своим собственным взглядом на вещи иногда мешала ему судить здраво, а склонность принимать то, что говорил какой-нибудь Боге, Реми или Дельрио, и пропускать то, что говорил Терстон или Улисс Шевалье,^[2] делает его временами ненадежным консультантом. Но когда все уже сказано и сделано, книги Саммерса по черной магии представляют собой необыкновенный и уникальный клад информации и критических замечаний образованного человека. Я с воодушевлением приветствую их повторное издание.

Говоря о книге «Вампиры в Европе» и ее предшественнице «Вампиры и иже с ними», следует заметить, что они поистине составляют единое целое и могут рассматриваться вместе. И хотя уже прошли времена общества «Феникс», а Саммерс имел прочное положение писателя и смог оставить свою работу школьного учителя, которой он занимался с 1912 по 1926 г., его издатели начали оказывать на него сильное давление в то время, когда появились две его книги о вампирах. Его «История колдовства» (1926) имела такой успех, что издатели захотели еще и еще. В 1928 г. Саммерс повторно издал книгу «Открытие ведьм» Мэтью Хопкинса, в которой было помещено одно из его лучших предисловий. И в том же году появилась его книга «Молоточек», а вслед за ней в 1929 г. «Испытание ведьм» Боге и *Compendium Maleficarum* Гуаццо. В 1927 г. вышло его великолепное издание, содержащее предисловие на более чем двести страниц, «Полное собрание сочинений Томаса Шэдвелла», а в 1928 г. — новое издание книги Джона Даунса *Roscius Anglicanus*. Поэтому можно понять, почему книги о вампирах кажутся написанными чуть более небрежно, чем «История и география черной магии».

Граница между текстом и примечаниями не всегда отчетливо видна, что, вероятно, доставляет неудобство читателю. Но автор переносит нас от одного ужаса к другому самой силой своего яркого и сильно заряженного прозаического стиля, начиная с первой фразы из «Вампиров»: «Во всем огромном мрачном (призрачном) мире духов и демонов нет ни одного существа столь же ужасного, внушающего такой же трепет и отвращение, и одновременно столь же страшно притягательного, как вампир, который сам не является ни духом, ни демоном, а тем, кто пользуется темными силами и обладает таинственными и ужасными качествами обоих».

Саммерс, разумеется, всему этому верит; но кто-то, вероятно, может предпочесть его легковёрность ожесточенному скептицизму издателей книги Г. С. Ли «Материалы по Истории черной магии» (Нью-Йорк: Томас Йозелофф, 1957), который, по-видимому, нашел произведения Саммерса слишком надуманными. О скептиках Саммерс пишет в своем предисловии к книге «Вампиры в Европе». Свою позицию он четко обрисовывает в одной из своих последних работ, которую он написал для публикации:^[3] «В архивных документах о колдовстве, или магии, или чародействе, когда я изучал их в Европе, Испании и России, Англии и Италии, я сталкивался не раз и не два, а буквально постоянно с теми же самыми поверьями, необычайными происшествиями, необъясненными и (насколько это известно) непостижимыми». Если бы научные открытия, особенно, наверное, в области психологии, пролили свет на некоторые из этих давних явлений, они не стали бы от этого менее ужасными, а способность церкви изгонять нечистую силу не стала бы менее эффективной. Как пишет Саммерс: «Тщательные исследования физических явлений, которые за последние годы были столь плодотворными, и даже современные научные открытия доказали истинность многих древних документов и давних суеверий». Самыми первыми в ряду таких отмеченных явлений стоят явления вампиризма и смены облика (оборотни).

Легенды об оборотнях и вампирах тесно связаны. Например, в сказаниях славянских народов существует поверье, что человек, бывший оборотнем при жизни, станет вампиром после своей смерти. Представления о вампирах, как известно, особенно сильны в славянских странах, так что место действия известного рассказа Брема Стокера «Дракула» очень кстати находится в Трансильвании (Трансильвания, ныне в Румынии, в прошлом, до завоевания венграми в конце IX–XI в., была в значительной мере славянизирована, а еще раньше, в начале нашей эры, входила в состав Дакии, завоеванной римским императором Траяном; даки — племена фракийского происхождения, позже романизированные, затем частично славянизированные. — *Ред.*). Но схожие верования можно найти и в Азии, и им Саммерс посвящает одну главу в первой из своих двух книг о вампирах. В книге «Вампиры в Европе» он упоминает о двух случаях в Америке, но лишь мимоходом. К сожалению, Америка не входила в поле его исследований.

Но как бы сильно Саммерсу ни нравился современный скептический подход отца Терстона и других исследователей, он совершенно

беспристрастен, когда записывает мнения, отличающиеся от его собственного. Так, он уведомляет своих читателей, что архиепископ XVIII в. Даванцати, автор редкой книги *Dissertazione sopra i Vampiri*, утверждал, что «появление вампиров не что иное, как фантазия». В Западной Европе предания о вампирах стали широко известны не ранее конца XVII в. Трактат Даванцати был опубликован в Неаполе в 1744 г.; «Трактат о явлениях духов и вампиров», написанный Домом Кальме, появился около века спустя. В Англии знания о вампирах получили широкое распространение благодаря таким художественным произведениям, как «Вампир Варни» Томаса Пескета Преста (Лондон, 1847) и «Дракула» Брема Стокера. Но еще до XVI в. в Западной Европе происходит много отдельных случаев вампиризма или схожих с ним явлений. Саммерс упоминает первые такие происшествия в Англии, которые были зафиксированы в XII в. Уильямом из Ньюбурга в *Historia Regum Anglicarum* и Уолтером Мэпом в *De Nugicis Curialium*. Как он пишет, «некоторые аспекты колдовства имеют много общего с преданиями о вампирах, особенно осуществление той пагубной силы, посредством которой ведьма заставляла своих врагов хиреть, слабеть и чахнуть, иссушая их, как сено». Случаи вампиризма в Англии в наши дни редки; но те, кто считает, что это давно в прошлом, могут оценить слова покойного почтенного Ральфа Ширли (двоюродного брата Джона Каупера, авторитета во многих вопросах оккультизма). «Поистине, можно сомневаться, — пишет он, — несмотря на отсутствие каких-либо письменных свидетельств, совершенно ли отсутствует вампиризм в той или иной форме в современной цивилизации, как это принято считать. Разумеется, такие вещи не попадают в газеты, и, очевидно, обычный медик отметит случаи такого рода как чистую галлюцинацию». Со страниц этой книги мы узнаем, что изыскания Саммерса не были просто вопросом библиотечных знаний, а включали в себя непосредственное расследование и расспросы в тех местах, где вера в вампиров и вампиризм была по-прежнему распространена. Из главы «Современная Греция» мы узнаем, что Саммерс был в Греции в течение 1906–1907 гг., когда он посетил Крит и остров Санторини (Тира), самый южный (из крупных) остров Киклад (архипелаг на юге Эгейского моря, территория Греции. — *Пер.*). Этот его визит был не первым. Еще в 1895 г. он услышал устные предания о вампирах в Мандудионе на Эвбее (греческий остров в Эгейском море — у юго-восточного побережья Греции. — *Пер.*), а также в Коккинимилии, «крошечной деревушке, до которой можно добраться на муле».

Возможно, критику, которой Саммерс подверг книгу Джорджа Лаймана Китреджа «Колдовство в Старой и Новой Англии», можно с некоторой долей истины применить и к его собственным книгам о вампирах и оборотнях, сказав, что они представляют собой ряд не связанных между собой рассказов, а объединяет их тот факт, что они все имеют отношение к одной и той же теме. Вычурный стиль Саммерса — очень возвышенный в лучшем случае — и его любимый прием вставлять время от времени какое-нибудь архаичное слово или выражение очень подходят к этим сокровенным темам, которые он раскрывает. В немалой степени притягательность этих необычных книг

сокрыта в случайном ключе к разгадке, который обнаружит внимательный читатель, и с его помощью случайный луч света прольется на необычную жизнь и личность их автора. Его изыскания, без сомнения, были упорными, его память — поразительной, а его проза — глубокой и звучной.

На протяжении 1927 г. удивительную и мрачную фигуру преподобного Монтегю Саммерса в черной сутане, плаще, башмаках с пряжками а-ля Людовик XIV и шляпе с загнутыми по бокам полями часто можно было увидеть входящей или выходящей из читального зала Британского музея с большой черной папкой в руках, на белой наклейке которой сбоку кроваво-красными прописными буквами было написано «ВАМПИРЫ». Это было просто частью особого стиля Саммерса и его чувства юмора — тех качеств, которые делали его таким превосходным затейником и рассказчиком. Некоторые люди, судя только по этим характеристикам, полагали, что он не хотел, чтобы его изыскания в области черной магии и демонологии воспринимали всерьез. Никакого длительного знакомства с ним не было бы достаточно, чтобы показать им, что они ошибаются. Вот как Саммерс пишет в изданном после его смерти предисловии к новому изданию книги Ричарда Бове «Пандемониум» (1684): «Культ зла, как бы он ни отличался в незначительных деталях в разных странах и в разные времена, везде одинаков; и во все времена он был одинаковым, как и сейчас. Авторитет таких писателей, как Крамер и Спренджер, епископ Бинсфилд, Боден, Дельрио, Гуаццо, Лоренцо Ананья, Де Ланкре — если называть лишь некоторые имена, — следует отстаивать везде».

Монастырь Эйлсфорд близ Мейдстона, Кент, Англия

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В предыдущем исследовании под названием «Вампир и иже с ним» я предпринял попытку проследить мрачные предания о вампирах до их истоков, пока они не затеряются в веках далекой древности, потому что эти поразительные и распространенные во всем мире верования существовали еще у первобытных людей. Они играли особенно важную роль в повседневной жизни и обычаях как семьи, так и всего самого дикого туземного племени из самых отдаленных уголков — особенно в погребальных ритуалах. Благодаря, как я думаю, правде, лежащей в их основе, какой бы преувеличенной она ни была по своему выражению и способу передачи и которая, по сути, наполняет предания о вампирах, легенда о них не умерла. Пока человек шел по пути цивилизации, она продолжала существовать, теряя многое из того, что было в ней чудовищного, но сохраняя весь ужас, так как ужас был частью правды.

Я также пытался найти какое-нибудь толкование характерным чертам и действиям вампиров и сформулировать какую-нибудь гипотезу, которая могла бы объяснить эти жуткие явления. В таком трудном и запутанном деле было бы поистине опасно отважиться утверждать, что мои предположения охватывают больше чем несколько хорошо известных и достоверно изложенных случаев вампиризма. Тем не менее я с огромным удовлетворением узнал, что многие серьезные ученые, глубоко изучающие оккультизм, почти полностью согласны с моими утверждениями. И я осмеливаюсь думать, что, возможно, я, по крайней мере, привел какое-то более ясное и подробное разъяснение.

Человеку недалекому, псевдоученому и материалисту, эти таинственные и непостижимые вещи должны, вероятно, казаться старушечьими сказками.

И хотя, безусловно, при записи преданий о вампирах было необходимо, чтобы были приведены различные примеры и случаи вампиризма, они в значительной степени иллюстрировали какой-то отдельный момент и были в некотором смысле случайными. Настоящая книга, которую можно счесть неким дополнением к предыдущей, содержит ряд рассказов о случаях вампиризма в европейских странах. Разумеется, не все эти истории имеют одну и ту же доказательную ценность. Нельзя было пренебречь историями, рассказанными крестьянами, и случайным фольклором. И мы снова встаем перед фактом, что тот или иной случай вампиризма не теряет, а очень быстро и уверенно выигрывает от пересказа. И тогда необходимо различать такие случаи и делать скидку на приукрашивание. И хотя я не изменил ни один текст, я взял за образец правило чрезвычайно критического, строгого и рассудительного летописца Жана Мабильона, которое состояло в том, чтобы записывать «несомненные факты как бесспорные, ложь — как фальшь, а недостоверные вещи — как сомнительные».

Только самые предвзятые люди будут отрицать, что большое число случаев вампиризма должно считать несомненными фактами.

Даже во многих других рассказах, которые невозможно передать в подробностях, кажется, не вызывает сомнения то, что основные факты —

правда, тогда как второстепенные оказались приукрашенными ради красного словца. Такова история о вампире из Кроглин-Грейндж. Господин Чарлз Г. Харпер, который изучал эту местность, уверяет меня, что господин Огастес Хэр был, несомненно, щедр на краски. На самом деле не существует местности под названием Кроглин-Грейндж. Есть Кроглин-Хай-Холл и Лоу-Холл, и последнее название, вероятно, является тем самым местом. Господин Харпер указывает: «Это местечко находится на расстоянии по крайней мере одной мили от церкви, которая была перестроена. На церковном дворе нет никакого надгробия, которое можно было бы благодаря полету фантазии отождествить с тем, что описал господин Хэр». Эти расхождения, конечно, не свидетельствуют против правдивости истории, но следует помнить, что рассказчик, который так смешивает фантазию с фактами ради произведения впечатления, берет на себя большую ответственность. Он открывает путь скептицизму, который будет использован как во благо, так и во зло. Если история рассказывается для того, чтобы вызвать содрогание и нервную дрожь, — хорошо, пусть красной краской будет густой слой. Но пишите заглавие без двусмысленности: за ним последует стародавняя необыкновенная история.

О случаях вампиризма можно сказать, что в наши дни они редкие оккультные феномены. И тем не менее я далеко не уверен в том, что можно обоснованно говорить о том, что сейчас они менее часты, нежели в прошлые века. Ясно одно: дело не в том, что они не происходят, а в том, что их тщательно замалчивают и утаивают. В поле моего зрения попал не один такой случай. В «Оккультном ревю» за январь 1929 г. капитан Дж. А. Хоуп под заглавием «Непреодолимая преграда» рассказывает ужасную историю о вампире. Есть даже вампиры-животные. Все знают про вампиров — летучих мышей. И вскоре после этого газеты опубликовали краткий рассказ о вампире-волке (как предполагают), который по ночам пил кровь овец и даже крупного рогатого скота.

Госпожа Хейес сообщила мне о своей встрече с вампиром, которая произошла с ней десять лет назад. К счастью, в этом случае она не пострадала, возможно, потому, что эта злая сила (хотя и опасная по своему намерению) была старовата и немощна, и у нее не было достаточного запаса той новой энергии, которой она жаждала, чтобы более эффективно, активно и злобно заявить о себе.

Случилось так, что в июне 1918 г. госпожа Хейес снимала небольшой дом в Пенли, на юге графства Девон, неподалеку от Дартмута. Она пишет: «Со мной жила подруга, а так мы были там совершенно одни. Однажды утром мы нашли на паркетном полу в гостиной один-единственный грязный след раздвоенного копыта. Дом и окна в нем были очень малы, так что животное не могло проникнуть внутрь. Точно так же было невозможно, чтобы оно оставило один-единственный след. Мы везде искали второй отпечаток копыта, но безуспешно. На протяжении нескольких ночей у меня было весьма неприятное и пугающее чувство присутствия невидимого, но абсолютно реального существа. Мне не было покоя, пока я не развесила по всему дому

чеснок, который выступил в роли амулета. Я прибегла к нему как к последнему средству».

В своей недавно вышедшей книге «Странные происшествия» капитан Гуд написал о «следах дьявола», которые время от времени появлялись на юге Девона. И вполне можно подумать, что призрак в Пенли был вызван дьявольской силой, энергия которой продолжает существовать, и что когда-то ранее сатанисты проживали или собирались в этом месте и проводили свои сатанинские обряды. Но очищение дома при помощи чеснока безошибочно указывает на то, что этот ужас имел определенное вампирическое происхождение. У меня нет сомнений в том, что существует много мест, которые точно так же кишат темными силами, и что время от времени вампир в большей или меньшей степени проявляет себя. Однако точная природа этих проявлений не выявлена, а эти случаи не зафиксированы.

Мне остается только поблагодарить за несколько содержательных предложений и поощрить за горячий интерес тех друзей, которых я упомянул в своем предисловии к книге «Вампир и иже с ним». Я искренне благодарен многим людям, изучающим тайные силы, и великодушным корреспондентам, чьи наилучшие пожелания я высоко ценю и которые к тому же прилагали большие усилия к тому, чтобы предоставить мне ценный и незаурядный материал из своего собственного жизненного опыта.

Благодаря любезному согласию месье Джорджа Бриффо в книгу включена «Веселая черная месса» месье Фернана Хертенбергера. Она была написана для издания La-Bas, опубликованного в сборнике «Книга библиофила» в Париже в 1926 г.

Выражаю свою особую признательность господину Чарлзу Г. Харперу за разрешение воспроизвести в качестве иллюстрации его рисунок Кроглин-Лоу-Холла, который впервые появился в его известном произведении «Дом с привидениями».

Глава 1

ВАМПИРЫ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ

И хотя можно сказать, что, строго говоря, у греческих и римских авторов нет — возможно, лишь за одним исключением — легенд о вампирах или ссылок на них, согласно самому точному определению этого слова, данному в таких традиционных источниках, как «Международный словарь» Вебстера (Уэбстера) и «Столетний словарь» Уитни, тем не менее часто встречаются туманные упоминания о схожих между собой суевериях, эзотерических обрядах и церемониях, которые, безусловно, доказывают, что вампиризм не был неизвестен в Италии и Греции в древние времена. Вебстер так объясняет слово «вампир»: «Кровососущий призрак ожившего тела умершего человека; душа воскресшего тела умершего человека, которая вышла из могилы и бродит по ночам, сосая кровь спящих людей, что приводит к их смерти». Уитни называет вампиром «некое призрачное тело, которое, согласно суевериям, существующим у славян и других народов на землях в нижнем течении Дуная, покидает могилу ночью и поддерживает видимость жизни, сосая теплую кровь живых мужчин и женщин, пока они спят. Вампирами становятся умершие колдуны, оборотни, еретики и другие изгои, а также незаконнорожденные отпрыски родителей, которые сами являются незаконнорожденными, а также все те, кого убил вампир».

В верованиях греков и римлян существовали некие страшные и опасные злые духи и сосущие кровь призраки, но особым признаком вампира, согласно славянским преданиям, является оживление мертвого тела, которое наделяется некими мистическими свойствами, такими как неуловимость и временная неразрушимость. В Древнем мире вампиризм был тесно связан с черной магией, и среди приближенных Гекаты, царицы мира призраков (Геката в греческой мифологии первоначально богиня луны, суда и искупления; с V в. до н. э. превращается в покровительницу зла, колдовства, душ умерших. — *Ред.*), мы находим безобразных и ужасных гоблинов, которых называли *εποπιγες*, бесшумных ночных наблюдателей, которые, возможно, имели что-то общее с ужасными «ночными прачками» из бретонской легенды, самыми жестокими, кровожадными и коварными вурдалаками. У Ликофрона есть упоминание о том, что слово *εποπιγες* также, по-видимому, означало «спутники» и упоминание о зловещем человеке, в обществе которого они нуждались для сопровождения. Утром и вечером, ночной порой и в ясный полдень призрачная тень всегда была при нем. Время от времени в его ушах отдавался эхом слабый звук шагов. Это присутствие, то незаметное, то ужасающе осязаемое, чувствовалось всегда до тех пор, пока несчастный человек, доведенный до безумия и отчаяния, рано не сходил в могилу.

Другим слугой Гекаты был Мормо, который, будучи изначально омерзительным и опасным какодемоном, превратился в буку, которым пугают маленьких детей. Но самыми мрачными и жестокими изо всей этой свиты были эмпусы, злобные и вредные существа, во многих отношениях странным

образом родственные вампиру. Такой отвратительный призрак, который имел обыкновение появляться с головокружительной быстротой в тысяче мерзких обликов, упоминается Аристофаном в «Лягушках» в диалоге между Дионисом и Ксантием, когда они переплывали озеро Акеруса.

А в Ecclesiazusae есть следующий диалог, написанный в 1054–1057 гг.:

«Вторая ведьма. Поди сюда.

Юноша (девушке). Любимая моя, не будь безучастна, смотри: это существо тащит меня!

Вторая ведьма. Это не я, это Закон тащит тебя.

Юноша. Это гнусный вампир в кровавом облачении злится и мучит меня».

Следует отметить, что в этом переводе Бикли Роджерса слово «эмпуса» (в греческом оригинале) на самом деле переводится как «вампир». Возможно, это ближайший по значению эквивалент, хотя всегда следует помнить о том, что вампир — это умерший человек, который на самом деле не умер, а благодаря неким обстоятельствам способен вести ужасную жизнь в облике трупа. Эмпуса был демоном, то есть злым духом, который мог принимать телесный облик, видимый и осязаемый, но который тем не менее не был человеческой плотью и кровью.

Более всего известен и достоверен случай, связанный с эмпусой, который приводит Филострат в «Жизни Аполлония из Тианы» (кн. 4, гл. 25). Обсуждая учеников великого философа, его биограф рассказывает нам:

«Среди них был Менипп, двадцатипятилетний ликиец, наделенный рассудительностью и таким великолепно пропорциональным телосложением, что внешне он напоминал прекрасного атлета. Многие считали, что этого Мениппа любит красивая и изящная чужестранка; говорили, что она богата. Хотя, как оказалось, все это была лишь видимость. Когда однажды он один шел по дороге в Кенхреи (гавань восточнее Коринфа. — *Пер.*), он встретил женщину-призрак, которая схватила его за руку и заявила, что она давно уже любит его, что она финикийка и живет в окрестностях Коринфа. Она назвала конкретную местность и сказала: „Когда сегодня вечером ты дойдешь до этого места, ты услышишь мой голос, я буду петь. Ты выпьешь вина, которого не пил никогда в своей жизни, и никто тебя не побеспокоит. И мы, два таких прекрасных создания, будем жить вместе“. Юноша согласился на это, так как, хотя он вообще-то и был рьяным философом, он поддался нежной страсти и пришел к ней вечером и в дальнейшем всегда искал ее общества, как своей любимой, потому что еще не понял, что она была просто призраком.

Тогда Аполлоний оглядел Мениппа взглядом скульптора и сделал с него набросок; оглядев его и заметив недостатки, он сказал: „Ты красивый юноша, и за тобой бегают красивые женщины, но в этом случае ты любишь змею, и змея любит тебя“. А когда Менипп выразил удивление, он добавил: „Ведь эта женщина из тех, на которых нельзя жениться. Зачем тебе это? Ты думаешь, что она любит тебя?“ — „Да, —

ответил юноша, — потому что она ведет себя так, будто любит меня". — „И ты женишься на ней?“ — спросил Аполлоний. „Ну да, ведь так прекрасно жениться на женщине, которая любит тебя". Тогда Аполлоний спросил, когда состоится свадьба. „Наверное, завтра, — сказал юноша, — так как дело не терпит отлагательства". Аполлоний подождал, когда настал час завтрака в день свадьбы, и, появившись перед только что прибывшими гостями, сказал: „Где же эта изящная девушка, по чьей просьбе вы пришли?" — „Вот она", — ответил Менипп и, краснея, приподнялся со своего места. „А кому из вас принадлежит золото и серебро и все остальные украшения праздничного зала?" — „Ей, — ответил юноша, — потому что мое здесь только это" — и указал на плащ философа, который был на нем надет.

И Аполлоний сказал: „Вы слышали о садах Тантала, которые и существуют, и нет?" — „Да, — ответили все. — В стихах Гомера, ведь мы никогда не спускались в Гадес". — „И таковыми вы должны считать эти украшения, так как это не реальность, а видимость реальности. Пойми правдивость моих слов: твоя прекрасная невеста — вампир, то есть одно из тех существ, которых многие считают чудовищами. Эти существа влюбляются и преданы радостям Афродиты, но особенно они любят плоть человеческих существ. Они с таким удовольствием заманивают в ловушку тех, кого они хотят сожрать на своих пиршествах". Девушка сказала: „Прекрати свои зловещие речи и уходи". Она сделала вид, что возмущена услышанным, и, несомненно, собиралась побранить философов и сказать, что они всегда городят чепуху. Но когда золотые кубки и серебро оказались легкими, как воздух, задрожали и исчезли из вида (а разносчики вина, повара и слуги пропали еще до упреков Аполлония), женщина-призрак притворилась, что плачет, и стала умолять его не мучить ее и не заставлять ее признаваться в том, кем она была на самом деле. Но Аполлоний настаивал на своем и не отпускал ее, и тогда она призналась, что она вампир и откармливала Мениппа, прежде чем пожрать его тело, так как она обычно питалась молодыми и красивыми телами, потому что в них течет чистая и сильная кровь. Я так подробно все излагал, потому что было необходимо рассказать эту широко известную историю об Аполлонии. Ведь многие люди знают ее и знают также, что этот случай произошел в центре Эллады. Но они слышали только в общих чертах, что он однажды поймал и победил в Коринфе женщину-вампира, и никогда не слышали ни о том, что она собиралась сделать, ни о том, что Аполлоний сделал это, чтобы спасти Мениппа. Но своим рассказом я обязан Дамису и написанному им произведению».

Эта знаменитая легенда, разумеется, хорошо известна английским читателям из лучшей поэмы Китса «Ламия». В ней он бессознательно или намеренно добавил один-два штриха вампиризма, которых нет в оригинале. Например, когда женщина-вампир в первый раз видит «молодого Ликия из

Коринфа», она «теряет голову от любви к нему», что очень сильно напоминает транс, в который впадает жертва вампира. Когда она собирается уйти:

Еще мгновенье — с ней бы унеслись
Любви необоримой упованья,
Но он поник без чувств от горького терзанья.
Жестокая, все так же холодна
(Хотя бы тень раскаянья видна
Была в глазах, сверкнувших пылом страсти),
Устами, вновь рожденными для счастья,
В его уста жизнь новую влила —
Ту, что искусно сетью оплела.

Поэма заканчивается так:

«Змея!» — воскликнул громко... в этот миг
Послышался сердца пронзивший крик —
И ламия исчезла... Упоенье
Ушло от Ликия, и в то ж мгновенье
Угасла жизнь... Друзьями окружен,
Простерт на ложе без движенья он:
И обернули тело в свадебный хитон.^[4]

Возможно, эти предположения совершенно случайны, но нужно признать, что они, по крайней мере, просто поразительны.

К концу III в., когда язычество отчаянно боролось с христианством и предвидело свое поражение, приверженцы старого языческого мира в поиске какой-нибудь выдающейся фигуры, которую они могли бы выдвинуть в качестве соперника Христу, в отчаянии решили сделать им Аполлония, в честь которого, как и в честь многих других богов, возводили храмы и молельни в различных частях Малой Азии, где с болезненной жадностью воспринимались новые объекты поклонения. Затем яростный гонитель христиан Иерокл, который был правителем Вифинии и Египта при императоре Диоклетиане, написал трактат «Любитель правды» («Филалет»). В нем он попытался показать, что философ из Тианы так же мудр и свят, так же способен совершать чудеса и изгонять бесов, как и мессия из Назарета. Разумеется, его труд был чрезвычайно оскорбительным, и с ответом на него выступили многие авторы, особенно Евсебий из Цезареи, «отец истории церкви», который на самом деле мог легко избавиться от своего соперника. Евсебий заявил, что способность Аполлония творить чудеса, вероятно, сильно преувеличена, а то, чего он все-таки достиг, было сделано благодаря черной магии. Существовало предположение — совершенно неоправданное, — что Филострат замышлял свое произведение «Жизнь Аполлония» как яростный протест против Евангелий. Ничто не могло быть дальше от правды, чем это, так как Евсебий особенно указывает на то, что, пока Иерокл издавал свой богохульный трактат, ни один языческий автор даже и не думал выдвигать Аполлония в

качестве ровни и соперника Иисусу Христу. Следует также помнить, что первые языческие полемисты богохульно восхваляли других философов в качестве соперников нашего Спасителя. А Лактанций сообщает нам, что было обычным делом, когда люди утверждали, что Аполлоний творил большие чудеса, нежели Христос. Он пишет: «Удивительно, что они забывают упомянуть Апулея (древнеримский писатель II в. н. э. — *Пер.*), о котором рассказывают самые изумительные истории». Быстро вспоминают, что святой Августин сказал о «Метаморфозах» («Золотой осел») Апулея: «Aut indicavit, aut finxit» (либо автор рассказывает подлинную историю, либо, возможно, это выдумка).

В отношении Мениппа и эмпусы Евсебий замечает: «Юноша был, несомненно, жертвой вселившегося в него злого духа. И он, и эмпуса, и ламия, которая, как говорят, проделывала безумные шутки с Мениппом, были, вероятно, изгнаны из него с помощью более могучего демона».

Любопытную легенду рассказывают о некоем Поликрите, которого Колен де Планси считал либо вампиром, либо великаном-людоедом. В Термоне, Этолия (область на западе Средней Греции. — *Пер.*), жил когда-то человек по имени Поликрит, которого люди из-за его справедливости и честности назначили правителем своей страны. Этот пост он занимал в течение трех лет, и все о нем были хорошего мнения. И приблизительно в конце этого срока он женился на женщине из Локриды (соседняя с Этолией область Древней Греции, ныне в составе префектур (номов) Этолия и Акарнания и, юго-восточнее, Фокида. — *Ред.*). На четвертую ночь после своего бракосочетания он внезапно умер. Его жена, которая от него понесла, в должный срок стала матерью гермафродита, после чего жрецы и авгуры предрекли, что это рождение двуполого человека предвещает кровопролитную войну между этолийцами и локридянами. И архонты решили, что и мать, и ее ребенок, принесший такое дурное предзнаменование, должны быть сожжены заживо и эта казнь — дабы предотвратить несчастье — должна состояться в пределах Этолии. Был приготовлен костер, но, как только его собрались поджечь, появился сам Поликрит, мертвенно-бледный и страшный, облаченный в длинное черное одеяние в пятнах крови. Все ринулись бежать, но призрак приказал им вернуться без боязни. Страшным голосом он предупредил их, что, если они сожгут его жену и ребенка, ничто не сможет предотвратить самое ужасное. Но, видя, что, несмотря на все увещевания, толпа, испытывавшая благоговейный страх перед своими прорицателями и чародеями, собирается убить ребенка на месте, Поликрит внезапно схватил ребенка, разорвал зубами на куски и начал глотать окровавленные куски мяса. Толпа разразилась ужасными воплями и стала кидать в призрак камни, но он не исчезал до тех пор, пока лишь голова ребенка осталась несожженной. Судьи и старейшины в ужасе громко закричали, что немедленно нужно послать посольство в священные Дельфы, чтобы узнать там значение этих знамений. Голова, однако, внезапно заговорила и напороочила самые страшные несчастья, которые вскоре исполнились. Позже голову выставили на столбе на рыночной площади. Спустя день или два, открыв глаза, сверкавшие яростью, она

хриплым голосом, исходившим из мертвенно-бледных губ, объявила, что в недавнем сражении армия этолийцев, которая вышла сражаться с грубыми и воинственными акарнанцами (Акарнания — область к западу от Этолии, ныне объединена с ней в составе нома Этолия и Акарнания), оказалась разбитой. Вскоре это подтвердилось.

В длинном списке призраков древности, приведенном Луи Лаватером в его трактате *De Spectris, Lemuribus et magnis atque insolitis Frigoribus*, есть такие:

«Маниои, по Фесту, — это ужасающе безобразные или отвратительные люди. Во многом такие же ларуои, которыми няньки пугают непослушных детей. Мормо — это существо женского пола омерзительного вида, ламия; иногда считают, что это то же самое, что и ларуои. Никифор в своей „Истории церкви“ пишет, что название *Gilo* давали призракам, которые бродили по ночам.

Древние авторы считали ламий женщинами, обладавшими ужасной способностью вынимать свои глаза, или разновидностью злых духов или призраков. Они появлялись под личиной очаровательных куртизанок, которые своими соблазнительными уловками завлекали розовощеких пухлых щеголей в свои объятия, а затем пожирали. Филострат в „Жизни Аполлония“ рассказывает нам необыкновенную легенду о Мениппе, который попал в когти ламии. Он также пишет, что ламий иногда называют ларуа, а лемуры часто известны как эмпусы; няньки пугают ими детей. Дион Хрисостом рассказывает, что в Центральной Африке есть некие свирепые звери, которых называют ламиями. Они имеют облик красивых женщин, а их груди так белы и прекрасны, что никакая кисть не смогла бы написать такие. Они умышленно показывают их, тем самым завлекая мужчин своей похотью и хитростью, а потом жестоко калечат и загрызают своих жертв. Как сказал пророк Иеремия в „Плаче“ (одна из книг Ветхого Завета, приписываемая пророку Иеремии, в которой описывается разрушение в 586 г. до н. э. Иерусалима вавилонянами. — *Пер.*), „даже ламии обнажили грудь“. Апулей пишет, что ламии — это просто пугало для непослушных детей.

Ламий также называют вампирами. Говорят, что вампиры — это птицы, предвещающие беду, которые сосут кровь детей, лежащих в колыбели. Этим именем также прозвали ведьм, которых Фест называет колдуньями (*uolaticae*). Имя Горгона просто придумано для того, чтобы пугать непослушных детей. Рассказывают, что горгоны были самыми ненасытными существами, очень похожими на ламий».

Павсаний сообщает, что в Коринфе дети Медеи после своей смерти будто бы начали убивать младенцев и что они прекратили терроризировать таким образом город только тогда, когда коринфяне выполнили предписание оракула, введя ежегодные жертвоприношения в их честь и поставив на их могиле скульптуру отвратительной женщины или ламии (Эвмениды. Изд. С. О. Мюллер. С. 141).

Эфиальты и гифиальты, инкубы и суккубы — это призраки, которые

появляются ночью, или бесы и чертенята. Авторы работ по медицине и медики говорят, что недомогание и болезнь вызывают такие галлюцинации. Эмпуса представляет собой привидение или призрак, который внезапно появляется, нападает на незадачливых людей и постоянно меняет свой облик. По большей части эмпуса появляется в полдень в слепящем свете солнца. Подробности можно найти у лексикографа Сьудаса.

Вера в то, что духи мертвых возвращаются, была так же широко распространена среди греков и римлян, создавших высокоразвитые цивилизации, как и у нас в наши дни и как во все времена по всему миру. К этому мы можем в полном смысле слова применить закон Винсента: «*Quod semper, quod ubique et ab omnibus*» («Что повсюду, что для всех и что всегда»). Жители Афин считали, что на великом празднике Антестерии души умерших возвращаются из Гадеса и бродят по городу. Месяц антестерион был восьмым в году афинян и соответствовал концу февраля и началу марта; и именно в это время призраки бродили повсюду. Можно сказать, что у афинян это было официальное время поминовения мертвых, большой День Всех Душ, и если — каковой является самая очевидная и естественная интерпретация этого названия — это слово означает Праздник цветов, то тогда это прекрасное представление о том, что усопший должен вернуться на землю вместе с раскрывающимся бутонем цветка, чтобы навестить свой дом, когда дух природы вновь возрождается к жизни со всем буйством красок, цветов и молодости. Этот праздник некоторым образом венчал людские надежды и обещал бессмертие, которое мы находим во всех религиях, в первый день Пасхи. Праздник Антестерии длился три дня, и, хотя его подробности и точные обряды неясны, не может быть сомнений в том, что в это время происходило некое церемониальное представление смерти и воскрешения Диониса. Это может показаться парадоксальным, но это был и праздник-пирушка с распитием вин, а не только праздник мертвых. Следует помнить, что в первобытные времена духи умерших считались не просто членами племени, а очень могущественными его членами. Если о них забывали просто потому, что они не имеют видимой оболочки, они могли очень сильно обидеться за такое пренебрежение, и, соответственно, их следовало умиловать приношениями еды и питья. Эти подношения иногда были постоянными, а иногда временными, так как по прошествии лет считалось, что духи умерших уже ушли очень далеко и навсегда и больше не связаны с племенем. Так что если они снова приходили из той далекой страны, то так долог был их путь, что они могли возвратиться только как младенцы, и их души не обладали памятью о предыдущем существовании.

И все-таки было большой ошибкой предполагать, что только страх внушал благоговение и заставлял заботиться об умерших. Любовь тоже играла свою роль, и во время праздника Антестерии следовало привечать усопших. Соответственно, им следовало накрывать на стол, на их тарелки накладывать мясо и деликатесы, а кубки заполнять до краев лучшим вином.

В большинстве стран Европы схожие верования относительно этого ежегодного возвращения мертвых находят свое выражение 2 ноября, и это

День Всех Душ. Если эта дата выпадает на воскресенье, День памяти всех умерших верующих переносится на следующий день, 3 ноября. Во времена раннего христианства имена умерших вносили в диптих (в данном случае: две воощенные дощечки для письма, соединенные петлями. — *Пер.*). В течение VI в. в бенедиктинских монастырях стало уже обычаем торжественно праздновать день памяти умерших членов каждой общины приблизительно в день Святой Троицы. В Испании во времена святой Исидоры Севильской (ок. 560–636 н. э.) такой день праздновали в субботу перед Шестидесятницей или, по крайней мере, в субботу не позднее Троицы. Уидукинд, аббат Корвейского монастыря (ок. 980 н. э.), повествует, что давно существовала очень почитаемая традиция публично молиться за мертвых 1 октября. И приблизительно в это же время, в 980 г. н. э., церковь одобрила и ввела день официального поминовения. В 998 г. святой Одило, пятый аббат Клуни, в своем собственном доме, церквях, часовнях и хижинах отшельников ввел День Всех Душ. Вскоре этот праздник был перенят всеми другими религиозными братствами ордена, а сразу после основания ордена картезианцев в 1080 г. и ими тоже. Видимо, епархия Льежа была первой, где этот праздник был введен при епископе Нотгере, умершем в 1008 г. Он найден в мартирологии святого Протадиа из Безансона (1053–1066). Епископ Отрик (1120–1125) ввел эти торжества в Милане, сделав дату 15 октября тем днем, когда их следует праздновать. В обрядах Греческой православной церкви такое поминовение проводят накануне воскресенья Шестидесятницы или в канун Троицы. Армяне празднуют уход мертвых на следующий день после Пасхи.

Раньше обедня по усопшим, которую служат все священники, была дополнительной службой, которую следовало читать после обедни во время праздника Всех Святых, но согласно новым правилам сейчас она главное событие дня и содержит все обычные составляющие. В Испании, Португалии и Латинской Америке священникам разрешалось служить три обедни, и это указом от 11 августа 1915 г. стало правом священников во всем мире. Описание торжественного папского богослужения, которое обычно проводилось 2 ноября, когда главный пенитенциарий проводил заупокойную мессу, а папа римский давал со своего трона отпущение грехов, можно найти у Гаэтано Морони в «Богослужении папы римского». На следующий день папское богослужение проводилось в честь годовщины всех умерших пап и кардиналов, и тогда над алтарем в Сикстинской капелле вешали знаменитый гобелен с изображением Лазаря. По этому случаю кардинал Камерленго совершал богослужение. Первоначально Александр IV, который правил с 1254 по 1261 г., назначил 5 сентября днем этого поминовения, но позднее его перенесли на 3 ноября как более подходящий день.

В Бретани существует поверье, что накануне Дня Всех Душ умершие навещают живых с наступлением ночи. Из всех стран Бретань является таким местом, где умершие ближе всего. В день прощения Тромени они, как считается, даже принимают в нем участие. Этот праздник отмечается во второе воскресенье июля, и, хотя колокола в церкви Локронана весело

звонят, слышны и медленные, печальные удары во время чтения молитв по умершим. Тромени, если вспомнить, — это не только паломничество для живых; умершие, которые не успели совершить его при жизни, поднимаются из Страны душ и приходят, чтобы принять в нем участие. Среди мужчин и женщин в черных одеждах и старых бретонских плащах находятся группы теней, поднявшихся с церковных погостов.

Говорят, что деревенская церковь в Бретани является самым малолюдным и грустным местом в мире, и, когда накануне Дня Всех Душ отзвучит вечерняя молитва, после панихид и placebo («я буду угоден» — первое слово в заупокойном песнопении на латинском языке. — *Пер.*) на своем родном языке люди идут по домам, чтобы собраться вокруг огня и поговорить приглушенными голосами о тех, которые ушли раньше в мир иной. А в это время хорошие хозяйки покрывают стол белоснежной скатертью без единого пятнышка, ставят на него сыр, сидр и горячие блины прямо из печи, и семья садится отдыхать. Всю ночь напролет мертвые греются у очага и едят пищу, которая была для этого приготовлена. Есть люди, которые расскажут вам, что в такую ночь с призраками они слышали скрип скамейки и звук осторожных шагов, похожий на шелест сухих листьев. Согласно древним легендам, пустынный край Менес — это то место, где бродят несчастные умершие, шепча и вздыхая по временам, которые прошли давным-давно.

В городе Брюгге День Всех Душ празднуют очень торжественно. В канун праздника свечи в домах горят всю ночь, а колокола звонят до полуночи или даже до рассвета. Мало найдется окон с незадернутыми занавесками, в которых не стояла бы свеча или фонарь, чтобы умершие могли найти дорогу к дому с холодного церковного кладбища. В Бельгии широко распространен обычай печь пироги или хлеб «для душ» 1 ноября, которые съедают на следующий день. Полагают, что это должно каким-то загадочным образом помогать умершим. Возможно, когда-то существовало суеверие: поев за призраков, человек придавал им сил, что, по крайней мере, частично объясняет обычай устраивать великолепные погребальные пиры, можно сказать, почти празднества, который распространен во многих странах. Эскимосы с Аляски верят, что в особых случаях духи могут на самом деле войти в тела их родственников и так отведать то, что едят живые. Схожая идея, вероятно, привела к возникновению ирландских поминок, на которых усопшему оказывают тем большие почести, чем больше потребляется пищи и питья. В Диксмейде (Западная Фландрия, Бельгия) существует народное поверье, что за каждый съеденный пирог какая-нибудь душа освобождается от чистилища. В Антверпене и некоторых других бельгийских городах хлеб пекут, добавляя в тесто шафран, от которого он приобретает насыщенный желтый цвет, который может напоминать об очистительном пламени этого края надежд и скорби. В День Всех Душ, да и в течение всего ноября пожилые люди в Антверпене будут предупреждать, чтобы вы не хлопали дверь или окнами, чтобы не задеть призраков.

Во всей Южной Германии и Австрии тщательно соблюдаются схожие обычаи и ритуалы. Так, в районе Лехрайн праздник Всех Душ оказался

полностью затененным следующим днем. Во второй половине дня 1 ноября жители сел идут на церковные кладбища и там оставляют пирожки и булочки голодным покойникам. Такие пирожки называются «души», а делают их из самой лучшей белой муки традиционным способом. Многие из них ставят на тарелках в церкви вместе с мукой, овсом и ячменем. В некоторых местах в День Всех Душ пищу в больших количествах кидают в огонь; на столы ставят зажженные свечи, пустые тарелки и бокалы без вина. В верхних пфальцграфствах Германии пекут пирожки из белой муки и раздают нищим, которые таким образом получают их вместо умерших.

В Чехии мертвых почитают, соблюдая этикет и множество стародавних обрядов. Накануне Дня Всех Душ каждая семья собирается вокруг очага, и тогда едят не только пироги, но и выпивают много холодного молока, так как его глотки должны успокоить карающее пламя. В деревнях существует поверье, что, когда зазвонит вечерний колокол, умершие возвратятся, чтобы занять свои привычные места у очага, так что два-три стула рядом с ним всегда оставляют пустыми. Помимо этого, могилы украшают цветами и ставят множество зажженных свечей, чтобы осветить путь «бедных душ» к их домам. В Тироле на кухонном столе на всю ночь оставляют миски с молоком и пончики. Некоторые хозяева даже оставляют кувшины с холодной водой в таких местах, где испытывающий жажду дух не сможет не найти их.

В Греции в мае празднуют современный праздник тон псухон, во время которого соблюдаются точно такие же обычаи. Приготавливается коллуба и ставится на стол, покрытый самой лучшей белой скатертью. Также ставят стакан с водой и длинную тонкую свечу, которая будет гореть всю ночь. Крестьяне утверждают, что они на самом деле видели призрачные тени, вкушавшие это скромное угощение.

Обычай печь и раздавать пирожки известен в Англии и в наши дни в некоторых дальних деревнях Шропшира и Херефордшира. Не так уж много лет назад практика «кормления душ» была достаточно распространенной, особенно в районах, граничащих с Уэльсом. Мальчики и девочки ходили от одного дома к другому, распевая старые стихи и припевы народных песен, и не было дверей, у которых они не получали бы пирожок или довоенную булочку за фартинг. В различных уголках Англии долго существовала такая традиция, и Джордж Янг в 1817 г. написал, что в Уитби был обычай делать «буханки для душ» 2 ноября или приблизительно в это время. Это были маленькие пресные лепешки, и дети обычно с нетерпением ждали, когда им подарят такой хлеб. Старые люди из года в год хранили на удачу одну-две такие лепешки у себя в кухонном шкафу. Мне рассказали, что сто лет тому назад в некоторых уголках Англии, в Уилтшире и Дорсете, в День святого Симона и Иуды 28 октября или сразу после него устраивали ярмарки, выпекали булочки в виде фигурок мужчин и женщин с глазами из ягод смородины, и кажется вполне вероятным, что это и были традиционные пирожки «для душ». Стоит заметить, что святой Иуда, защитник в безнадежных делах, сын первой жены Иосифа (кто была первая жена Иосифа, обрученного мужа Богородицы Марии, в точности неизвестно. От первой жены

Иосиф имел четырех сыновей, в том числе Иуду, и двух дочерей. Восьмидесятилетним старцем Иосиф был избран первосвященниками хранителем девства Пресвятой Богородицы, давшей обет безбрачия. — *Ред.*), является одной из самых загадочных фигур во всей житийной литературе. Святой Августин (полное имя Аврелий Августин (354–430 н. э.), писатель-богослов. — *Пер.*) повествует, что именно ему мы обязаны тем догматом веры, который для многих оказался не самым легким для понимания: «Credo in... carnis resurrectionem» («Верю в воскресшую плоть». — *лат.*). По удивительной случайности, святого Иуду путают с предателем Иудой, а ведьмы и колдуны всегда вызывали его дух. Посчитали даже необходимым осудить это тяжкое богохульство, и ошибка была официально исправлена. Имеет значение то, что святого Симона часто путают с святым Симеоном, которого в Италии и по сей день считают домовым или гоблином. «Святой Антонио и святой Симеон не могут быть святыми, — сказала однажды одна ведьма Лейланду, — потому что заклинания им мы всегда творим в подвале по ночам». Libretto di Stregonerie, дешевая книжка народных сказок, преданий и баллад, дает точные указания, как осуществить девятидневный молитвенный обет Доброму Старику Симеоноу, и «наверняка вскоре после девяти дней молитв добрый старик появится в каком-либо виде и исполнит просьбу того, кто творил молитвы; но в основном он дарует удачу в лотерее». Приводятся соответствующие заклинания, которые следует повторять в полночь три ночи подряд. Если это делается в точности и ни один слог или гласная не оказываются пропущенными или неправильно произнесенными, вам явится этот добрый старик. По крайней мере, так сказала Лейланду известная колдунья. Подобно Протею (мифологическое морское божество, старец-предсказатель. — *Пер.*), этот святой мог принимать любой облик, но следовало без страха немедленно требовать то, что вы хотели узнать, иначе могло случиться какое-нибудь несчастье. Этих святых духов нельзя вызывать и беспокоить понапрасну.

Связь святых Симона и Иуды — хоть она и была путанна и ошибочна — с этой колдовской практикой поистине удивительна и, наверное, восходит к чему-то более серьезному, чем простое поверхностное сходство имен. Видимо, английский «пирожок для души», который пекли приблизительно 28 октября, следует связывать с преданиями, которые имеют отношение ко Дню Всех Душ. Они существуют — или, во всяком случае, существовали до недавнего времени — на севере до Абердина, где, по Т. Ф. Тизельтону Дайеру, до 1676 г. «в День Всех Душ делали пироги особого сорта и раздавали их тем, кто случайно зашел в дом, где их испекли. Такие пироги называли „поминальными хлебами“». В начале XIX в. такая традиция еще существовала на Гебридских островах близ западного побережья Шотландии, и в День Всех Святых хорошие жены обычно пекли большие пшеничные или ячменные лепешки в форме треугольника, которые нужно было съесть до последней крошки до следующего утра.

1 ноября во всех деревнях и городах области Аbruццо в Италии скупаются свечи, и с наступлением сумерек люди, по обычаю, зажигают их на могилах своих родственников, а другие горят всю ночь в окнах, чтобы показать

умершим дорогу к их домам. В каждой кухне на столе должна стоять зажженная лампа и простая еда из хлеба и воды. В полночь с кладбища выходит жуткая процессия из мертвых, восставших из своих могил. Первыми идут души тех, чья жизнь была добропорядочной и полезной, а последними — в страшном и обезображенном виде те, кто погиб насильственной смертью или был проклят. Если человек достаточно храбр, чтобы встать на перекрестке дорог (если он совершил ритуал черной магии), он может увидеть, как проходит эта ужасная процессия. Как-то раз один человек набрался храбрости сделать это. Те призраки, которые шли впереди, велели ему уйти, пока все было хорошо. Человек отказался слушать их предостережения, но, когда этот несчастный увидел тех, которые замыкали этот призрачный кортеж, он упал на землю и на следующее утро был найден мертвым с остекленевшим взглядом, а его застывшее лицо было искажено ужасной гримасой.

Возвращаются не только добрые духи, но и те, которые причиняли зло при жизни. И они готовы сеять новые беды. Во время праздника Антестерии афиняне обвязывали веревками храм и святые места, чтобы не допустить в них злых духов, присутствие которых осквернило бы святилище. Они привязывали колючие ветки крушины к дверям и окнам своих домов и мазали оконные и дверные перемычки дегтем. Габриэль Бротье в своих комментариях к «Естественной истории» Плиния переводит слово «крушина», *ghamnus*, как *le Nerprun*. Греки полагали, что если засунуть ветки этого растения в оконный переплет, то это помешает ведьмам войти в дом. Во многих уголках Европы даже в наши дни бытует такое же представление, и пучки веток крушины или боярышника вешают на ставни или ворота снаружи. В Англии считается несчастливой приметой приносить ветки боярышника в дом, особенно если они в цвету. Если же такая веточка случайно попадет в дом, даже если она вдевается в петлицу пиджака, ее следует немедленно выбросить на улицу с парадного крыльца, а если цветы боярышника поставили в вазу или стакан, сосуд следует немедленно промыть под струей чистой воды. Во многих районах Боснии, когда женщины приходят с соблезнованиями к соседу, у которого в доме кто-то умер, они прячут под своими платками небольшую веточку боярышника, а уходя, выбрасывают ее на улице на дорогу. Считается, что, если умерший стал вампиром, он не сможет устоять против боярышника и будет так стремиться поднять ветку, что забудет о том, чтобы последовать за людьми и проникнуть в их дома.

В горных районах Шотландии существовало старое суеверие: будто бы деготь на двери дома не даст пройти ведьмам. Поразительно то, что сербы рисуют дегтем кресты на дверях своих домов и сараев, чтобы помешать вампирам войти и причинить вред им или их скоту. Похожий обычай бытует у болгар, которые верят в то, что таким способом можно сдержать любого бродячего призрака, а усадьбу защитить от вторжения злых сил. На британском острове Мэн в те времена года, когда колдуны обладают особой силой, не было такого крестьянина, который не привязывал бы букеты майских цветов над входом в дом, чтобы охранить его от внезапного вторжения ведьм, нечистых духов и других потусторонних визитеров. Точно

так же делали кресты из ветвей рябины с красными ягодами и прикрепляли их в сараях и загонах для скота, так как все знают, что рябина является самым мощным оберегом от колдунов, призраков и тому подобных дьявольских созданий.

Как мы уже видели, во время праздника Антестерии призраков родственников и тех, кого любили при жизни, привечали и угощали пищей и вином. Но в толпе добрых духов неизбежно было огромное количество зловредных призраков, и их нужно было отгонять. Так что в последний день торжеств таинственных посетителей изгоняли такими словами: «Вон из дома, из дверей, духи! Антестерия закончилась».

Самой характерной чертой вампира является его ужасная жажда крови. Кровью он поддерживает и питает свои жизненные силы; она продлевает его жизнь в состоянии смерти и смерть в состоянии жизни. Он ищет кровь, ее он должен пить. В Древней Греции мы обнаруживаем, что умерших можно увидеть в телесной форме и что кровь требуется мертвым, которые тем самым получают некоторую долю жизни и способность говорить. Более того, когда умершие так появляются и получают кровь, им требуется достаточное количество энергии и человеческой плоти, чтобы начать поединок, соревноваться в борьбе, производить на свет детей и заниматься другой очень земной деятельностью, которую легенды приписывают вампирам. Но есть один самый важный момент. Вампир — это существо несказанно злое, самое ужасное и омерзительное. В Древней Греции почти всегда без исключений именно счастливые умершие, благословенные герои возвращаются из потустороннего мира, чтобы таким способом питаться кровью, которая даст им жизнь и силы.

Именно такое представление, по крайней мере, отчасти объясняет широко распространенную во всем мире практику человеческих жертвоприношений. Считалось, что жертва каким-то мистическим образом своей льющейся кровью и любовью к жизни восполняет и усиливает жизнь бога, придает энергию божествам, отдавая им свои жизненные силы и молодость. Можно будет увидеть, что в вампиризме это рассматривается совершенно под другим углом зрения. В древнегреческом мифе фракиец Ликург, царь Эдони, был предан смерти, чтобы земля, которая от засухи стала бесплодной, могла восстановить свои богатства и плодородие. В принятой версии этой истории говорится, что он воспротивился богу виноградной лозы Дионису и был разорван на куски. То есть жертвоприношение было сделано духу плодородия, и чем больше крови, которой можно было напоить порождающее начало, тем больше будет урожай. Соответственно, во времена голода и большой нужды человек самого высокого происхождения, царь страны, должен был быть принесен в жертву. Точно такая история приключилась и с Пентеем, царем Фив, которого обессмертил Еврипид. В ней молодой прекрасный бог Дионис, путешествуя по всем странам, прибывает в свой собственный город Фивы:

Смотри, сын Божий явился в этот край Фив.
Даже я, Дионис, которого горячие угли небес
Воспламенили к жизни, когда та, что родила меня,
Дочь Кадма Семела, здесь умерла. И, став из бога человеком,
Я вновь иду по волнам Дирса и изучаю берег Исмена.
Да, Кадм сделал хорошо; он в чистоте
Хранит неоскверненным святилище своей дочери.
И я свои зеленые лозы здесь посадил, чтобы они
Окутали его.
Далеко за мной остался тот золотой край.

Его собственный народ тем не менее не воздал ему почести; он отказался поклоняться ему. И Дионис заставил людей признать его божественное происхождение и вселил в них безумие мономании и исступление. Но здравомыслящий царь Пентей отказывается подчиниться всеобщему воодушевлению. Он насмехается над богом и даже заключает его в тюрьму. Следуют ужасные знамения, и менады, находившиеся под действием каких-то чар, набрасываются на Пентея и разрывают его на куски, а его собственная мать Агава первая в их рядах. В этой истории нет морали; в ней нет симпатичного персонажа и большой драмы. Это откровенно кровожадная сказка, и совершенно бесстрастный Еврипид не стремится как-то прикрыть это зверство или замаскировать его жестокость. На самом деле это исследование религиозного фанатизма — не враждебное, едва ли критическое, просто объективное. Наверное, один-единственный человеческий штрих в нем мы видим тогда, когда Агава приходит в себя и осознает, что она убила своего сына.

«Агава. Этот Дионис сделал это! Теперь я вижу.
Кадм. Вы его обидели! Он отверг его божественную суть.
Агава. Покажите мне тело моего любимого сына».

А позднее, когда Агава взывает к Дионису, бог не дает ответа и просто говорит, что это было неизбежно — отвратительный голый рационализм, который никуда не ведет.

«Агава. Дионис, мы молим тебя! Мы согрешили!
Дионис. Слишком поздно! Когда было время, вы знать меня не желали!
Агава. Мы сознаем. Но ты слишком скор на расправу.
Дионис. Вы насмехались надо мной, над богом, — вот ваша расплата.
Агава. Разве должен бог уподобляться горячему человеку в гневе?
Дионис. Так мой отец Зевс пожелал еще давно».

Ничего не могло быть более беспомощным и значительным, чем эта последняя строчка. И, поистине, пока мы не дошли до высокой надежды элевсинских мистерий (древнегреческие религиозные празднества в честь Деметры и Персефоны. — *Пер.*), эта беспомощность наполняет всю религию греков. Возможно, Еврипид изображал слепую безжалостность и порочность природы.

Кажется, что эти древние мифы сохраняют память о человеческих жертвоприношениях. Автор диалога, который часто приписывают Платону, Минос, говоря об ужасных обычаях, царивших среди карфагенян, добавляет, что они не были чужды и самой Греции. Он ссылается на такие жертвоприношения на горе Ликей и упоминает, что потомки Атамаса (мифологический персонаж, сын фессалийского царя Эола, муж Нефелы, которую он покинул для брака с Ино; поражен Герой безумием. — *Пер.*) мужского пола должны были быть убитыми именно таким способом. Может показаться, что культ Ликейского Зевса на этой горе в Аркадии (историческая область, ныне в Греции, на полуострове Пелопоннес, столица — Триполис. — *Пер.*) был продолжением очень древнего культа Кроноса, распространенного в этом месте, первобытный обряд которого требовал человеческого жертвоприношения. Можно отметить, что есть отчетливые указания на то, что в Афинах летний праздник Кронии обычно проводился в месяце антестерионе. Это точка зрения Августа Моммзена. А в Олимпии праздник Кроноса неизменно праздновали весной. В святилище на горе Ликей человеческие жертвоприношения продолжались регулярно даже после прихода христианства. Более того, чрезвычайно важно то, что обряды и верования жителей гор Аркадии были тесно связаны с рядом легенд об оборотнях, и часто в современных рассказах и славянских суевериях трудно отличить оборотня от вампира. На это есть очень интересная ссылка у Платона в «Республике»:

«А каковы первые шаги на пути превращения защитника в тирана? Можем ли мы сомневаться в том, что это изменение относится к тому времени, когда защитник начал действовать как человек в той широко распространенной легенде о храме Ликейского Зевса в Аркадии?»

Какой? Согласно этой легенде, верующий, который попробовал на вкус человеческие внутренности, смешанные с внутренностями других жертв, неизбежно превращается в волка. Вы никогда не слышали эту историю? А я слышал».

Плиний тоже в своей «Естественной истории» рассказывает различные истории о людях, превращавшихся в волков: «Агриопа, автор произведения о победителях Олимпийских игр, повествует о том, как житель Аркадии Деменет превратился в волка, отведав внутренностей мальчика, принесенного в жертву на горе Ликей, так как жители Аркадии имели обычай приносить в жертву Ликейскому Зевсу людей. Но через десять лет он вернул себе свой прежний облик и, победив всех остальных бойцов в боксе, получил лавровый венок победителя на Олимпийских играх». Святой Августин, автор произведения «О невероятных превращениях людей», повторяет эту легенду и пишет: «Более того, он называет некоего Деменета, который, вкусив жертвоприношений, сделанных жителями Аркадии (они убили ребенка) в честь их бога Ликея, обратился в волка и снова стал человеком по истечении десяти лет. Он стал чемпионом, победителем Олимпийских игр». Святой Исидор Севильский в своих «Истоках» упоминает «человеческие жертвоприношения, совершаемые жителями Аркадии, прикоснувшийся же к

жертве, оборачивается зверем».

Очевидно, что магические свойства приписывались крови этих жертв, так что, когда призраки пробовали вкус крови, они получали магическую жизнь.

В «Одиссее» Одиссей, которому ведьма Цирцея посоветовала проконсультироваться с тенью Тиресия, провидца из Фив, отправляется в царство киммерийцев (древний индоевропейский народ Северного Причерноморья, в VIII в. до н. э. под натиском пришедших с востока скифов ушел на юг, в Переднюю Азию, где, будучи носителем массовой конно-стрелковой тактики (незнакомой дотоле народам Древнего Востока), вплоть до 50-х гг. VII в. до н. э. наносил поражения и Урарту, и Ассирии, и Фригии, и другим. В середине VII в. киммерийцы были разгромлены пришедшими за ними с севера скифами, которые, догромив Ближний Восток вплоть до границ Египта, вернулись в Северное Причерноморье. — *Ред.*), всегда скрытое туманами и тьмой, куда никогда не находит путь яркий свет золотого солнца. Здесь, среди ночных теней, он ищет роши черного тополя (осокоря) — границы невидимого мира. Можно вспомнить, что Вергилий сравнивает Золотую ветвь с омелой, а Кернер фон Марилиан отмечает, что «излюбленным деревом омелы является, безусловно, черный тополь (осокорь, *Populus nigra*). На ветвях этого дерева она разрастается поразительно буйно». Эней назвал Золотую ветвь «*ad fauces graueolentis Auerni*». Поэт (Энеида. VI. 201–209) говорит о голубках своей матери, которые показали герою путь:

Inde ubi uenere ad fauces graueolentis Auerni,
Tollunt se celeres liquidumque per aera lapsae
Sedibus optatis gemina super arbore sidunt,
Discolor unde auri per ramos aura refulsit.
Quale solet silius brumali frigore uiscum
Fronde uirere noua, quod non sua seminat arbos,
Et croceo fetu teretes circumdare truncos:
Talis erat species auri frondentis opaca
Ilice, sic leni crepitabat brattea uento.

В русском переводе представленный текст выглядит следующим образом:

По очереди они питаются, по очереди летают,
На виду у людей,
Пока не почуют отвратительный запах,
Который исходит из темной пасти Аверна.
Они быстро взмывают ввысь,
Затем спускаются на дерево,
Где сверкает сквозь листву
Золотая ветвь.

Подобно тому, как зимой в глубоком снегу
Распускает новые цветы омела-паразит
И заново окутывает гладкие голые стебли,
Так среди тенистой зелени дуба
Виден блеск золота в листве,
Так среди шелеста деревьев
Позвякивала фольга на ветерке.

Одиссей прибыл в страну призраков Лимбо, которая находится между царством Гадеса и землей, где живут люди. Здесь у духа умершего есть облик, положение и занятие, которые были у него при жизни. Но это просто тень, видение. «Живого сердца нету в нем» (Илиада. XXIII. 103), у него «нет силы». И когда Одиссей вызывал тени умерших, он должен был вдохнуть в них энергию, дать им жизненные силы. Вырыта яма, и в нее льется кровь множества овец, которых он приносит в жертву могучему Гадесу и мистической Прозерпине. Быстро и беззвучно толпа теней приближается к ней изо всех уголков, томимая желанием напиться крови, но, обнажив меч, Одиссей вынужден держать их поодаль до тех пор, пока не появится Тиресий. Даже призрак матери, которая родила и вскормила Одиссея, должен держаться на расстоянии от этой ямы. Наконец, держа в руке золотой посох прорицателя, у края ямы неподвижно застывает фигура прорицателя из Фив и просит героя вложить блистающий меч в ножны и позволить ему глотнуть крови, чтобы Тиресий смог объявить, что должно случиться вскоре. Выпив крови, он произносит свое пророчество, а затем говорит Одиссею, что глоток крови даст каждому призраку, который попробует ее, по крайней мере часть способностей живых людей и они смогут некоторое время разговаривать с героем. Соответственно, теперь мертвая мать может поговорить со своим сыном, но, когда Одиссей делает попытку обнять ее, все это оказывается тщетным, он хватает руками лишь воздух. Стоит отметить, что некоторые строки (368–481) в этом длинном и очень интересном отрывке многие переводчики считают мистической вставкой.

Среди других призраков выделяется тень Ахиллеса, а в «Гекубе» Еврипида призрак Ахиллеса требует принести в жертву на его могиле Поликсену. Хор пленных троянских женщин спешит к Гекубе с печальной вестью.

Не для того, чтобы облегчить твою боль; нет, я бремя взял
Плохие вести сообщить тебе, усилив твои муки.
Ахейцы присудили рожденную тобою Поликсену
В жертву Ахиллесу принести.

Ты же знаешь, как в блеске золотых доспехов
Стоял он на своей могиле и на бороздящие океан корабли
Наложил заклятье, что ни один из них не отплывет,
Хотя все снасти наготове и паруса на реях.

И с его губ слетел крик: «Эй, Донаан! Неужели сейчас
Не выполнишь ты своей клятвы чести, что на моей могиле
Была дана, и моя слава будет растоптана?»

И поднялась тогда волна раздоров:

Одни кричали: «Дайте его могиле жертву!» — другие: «Нет!»

Царь пламенно желал, чтоб дочь твою они бы пощадили,

Ведь Агамемнон любит твои пророческие вакханалии.

Но оба твои сына от Тесея, наследники Афин,

За твою смерть высказались оба, но что до жертвы —

Тут они во мненьях разошлись.

«Тут думать нечего: пусть кровь, живая кровь струится

По могиле Ахиллеса!» — они кричали.

«И ради этого ложа Кассандры разве кто-нибудь осмелится предпочесть
отваге Ахиллеса ее — наложницу, рабыню? —

Не будет этого вовек!» — они сказали.

В Oedipus Coloneus таинственный Эдип, пророка ужасное поражение
фиванцам в сражении, у его могилы говорит, что его холодное мертвое тело
жадно пьет их текущую теплую кровь.

Более поздние легенды об Одиссее можно найти у Павсания, Страбона,
Элиана, Суидаса и некоторых других авторов. Во время своих скитаний этот
герой прибыл в город Темесу в Южной Италии, в Бруттии. Здесь один из его
спутников, спьяну изнасиловавший девушку, был забит камнями до смерти
местными жителями. Призрак умершего стал являться в городе в таком
ужасающем облике, что люди начали потихоньку покидать этот город и
селиться в другом месте. Они обратились к Дельфийскому оракулу, и тот
сказал им, что для того, чтобы умиловать духа, они должны без
промедления построить ему храм и каждый год на его алтаре приносить в
жертву самую красивую девушку. Святилище было построено в соответствии
с божественным предписанием; доступ в священные пределы под страхом
смерти был запрещен всем, кроме жрецов, которые служили у этого алтаря, и
здесь в годовщину смерти того человека, чтобы умиловать его дух,
исполнители этого мрачного обряда приносили в жертву избранную девушку.
Эта история также носит налет некоего вампиризма, так как вампир каким-то
образом оказывается способным продлевать свое существование,
периодически питаясь кровью, и эти возлияния должны быть обильными.

В отношении современной Греции можно сказать, что вера в вампиров

имеет здесь не эллинские, а славянские корни (начиная с VI в. Греция была сильно славянизирована, но в дальнейшем греческий язык здесь победил. — *Ред.*), хотя абсолютно верно то, что какие-то элементы древнего происхождения остались, и не будет ошибкой предполагать, что в верованиях эллинов было много одновременно и ужасного, и пагубного.

9, 11 и 13 мая в Риме проходил праздник ушедших духов. Так, Лемурия тесно связана с греческой Антестерией, но, хотя сначала это торжество, возможно, было предназначено для умиротворения всех духов, добрых и злых, не может быть сомнений в том, что в более поздние времена это стало культом страха с целью оградить себя от злых призраков. Культ душ включал обожествленные души усопших и всех добрых духов. Ларалия была более домашним праздником в честь покровителя Лареса, изображения которого стояли на очаге в небольшой раке (*aedes*) или в небольшой частной часовне (*lararium*). Праздник Ларалия отмечали 1 мая, и Макробиус повествует о богине Мании, матери Лареса, и похоже, что было время, когда этому божеству делались человеческие жертвоприношения, потому что в «Сатурналии» мы читаем: «В очень древние времена существовал обычай приносить в жертву детей богине Мании. Человеческие жертвы должны были обеспечить безопасность всего рода, но после изгнания Тарквиния Юния Брута первый консул приказал, чтобы эти жертвоприношения проводились по-другому... чтобы не навлекать на себя вину за такие ужасные обряды». В связи с этими мрачными ритуалами мы можем вспомнить, что, хотя в исторические времена Мания считалась доброй матерью семейства, тем не менее похоже, что в предыстории сохранилась какая-то оккультная традиция, так как, если верить Фесту, как мы уже отмечали, слово «Мания» употреблялось в отношении обезображивания. Святой Августин рассказывает нам, что Апулей «говорит, что души людей — это *doemones* и становятся *lares*, если у них много достоинств; если они дурны, то они становятся *lemurs*, домовыми; а если достоинства неясны, то — *manes*. Но хорошо бы люди не были такими своенравными в надежде стать *lemures* или *manes*; чем больше им хочется сделать что-то дурное, тем хуже итог их превращения; они убеждены, что жертвоприношения призвут их делать зло, когда они умрут, — такими они и становятся: ведь эти *Lares* (по его словам) — это злые демоны, которые на земле были людьми».

Овидий дает полное описание Лемурии. Он действительно пишет, будто этот праздник длился только один день, 9 мая, но из подписей в календарях мы знаем, что он праздновался три дня. Некоторые подробности, приведенные поэтом, очень любопытны. Он пишет, что, когда наступает 9 мая, «в этот день должен проводиться древний обряд, церемониалы Лемурии, которые должны совершаться ночью; эти темные часы принесут с собой должные жертвоприношения безмолвным Теням... Сейчас полночь, и все вокруг окутано тишиной и погружено в сон. Даже собаки и птицы с блестящим оперением дремлют и спят. Затем тот, кто должен проводить древние церемонии, с ужасным благоговением перед небесными богами поднимается с ложа; он не надевает сандалии, а босой должен приступить к этому торжественному

обряду. Ловко сведя кисти рук вместе, он щелкает большим и средним пальцами, чтобы случайно какой-нибудь призрак не помешал ему за работой. Он трижды оmyвает руки в чистой родниковой воде, отворачивается и берет горсть черных бобов. Глядя в противоположном направлении, он бросает их через плечо и при этом кричит: „Этими бобами я плачу выкуп за себя и всех домашних“. Эти слова он должен произнести девять раз кряду и при этом не должен оглядываться назад, потому что у его плеча стоит призрак, невидимый для всех, который собирает приношение. И снова верующий оmyвает руки в чистой воде. Он должен стукнуть в медный гонг и при этом звуке заклинать призраков пощадить его дом. Девять раз он громко выкрикивает: „О, тени моих предков, уходите, прошу вас!“ И тогда, наконец, он может посмотреть вокруг, потому что теперь действительно может считать, что хорошо и должным образом исполнил эти священные таинства». Несомненно, существовала вера в то, что призрак, которого этот обряд держал на расстоянии, мог оказать какое-то нехорошее воздействие в доме и, возможно, поглотить или стремиться поглотить здоровье и жизненные силы людей, проживавших в нем. Это, разумеется, пример вампиризма, и психология такой веры далека от того, чтобы быть ложной. Люди, которые жили в домах с привидениями (или расследовали многочисленные проблемы таких домов), прекрасно знают, как такие воздействия могут высасывать жизненные силы людей, которые, к своему несчастью, оказались в этих условиях.

Подробности изгнания нечистой силы очень интересны и прекрасно компенсируют изнурительные исследования, но достаточно будет вкратце затронуть один-два главных момента. Сначала верующему предписывается не шнуровать свои сандалии, и мы сразу вспоминаем отрывок из «Исхода», в котором голос воззвал к Моисею из горящего куста и сказал: «Не подходи ближе, сними со своих ног обувь, потому что место, на котором ты стоишь, священное». И еще, когда Иосия увидел человека с обнаженным мечом, который вышел против города Иерихона, он вскричал: «Что скажет мой господин своему слуге?» И святой Михаил ответил: «Он говорит: сними башмаки с ног твоих, ибо земля, на который ты стоишь, святая». И Иосия сделал так, как ему было велено. Во время таинственных обрядов доктор Йоханнес (аббат Буллен), который умер в Лионе в 1893 г., был одет в особый наряд и шел к своему алтарю босой.

Щелканье пальцами в начале этих ритуалов можно сравнить с нобертинским церемониалом. В начале их Высокой мессы участники громко хлопают в ладоши — очень впечатляющее зрелище. Омовение рук перед началом любого торжественного обряда является естественным и распространено во всех религиях и обычно имеет место в простом этикете. Суеверие, связанное с бобами, можно найти во всех уголках мира от Японии до Перу. В последнюю ночь года японцы проводят церемонию изгнания злых духов. По разным версиям этот ритуал проходит по-разному. В некоторых местах глава семьи, одетый в великолепный наряд, берет в левую руку лакированную коробочку, полную бобов, и в полночь проходит по всем комнатам дома, разбрасывая их правой рукой, при этом произнося следующие

слова: «Прочь, демоны! Придите, благополучие и богатство!» Иногда это право предоставляется слуге, что, однако, считается неправильным, а во дворце сёгуна эту церемонию исполняет священник или какой-то другой почтенный, специально выбранный человек. Он говорит такие слова: «Oni wa soto! Fuku wa uchi» («Прочь, демоны! Приди, удача!»). В доме, где прошедший год был несчастлив, каждый член семьи собирает эти бобы, подбирая один боб за каждый год своей жизни и один сверх того. Завернув их в бумагу вместе с мелкой медной монеткой, которую они потеряли о свои руки и лица, чтобы отдал ей невезение, они выбрасывают этот небольшой сверток как можно дальше на перекрестке дорог. И это называлось «избавиться от неудач» (yaku sute).

Девять, конечно, мистическое число, кратное трем. Оно снова и снова встречается в связи с магическими ритуалами в каждой стране почти у каждого народа. В губительных заклинаниях, когда колдун завязывает узел на куске веревки или заговоренной нити, это нужно было сделать девять раз, чтобы навлечь болезнь и несчастья на врагов. В большинстве случаев злу можно успешно противодействовать, просто развязав узлы, но трудность состоит в том, чтобы найти эту веревку или нить. Так, из комментария к Корану мы узнаем, что пророк Мухаммед был околдован еврейским магом, который завязал на веревке девять узлов и спрятал ее в колодце. Пророком овладела болезнь, но архангел Гавриил обнаружил колдовство и сообщил ему, где оно таится. Вещь со злым наговором была найдена, и святой человек произнес над ней некие заклинания. С каждой руной один из узлов развязывался, и болезнь ушла. Рассказывают, что на Оркнейских островах человек на самом деле умер по вине девяти узлов, завязанных на голубой нити в Ковентри (город в Великобритании, графство Уэст-Мидлендс. — *Пер.*) Во время знаменитого суда над ведьмами в Карригфергюсе 31 марта 1711 г. перед судьями Энтони Аптоном и Джеймсом Макартни было доказано, что мисс Мэри Данбар, приехавшая погостить к госпоже Холтридж, в доме которой начались беды и которая стала болеть необычными недугами, была схвачена и в конвульсивном припадке выкрикнула, что ее мучили три женщины. Было обнаружено, что на одном из ее передников оказались завязанными девять необычных узлов и тем самым было наложено проклятие. Салический закон (сборник обычного права салических франков, а также правило престолонаследия, восходящее к одному из положений этого кодекса. — *Пер.*) предписывал любому человеку заплатить штраф размером семьдесят два су и половину золотой монеты, если он завязал на поясе девять узлов. Среди сельских жителей современной Италии la ghirlanda delle streghe (колдовская гирлянда. — *ит.*) хорошо известна как одно из самых страшных заклятий. На длинной веревке плотно завязывают девять сложных узлов, а между волокнами веревки обычно всовывают перья черной курицы. Ее прячут в каком-нибудь месте, где ее вряд ли можно найти, с соответствующими проклятиями, и человек, на которого направлено это проклятие, начнет неизбежно чахнуть и хиреть. Чрезвычайно любопытно то, что — случай кажется мне очень важным, так как он доказывает, что колдовская практика и

по сей день существует, — в 1886 г. в колокольне одной сельской церкви в Англии был найден шнур с завязанными на нем девятью узлами и вплетенными перьями какой-то черной птицы. Это, очевидно, было сделано совсем недавно, так как веревка была новой; вероятно, она была сплетена таким образом с какой-то определенной целью. Одна старуха в деревне вскоре опознала в ней «ведьмину лестницу», и, когда в *The Folk Lore Journal* была опубликована гравюра, была получена более полная информация, и причина этого ужасного заклятия выплыла на свет божий. У меня уже был случай упомянуть это обстоятельство, которое мне представляется особенно поучительным. Следует заметить, что завязывание девяти узлов может не только быстро навлечь зло на какого-нибудь несчастного человека, но и, наоборот, излечить и защитить. Так, шотландский заговор от растяжения запястья или лодыжки состоит в том, чтобы завязать девять узлов на грубой черной нитке и плотно завязать ее вокруг больного места, приговаривая:

Господин ехал,
А жеребенок поскользнулся.
Он упал и встал.
Сустав к суставу,
Кость к кости,
Жила к жиле.
Заживи, именем Святого Духа!

В восьмой эклоге «Фармацевтрии» Вергилия девушка, пытаясь привести к себе Дафну из города, завязывает три узла на каждой из трех веревок разного цвета:

Terna tibi haec primum triplici diuersa colore
Licia circumbo, terque haec altaria circum
Effigiem duco; numero deus impare gaudet.

В День Всех Святых (31 октября. — *Пер.*) в ирландском графстве Роскоммон девушки берут в рот девять зерен овса, выходят из дома и идут до тех пор, пока не услышат имя какого-нибудь мужчины, случайно упомянутое в разговоре, — так будут звать их будущего мужа. Если девушка не будет хранить полное молчание, этот заговор не будет иметь никакого действия. В Моравии накануне дня летнего солнцестояния девушки собирают цветы девяти видов и кладут их себе под подушки, когда ложатся спать, чтобы каждой приснился ее будущий возлюбленный. Точно такой же прием используют в Фойгтланде (Германия), где девять цветов разных видов вплетают в гирлянду как раз в полдень 24 июня, и этот венок должен быть заброшен в дом, а не принесен туда обычным путем; он должен попасть внутрь не через дверь, а через окно, и в тот вечер кто бы ни положил его под подушку, тот обязательно увидит во сне будущего супруга. Следует отметить, что мистическое число девять является неотъемлемой частью всех этих заговоров, и можно точно так же описать еще гораздо большее количество заклинаний такого рода.

Тот, кто совершает обряд в праздник Лемурия, не должен оглядываться назад. Этот запрет смотреть назад во время магических церемоний встречается часто. Так, в различных частях Англии, если вы видите первое новолуние после дня летнего солнцестояния, пойдите к забору с перекладинами в уединенном месте, повернитесь к нему спиной и попросите, чтобы появился ваш возлюбленный. Его фигура пройдет мимо вас по дорожке, а вы ни при каких обстоятельствах не должны заговаривать или пытаться дотронуться до нее. А если вы оглянетесь и посмотрите через забор, чтобы посмотреть, кто идет, случится несчастье. Вполне можно понять искушение, которое будет испытывать какая-нибудь ожидающая своего возлюбленного деревенская девушка, и ее желание посмотреть через плечо. Этому любопытству почти невозможно противостоять. И я не сомневаюсь в том, что много раз, когда заговор не действовал, это приписывалось такой причине. Не просто воздерживаться от того, чтобы посмотреть назад, а на самом деле идти пятясь — вот необходимые условия заговора на «немой пирог», который обычно делался накануне Дня святой Агнессы. Этот день, 20 января, был очень важным для девушек, которые желали знать, за кого они выйдут замуж. Уильям Хендерсон в своих «Примечаниях к фольклору Северных графств Англии и приграничных районов» (1866) пишет: «Пост святой Агнессы практикуется на всей территории графств Дарем и Йоркшир. Две девушки, желающие увидеть во сне своих будущих мужей, должны на протяжении всего кануна Дня святой Агнессы воздерживаться от приема пищи и питья и разговоров; они не должны даже касаться пальцами губ. Ночью они могут испечь свой „немой пирог“, который так называется по строгому молчанию, которое сопровождает процесс его изготовления. Его ингредиенты (муку, соль, воду и т. п.) должны принести в равных пропорциях их подружки, которые также должны в равной с вышеупомянутыми девушками степени участвовать в выпекании пирога и вынимании его из печи. Затем таинственное кушанье должно быть поделено на две равные части, и каждая девушка, взяв свою долю, должна унести ее наверх, идя все время задом наперед, и наконец съесть ее и лечь в постель». Давайте вспомним, что Китс в своем изящном стихотворении «Канун святой Агнессы» ссылается на этот обычай:

...Но дева в отдаленье,
Мечтаньями тревожными полна,
День зимний этот провела в волненье,
Святой Агнессе сердцем предана,
Ждет покровительства небесного она.
Твердили ей в кругу матрон почтенном:
Девицам в эту полночь, мол, дано
Узнать восторг в виденье сокровенном,
Влюбленных речи слышать суждено,
Но надобно запомнить им одно:
Без ужина отправиться в постели
И чтоб по сторонам или в окно
Они смотреть украдкой не смели,
А у небес благих просили, что хотели. [5]

В некоторых случаях в Северной Англии тот же самый заговор использовали в День святого Файта, 6 октября, а в других районах предпочтение отдавалось Дню святой Анны 26 июля. Но это исключения, а День святой Агнессы — это тот день, в который обычно принято проводить такие гадания.

В отношении битья в гонг, чтобы отогнать призраков, следует сказать, что это же представление бытовало в некоторых уголках Китая, где привидения можно было изгнать сильным шумом, битьем в литавры и любой какофонией и пронзительными криками. В некоторых районах этой империи, когда происходило солнечное затмение, считалось, что огромный небесный дракон проглотил солнце, и жители городов и деревень выбегали на улицы и поля и старались создавать как можно больше шума колокольчиками, барабанами и цимбалами, чтобы прогнать это чудовище, пытающееся пожрать светило.

Мне показалось необходимым углубиться в подробности мистических церемоний праздника Лемурия и показать, как сильно они похожи на обряды в других странах, раз уж этот ритуал так тесно связан с идеей злых духов, которые приходят в дом и бродят по нему, чтобы питаться жизненными силами его обитателей, что само по себе является формой вампиризма. Ведьма Эрихто из великой поэмы Лукана «Фарсалия» отвратительное создание, но она скорее садистка, нежели вампир.

Едва ли нужно настойчиво подчеркивать ту исключительную тщательность, с которой в древности устраивались церемониальные погребения умерших, и ужас, которым наполнялось каждое сердце при виде непогребенного мертвого тела. Именно к этому обращается самая известная трагедия Софокла, и именно из-за оскорбления, нанесенного мертвым, Креон навлекает на весь свой дом горе и гибель. В одном из самых известных отрывков из своей поэмы Вергилий говорит о душах людей, которые не получили достойного погребения и подобающих почестей. Множество теней быстро собираются на берегу мистической реки:

Подобно листьям, что падают с деревьев
И летят вниз, когда приходит осень,
Или подобно птицам, что стаями летят
К земле из-за океана, гонимые
Холодным ветром, в поисках солнечного неба,
Они стояли, горестно моля,
Чтоб их скорее лодка забрала.
И, простирая беспомощно руки,
Они стремились к другому берегу.

Герой спрашивает свою страшную спутницу, что это за огромное скопище. «Это все те, — отвечает она, — чьи тела лежат не погребенными в земле. И они не могут переправиться через священную реку, пока их кости не найдут себе достойный покой. На протяжении долгих ста лет они должны приходиться на эти жуткие, мрачные берега, и, когда наконец этот томительный срок закончится, им, возможно, будет позволено переплыть реку и добраться до того места, к которому они стремятся в муках призрачной надежды».

Философ Саллюстий рассказывает о призраках мертвых, которые влачат жалкое существование в своих могилах, словно не желая с ними расстаться. Исходя из этого, он пытается доказать доктрину переселения души после смерти тела в новое тело. Раввин Манасей пишет, что среди евреев распространена вера в то, что в течение первого года после захоронения тела человека в могиле призрак этого человека постоянно навещает место захоронения, часто возвращаясь из тех краев, куда он отбыл, и что каким-то таинственным образом ему известно, что происходит вокруг него, и он может даже мельком заглянуть в будущее. Если верить этому ученому толкователю, в течение именно этого года ведьма из Эндора вызывала дух пророка Самуила, но по истечении этого срока она уже не получала отклика на свои попытки.

Порфирий замечает, что египтяне верили в то, что если дух животного насильно отделяли от тела, то он не уходил далеко, а оставался бродить поблизости. То же самое происходило в отношении людей, которые встретили насильственную смерть. Душу, так сказать, нельзя было выгнать; она связана с телом таинственными узами тончайшей и сильнейшей общности. Тени тех людей, тела которых не получили достойного погребения, часто можно увидеть мелькающими рядом с трупом. Это хорошо известно магам, и именно это оккультное притяжение они используют, когда, получив тело или часть тела мертвого человека, они могут своими ужасными чарами заставить призрак обнаружить себя перед ними и ответить на их вопросы, потому что благодаря своей природе он будет лучше знать то, что должно случиться, чем те, чьи способности скрывает грубая телесная оболочка. Едва ли нужно говорить, что это колдовское принуждение в высшей степени жестоко и аморально. Можно вспомнить, что с помощью Эдварда Келли все стали считать, что знаменитый доктор Джон Ди заставил умершего человека встать из могилы, чтобы ответить на те вопросы, которые подсказало ему его любопытство. Есть известная картина «Маг Эдвард Келли, вызывающий дух

умершего человека». Келли и Ди изображены на каком-то уединенном сельском кладбище, освещенном ущербной луной. Они стоят внутри двойного круга, в котором нарисованы знаки планет и таинственные имена: архангела Рафаила, Раэля, Тарниэля и других. Перед двумя колдунами стоит тело умершего человека в испачканном землей саване — жуткое зрелище.

Деметрий Фалерей пишет, что, когда душа животного покидает его тело, она, по верованиям египтян, получает необыкновенные способности; для этого дара есть свои мотивы, и душа не может просто предсказывать будущее и предлагать прорицания. Он утверждает, что по этой причине этот народ не ел мяса (ошибочный взгляд. Египтяне мясо ели. — *Ред.*) и поклонялся своим богам в обличьях животных.

Мы уже подчеркнули, как были важны достойные похороны для покоя души. Есть, по крайней мере, один поразительный пример, когда умерший человек отказался от могилы, потому что он считал себя недостойным ее. Агатий повествует, что некие философы-язычники, которые во времена императора Юстиниана (VI в.) оказались неспособными интеллектуально принять христианское вероучение триединства, решили, что им лучше будет покинуть Константинополь и поселиться при дворе иранского царя Хосрова, где им был обещан хороший прием, так как этот монарх любил гуманитарные науки, и его везде приветствовали как необычайно щедрого покровителя литературы. И Симплиций из Киликии, и Евлакий из Фригии, и Протан из Лидии, и Гермен и Филоген из Финикии, и знаменитый неоплатонист Исидор из Газы отправились все вместе ко двору царя Сасанидского Ирана, где их приняли со всеми почестями и уважением. Но, пробыв там недолгое время, они обнаружили, что многое делает страну Хосрова для них невыносимой, и, неспешно поразмыслив, они решили возвратиться на свою византийскую родину (Восточную Римскую империю, которую уже после ее падения (в 1453 г.) западноевропейские историки стали называть Византийской. — *Ред.*). По дороге домой они увидели на обочине непогребенный труп. Посчитав своим долгом сделать это, они приказали своим слугам выкопать могилу и обеспечить умершему приличное место последнего успокоения. Ночью этот человек явился одному из них в видении и несчастным голосом попросил их не трудиться ради него, так как он недостойн могилы, потому что земля, мать всех людей, отказалась принять человека, который вступил в кровосмесительную связь со своей собственной матерью. Когда занялась заря, они, к своему ужасу, увидели, что тело выброшено из земли, словно из-за его величайшего греха оно не заслуживало ничего, кроме наивысшего бесчестья и осуждения.

Одной из самых подробных и значительных историй о призраках во всей античной литературе является один рассказ, который, наверное, правильно будет назвать рассказом о вампире, потому что в нем девушка покидает свою могилу в телесном облике и живет, будучи мертвой, хотя и не сосет кровь своего возлюбленного. Эта история рассказана Флегонем из Траллеса, вольноотпущенным Адриана, и рассказчик утверждает, что эти необыкновенные события происходили у него на глазах. К огромному

сожалению, начало повествования отсутствует, и, соответственно, мы не можем с уверенностью сказать, почему оживший труп пришел к молодому человеку. Рассказ начинается неожиданно. Филинниона, дочь Демострата и его жены Харито, умерла и была похоронена уже почти шесть месяцев назад. В их доме гостил молодой человек по имени Махат. Однажды ночью старая нянька Филиннионы увидела, что в комнате гостя ярко горит лампа, и, заглянув в дверь, чтобы удостовериться, что все в порядке, обнаружила Филинниону, лежащую в постели с молодым человеком. Вне себя от радости, увидев девушку живой, нянька сразу же побежала к родителям и стала громко звать их, чтобы они пришли и обняли свое дитя, живое и здоровое, возвращенное им каким-то добрым богом. Харито, дрожа от страха и радости, упала в обморок, но, придя в себя, начала горько плакать при мысли о своей дочери и воскликнула, что нянька, должно быть, сошла с ума, и приказала ей выйти вон из комнаты. Однако старуха начала очень энергично возражать и сказала, что не обманывает мать. Наконец мать согласилась пойти с ней, украдкой заглянула в комнату и увидела свою дочь. Но, чувствуя, что в этот утренний час, задолго до зари, когда все погружено во тьму и неподвижно, она не может установить правду, не подняв на ноги весь дом, — что в таких обстоятельствах ей совсем не хочется делать, — Харито приняла решение ничего никому не говорить до утра, когда она сможет увидеть, действительно ли это ее дочь находится в доме, или, по крайней мере, она сможет попросить у Махата объяснений этой загадке.

На рассвете оказалось, что девушка исчезла, и Харито в величайшем горе настоятельно просит Махата рассказать ей всю правду, ничего не утаив. Молодой человек, который, по-видимому, не знал, что хозяйка дома потеряла дочь по имени Филинниона, сильно расстроился и признался, что какая-то влюбленная девушка разделила с ним ложе, а кто-то на ухо прошептал ему ее имя: Филинниона. Более того, она потребовала, чтобы он никому не рассказывал об их ласках. Чтобы подтвердить свой рассказ, Махат показал золотое кольцо, которое она подарила ему, а также ленточку, которую она оставила. Как только Харито увидела эти два предмета, она издала пронзительный крик, стала со стенаниями рвать на себе одежду, волосы и упала без чувств на землю. Она узнала и кольцо, и ленточку, которые принадлежали ее умершей дочери и были положены в могилу вместе с ней. Весь дом тут же охватила суматоха, со всех сторон раздавались крики и лились слезы, будто это были вторые похороны. Наконец Махату удалось утихомирить всех, пообещав позвать их ночью, если девушка снова придет к нему.

В ту ночь, как можно предположить, никто не спал; и в обычный час явилась Филинниона. Сам молодой человек был смущен и поражен и не знал, чему верить. Он и подумать не мог, что это теплое и жаждущее ласк тело, которое он обнимал, было холодным, окоченевшим трупом. И не могла же мертвая женщина есть пищу и пить вино за его здоровье. Он предположил, что, скорее всего, могильщики ограбили тело и продали украшения в городе. Однако, держа данное им обещание, он, как только она пришла, сделал знак

слуге, который бесшумно выскользнул из комнаты и привел родителей девушки. Войдя в комнату, Демострат и Харито онемели от изумления, но через несколько мгновений с громкими криками стали обнимать свою дочь. Но Филинниона сказала с печалью в голосе: «О мои дорогие мать и отец, как же вы жестоки, что не дали мне три раза посетить гостя в моем собственном доме, не причиняя никому вреда. Но вы сильно будете горевать из-за своего назойливого любопытства, потому что вскоре я снова должна буду вернуться в назначенное мне место. Узнайте также, что мой приход сюда не противоречил воле Божьей». Едва эти слова слетели с ее губ, как она упала бездыханной, и на виду у всех на постели уже лежал труп. Теперь Харито разразилась самыми пронзительными воплями, несчастный отец громко стонал, и все домашние не могли сдержать свое горе при виде вторичной смерти той, которая была так дорога им всем. Эта история тотчас разнеслась по всему городу и через час-другой вызвала настоящую сенсацию. По-видимому, о ней было официально доложено Флегону, который, вероятно, занимал какой-то высокий и важный пост в городе.

Рано утром театр заполнили горожане, и после обсуждения дела было решено вскрыть могилу, чтобы посмотреть, покоится ли в ней тело Филиннионы, положенное туда шесть месяцами ранее, или она пуста. Открыли семейный склеп, прошли мимо белеющих костей давно усопших членов семьи и обнаружили на гробе Филиннионы кольцо, которое Махат дал в качестве залога своей любви женщине, искавшей его объятий, и позолоченную чашку, которую он подарил ей. Страшно пораженные, судьи направились к дому Демострата и затем увидели труп его дочери на том же месте, где она упала в предыдущую ночь. Это вызвало сильное удивление и множество споров, пока некий провидец и предсказатель по имени Хиллус, пользовавшийся почетом и уважением, не обратился к властям, прося их ни в коем случае не разрешать, чтобы тело Филиннионы снова было положено в склеп, а проследить, чтобы оно немедленно было сожжено где-нибудь подальше от стен города. Затем он сказал, что необходимо принести жертвы Гермесу Ктонию, проводнику душ в царство мертвых, а также искупительные жертвы Евменидам (в Древних Афинах культовое наименование подземных богинь родовой мести. — *Пер.*). Отозвав в сторону Флегона, он посоветовал ему ради блага Цезаря и империи сделать жертвоприношения Гермесу, Зевсу Ксениосу, защитнику гостеприимства, и Аресу. Все обряды были должным образом исполнены. После этого весь город прошел священный ритуал очищения. А Махат из-за любви к своей мертвой возлюбленной в отчаянии лишил себя жизни.

Эту историю упоминает отец Ричард из Санторини в своем труде *Relation de ce qui s'est passé de plus remarquable a Sant-Erini* («Рассказ об удивительных событиях на острове Санторини» (Тира. — *Ред.*), в котором называет Филинниону настоящей *vrykolakas*. То, что она была безобидна, можно сравнить с другим случаем, так как отец Ричард ссылается на некоего сапожника из Санторини, который вернулся из могилы и, не вынашивая недобрых планов, заботливо присматривал за своей вдовой и детьми. Кроме

того, беседа Филиннионы с Махатом и их совокупление полностью согласуются с широко распространенными в народе представлениями, ведь вампиры часто очень сексуально озабочены. Этот сапожник приходит к своей жене и общается с ней; он даже насилует других женщин в отсутствие их родственников; более того, известно, что он женился и стал отцом детей. В Древней Мексике умершие женщины (сиуатетео) были самыми сладострастными суккубами (демон в образе распутной женщины. — *Пер.*). Эти вампиры осаждали симпатичных молодых людей, принуждали их к совокуплению и иногда рожали детей от такого союза.

И хотя вера в вампиров не получила полного развития в Древнем Риме, тем не менее истории, подобные истории, рассказанной Флегеном, пусть и позднего происхождения, содержат в себе больше чем зародыш славянских преданий. Разумеется, очень трудно, если не невозможно, провести различие между этими призраками, жаждущими крови и питающимися жизненными силами других людей, этими злобными привидениями, столь загадочно привязанными к мертвому телу, которые могут вселить ужас и нанести вред здоровью тех, кого они терзают, и вампирами Восточной Европы. Подобно тому как, часто считается, вампиры при жизни были исключительно злобными людьми, в Риме после смерти любого человека, который заслужил всеобщую ненависть, было широко распространено поверье, что призрак ужасной злобы, его собственный изъян, остается в его могиле. Светоний повествует, что после убийства Калигулы 24 января 41 г. н. э. «его тело было частным образом отнесено в Сады Ламий, где было наполовину сожжено на в спешке сложенном погребальном костре, после чего было небрежно присыпано землей. Впоследствии оно было выкопано сестрами Калигулы после их возвращения из ссылки; оно было должным образом кремировано, а пепел захоронен. Но до этого всем прекрасно было известно, что сторожам Садов сильно досаждали ужасные призраки, и ни одна ночь не проходила без сильной тревоги; а дом, в котором был убит Калигула, внезапно сгорел дотла». Сады Ламий находились на Эсквилинском холме, который получил свое название из-за дубовых рощ, которые изначально его покрывали, в чаще которых долго продолжали существовать таинственные святилища: часовня Дуба и молельня Дианы. Не может быть никаких сомнений в том, что это древнее место было осквернено человеческими жертвоприношениями и пролитая там кровь влекла вампира Калигулу из его могилы. Именно на посещаемом призраками Эсквилинском холме перед деревянной статуей Приапа Канидия и Сагана проходил шабаш ведьм, как его описал Гораций, и даже на протяжении Средних веков этот холм долго пользовался дурной репутацией.

Во многих странах дуб почитали как священное дерево и жилище могущественного духа (дуб — священное дерево, в частности у кельтов и славян. С дубом связан день 21 марта. — *Ред.*). В древности пруссы поливали красной росой крови человеческих жертв могучий дуб в Ромове; а Лукан рассказывает нам о том, что в Дубовой роще друидов в Марселе каждое дерево опрыскано кровью человеческих жертв...

В Писании мы находим культ дуба, который многократно осуждается самым решительным образом. Ясно, что культы, связанные со священными дубами, играли такую важную роль в народной религии, что даже Иегова был тесно связан с ними. Поистине дуб был освящен сверхъестественными явлениями. Дубы росли в долине Мамбры, где жил Авраам, построивший алтарь Богу. Во времена христианства император Константин на этом священном месте построил церковь, и в письме, которое хранил Евсебий при жизни императора, написано, что у «дуба Мамбры», который, как говорили, был осквернен суеверными жертвоприношениями и даже того хуже, было велено, чтобы это место было освящено «непорочной постройкой базилики». Отмечается, что Иосия «взял большой камень и поставил его под дубом, чтобы это было святилищем Бога. И он сказал всем людям: „Смотрите, этот камень будет для вас свидетелем того, что он слышал все слова Бога, который он сказал вам, чтобы вы потом не отрицали этого и не лгали Господу вашему Богу“». Это чрезвычайно важно, так как из текста может показаться, что камень, положенный непосредственно под дуб, в некотором роде пропитывается святостью мистического дерева. То, что сами деревья становятся объектами поклонения, отчетливо видно из некоторых отрывков пророчеств. Так, пророк Осия говорит: «На вершинах гор они приносят жертвы и на холмах совершают хождение под дубом и тополем, и теревинфом, потому что хороша от них тень; поэтому любodeйствуют дочери ваши и прелюбodeйствуют невестки ваши. Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудodeйствуют, и невесток ваших, когда они прелюбodeйствуют, потому что вы сами — на стороне блудниц и с любodeйцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет» (Ос., 4: 13, 14). Любodeйцы — это кедешимы, священные мужчины и юноши, «возлюбленные бога», которые в Иерусалиме жили в стенах Храма, пока в 622 до н. э. царь Иосия, взошедший на престол в 633 г. до н. э., не изгнал их. Он также уничтожил то крыло здания, где жили «женоподобные», для которых женщины ткали одежды (4 Цар., 23: 7: «И разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты»). Пьер Дифур считает священную проституцию главным элементом мистического культа и говорит, что гомосексуалисты образовывали секту, в которой существовали свои собственные оккультные обряды и церемонии посвящения. Он продолжает: «Были красивые безбородые мужчины, которые в храме вели постыдную торговлю своими лишенными растительности телами, натертыми маслами и благовониями». Вульгата (латинский перевод Библии, используемый в католической церкви. — *Пер.*) называет таких мужчин женоподобными; на иврите они называются кедешимы, то есть посвященные. Обычно их роль состояла в более или менее активном использовании позорных тайн; кедешимы продавали свои тела верующим в их бога иудеям и клали на алтарь идола деньги, полученные ими за проституцию.

В некоторых обрядах, проводимых ночью в глубине леса, когда лики прекрасных звезд скрыты листвой деревьев или стыдом за нечистоплотность человечества, жрецы и посвященные наносили своим телам раны — порезы и

проколы; затем, подогретые пороком, возбужденные неистовой музыкой, они падали друг на друга вповалку, покрытые кровью. Похожие обычаи существовали в Древней Мексике и были связаны с тамошней верой. Берналь Диас (проживший более 100 лет (ок. 1492 — ок. 1593) испанский историк, кастильский дворянин, в 1519–1521 гг. участвовавший в завоевании Кортесом Мексики. Автор «Правдивой истории завоевания Новой Испании» (закончена в 1568 г., опубликована в 1632 г. в Мадриде. — *Ред.*) писал: «Кажется, нет ни единого молодого человека, не оскверненного отвратительным содомским грехом, совершаемым у всех на глазах». У Евсебия в «Вита Константини» (III. 55) есть важная ссылка на распутные обряды, которые даже в его время сохранялись в Афэке (Антипатрида, или Афэк, — древний город в Израиле. — *Пер.*). Никандр в «Алексифармаке», говоря о Сизике, упоминает подземные помещения, в которых приверженцы культа богини Реи подвергали себя кастрации и совершали таинственные обряды, посвященные Аттису (мифологический юноша-фригиец, возлюбленный фригийской богини Кибелы, матери богов и всего на земле. — *Пер.*). В этой связи не следует забывать превосходный дифирамб Катулла и важное описание юноши в таких фразах, как «был палестры лучшим цветом, первым был на поле борьбы».

Пророк Иезекииль говорит: «И узнаете, что я Господь, когда пораженные будут лежать между идолами своими вокруг жертвенников их, на всяком высоком холме, и на всех вершинах гор, и под всяким зеленеющим деревом, и под всяким ветвистым дубом, на том месте, где они приносили благовонные курения всем идолам своим» (Иез., 6: 13). Исаия тоже определяет современных ему израильтян так: «Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные» (Ис., 1: 4). И далее: «К чему Мне множество жертв ваших? Говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу» (там же, 1: 11). Не может быть сомнений в том, что человеческие жертвоприношения, которые происходили в дубовых рощах в Палестине, в древние времена практиковались и на Эсквилинском холме в Риме, а пролитая человеческая кровь привлекала и вампиров, и ведьм. Психическая атмосфера, которую создавали эти кровавые мерзости, была такова, что любой дух, подобный духу маньяка Калигулы, мог собрать бездну энергии для своего появления и даже, возможно, для своей материализации.

То, что отвратительные занятия ведьм и вампиров широко владели умами людей и часто обсуждались римлянами, как это происходит в наши дни, доказывает застольная беседа Тримальchio, которую для нас сохранил Петроний в бессмертном отрывке своего знаменитого романа. Один из гостей по имени Ницерос рассказал историю об оборотне — и отличную историю! — но хозяин попытался перещегоолять его своей легендой о вампире. «К тому же, — восклицает он, — я сам расскажу вам ужасную историю, столь же необыкновенную, сколь был бы рассказ об осле, скачущем по черепичной крыше. Когда я был еще кудрявым юношей — а я тогда был любвеобильным молодым Ганимедом, — умер любимец нашего покровителя. Клянусь

Геркулесом, он был чудо, а не мальчик. Его бедная мать оплакивала его смерть, и некоторые из нас, тоже убитые горем, сочувствовали ей в ее страданиях. Внезапно среди ведьм поднялся такой ужасный крик, что можно было подумать, что стая лающих собак гонится за зайцем. В тот момент случилось так, что в доме находился крепкий каппадокиец, высокий храбрый парень, задира, который легко мог бы свалить Юпитера с трона со всеми его молниями. Этот юный Паладин, намотав свой плащ на левую руку и держа обнаженный меч в правой руке, решительно выбежал из дверей и — надо же такому случиться — проткнул насквозь женщину. Мы услышали тяжкий стон, но самих ведьм — нет, не стану врать — мы не видели. По крайней мере, наш победитель вернулся и упал в обморок на кровать, потому что он весь был в синяках и кровоподтеках, как будто его всего избивали с головы до ног. Это была какая-то чертовщина. Мы быстро заперли дверь и вернулись к бедной матери, чтобы утешить ее. Но когда она пошла, чтобы обнять тело своего сына, она увидела, что нет ни сердца, ни всего остального, потому что вампиры унесли тело мальчика и оставили вместо него лишь пук соломы. Ну, что вы об этом думаете? Они довольно хитрые, а? — эти ночные ведьмы, которые за миг могут перевернуть все вверх дном. Что касается нашего отважного защитника, он так и не поправился, а через несколько дней умер в сильнейшем бреду». Надо понимать, что когда подобные истории всеми принимались на веру, то становилось необходимо — и это было не просто трудной, а опасной задачей — охранять тела умерших от таких нападений нечистой силы и вампиров. Много света проливает на эту тему тот замечательный роман, который является одной из самых известных жемчужин латинской литературы, которая сохранилась для нас благодаря цепкой хватке времени. «Метаморфозы» Апулея обладают очарованием, возможно порочным и причудливым, сравняться с которым могут немногие книги любой литературы. Остались неразрушенными чары, которыми этот мистик-декадент заколдовал века. Сама его жизнь была романом. Апулей родился около 125 г. в Мадавре, городе на границе Нумидии и Гетулии, одном из тех удивительных городов на севере Африки, где Восток встречается с Западом, где новейшая цивилизация сталкивается и сливается с самым Древним миром. Это один из городов этого необыкновенного континента, который несет на себе проклятие Хама (один из трех сыновей Ноя (брат Сима и Иафета). За насмешки над Ноем Бог проклял Хама, сказав, что будет он «раб рабов и братьев своих» — то есть потомки Хама (африканцы) будут в подчинении у потомков его братьев. — *Ред.*). Луций Апулей насмешливо называет себя гибридом — полунумидийцем и полугетулом. По своей воле он соединяет исчезающую философию греков, утомительную мудрость римлян и навязчивый оккультизм африканцев. Величайшее произведение Апулея «Метаморфозы», вероятно, было написано в Риме, пока он был еще молодым человеком до тридцати лет, вскоре после того, как он завершил курс учебы в Афинах. По своей дерзости раннего гения, по своей озабоченности своим модным и изящным внешним видом, по своему поиску чего-то нового, по своим стремительным нападкам на сверхъестественное, которое окрашивает всю его жизнь, — и я бы хотел

добавить сюда установление мира среди мистиков — Апулей или Луций из «Золотого осла» (ведь это одно и то же, как Гюйсманс и Дуртал) — очень современный тип.

То, что его история, без сомнения, происходит из того же греческого источника, откуда Луциан почерпнул свою собственную остроумную и соленую версию, ничуть не умаляет ее оригинальности. Апулей был бы оригинальным, если бы пересказал историю Трои, скитания Энея или Одиссея. Невозможно — и это было бы дерзостью — на этих страницах давать любой подробный рассказ об этом волшебном приключении. Давайте довольствуемся тем, что затронем те некоторые эпизоды, которые, может показаться, имеют некоторое отношение к вампирам, какими они были известны в античном мире. Роман начинается быстро, но не неожиданно: «Thessaliam ex negotio petebam» — «Мне довелось посетить Фессалию по делу». Самые первые слова задают тон рассказу. Фессалия, край тайн, магии и чудес. Эхо отзовется тысячью откликов. Обращаясь к страдающему от безнадежной любви деревенскому парню, Гораций восклицает:

Может ли любая ведьма, какой бы искусной она ни была,
Может ли колдун со всеми своими фессалийскими заговорами и
снадобьями,
Да могут ли сами Небеса освободить тебя от чар любви?

И снова в еще более известном отрывке он вопрошает:

Вы действительно смеетесь над снами, черной магией,
необыкновенными происшествиями, ведьмами,
ночными призраками и фессалийской порчей?

Проперций называет ведьму (saga) словом «фессала», будто это обычное определение, когда он признается в любви: «Этой страсти не могут меня лишить мои старинные друзья, не может и фессалийская колдунья смыть ее из моего сердца даже всеми очищающими водами могучего океана». Ювенал говорит о «фессалийском приворотном зелье» в связи с *magicos cantus*. Любен перефразирует *magicos cantus*, назвав их колдовскими заклинаниями, и замечает, что в Фессалии некогда в избытке приготавливались волшебные снадобья. Он же дальше объясняет, что такое приворотное зелье. Легко вспомнить, что приготовление таких напитков, которые вызывают любовь или ненависть, считалось неотъемлемой частью работы ведьмы и самым гнусным преступлением, потому что таким образом ведьма пыталась вмешаться в естественный порядок вещей.

Почти сразу же Луций встречает двух путников, один из которых по имени Аристомен рассказывает историю, связанную с вампиризмом и колдовством, которая уже содержит очень много черт более поздних повествований. Аристомен, который путешествует по Фессалии, Этолии и Беотии, торгуя сыром, медом, приправами и засахаренными фруктами, прибывает в Гипату (совр. Ипати в номе Фтиотида, Средняя Греция), один из главных городов этого региона (в древности (в V–IV вв. до н. э.) Гипата была центром

небольшой области Этея и Фтия, после римского завоевания во времена Апулея (II в.) входила в состав провинции Македония (ее крайний юг). — *Ред.*). Здесь он понимает, что зря купил такую большую партию сыров, потому что конкурирующая фирма уже заняла это место на рынке. Чтобы убить время, прежде чем пуститься в путь на следующее утро, Аристомен посещает общественные бани, и здесь в полуголом и несчастном оборванце узнает своего бывшего друга, некоего Сократа, которого уже много месяцев считали умершим. Аристомен полон решимости помочь старому товарищу, несмотря на его мольбы оставить его погибать, и, как следует освежившись, он берет его с собой пообедать в гостинице, где развлекает его добрыми тостами, красным вином и множеством забавных сплетен. Наконец бедняга осмеливается рассказать ему свою историю. Около двух лет тому назад или даже больше он путешествовал по Македонии по делу, где ему несколько раз улыбнулась удача. Он уже отправился в обратный путь с кошельком, полным денег, когда на окраине Ларисы на него напала шайка разбойников, которые отняли у него все, что он имел. С огромным трудом он дотащился до соседнего городка и случайно остановился у таверны, которую содержала некая Мероя, очень хорошенькая, которой он поведал о своих злоключениях. Сначала она сердечно приняла его, но через некоторое время заставила его работать на себя целый день в качестве подмастерья портного, пока он не дошел до крайней нищеты. Аристомен, естественно, воспринял это признание с большим негодованием и выбрал своего друга за то, что тот не вырвался из такой унижительной неволи. Через мгновение Сократ сильно побледнел и закричал: «Тише, тише, ты глупец, если оскорбляешь женщину, столь искусную в темных таинствах. Несомненно, такой несдержанный язык навлечет на твою голову страшную месть». — «Да что ты говоришь? — насмешливо ему ответил его собеседник. — И что же она за женщина, эта трактирщица? Жена Цезаря или могущественная царица?» — «Она ведьма и колдунья, чьи могучие заклинания могут опустить на землю сами небеса, повергнуть землю в смертельный сон, превратить бегущую воду в холодный мрамор, а горы — в тающий воск, вызвать тени умерших из их могил, заставить самих богов склониться перед ее волей, погасить свет звезд и осветить самые мрачные глубины преисподней». — «Да ладно, — вскричал его друг, — давай оставим эти сантименты и будем рассуждать здраво». Но Сократ продолжает подробно рассказывать о поступках этой женщины, и интересно отметить, что, несмотря на их необычность, есть некоторые моменты, которые можно сравнить с тем, что случалось во время судов над ведьмами в XV–XVI вв. По крайней мере, этот рассказ производит на Аристомена такое впечатление, что он решает, что для них лучше всего будет уехать на рассвете, «чтобы при содействии своих подручных эта ведьма не узнала про то, что тут было сказано, и не решила отомстить». Они хорошенько заперли дверь, и для пущей надежности Аристомен подпирает ее своей кроватью. Под воздействием хорошего вина, которое он так давно не пил, Сократ погружается в глубокий сон на своем ложе. Часы тянутся медленно, и уже перевалило за полночь, когда со страшным шумом двери распахиваются

так, что соломенный тюфяк отлетает, переворачивается и накрывает собой трясущегося человека, который на нем лежит. В комнату входят две женщины ужасного вида. Одна держит в руке пылающий факел, а другая — губку и обнаженный меч. Они встают рядом с Сократом, который еще храпит, и женщина с мечом восклицает: «А и правда, сестра Пантия, это он, мой милый Эндимион; вот котик мой, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, кто любовь мою презирал и не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я тогда должна стать еще одной Калипсо, покинутой ее Улиссом (Одиссеем. — *Ред.*)». И, указывая рукой на перевернутую постель, она продолжила: «А там лежит его достойный советчик Аристомен, который подстрекал его к этому и советовал ему сбежать. Так пусть несчастный трясется от страха, потому что я позабочусь о том, чтобы он быстро раскаялся в содеянном». Вторая ведьма предлагает убить его прямо сейчас, но Мероя решительно отвечает: «Нет, пусть живет, чтобы бросить горсть земли на тело этого бродяги и негодяя». Затем они хватают несчастного Сократа за волосы на голове, и одна из них погружает меч по самую рукоятку ему в глотку с левой стороны, а в это время другая старательно ловит хлещущую кровь в небольшой сосуд, чтобы ни капли не упало на одеяло или подушку. В то же самое время показалось, что бедняга глубоко вздохнул, и вся жизнь вышла из него вместе с кровью. Панфия мгновенно прижала губку к ране, шепча: «О морская губка, остерегайся бегущего потока». После этого, отодвинув кровать и расставя над лицом Аристомена ноги, обе женщины принялись мочиться, залив его зловоннейшей жидкостью.

Едва они перешагнули порог, как двери быстро захлопнулись, а запоры и засовы вернулись на свои места. Полумертвый от ужаса, трясась всеми частями тела от страха быть обвиненным в убийстве своего друга, Аристомен связал свои вещи в узелок, стараясь не шуметь, и собрался ускользнуть, никем не замеченный. Но когда он разбудил привратника, этот уважаемый человек отказался отпереть двери до рассвета, заявив, что дороги кишат грабителями, и путешественники не должны, по крайней мере ради собственной безопасности, пускаться в путь до первых петухов. Почти в отчаянии несчастный парень прокрался назад в свою комнату и принял решение совершить самоубийство, чтобы его не обвинили, как он был уверен, в смерти друга. И вот он привязывает старую веревку к потолочной балке и, стоя на табуретке, собирается оттолкнуть эту опору, когда волокна веревки, сильно подгнившие и ненадежные, рвутся, и он летит на тюфяк, на котором лежит его товарищ. Услышав этот шум, окончательно уже проснувшийся привратник вбегает в комнату, при этом Сократ подпрыгивает и громким голосом вопит, что этот человек прокрался к ним, чтобы украсть что-то, пока они спят. Теперь Аристомен вне себя от радости, но тем не менее ему не терпится уйти отсюда как можно скорее. И вот они платят за постой и вскоре уже находятся далеко в пути. Но все же Аристомен не может удержаться от того, чтобы не бросить украдкой взгляд назад, а также на шею своего товарища. Но на ней нет раны, нет никакой отметины от пореза, ссадины,

шрама, и он понимает, что пережил необычайно яркий ночной кошмар, который дает повод для каких-нибудь глубоких философских замечаний на тему воздержания не только в отношении вина и крепких напитков, но и в отношении позднего ужина и обильной пищи, несварение которой приводит к таким мрачным и причудливым фантазиям. Сократ весело смеется над утренней проповедью своего друга и вскоре признается, что быстрая ходьба и свежий утренний воздух заставили его сильно проголодаться. Они садятся в тени платановой рощи, так как солнце уже встало и набрало силу. У их ног бежит небольшой журчащий ручей, вода в котором чище, чем блестящее серебро или прозрачный хрусталь. Скромна их трапеза, но аппетит хорош. Они накрывают свой стол на лужайке: свежий хлеб и отличный сыр; вместо скатерти природа приготовила им листву с деревьев. Отдав должное завтраку, Сократ начинает ощущать жажду. Он встает, идет к ручью и наклоняется, чтобы попить. И как только его губы касаются воды, как в его горле открывается зияющая рана, губка, ее затыкающая, выпадает, и из горла течет небольшой кровавый ручей. Без единого крика Сократ падает на берегу ручья, иссохший, изможденный, отталкивающий труп, кожа да кости. Половина его тела оказывается в воде, а половина — на суше. Его спутник с трудом вытаскивает несчастные останки на берег и, боясь, что его увидит какой-нибудь случайный путник, выкапывает в песчаной почве неглубокую могилу, в которую он кладет своего несчастного друга, слегка присыпав его землей. Как будто он сам убийца, Аристомен бежит с проклятого места и, выбрав добровольную ссылку, поселяется в городке в далекой Этолии, чтобы на новом месте забыть об этих кошмарных событиях.

Мне показалось, что стоило изложить эту историю в подробностях, потому что в ней есть явные черты вампиризма. Две ведьмы — это явно вампиры в широком смысле этого слова. Следует отметить, что хотя они, разумеется, не погибли, они обладают многими качествами вампиров из легенд славянских народов. Они появляются вскоре после полуночи и, несмотря на преграду в виде запертых дверей, способны сверхъестественным способом войти в комнату своей жертвы, которая остается спящей и не знает об их нападении. Однако на следующее утро человек жалуется на некоторую слабость и вялость, а его товарищ замечает, что за завтраком он мертвенно-бледен, как самшит. К тому же вампиры высасывают кровь с левой стороны горла, и кажется несомненным, что та осторожность, с которой они набирают кровь в сосуд, стараясь не пролить ни капли, — это результат того, что они хотят сохранить этот драгоценный напиток жизни, чтобы восстановить свои собственные жизненные силы. После их ухода все остается так, как было до их насильственного вторжения, а человек, который оказался свидетелем происходящего, пребывает в трансе или оцепенении, так что на следующее утро он может почти убедить себя в том, что стал жертвой особенно страшного кошмара, обстоятельства которого полностью перекликаются со славянскими преданиями. Тот факт, что вампиры приходят только один раз и высасывают кровь жертвы, так сказать, за один присест, — это очень незначительная деталь, которая скорее относится к литературному удобству, нежели к

какому-нибудь верованию или суеверию.

В ходе романа Апулея Луций прибывает в Гипату, где снимает жилье у некоего Милона, вымогателя-скупердяя, жена которого Памфила имеет дурную репутацию известной и могущественной колдуньи. Бродя по улицам, чтобы насладиться красотами этого города, Луций знакомится с богатой женщиной, занимающей высокое положение в обществе, подругой его матери Бирреной, которая сердечно приветствует его. Но когда она узнает, где поселился Луций, то проявляет необычайное беспокойство. Она приглашает его на прием в свой дом, и во время застолья разговор, как это бывает, зашел о красоте и богатствах Фессалии, которую восхваляют с большим чувством и красноречием. Луция спрашивают, как ему нравится в Гипате. «Если я не ошибаюсь, — говорит дама, — наши храмы, общественные бани и другие великолепные здания сильно превосходят то, что можно увидеть в любом другом городе Греции. Только здесь из всех уголков Земли человек может насладиться всем, что ни попробует. Если вы здесь по делу и прибыли на людную ярмарку, на наших улицах и площадях можно увидеть суету самого Рима. Если вы склонны к уединению и ищите покоя, вы можете найти это в тиши наших загородных домов и вилл, которые стоят в уединении среди прекрасных садов». — «Все это, — честно признает Луций, — истинная правда. Но, несмотря на все привлекательные стороны этого очаровательного города и свободу, которой здесь можно пользоваться, меня чудовищно страшат мрачные тайны и ужасные чары черной магии. Ведь часто сообщают, что здесь, в Фессалии, даже могилы мертвых небезопасны, что невидимые руки крадут части и останки трупов из могил — да что там! — даже с самих погребальных костров и что своими заклинаниями они навлекают на живых людей самые ужасные несчастья. Говорят, что этих жадных ведьм иногда видят торопливо шныряющими у могил даже еще до того, как на кладбище прибывает похоронная процессия». — «Все это в достаточной мере правда, — заметил один из гостей. — И я могу сказать вам кое-что еще: они не щадят даже живых людей. Один известный мне человек — я не буду называть имен — ужасно пострадал от нападения этих ведьм, а его лицо исказилось самой непотребной гримасой». При этих словах гости начали громко смеяться, после чего один из приглашенных встал и в глубоком негодовании начал пробираться к выходу. Однако хозяйка вернула его назад ласковыми речами и попросила его рассказать историю, которая с ним приключилась. «Нет, нет, мой милый Телефрон, — воскликнула она, — умоляю вас остаться и рассказать нам в вашей обычной благодушной манере о происшествии, которое случилось с вами и которое нас всех так опечалило». Поворчав на неучтивость некоторых гостей, молодой человек согласился вернуться и рассказать всем присутствующим о неприятном случае, с ним приключившемся. Телефрон был молодым студентом, который, путешествуя без забот о расходах по Фессалии, оказался в Ларисе без гроша в кармане и усиленно думал, как восполнить свои финансы. Бродя по рыночной площади, он удивился, услышав, как какой-то старик громко объявил: «Если кто-то согласится постоять на страже мертвого тела, тот будет щедро

вознагражден». — «Что, черт побери, это значит? — спросил Телефрон прохожего. — Что, мертвые в этих краях имеют обыкновение сбегать?» — «Лучше придержи язык, — был краткий и резкий ответ. — Ты всего лишь зеленый юнец, чужестранец, надо полагать, и не знаешь, что по всей Фессалии ведьмы рыскают в поисках мертвых тел, чтобы использовать их как ингредиенты при приготовлении амулетов и заговоров». — «Да, но скажите же, в чем состоит это дежурство у мертвого тела?» И Телефрону было сказано, что тот, кто возьмет на себя эту печальную обязанность, должен бодрствовать всю ночь, уставившись на труп. Он должен не смыкать глаз, так как именно в тот момент, когда сторож начнет клевать носом, ведьмы, приняв облик какого-нибудь животного, прокрадутся к телу и застанут сторожа врасплох. Они могут проникнуть в помещение в облике небольших птиц, мышей, даже мух и паразитов, чтобы с помощью своих чар погрузить караульного в сон и осуществить свои ужасные цели. Такое бодрствование, по совести, было достаточно опасным, и все же за эту услугу можно получить не больше четырех или, самое большее, шесть золотых монет. Самый острый момент был в конце, так как, по закону, любой человек, согласившийся на такое дежурство, на следующее утро должен сдать мертвое тело в целости и сохранности, а если какой-то его части будет не хватать, он будет вынужден возместить нехватку недостающего органа за счет своего собственного тела. Тем не менее юный студент находился в таких стесненных обстоятельствах, что вызвался на это дело. Его тут же привели в прекрасный особняк, где в затемненной спальне лежало тело усопшего, которое его попросили защитить от ужасных гарпий. Телефрон считал, что все эти рассказы — чепуха. Но в спальню вошли семь свидетелей, в присутствии которых было зафиксировано, что тело находится в целости. Телефрона оставили одного с большой лампой, в которой было достаточное количество масла, чтобы она горела до утра, но в пище и вине, которые он попросил, ему было категорически отказано. Спустилась ночь, в тишине проходили часы, и тени становились все темнее, пока юный студент, который был храбрым в присутствии других людей, не начал испытывать холодный ужас от медленно тянущихся минут. Внезапно он почувствовал движение у своих ног и увидел небольшую ласку, которая прокралась в комнату и пристально глядела на него злыми красными глазами. Вид этого зверька взбудрил Телефрона на какое-то время, и, закричав, он уже собирался убить ласку, когда в мгновение ока та юркнула за дверь. Почти в тот же самый момент глубокий сон сморил Телефрона, и он не пришел в себя, пока под окном не закричали громко петухи, приветствуя алую зарю. В панике он бросился к телу, чтобы осмотреть его, но на нем не оказалось никаких признаков какого-либо увечья. Вскоре вошли члены семьи умершего. Тело было тщательно осмотрено, и молодого человека поздравили с усердным исполнением задания. Ему заплатили обещанное, но, к сожалению, возбужденный своей удачей, он сказал хозяйке: «Я с готовностью сделаю такую же работу, как только вам потребуются мои услуги». Это были слова самого дурного предзнаменования, так как они предвещали вскоре еще одну смерть в этом доме. И в ответ на такие речи Телефрона тотчас выкинули за

дверь со смачными проклятиями и побоями.

Болтаясь по улицам и горько сожалея о своем недостойном высказывании, Телефрон увидел помпезную похоронную процессию со всеми внешними признаками церемониальной скорби. Похороны, однако, были прерваны самым плачевным образом, так как подбежал старик и заявил, что его племянник, который лежит на похоронных дрогах, был отравлен, а его вдова, которая сейчас притворяется обезумевшей от горя, обвиняется в этом преступлении. Толпа сразу же разделилась на сторонников и противников этой версии, и казалось, что назревает нечто вроде бунта. Было решено передать дело в руки египетского колдуна, который согласился вызвать с помощью своих оккультных приемов дух умершего, чтобы тот сам, ожив, мог рассказать о своей кончине. После неких таинственных заклинаний, к ужасу зрителей, труп пошевелился, и показалось, что из его уст зазвучал глухой голос. По знаку колдуна умерший заявил, что он действительно безвременно расстался с жизнью благодаря злодейскому искусству своей супруги. Мгновенно поднялся ужасный шум, но вскоре стало очевидно, что многие считают всю эту процедуру колдовством и что женщину ложно обвиняют благодаря гнусным чарам мага, который был подкуплен с этой целью. Однако, когда воцарилась тишина, мертвец сказал: «Я предоставляю вам неопровержимое доказательство правдивости своих слов, раскрыв факт, который не известен больше никому, кроме меня». И тогда своей холодной рукой он указал на дрожащего Телефрона и продолжил:

«Прошлой ночью, когда этот человек добросовестно караулил мои бранные останки, вампиры и ведьмы, которые бродили поблизости, чтобы овладеть ими, увидели, что не могут обмануть его бдительность и своими чарами повергли его в глубокий сон. И как только его глаза закрылись, с помощью сильных заклинаний они стали звать меня по имени, а мои коченеющие члены старались выполнить повеление, содержащееся в заклинаниях.

По воле случая этот человек носит то же имя, что и я, и в своем трансе, слыша, что его зовут, он встал и бессознательно пошел к двери. Окна были закрыты ставнями, а дверь крепко заперта, но вампиры все же проникли через щели и отрезали сначала его нос, а затем два уха. Чтобы скрыть на какое-то время свои ужасные деяния, они сделали эти же части тела из воска и наклепили на раны. Вот он стоит, этот несчастный бедняга, который заработал свою щедрую награду не за свое бдение, а за то, что получил такое тяжелое увечье».

Услышав эти слова, Телефрон мгновенно рукой потрогал нос и уши и лишь убедился в правдивости этого рассказа. Обезумев от стыда и ужаса, он побежал через толпу и быстро скрылся. Он прикрыл свои раны, как только мог, чтобы они выглядели прилично, но больше никогда он не осмелился вернуться в свой родной город Милет и волей-неволей был вынужден зарабатывать себе на жизнь в том городе, где о его несчастье знали и где оно вызывало жалость и сострадание, а не удивление и отвращение.

Полагаю, нельзя отрицать, что здесь мы имеем легенду о вампиризме в чистом виде, и есть несколько моментов, которые в связи с более поздними

суевериями и верованиями заслуживают особого внимания. Во-первых, в ней говорится, что ведьмы-вампиры, которые хотят изувечить мертвое тело, обычно принимают вид небольших животных и в таком виде неожиданно проникают в помещение незамеченными. Де Ланкр искренне замечает: «Злые духи знают тысячу способов, как ввести в заблуждение людей и причинить им вред. Если змеиная хитрость не помогает, они обретают силу льва и ловкость обезьяны». Появление в комнате мышей, мух или даже паразитов, которые могут оказаться злыми духами или их подручными, столь преобразившимися, можно сравнить с рассказами завсегдаев английских судов над колдуньями. В XVII в. обычной практикой при расследовании дел такого рода было «наблюдение за ведьмой». Именно так обстояло дело в Восточной Англии во время деятельности Мэтью Хопкинса с 1645 по 1647 г. — эту процедуру подробно описал преподобный Джон Гол в его работе «Избранные дела ведьм и случаи колдовства» (Лондон, 1646). Следует помнить, что, хотя Гол горячо не одобрял Хопкинса и все его приемы, он тем не менее твердо верил в колдовство и его эффективность. Гол пишет: «Взяв подозреваемую в колдовстве ведьму, он сажал ее на стул или стол посреди комнаты со скрещенными ногами или в какой-нибудь другой неудобной позе, причем если она не подчинялась, то ее связывали в этой позе веревками. После этого за ней начинали наблюдать, не давая ей ни мяса, ни сна на протяжении суток (так как говорят, что в течение этого времени можно увидеть, как приходит ее бес). В двери делали небольшое отверстие, чтобы в него мог проникнуть ее бес. А чтобы он не пришел в каком-нибудь менее различимом облике, те, кто вели наблюдение, должны были время от времени подметать комнату, и если они видели каких-нибудь пауков или мух, то должны были их убить. А если у них не получалось убить их, то тогда они могли быть уверены, что это ее бесы».

Широко была распространена вера в то, что ведьма или вампир путем материализации могут войти в комнату через малейшую щель, что, несомненно, было связано с той внезапно рождающейся неустойчивой структурой, известной как эктоплазма, которая, как часто утверждают, обладает свойством проникновения в материю. Зафиксировано, что в случае спиритического сеанса 25 ноября 1909 г. с медиумом Эвой С. появился светящийся дым, который превратился в длинную белую полосу и вскоре обрел цельную форму, хотя он вытекал из шкафа в виде полосы мягкой субстанции белого цвета, иногда приобретая форму зигзага или волн. Можно привести огромное количество примеров такой материализации с последующим застыванием, но достаточно будет сослаться на великое произведение Шренк-Нотцинга «Явления материализации». Святой Фома утверждает, что, хотя падшие ангелы или демоны потеряли со своим падением все свои сверхъестественные способности, они сохранили те из них, которые неотделимы от их естественного существования. И среди них не самое последнее место занимает способность работать с материей, переносить ее с места на место, принимать человеческий облик и воздействовать на человека. Поэтому они способны содействовать этим процессам

материализации, достигая тонкости структуры, способной проникнуть в материальные объекты и преобразовать себя в осязаемое и цельное тело. Именно этой способности мы должны приписать появление в экспериментальной комнате предметов, которых изначально в ней не было. Такие предметы известны под термином «поступления». В издании «Лайт» от 25 ноября 1910 г. был помещен отчет о таких феноменах, которые имели место во время сеансов с Чарлзом Бейли в Австралии. «Среди таких „поступлений“ были: индейское одеяло с человеческим скальпом и томагавком; свинцовая болванка, которая будто бы была найдена в Риме в культурном слое времен Римской империи и на которой было написано имя Август; некоторое количество гравия, якобы из Центральной Америки, который был совершенно не похож на тот, что можно увидеть в Австралии; две превосходные глиняные таблички, покрытые клинописью, возраст которых составлял несколько тысяч лет и которые якобы попали туда прямо из Месопотамии; и, наконец, птичье гнездо с несколькими яйцами и, без сомнения, живой птицей, мамашей будущих птенцов». На встречах господ Херна и Уильямса часто появлялись хрупкие цветы и букеты из них, причем при закрытых дверях.

Ласка была весьма распространенным обликом, который принимала ведьма или ее подручный. В 1588 г. ведьма призналась во всем: «У нее было три духа: один — дух кошки, который она звала Лайтфут (легкая поступь. — *англ.*), другой — жабы, который носил имя Ланч (обед. — *англ.*), и третий — ласки, который звался Мейкшифт (замена. — *англ.*)... Кошка должна была убивать коров, ласка — лошадей, а жаба — вселяться в тела людей и мучить их. Жила некая мать У. великого Т., у которой был дух ласки. Ее сильно обидел некий Х. М. Она пошла домой и вызвала свой дух, который находился в горшке, стоявшем под ее кроватью. Она приказала духу вселиться в тело того человека и изводить его. Он спросил, что она ему даст. Она ответила, что даст ему петуха, что и было сделано». Про другую ведьму в 1593 г. записано, что «у нее было три или четыре беса: один был похож на серого кота, второй — на ласку, а еще один — на мышью». Джордж Гиффард в своем «Диалоге о ведьмах» пишет: «У ведьм есть духи; у одних один, у других больше — два, три, четыре или пять; одни из них одного вида, другие другого, вроде кошек, ласок, жаб или мышей, которых они кормят молоком или курятиной или время от времени разрешают им пососать кровь».

В некоторых районах крестьяне относились к ласке с благоговейным страхом. И хотя карпатские гуцулы верили, что укус этого животного ядовит и что оно может нанести серьезный урон скоту, они всячески старались не убивать ласок, чтобы все их племя не стало мстить за смерть их сородича стадам его убийцы. У гуцулов даже был праздник в честь ласок либо в День святого Матфея 21 сентября, либо в День святой Катерины 25 ноября. И на какой бы день ни был назначен этот праздник, он должен был соблюдаться, и в этот день нельзя было делать никакой работы, чтобы не обидеть ласок и чтобы они не причинили вреда домашней птице и скотине.

Даже среди первых христиан, по-видимому, существовало представление о

том, что духи мертвых материальны, и это породило много суеверий и любопытных обрядов, которые, безусловно, никогда не были официально разрешены; их отвергали и пресекали. Возможно, только благодаря своему незнанию философской терминологии Тертуллиан (ок. 160 — после 200; раннехристианский писатель и теолог. — *Пер.*) считал, что все предметы, духи и даже сам Бог должны иметь телесную оболочку. Тертуллиан доходит до того, что говорит, что однажды видел человеческую душу в виде мягкого свечения воздуха, но при этом она тем не менее была по-своему материальна. Можно заметить, что его официальный разрыв с церковью в Карфагене произошел в 211 г. (Харнак), а де Лабриоль относит написание произведения *De Anima* («О душе») к 208–211 гг., так что не может быть никаких сомнений в том, что оно было написано под влиянием монтанистов (члены раннехристианской секты последователей жреца Монтана во Фригии (I–VI вв.). — *Пер.*). Хотя новые толкования Священного Писания еще не были догматически осуждены, автор не стал открыто порывать с церковью. Как учит этот длинный психологический трактат, если даже Бог есть *corpus* (тело), то во много раз больше это относится к душам *ex traduce*. Уже было отмечено, и это вовсе не было преувеличением, что учение Тертуллиана представляет собой просто усовершенствованный материализм стоиков, поддерживаемый паралогическими толкованиями Писания, посредством которых благодаря неизбежной беспристрастности языка Святой Дух создан для того, чтобы воцарился метафизический, но очень определенный материализм. В этой связи мы не должны терять из виду тот факт, что влияние сурового африканского аскета было огромным и сохранялось долго, перемещаясь различными путями. Святой Киприан обычно говорил: «*Da magistum*», когда просил почитать какую-нибудь книгу этого великого писателя для ежедневных раздумий. Святой Ириней Лионский (один из первых Отцов Церкви, ведущий богослов II в. — *Пер.*) учит, что после смерти душа сохраняет облик, который имело тело при жизни, и часто она может оставаться связанной с телом и сохранять ясную память обо всем, что она сделала или не сделала во время жизни на земле. Можно заметить, что все это подтверждают те люди, которые исследовали дома с привидениями и явления призраков. Несомненно то, что по непонятным нам законам призрак — это нечто материальное. Майкл Гликас повествует в своих «*Анналах*» (ч. 4), что император Василий, потеряв горячо любимого сына, обратился к базилийскому монаху из Сантабарена, и этот оккультист вызвал явление мертвого мальчика. Император не только видел, но и даже говорил со своим ребенком, которого он долго держал в своих объятиях. Это был необычный фантом или тень, которую могущественный мастер черной магии по просьбе своего господина вызвал к жизни.

Точно так же, как в том случае, когда призраков можно было коснуться и они не были видением или галлюцинацией, они, с другой стороны, могли оставлять видимые доказательства своего появления. Этому есть много примеров, но стоит привести случай, о котором сообщалось в газете «Сан-францисский наблюдатель» от 29 ноября 1891 г. Фермер по имени Уолсингем

и его семья въехали в дом в Оуквилле на реке Саванне. С первых дней им стали досаждать ночные звонки дверного колокольчика, хлопанье дверей и опрокидывающаяся мебель. Сначала они относили это на счет вредных соседей, которые, возможно, по какой-то причине не хотели, чтобы в этом доме появились жильцы. Но беспорядок усиливался, и не прошло и недели, как дом стал еженощно оглашаться криками и воплями, за которыми раздавался самый отвратительный хохот и долгий завывающий плач, наводящий настоящий ужас; эти звуки иногда, казалось, начинались в комнате наверху, а иногда доносились из сада. Однажды вечером, когда дочь хозяина дома, юная девушка, сидела перед зеркалом и переодевалась, она почувствовала, как ей на плечо легла чья-то рука. Решив, что это ее мать или сестра, она взглянула в зеркало перед собой, но, к своему удивлению, увидела, что в нем нет никакого другого отражения, кроме ее собственного. Опустив глаза, она различила широкую мужскую руку, схватившую ее за плечо. Все домочадцы немедленно побежали на ее крики, но, когда они оказались рядом с ней, таинственная рука уже исчезла, хотя на плече девушки остались синяки в виде следов от пальцев в тех местах, где они грубо схватили ее. На следующий вечер, когда все сидели за ужином с несколькими гостями, над их головами раздался громкий стон, и через несколько минут один из гостей указал на пятно, которое медленно расплывалось на скатерти, и все увидели, что какая-то жидкость капает на стол с потолка. Она была настолько похожа на только что пролитую кровь, что все присутствующие в ужасе вскочили с мест, а господин Уолсингем с несколькими гостями поспешили ринулись наверх, в комнату, которая располагалась прямо над столовой. На полу лежал ковер, и ничто не указывало на источник ужасной влаги. Ковер был немедленно снят, но все увидели, что доски абсолютно сухи и даже покрыты легкой пылью. Однако все то время, в течение которого продолжалось исследование пола, красный дождь, как говорили оставшиеся внизу люди, падал не переставая. Ужасное пятно достигло размеров обеденной тарелки, прежде чем жидкость наконец перестала капать. На следующий день пятно изучили под микроскопом несколько опытных химиков и объявили, что это, без сомнения, человеческая кровь. В тот же день семья Уолсингем покинула этот дом, и, хотя сотни людей приходили в него, только один осмелился остаться там до сумерек. Это был молодой человек, который глупо поспорил, что проведет в доме ночь, и решил выиграть пари. Вскоре после наступления темноты он попытался развести огонь в одной из комнат и зажечь мощную лампу. К его удивлению, лампа мгновенно погасла, и, хотя молодой человек ничего не видел, он слышал, как кто-то злобно выгребает угли из очага и гасит тлеющие дрова. Вскоре начались шумы, которые продолжались в течение часа. Были и другие ужасы, и наконец, охваченный паникой, юноша заставил себя попытаться бежать из дома с привидениями. Пробираясь на ощупь в темноте, он почти добрался до двери, когда почувствовал, что его схватили за лодыжку и с силой бросили на землю. Тут же его схватили ледяные руки, которые пытались добраться до его горла. Молодой человек изо всех сил боролся со своим невидимым врагом, но

быстро оказался побежденным и потерял сознание от удушья. Когда наутро друзья нашли его, шея юноши была черной от отметин длинных тонких пальцев и покрыта царапинами, сделанными безжалостными кривыми ногтями. С огромным трудом приведенный в сознание, молодой человек на протяжении многих недель лежал в постели, страдая от потрясения и упадка сил. Доктора не смогли объяснить необычно анемичное состояние его тела, хотя он был молодым человеком очень крепкого телосложения. Пишут, что не было дано никаких объяснений всем этим ужасам, но кажется очевидным, что в этот дом являлся вампир, хотя данное объяснение этого явления нельзя считать установленным, раз никакого расследования не было проведено. Кажется, вскоре после этих событий дом был сожжен дотла, так как это был единственный способ избавиться это место от таких опасных проявлений. Здесь перед нами потрясающий пример призрака из семейства вампиров, который был достаточно материален, чтобы загасить лампу, разбросать угли, бросить спортивного молодого человека на землю и чуть не задушить его насмерть.

Благодаря распространенной вере в то, что души умерших по-прежнему сохраняют материальную оболочку и даже испытывают голод и жажду, в некоторых епархиях появился обычай приносить на могилы еду и съедать ее там, так как умерших, считалось, можно подкрепить и утешить легкой закуской. Этот обычай особенно соблюдался у гробниц мучеников. По-видимому, его смешивали с неким неясным языческим суеверием насчет того, что душам предков необходимы жертвы в виде еды и питья, чтобы их умилостивить. Святой Амвросий (миланский епископ, проповедник, один из четырех великих латинских учителей церкви. — *Пер.*) особенно запрещал такие проявления язычества, и в своих «Признаниях» он рассказывает нам, как святая Моника (354–430; мать Блаженного Августина, епископа Гиппонского, автора книг о вере и церкви. — *Пер.*) отказалась от этого давнего обычая. «Одно время моя мать приносила в молельни, воздвигнутые в память о святых, сырны лепешки, хлеб и вино, как это было принято в Африке. Но церковный сторож запретил ей делать это. А как только она узнала, что это запретил епископ, она столь благочестиво и послушно согласилась с этим, что я сам удивился тому, что ее так легко можно было заставить скорее винить обычай своей собственной родины, нежели подвергнуть сомнению это распоряжение. Ведь не вино дурманило ее рассудок и не любовь к нему возбудила в ней ненависть к правде, как это происходит со многими женщинами и мужчинами, которые, попробовав вина, отказываются от трезвости, отвергая глоток воды. Но она, принеся корзинку с обычными сладостями, которые она собиралась отчасти съесть, а остальное раздать, никогда не позволяла себе выпить больше маленькой бутылочки вина, сильно разбавленного водой, как она любила, которое она благочестиво пила по глоточку. А если было много молебнов в честь усопших святых, которых следовало почтить подобным образом, она по-прежнему несла с собой все ту же бутылочку, содержимое которой становилось тепловатым, но она ходила с ней во все подобные места и делилась ее содержимым с теми, кто оказывался рядом; ведь она приходила туда в поисках молитвы, а не

удовольствий.

Поэтому, когда она обнаружила, что этот обычай запрещен распоряжением самого известного проповедника и самого набожного прелата Амвросия даже для тех, кто стал бы соблюдать его благоразумно, чтобы не дать возможности пойти в разгул тем, кто слишком любил пить вино, и чтобы эти празднования годовщин смерти предков не очень походили на языческие, она впредь охотно стала воздерживаться от вина и вместо корзинки с фруктами научилась теперь нести в места молебнов за мучеников душу, полную простых молитв. Она могла раздать бедным все, что у нее было, чтобы достойно отпраздновать причащение тела Господня в тех местах, где по примеру Его страстей эти мученики были принесены в жертву и увенчаны терновыми венцами».

Есть еще одно упоминание об этом в De Ciuitate Dei святого Августина, где врач говорит о «почестях, которые христиане воздают мученикам»: «...все религиозные действия проводят там, во время торжеств, посвященных памяти великомучеников, но не делают жертвоприношений умершим или Богу. Есть такие, которые устраивают пирушки до этого времени, несмотря на то что истинные христиане этого не делают. Но этот обычай соблюдается не везде: есть такие, которые осаживают их, молятся и уводят их, чтобы накормить или раздать кое-что нуждающимся: все это они делают лишь с одним желанием, чтобы эта еда была освящена достоинствами мучеников именем Бога Великомучеников».

Хотя, конечно, первоначальное значение этого обычая полностью забыто и утрачено, в давние времена принести еду на могилу означало накормить умершего, чтобы, утолив свой голод, он не вышел из нее в облике вампира и не начал охотиться на живых.

В наши дни в Греции похороны обычно заканчиваются раздачей пищи и вина, и некоторую толику этого следует отдать и покойнику. Эти пиры у могил называются «макариа», и такой обычай можно проследить до глубокой древности. Французский путешественник XVII в. Соннини де Манонкур в своем произведении «Путешествия по Греции и Турции» (II. С. 153) рассказывает об этих пирах, устраиваемых у места погребения, «в которых они стремятся заставить участвовать и покойника». Нельзя сказать, что этот обычай неизвестен в Англии, что явствует из следующего сообщения в «Дейли экспресс» (среда, 21 марта 1928 г.). Под заголовком «Пиры для покойников. Древний обряд ведет к судебному процессу» мы читаем:

«Протест местного совета против обычая класть пищу на могилу, что является прегрешением, привел к любопытной акции, которая в настоящий момент внесена в список уголовных дел. Это деяние рассматривается в суде господином Юстисом Ивом в суде лорд-канцлера.

Истцом в этом деле является мисс Хоскинс-Абрахолл, которая просит суд не дать городскому районному совету Пейнтоня препятствовать ей в соблюдении этого обычая.

Служащие совета вчера были в Лондоне, ожидая рассмотрения дела. Один из них в интервью заявил, что могила, о которой идет речь,

на Пейнтонском кладбище — это могила Хоскинс-Абрахолла, бывшего священнослужителя англиканской церкви, который умер около десяти лет назад, и его жены. Мисс Хоскинс-Абрахолл, родственница священнослужителя, имела обыкновение посещать могилу и спускаться в склеп, в котором проводила много часов. Во время каждого своего посещения она приносила еду (курицу, пироги с голубями, фрукты, хлеб, вино и различные лакомства), которую она оставляла на могиле.

Продукты обычно исчезали, и дело приняло такой оборот, что совету пришлось принять меры к тому, чтобы продукты питания больше не оставались на могиле.

Мисс Хоскинс-Абрахолл утверждает, что выполняет древний обряд греческой церкви.

Чиновник греческой дипломатической миссии вчера объяснил, что обычай класть на могилу хлеб, являющийся пережитком древней греческой языческой религии, и по сей день сохраняется в греческих деревнях.

Хлеб на большой тарелке кладут в воду и оставляют у тела. „Идея состоит в том, — сказал он, — что есть поверье, будто душе нужна пища и она может найти ее лишь в том месте, в котором когда-то жило тело“».

Через шесть недель стал известен исход дела. Цитирую из «Дейли скетч» от 4 мая 1928 г.:

«Необычные обряды в склепе. „Они явно языческого происхождения“, — говорит господин Юстис Ив.

Дело о необычных обрядах в склепе Пейнтонского кладбища были переданы на рассмотрение господину Юстису Иву вчера в суде лорд-канцлера, когда он выносил приговор мисс Гертруде Р. У. Хоскинс-Абрахолл, которая предпочитает, чтобы ее называли мисс Хоскинс, в ее действиях против совета Пейнтонского кладбища.

Мисс Хоскинс, магистр гуманитарных наук из Дублина, оплатила постройку склепа стоимостью 200 фунтов стерлингов и заявила о своем праве входить в него с целью проветривания и проведения обрядов, которые, по ее словам, проводились на заре христианства.

Господин Юстис Ив сказал, что совет не обладает властью предоставить мисс Хоскинс участок в частное владение в какой бы то ни было части кладбища. Они могли продать ей лишь эксклюзивное право захоронения на нем и право выкопать могилу и построить склеп для тела. Что же касается проведения вышеуказанных христианских обрядов, оказалось, что в течение первых четырех лет после постройки склепа она ежегодно приходила на кладбище и заходила в склеп, принося с собой, по ее словам, обычные вещи: небольшой стульчик, стол, ширму, вазы для цветов и ароматические смолы.

На протяжении 1925–1926 гг. она различными способами пыталась получить доступ к внутренней части склепа, и однажды ей удалось

ускользнуть от сторожа и войти в него.

Она принялась зажигать спиртовую лампу и свечи, воскурять ладан и готовить мясо. Внутри склепа царил сильный беспорядок: везде были разбросаны бутылки и бумага, и для ее собственной безопасности сержант полиции проследил, чтобы ее удалили из склепа.

В своем иске мисс Хоскинс утверждает, что она и ее мать являются верующими православной греческой церкви и что проводимые ею обряды были обрядами этой церкви, но во время дачи показаний на свидетельской трибуне она сказала, что это была какая-то ошибка, и признала, что она и ее мать принадлежат к государственной (то есть англиканской) церкви.

Судья сказал, что не может принять ту версию, что обряды христианские по своему происхождению. Они казались явно языческими и несовместимыми с похоронами по обряду государственной церкви.

Мисс Хоскинс не имела права использовать склеп с целью, о которой она заявила, и действия совета, отказавшего ей в доступе в склеп и удалившего ее оттуда, были оправданы. Иск не имел успеха, и дело будет прекращено, а с истца будут взысканы судебные издержки».

Без сомнения, это была невольная шутка о том, что права женщины «не соответствуют обрядам государственной церкви», но кажется немного трудным запретить эти древние ритуалы.

Пьер ле Луайе в своем произведении «Четыре беседы и истории о призраках» рассказывает нам историю о языческом вампире или, скорее, вампире-привидении, который мог причинять вред, хотя его тело было превращено в пепел. Объяснение может быть такое: какой-нибудь злой дух получил возможность навлекать все эти несчастья в качестве наказания за ересь Теодора из Газы, со слугой которого они произошли. Известный греческий гуманист и переводчик произведений Аристотеля Теодор из Газы родился в Фессалонике (современный город Салоники в Греции. — *Ред.*) в начале XV в. и умер в Южной Италии в 1478 г. Еще в 1429 г. он перебрался в Италию, где превосходно преподавал греческий язык в университетах Сиены, Феррары и Рима. Выучив латынь у Витторино да Фелтре, он посвятил себя переводу трудов Аристотеля на этот язык, что принесло ему самый благосклонный прием при дворе папы римского Николая V (Томмазо Парентучелли), имя которого, как справедливо было сказано, всегда произносится с почтением каждым любителем литературы. Благодаря покровительству известного кардинала Виссариона Теодор получил небольшой приход в Аbruцци, и именно в этих отдаленных уголках, где еще долго продолжало существовать язычество, а колдовство удерживало свою страшную власть, и произошли следующие события. На приходской земле вплотную к деревенской церкви стоял небольшой домик, окруженный виноградниками и плодородными полями. Когда здесь поселился приходской

священник Теодор, он нанял крестьянина с семьей обрабатывать землю. Однажды, идя за плугом, крестьянин обнаружил погребальную урну огромной древности, в которой, как оказалось после осмотра, хранился пепел после кремации. В ту ночь, когда крестьянин спал, в его снах появился человек с неприятной, зловещей внешностью, который угрожал ему самыми ужасными несчастьями, если тот немедленно не захоронит заново эту погребальную урну на том же самом месте, где она была найдена. Мужчина не обратил внимания на это видение и даже посмеялся над угрозами призрака. Однако несколько дней спустя его сын, крепкий деревенский парень с отменным здоровьем, начал жаловаться на усталость и вялость, которые были отнесены на счет лени. На следующее утро несчастный юноша был обнаружен мертвым; он лежал худой и бледный, как воск, будто из его тела исчезла до последней капли вся кровь. В ту же ночь к его отцу снова пришел во сне призрак, который на этот раз появился не во сне и был уже не костлявым и тощим, а дородным и в отличной форме. И его слова на этот раз были еще более запугивающими и угрожающими. Он приказал, чтобы погребальная урна была немедленно перезахоронена, добавив, что если это не будет сделано, то и второй ребенок крестьянина быстро захиреет и сойдет в могилу. Охваченный ужасом, крестьянин побежал на заре к своему хозяину, и Теодор поспешил на место и захоронил зловещий сосуд точно в том месте, где он был найден, по языческому обряду, который, без сомнения, понравился призраку. Можно отметить, что в этом примере есть то, что можно назвать классическим пережитком веры в вампиров или, во всяком случае, в духов, которые если, согласно славянским преданиям, не оживляют мертвое тело, то, по крайней мере, действуют как несущие гибель вампиры.

В этой истории перед нами предстает древнегреческое представление о проклятии, преследующем тех, кто либо не позволил захоронить тело, либо потревожил могилу. А причина того, что призрак не принимает облик своего собственного тела, лежит, разумеется, в том, что оно превратилось в пепел, хотя даже в качестве фантома он был способен мстить живым, так как — это наиболее всего вероятно, и я это предположил — Божественное провидение дало этому злему духу всю власть в том месте, на которое он наводил страх. Легко вспомнить, что Сатане было позволено пользоваться своей властью, чтобы причинять страдания святому Иову; и все, что претерпел этот праведник, шло от рук Сатаны: не только владения Иова были опустошены и разграблены, что довело его до нищеты, но и десять его детей были умерщвлены точно таким же способом, каким призрак Аbruцци по необъяснимой причине убил старшего сына крестьянина и собирался погубить и второго его ребенка.

То, что вера в вампиров жила и была широко распространена среди различных народов Европы, объясняется очень просто. Подобно тому как в современных Греции, Чехословакии и Югославии люди брали дело в свои руки и уничтожали человека, которого считали вампиром, так и в более давние века общественное мнение обычно действовало, не дожидаясь полномочий. Например, у саксов была репутация «дьяволопоклонников», и,

когда франкский император Карл Великий покорил их страну, своим капитулярием о саксах от 781 г. он не только обязал каждого из них принять крещение, но и ввиду эксцессов, на которые народный гнев мог бы подвинуть людей против тех, кто продолжал свои магические и языческие занятия, он также вставил в свой закон соответствующие положения.

Рискуя повториться, я подчеркну, что представление о вампирах существовало почти у всех древних народов с той лишь большой разницей, достаточно важной, но не обязательно существенной, что, несмотря на то что настоящий вампир — это мертвец, вампиры в более древних верованиях были обычно призраками, привидениями, но при этом иногда осязаемыми и способными причинить ощутимый вред живым людям, истощая их жизненные силы и выпивая их кровь. В более поздних суевериях самой выделяющейся чертой рассказов о вампирах стала неподверженность разложению тела умершего человека, а в славянских преданиях это неотъемлемая составная часть. Причины этого будут подробно рассмотрены в следующей главе, посвященной современным греческим *vrykolakas*. Имея большое количество преданий, связанных с греческими погребальными обрядами, и учитывая заметное положение, которое занимает во всей классической литературе их устрашающе-почтительное отношение к умершим, кажется невозможным отрицать тот факт, что многие темные суеверия, сходные с верой в вампиров, были широко распространены. В Риме, как мы уже видели, хотя предание и может быть более смешанным, существовал очень древний и — не будет преувеличением сказать (во всяком случае, в доисторические времена) — очень кровожадный культ душ предков, а праздник Лемурия требовал проведения обряда, не столь уж далекого от ритуалов черной магии. И среди философов-неоплатонистов, и среди новых христиан мы находим любопытные суеверия, связанные с умершими, а вера, которой придерживался Тертуллиан и другие относительно материальности души, почти полностью соприкасается со славянскими верованиями в то, что мертвое тело вампира не возвращается в землю, но неестественным образом не подвергается тлению. Теософ и духовное лицо, без сомнения, в большой степени очищали свои учения от камней преткновения (учение Тертуллиана о воскрешении тела великолепно). Но их психологию нельзя было понять простому народу, для которого многократно отфильтровывались отрывки их наставлений и который принимал их идеи в очень грубой и практичной форме, так что никакие авторитеты не могли служить поддержанию темных суеверий и одобрению занятий колдовством, которые были на самом деле запрещены, строго осуждались и проклинались.

Подобно тому как Симета, Канидия и Эрикто имели прямых потомков в лице Демдайка, Жанны Харвильер и Ренаты Сенджер, хотя и с большими и явными различиями, так и с определенными, заслуживающими внимания отличиями средневековые и современные вампиры, даже вампиры из славянских преданий имеют предков и истоки в Древней Греции и классическом Риме. Необходимо подчеркнуть, как сильно ошибался дон Августин Кальме (монах-бенедиктинец из аббатства Сенон (1672–1757), автор

«Трактата о привидениях во плоти, об отлученных от церкви, об упырях или вампирах, о вурдалаках». — *Пер.*), когда писал о vrykolakas: «L'Antiquite n'a certainement rien vu ni connu de pareil. Qu'on parcoure les Histoires des Hebreux, des Egyptiens, des Grecs, des Latins; on n'y rencontrera rien qui en approche» («Античность, безусловно, не видела и не знала ничего подобного. Бегло просмотрев историю евреев, египтян, греков, римлян, не встретишь ничего близко похожего»).

Глава 2

ВАМПИРЫ В АНГЛИИ, ИРЛАНДИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Хотя есть свидетельства того, что вампиры были известны в Англии во времена англосаксов, упоминания о них скорее редки и случайны, нежели подробны и последовательны, то есть это образцы фольклора самых дальних краев и областей, полузабытые устные предания (сейчас уже почти полностью исчезнувшие) и существующие некоторые древние обычаи, очевидно бессмысленные, которые соблюдаются при случае благодаря туманным представлениям о том, что тем самым можно оградить себя от какого-то неопределенного несчастья. Все они, по отдельности маловажные и пустяковые, в совокупности свидетельствуют о широко распространенной и глубоко укоренившейся вере в вампиров, даже если такие явления были малочисленны и происходили с большими перерывами.

Древние скандинавы, несомненно, внесли свою лепту в эту веру, так как в Древней Скандинавии представление о том, что мертвецы продолжают жить в своих погребениях, способствовало появлению страха того, что они могут стать нечестивыми чудовищами из рода вампиров, что прекрасно видно из саги о Гретис.

Уильям Мамсбери считает, что в Англии была широко распространена вера — да и все знали об этом — в то, что злые люди после своей смерти и похорон возвращаются, чтобы бродить по миру, поскольку их тела вновь оживляет дьявол, который дает им силы и заставляет их выполнять свои прихоти.

В произведении Уильяма Ньюбургского под названием *Historia Regum Angliarum* есть важные отрывки, которые заслуживают внимания. Историк, который родился в Бридлингтоне в 1136 г., мальчиком ушел в небольшой и недавно основанный монастырь августинцев-каноников в Ньюбурге в Северном райдинге (административная единица. — *Пер.*) Йоркшира. Там он и оставался до самой своей смерти в 1198 г. (или, возможно, 1208 г.) как каноник Остин. Его усердие и способности в богословских изысканиях и изучении истории были отмечены аббатом Эрнальдом из Риво и аббатом Робером из Байланда. Оба этих прелата, должным образом оценивая необыкновенный талант этого автора, побуждали его посвятить свое внимание гуманитарным наукам и литературе. Уильям Ньюбургский принадлежит к северной школе летописцев, которые продолжали замечательные традиции Достопочтенного Беда (святой, англосаксонский богослов и историк (ок. 672–735. — *Пер.*). Это был дух, совершенно противоположный тому, который вдохновлял Джеффри Монмутского, который на страницах своей огромной «Истории Британии» рассказывает легенду о Бруте, великом деде Энея, и знаменитые небылицы о короле Артуре. В своем произведении *Prooemium* Уильям Ньюбургский с открытым негодованием и даже резкостью нападает на Джеффри и его мифы, замечая, что «*fabulator ille*» «праздно и бесстыдно лгал» в отношении короля Артура и волшебника

Мерлина. Это, несомненно, правильное и беспристрастное отношение, и эта поразительная иллюстрация его честности как историка завоевала доброму канонику звание «отца исторического критицизма». Возможно, это прозвучит дерзко, но следует подчеркнуть, что «История» Джеффри играла огромную роль в английской литературе; она чувствовалась в романах национальных авторов, начиная с Лаймона (английский монах и поэт начала XIII в. — *Пер.*) и кончая Теннисоном. Шекспир, Мильтон, Драйден, Поуп, Вордсворт и многие другие нашли для себя превосходный материал в его легендах, которые до сих пор доставляют нам радость и удивляют. Их любил сэр Томас Мэлори (английский писатель XV в., автор «Книги о короле Артуре и его доблестных рыцарях Круглого стола». — *Пер.*) и донес их до нас в новой и более утонченной форме. А говоря о своей самой знаменитой поэме, Теннисон признал, что сюжет взял из «книги Джеффри или Маллеора». Было бы неучтиво не чествовать Джеффри Монмутского как одного из величайших наших рассказчиков, хотя мы не должны считать его историком, но именно история нас сейчас интересует. С другой стороны, не может быть сомнений в том, что характер Уильяма Ньюбургского подходил для выполнения более строгих обязанностей, которые выпадают на долю сына Клио. Господин Харди, который не был придирчивым судьей, пишет: «Его повествование чрезвычайно интересно; события отобраны с величайшей рассудительностью. Его наблюдения остры и здравы, а его стиль ясен и серьезен». Об этом хорошо помнить, когда мы читаем следующие рассказы (5-й том его хроник, гл. 22–24). Повествуемые события произошли в 1196 г. во время правления короля Ричарда I (Львиное Сердце). Глава 1 носит такое заглавие: «*О необычном происшествии, когда умерший человек вышел из своей могилы*».

Приблизительно в это время в графстве Бекингемшир произошло необыкновенное событие, о котором я впервые услышал от людей, которые проживали в том самом районе, а позднее мне рассказал о нем во всех подробностях Стивен, уважаемый и почтенный архидиакон той епархии. После кончины одного человека, который умер своей смертью, его семья и родственники с приличествующей заботой похоронили его в канун Дня Вознесения (29 мая). Но на следующую ночь он внезапно вошел в комнату, где спала его жена, и, разбудив ее, он не только вызвал у нее сильнейшую тревогу, но чуть не убил ее, прыгнув на нее и придавив всей тяжестью своего тела. На вторую ночь он опять мучил трясущуюся женщину точно таким же способом. Испытывая панический ужас, она решила на третью ночь не спать и защитить себя от этого кошмарного нападения, окружив себя людьми, которые дежурили бы вместе с ней. И тем не менее он пришел к ней; но его стали прогонять криками и воплями тех, кто был с ней в комнате, и он обнаружил, что не может причинить ей никакого вреда, после чего быстро исчез. Будучи сбит с толку и получив отпор от своей жены, он точно таким же образом стал изводить и донимать своих братьев, которые проживали в том же самом городе. Но они, взяв за образец меры предосторожности своей невестки, провели несколько ночей без сна в окружении всех своих домочадцев, которые все были настороже, готовые отразить нападение мертвеца. Он

действительно явился, но казалось, будто он хотел или обладал способностью доносить лишь спящих людей, и оказался в безвыходном положении благодаря бдительности и храбрости всех, кто был настороже и не дремал. Тогда он стал бродить по окрестностям и досаждал животным, которые находились в домах или отдыхали неподалеку от них. Это обнаружилось благодаря необычной панике и беспокойству испуганных зверей. Так как он в конце концов стал представлять такую страшную и непрекращающуюся опасность и для своих друзей, и соседей, им ничего не оставалось делать, кроме как проводить ночи без сна и непрерывно караулить его приход. Соответственно, во всем городе в каждом доме были члены семьи, которые бодрствовали и стояли на страже всю ночь напролет, так как все испытывали страх и беспокойство оттого, что могут подвергнуться внезапному и непредвиденному нападению. После того как мертвец долгое время изводил людей лишь по ночам, теперь он начал появляться и при дневном свете, наводя страх на всех и каждого, хотя на самом деле его видели немногие. Очень часто он встречался с компанией из полудюжины человек, и его совершенно отчетливо видели один или два человека, хотя все они очень явственно ощущали его ужасное присутствие. Почти потеряв разум от страха, жители города наконец решили, что должны получить наставление в церкви, и с жалобными причитаниями выложили все от начала до конца архидиакону Стивену, о котором я упоминал выше и который занимал официальную должность председателя епархиального синода, который был созван в то время. Архидиакон немедленно написал письмо почтенному прелату его светлости епископу Линкольнскому (святому Хью), который по случаю оказался в Лондоне. В нем архидиакон Стивен изложил все эти необыкновенные обстоятельства по порядку и попросил его светлость дать указания относительно того, что следует сделать, чтобы исправить столь непереносимое зло, так как он понимал, что это дело должно быть рассмотрено самой высокой инстанцией. Когда епископ узнал об этой истории, он чрезвычайно удивился и немедленно созвал на совет ученых священников и почтенных богословов, от которых он узнал, что похожие случаи часто имели место в Англии; и ему рассказали о многих известных случаях такого рода. Все согласились, что в этой местности никогда не воцарится мир, пока тело этого несчастного бедняги не извлекут из земли и не сожгут дотла. Однако такой способ показался весьма нежелательным и не подобающим святому епископу, который своей собственной рукой начертал хартию об отпущении грехов и послал ее архидиакону с предписанием вскрыть могилу — какова бы ни была причина, по которой мертвец из нее начал выходить, положить на грудь трупа хартию об отпущении грехов и тут же снова все закопать. Когда могилу раскопали, то обнаружили, что тело в ней не подверглось тлению и пребывало в том виде, в каком его положили в гроб в день похорон. Хартия об отпущении грехов, подписанная епископом, была положена на грудь мертвеца, и после того, как могилу вновь привели в первоначальный вид, он больше никогда не выходил из нее, чтобы причинять вред и пугать людей.

Глава 23. *«О схожих случаях, происшедших в Бервике»*. Нам стало известно, что приблизительно в то же самое время похожее и не менее большое чудо произошло на самом севере Англии. В устье реки Туид есть красивый процветающий город Бервикапон-Туид, который раньше находился под юрисдикцией короля Шотландии. Тогда в нем жил человек, который превосходил всех своим богатством, но, как выяснилось позднее, был самым гнусным негодяем. После того как его похоронили, благодаря власти, данной ему Сатаной, он стал регулярно выходить из своей могилы и бродить по улицам города, так что все собаки выли и лаяли в то время, когда злодей делал это. Любой горожанин, который случайно встречался с ним, терял рассудок от ужаса, а призрак возвращался в свою могилу перед рассветом. Пока все это продолжалось какое-то время, никто не осмеливался высунуть нос за порог с наступлением ночи — так страшно всем было встретиться с этим смертоносным чудовищем. И власти, и население бедного города серьезно обсуждали те меры, которые следует принять к тому, чтобы избавиться от такого тяжкого испытания, так как даже самые легкомысленные и безответственные из них понимали: если по какому-нибудь несчастливому стечению обстоятельств они повстречаются с этим живым трупом, они подвергнутся страшному нападению, и этот мертвец причинит им вред. А те, которые были более дальновидны и умны, боялись того, что если не будет быстро найдено какое-то средство, то из-за того, что черное разложение этого гнусного тела, бродившего по городу, сильно заразило воздух ядовитыми миазмами, может разразиться чума или какая-нибудь другая смертельная болезнь и унести с собой много людей (было известно, что такие бедствия часто случались в схожих обстоятельствах). Так что были выбраны десять молодых людей исключительной храбрости и силы, которые должны были эксгумировать тело этого проклятого мертвеца. Затем труп должен был быть расчленен, изрублен в мелкие кусочки и брошен в пылающую печь, чтобы сжечь его целиком и уничтожить. Когда это было сделано, царившая в городе паника улеглась, «и убийства прекратились» (псалом 30). Ведь говорили, что, когда это чудовище бродило за пределами своей могилы благодаря силе Сатаны, как уже упоминалось, оно некоторым встреченным им людям говорило, что им не будет покоя, пока его тело не превратится в пепел. Поэтому, когда мертвеца сожгли, и вправду показалось, что для всех наступил период покоя, но вскоре разразился страшный мор, который унес в могилу большую часть населения города. Ни в каком другом месте чума так не свирепствовала, хотя, наверное, в это же самое время эпидемия бушевала в разных районах Англии.

Глава 24. *«О некоторых удивительных событиях»*. Я прекрасно понимаю, что, если бы они не подкреплялись многими примерами, которые имели место в наши дни, и безупречными показаниями ответственных людей, в эти вещи нелегко было бы поверить, то есть в то, что тела мертвых людей могут вставать из своих могил и, оживленные какой-то сверхъестественной силой, переноситься с места на место, либо сильно тревожа, либо — в некоторых случаях — действительно убивая живых людей; а когда они возвращаются в

могилу, она, похоже, легко открывается для них. Кажется, что подобные случаи не происходили в древние времена, потому что ничего такого нельзя найти в древних историях, и мы знаем, что в те времена авторы всегда были не прочь включить в свои рассказы какое-нибудь необыкновенное или удивительное событие. Мы не можем предполагать, что раз они всегда без колебаний подробно обсуждали любое необычное происшествие и если события, подобные этим (они не только ужасающие, но и чрезвычайно удивительные), происходили в их время, то они смогли бы удержаться от того, чтобы разобрать их во всех подробностях. И все же, если бы я записывал все истории подобного рода, которые, как я уже говорил, произошли в наши дни, моя летопись была бы не просто чрезвычайно подробной и многословной, но и, как я подозреваю, стала бы скучной для чтения. Поэтому в добавление к уже написанному выше я приведу лишь примеры двух совершенно недавних происшествий подобного рода, что будет полезно для нашего повествования, так как они могут послужить своевременным предупреждением для моих читателей.

Несколько лет назад у одной высокопоставленной дамы умер священник. Он был похоронен в великолепном монастыре, аббатстве Мелроз (Южная Исландия). К сожалению, этот священник мало чтит священные обеты своего святого ордена и проводил время почти так, будто он был мирянином. Он особенно любил то праздное занятие, которое так принижает и вредит репутации священника, обязанностью которого является проводить святое причастие в церкви, а именно охоту верхом на лошадях с собаками. Он был так известен этим своим пристрастием, что получил от многих издевательское прозвище «собачьего священника». Из того, что произошло после его смерти, ясно, что он не пользовался большим уважением, и его вина была достойна порицания, даже отвратительна. В течение нескольких ночей он выходил из могилы и пытался силой войти в сам монастырь, но это ему не удалось, и он не смог ни причинить вред кому бы то ни было, ни даже встревожить кого-то — так велики были достоинства и святость добрых монахов, которые жили в нем. После этого он продолжал выходить из могилы и внезапно оказался в спальне у постели дамы, священником которой он был. Он издавал пронзительные вопли и душераздирающие стоны. После того как это произошло несколько раз, она чуть не потеряла рассудок от страха. Боясь, что с ней может приключиться какая-нибудь ужасная беда, она позвала к себе старшего из монастырской братии и стала со слезами умолять его, чтобы монахи специально помолились за нее, потому что она испытывает самые необычные муки. Выслушав ее историю, монах успокоил тревоги знатной дамы, так как за ее частые пожертвования на нужды монастыря она заслужила доброе отношение братии аббатства Мелроз. Сочувствуя ей в такой беде, он пообещал, что вскоре средство к спасению найдется. Как только он возвратился в монастырь, он поделился своим планом с одним рассудительным и мудрым монахом, и они решили, что вместе с двоими рослыми и смелыми молодыми людьми они будут бдеть всю ночь в той части кладбища, где был похоронен несчастный священник. И вот эти четверо,

вооруженные духовным и земным оружием и защищенные присутствием друг друга, пошли на кладбище, чтобы провести там всю ночь. Уже пробило двенадцать, а никаких признаков этого монстра не было. И тогда трое из этой компании ушли ненадолго, чтобы согреться у огня в сторожке, расположенной поблизости, так как ночной воздух был пронизывающе холодным. Однако монах, который попросил остальных присоединиться к нему в ночной вахте, решил не оставлять своего поста. И теперь, когда он остался один, дьявол подумал, что это прекрасная возможность сломить мужество и силу духа набожного человека, и поднял из могилы своего подопечного, которому он дал поспать дольше обычного. Когда монах увидел это чудовище рядом с собой и понял, что совсем один, он почувствовал прилив ужаса, но через мгновение к нему вернулась его смелость. Он и не думал убежать, и, когда ужасное создание бросилось на него с самым жутким воплем, он твердо стоял на ногах и нанес ему страшный удар боевым топором, который был у него в руке. Когда мертвец получил эту рану, он громко застонал утробным голосом и, быстро повернувшись, скрылся из вида так же быстро, как и появился. Но храбрый монах стал преследовать его и заставил его искать убежища в могиле. Она моментально раскрылась и, когда ее жилец нашел в ней приют от своего преследователя, быстро сомкнулась над ним, и земля выглядела так, будто ее ничто не потревожило. Пока все это происходило, с небольшим опозданием прибежали те трое, что, дрожа от ночного холода и сырости, ходили греться у огня, и уже ничего не увидели. Но когда они услышали всю историю, они тут же решили, что с первыми лучами солнца должны выкопать этот проклятый труп и не оставлять его похороненным на их кладбище. Когда они расчистили землю и вынули тело на свет божий, то обнаружили на нем страшную рану, черная кровь из которой, казалось, залила всю могилу. Поэтому тело отвезли подальше от монастыря и сожгли на огромном костре, а пепел развеяли по ветру. Я рассказал эту историю в тех же простых и бесхитростных выражениях, в каких она была поведена мне самими монахами.

Другая история такого же рода, но более ужасная и с более фатальными последствиями, случилась в замке Алник (в Нортамберленде. — *Ред.*). Ее я узнал от одного очень набожного высокопоставленного старого священника с весьма почтенной репутацией, который проживал в тех краях. Он сообщил мне, что был реальным свидетелем этих ужасных событий. Один бесчестный и испорченный человек, то ли из страха перед законом, то ли боясь мести своих врагов, уехал из графства Йоркшир, где жил, и отправился в указанный замок, с хозяином которого был знаком, где и остановился. Здесь он окунулся в распутство и скорее упорно продолжал вести греховную жизнь, нежели постарался исправиться. Он женился, и это поистине стоило ему жизни, как оказалось впоследствии. Однажды, когда ему на ушко шепнули о распутном поведении его супруги, его охватила бешеная ревность. Охваченный тревогой и беспокойством, жаждущий узнать, правдивы ли эти обвинения, он сделал вид, что надолго уедет и что его не будет в течение нескольких дней. Однако в тот же вечер этот человек украдкой вернулся назад и был тайно впущен в

спальню своей супруги служанкой, которая была посвящена в его план. Он тихо прокрался наверх и лег на подпорку для кровли, которая проходила как раз над постелью, так что мог своими собственными глазами увидеть, нарушает ли она свою клятву, которую дала перед алтарем. А когда он увидел, как внизу ее жену обхаживает крепкий молодец, живущий по соседству, в своем гневе начисто забыл о своем опасном положении и свалился вниз, тяжело упав рядом с кроватью, где переплелись тела этих двоих. Молодой любовник быстро удалился, а его жена, ловко скрывая свое смятение, поспешила осторожно поднять его с пола. Вскоре обманутый муж пришел в себя и начал бранить ее, как обычную шлюху, угрожая скорой расправой. «Ах, мой милый, — ответила женщина, — успокойся, прошу тебя, потому что ты не контролируешь себя. Ты бранишься, а это, несомненно, результат твоего возбуждения, ведь ты не ведаешь, что говоришь».

Он действительно был чрезвычайно потрясен падением; у него имелись очень сильные ушибы, а все тело находилось в болезненном оцепенении. Добрый священник, который и рассказал мне эту историю, навещал его из милосердия и по зову долга. Он предупредил обманутого мужа, что тот должен полностью покаяться в своих грехах и получить святое причастие, как истинный христианин. Но в ответ он рассказал о том, что с ним случилось, и передал лукавые слова своей жены. Упавший внял своему современному и благочестивому увещанию, отложив его исполнение до завтрашнего дня, но наутро был уже мертв. Той самой ночью этот несчастный человек, столь далекий от милостей Божиих и совершивший так много дурных поступков, погрузился в смертельный сон. Несмотря на то что он был всего этого недостоин, его похоронили по-христиански, чего он не заслуживал и что не принесло ему пользы. Ведь по воле Сатаны в ночные часы он стал выходить из своей могилы и бродить по улицам, рыская вокруг домов. В это время все собаки в округе выли и лаяли всю ночь напролет. И во всей этой местности каждый человек закрывал и запирали на засовы двери, и никто после наступления сумерек и до самой зари не осмеливался выходить из дома ни по какому делу, настолько сильно все боялись случайно встретить это страшное чудовище, подвергнуться его нападению и получить болезненные увечья. Но даже эти меры предосторожности были бесполезны. Из-за того, что воздух стал дурным и испорченным от шатающегося за пределами могилы зловонного разлагающегося тела, разразилась страшная чума, и почти не было дома, в котором не было бы умерших. И вскоре город, который незадолго до этого был густонаселен, оказался почти опустевшим, потому что те, кто пережил эту эпидемию и нападения кошмарного монстра, спешно уехали в другие места, чтобы их не постигла участь умерших. Приходской священник, из уст которого я услышал эту историю, до глубины души горевал из-за того, что на его паству обрушилась такая напасть. В Вербное воскресенье он собрал вместе знающих и благочестивых людей, которые могли посоветовать ему, что лучше всего предпринять в таких тяжелых обстоятельствах, и которые могли, по крайней мере, утешить те немногие несчастные души, что еще оставались в живых, даже если надежды на облегчение почти не было, поэтому дневная

служба была проведена с особой торжественностью. И после того как добрый священник прочел людям проповедь, он пригласил к столу благочестивых прихожан, которых позвал сюда, нескольких видных жителей города и других уважаемых людей. Пока они сидели за столом, двое молодых людей (они были братьями), отец которых недавно умер от чумы, так рассудили между собой: «Этот монстр убил нашего отца, и, если мы не найдем его, он скоро убьет и нас. Давайте решимся на смелое дело, которое и обеспечит нам собственную безопасность, и станет мстью за смерть нашего дорогого отца. Нет никого, кто может нам помешать, потому что уважаемые люди нашего города сидят за столом в доме священника, а во всем городе царит такая тишина, будто он уже заброшен и мертв. Нужно выкопать этого мерзкого монстра и сжечь его дотла». И они вооружились острыми лопатами, отправились на кладбище и начали копать. Когда они думали, что им придется копать еще глубже, то внезапно наткнулись на тело, покрытое тонким слоем земли. Оно было объедено червями и ужасно распухло, его лицо было круглым и красным с огромными красными распухшими щеками, а саван, в который было обернуто тело, весь испачкан землей и разорван. Но молодые люди, которые обезумели от горя и злости, совсем не испугались. Они сразу же нанесли труп резкий удар острым лезвием лопаты, и тут же из раны потек такой поток теплой красной крови, что они поняли: этот вампир разжирел на крови многих несчастных людей. Они выволокли тело из города и быстро сложили большой костер. Когда он уже пылал, они пошли к дому священника и сообщили собравшимся о том, что они сделали. Не было человека, который не поспешил бы на место сожжения вампира и не стал бы свидетелем — если это потребовалось бы на будущее — того, что происходило. И как только это дьявольское отродье было таким образом уничтожено, чума, которая так страшно опустошила дома, совершенно прекратилась, будто загрязненный воздух очистился огнем, в котором сгорело адское чудовище, заразившее атмосферу.

Следует отметить, что в этих рассказах XII в. подробности почти полностью совпадают с деталями славянских и современных греческих историй о вампирах. В чем-то они даже более ужасны, потому что, когда вампир приходит в какой-нибудь несчастный город или край, за его разрушительными действиями — вследствие ужасающего зловония трупа — в каждом случае следует вспышка чумы.

В необычном и завораживающем произведении De Nugis Curialium еще более необычного автора Уолтера Мэпа, которое дышит самим духом Средних веков, есть несколько рассказов о вампирах, что доказывает лишь то, что в это время подобные предания были живы. Доктор Джеймс относит сочинение этого необыкновенного трактата к периоду 1181–1192 или 1193 г. Предполагают, что Мэп родился в окрестностях Херефорда приблизительно в 1140 г. Его родители были благородного происхождения и оказали королю Генриху II до и после его коронации такие услуги, которые обеспечили благосклонное отношение этого монарха к их сыну. Он стал одним из церковнослужителей королевского дома и получил значительное повышение

по карьерной лестнице. Он был каноником и регентом церковного хора в Линкольне, приходским священником в Уэстберион-Северн, пребендарием в Мейпсбери, а в конце жизни (1197) — архидиаконом в Оксфорде. В 1199 г. мы видим его во Франции, тщетно пытающимся получить сан епископа Херефордского. Он умер, по-видимому, между 1208 и 1210 гг. Стоит ли удивляться тому, что Мэпу приписывали сатиру вагантов, если вспомнить его острые и, вполне можно сказать, нечестивые нападки на цистерцианцев (монахов ордена, основанного в 1098 г., в XII в. после реформы, проведенной Бернаром Клервоским, стали называться бернардинцами. — *Ред.*); ведь он даже не щадит святого Бернара («последний Отец Церкви», философ, мистик, писатель, вдохновитель 2-го Крестового похода. — *Пер.*). Это серьезный недостаток, и даже больше чем недостаток, в его работе. Его произведение *De Nugis Curialium* (придворные пустышки) представляет собой сборник сплетен, подробностей частной жизни разных людей и замечаний, которые соединены вместе совершенно беспорядочно. Об этом произведении говорили — и, вероятно, не без оснований, — что оно «состоит из отрывков, действительно написанных Мэпом, но собранных и размещенных после его смерти без учета хронологии или последовательности». Каковы бы ни были ее недостатки, эта книга показывает, что Мэп был отличным рассказчиком, и благодаря собранным им отрывкам из истории, преданий, литературы он, безусловно, дарит нам изумительный гобелен своего времени, сотканный из жизни. Барду уместно заметил, что «этот небольшой сборник рассказов не обрамлен ярким солнечным светом, струящимся на склоны холмов Фьезоле (близ Флоренции в Тоскане, Италия. — *Ред.*), а скорее подходит темным сводам норманнского замка или тесной келье монаха, вокруг которых бушуют дождь и ветер. Но если этим историям недостает тепла и колорита, они могут похвастаться волнующим соответствием времени и энергией».

Мэп, безусловно, сохранил множество любопытных преданий, и может показаться, будто они опираются на надежный фундамент фактов. Так, Эдрик Уайлд, владелец поместья близ Ледбери (к юго-западу от Вустера. — *Ред.*), оказавшись во время правления Вильгельма Завоевателя однажды ночью неподалеку от уединенного захолустного постоялого двора, заглянул в окно и увидел большую компанию красивых женщин. Он вспоминает, что часто слышал рассказы о «блуждающих духах, о том, как множество демонов появляются ночью, и увидеть их означает смерть; о Диктинне (которую отождествляют с Дианой), дриадах и вампирах». Стоит вспомнить, что в давнем постановлении, которое было принято такими знатоками церковного права, как Регино из Прюма, Иво из Шартреза, Грациан и другие, говорилось о том, что «некоторые грешные женщины, полностью отдавшиеся Сатане и захваченные обманом и чарами демонов, верят и открыто признаются в том, что по ночам они уезжают вместе с Дианой из дома на некие пиры в сопровождении бесчисленной толпы женщин, покрывая огромные расстояния; они слушаются ее приказов как своей хозяйки, которая вызывает их в определенные ночи».

Мэп также упоминает историю о рыцаре, у которого умерла и была

похоронена жена, но он вернул ее к жизни, выхватив из толпы очарованных танцовщиц. После своего возвращения она родила ему много детей. Их потомки живы и по сей день и называются «сыновьями мертвой женщины».

В главе 14 второй части своего произведения Мэп рассказывает необычную историю о вампире-демоне. Некий рыцарь, который взял жены даму благородного происхождения, благочестивую и религиозную женщину, и жил с ней совершенно счастливо, на следующее утро после рождения своего первенца-сына обнаружил его лежащим в колыбели с перерезанным от уха до уха горлом. То же самое случилось двенадцать месяцев спустя с его вторым ребенком, а также с третьим на третий год брака, несмотря на тот факт, что и он, и его домашние следили за ним самым тщательным образом; так что вся их бдительность оказалась — увы — напрасной. Поэтому, когда супруга рыцаря снова оказалась на сносях, он вместе с ней провел много времени, соблюдая пост и раздавая милостыню, молясь и слезно прося. И когда у них родился четвертый мальчик, они осветили весь дом и его окрестности кострами, лампами, фонарями и факелами, и все не отрывали глаз от ребенка. Как раз тогда появился незнакомец, который казался очень измученным, у него были стертые ноги до крови, будто от долгого путешествия. Он попросил приютить его Бога ради, и ему оказали самое радушное и религиозное гостеприимство. Незнакомец решил, что не будет смыкать глаз всю ночь вместе со всеми, и после полуночи, когда все вдруг провалились в весьма загадочный сон, оказался единственным, кто остался бодрствовать. Вдруг он увидел, что над колыбелью склонилась фигура достойной и почтенной матроны, которая схватила младенца, чтобы перерезать ему горло. Он вскочил на ноги, будучи начеку, крепко схватил ее и держал до тех пор, пока не проснулись все домашние и не собрались вокруг них. И тогда многие из них ее сразу же узнали, а потом уже и все. Они заявили, что это самая благородная и уважаемая мать семейства в этом большом городе не только по своему рождению, но и по образу жизни и огромному богатству; что она имела безупречную репутацию и пользовалась у всех величайшим уважением. Но когда у нее спросили ее имя и задали разные другие вопросы, она упрямо отказывалась говорить. Сам рыцарь и многие другие люди подумали, что она молчит от стыда из-за того, что была обнаружена, и уже хотели ее отпустить. Но незнакомец отказался сделать это и стал утверждать, что она злой дух, продолжая крепко держать ее, а затем одним из ключей от близлежащей церкви он поставил ей на лицо клеймо как знак ее греховности. Потом он попросил, чтобы к нему как можно быстрее привели ту даму, которой, как все думали, и было это существо в его руках. И пока незнакомец все еще задерживал свою пленницу, эта дама приблизилась, и все увидели, что она совершенно похожа на своего двойника, кроме клейма. После этого незнакомец обратился к людям, стоявшим в оцепенении и удивленной растерянности, с такими словами: «Не может быть сомнений в том, что женщина, которая сейчас пришла сюда, очень добродетельна и дорога Небесам; своими добрыми делами она разбередила преисподнюю и вызвала на себя дьявольский гнев. И вот был создан этот гибельный посланник ада,

это омерзительное орудие его гнева по образу и подобию этой благородной женщины, чтобы навлечь на эту возвышенную душу обвинения в гнусных деяниях. А чтобы вы поверили, посмотрите, что она будет делать после того, как я ее освобожу». И тогда это существо вылетело в окно, громко воя и пронзительно визжа.

В данном случае перед нами подражание, осуществленное демоном с качествами вампира. Гуаццо, Нидер, Базен и авторы трактата *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм») обсуждали: могут ли демоны принимать облик какого-нибудь благородного или безгрешного человека, чтобы навлечь на них обвинение в колдовстве или запятнать каким-нибудь позорным скандалом.

У отца Крамера и отца Спренджера есть поразительный пример (Молот ведьм. Ч. 2):

«Как был нанесен урон репутации, показано в истории блаженного Иеронима, когда дьявол превратился в святого Сильвана, епископа Назарета, друга святого Иеронима. И этот дьявол приблизился ночью к постели благородной женщины и сначала возбуждал и соблазнял ее непристойными словами, а затем предложил ей вступить с ним в греховную связь. А когда она позвала на помощь, дьявол в облике праведного епископа спрятался под кровать. Когда его начали искать и нашли там, он заявил, что он епископ Сильван. А наутро, когда дьявол исчез, этот безгрешный человек был опозорен. Но его доброе имя было восстановлено, когда дьявол признался у могилы святого Иеронима, что он сделал это, приняв облик епископа».

Из истории, рассказанной Мэпом, неясно, кто был тот незнакомец, который обнаружил обман. Мы можем предположить, что это был ангел или святой. А если он был обычным путешественником, который случайно оказался в тех краях, то причина, по которой он мог бодрствовать, состояла в том, что все домочадцы в определенный момент попали под действие усыпляющих чар, а так как эти чары были насланы до его приезда, он смог не смыкать глаз, раз колдовство не было направлено на него.

Жерваз из Тилбери в своем рассказе о ламиях пишет, что их называют так потому, что они разрывают на части детей.

У Уолтера Мэпа есть и другие рассказы, которые больше похожи на рассказы о вампирах и в которых показано, что идея об ожившем человеке, возвращающемся, чтобы досаждать живым, считалась реальной возможностью и опасностью. В главе 27 второй части своей книги он пишет: «Самая удивительная вещь, о которой мне известно, случилась в Уэльсе. Английский солдат Уильям Лоден, человек чрезвычайно сильный и храбрый, отправился к Жильберу Фолио, который в то время был епископом Херефорда, а ныне является епископом Лондона, и сказал ему: „Отче, я пришел спросить у вас совета. Недавно в моем доме умер один злодей валлиец, который заявлял, что ни во что не верит. Прошли четыре ночи, и он стал возвращаться каждую ночь и каждый раз звать по имени одного из жильцов. И как только он называл имя кого-нибудь из них, тот заболел и в течение трех дней умирал, так что теперь их осталось совсем мало“. Сильно пораженный, епископ ответил:

„Возможно, Господь дал такую силу злему ангелу этого проклятого негодяя, чтобы тот мог подниматься и выходить из своего мертвого тела. Пусть тело выкопают, а ты перережь ему шею и побрызгай тело и могилу святой водой, а затем перезахорони его“. Все это было сделано, но тем не менее жильцов продолжал мучить бродячий дух умершего. Теперь случилось так, что в одну ночь, когда осталось уже совсем немного людей в доме, сам Уильям услышал, как его трижды позвали по имени. Но так как он был смелым и энергичным человеком и знал, кто его зовет, он внезапно выскочил, размахивая обнаженным мечом. Злой дух быстро исчез, но солдат преследовал его до самой могилы и, когда тот оказался в ней, отрубил ему голову. И тотчас преследования, которым люди подвергались со стороны этого демонического создания, прекратились, и с тех пор ни самому Уильяму, ни кому-либо другому больше не был причинен никакой вред подобного рода. Мы знаем, что это правдивая история, но причина такого явления злого духа остается необъясненной».

Глава 28. Еще одно чудо. Известно, что во времена Роджера, епископа Вустерского, некий человек, который, как донесла молва, умер не раскаявшимся в своих грехах атеистом, стал бродить по окрестностям. Его встречали многие люди и видели, что он одет во власяницу. Наконец жители тех краев окружили его в саду. Утверждают, что его видели там в течение трех дней. К тому же известно, что этот самый епископ Роджер приказал поставить крест на могилу этого несчастного, чтобы его дух улегся в нее. Но когда злой дух подошел к могиле — а за ним по пятам шла огромная толпа людей, — он в страхе отпрыгнул от нее, как мы полагаем, при виде креста, и скрылся в неизвестном направлении. Тогда люди, действуя согласно мудрому совету, убрали крест, и демон ринулся в могилу, засыпав сам себя землей. Сразу же после этого крест был вновь на ней поставлен, и злой дух, лежа под ним, больше не причинял никому беспокойства.

В четвертой части своего произведения Уильям Мэп рассказывает известную историю *De sutore Constantinopolitano fantastico*, которую можно озаглавить как «О заколдованном сапожнике из Константинополя» и которая, безусловно, претендует на связь с преданиями о вампирах. Эту историю на самом деле называли «Ужасный случай некрофилии», и не было в то время рассказа более известного, чем этот. Его можно найти в *Otia Imperialia* Жерваза из Тилбери, где упоминается вместе с заливом Саталии. Он записан Роджером из Ховедона, который взял ее из *Gesta Regis Henrici*, и рассказан также Джоном Бромптоном и сэром Джоном Мандевиллем. Он входит в сказание о Мерлине, но можно заметить, что только у Мэпа его героем является сапожник.

Мэп повествует, что приблизительно в то время, когда «Герберт процветал в сказочном блаженстве», жил-был в Константинополе молодой сапожник. Герберт — имя папы Сильвестра II, который правил в 999–1003 гг. и о котором из-за его необычайной учености возникли и ходили самые нелепые легенды, что будто бы он обладал оккультными способностями и мог творить чудеса. Этот молодой сапожник по своему мастерству и трудолюбию

превзошел мастеров своего дела. Он мог не только сделать за день больше, чем все остальные — за два, но и результаты его спешки люди предпочитали тщательности других мастеров. Следует помнить, каким сложным и важным предметом гардероба были в те времена башмаки, и часто им придавали самый фантастический вид — этот обычай сохранялся долго, если вообще можно сказать, что он исчез у нас. Дюфур в «Истории проституции» (гл. 6) замечает: «В X веке башмаки с острыми, загнутыми кверху носками с когтем или клювом на концах, предаваемые анафеме папами и прокливаемые проповедниками, всегда считались у средневековых казуистов самыми гнусными символами бесстыдства. На первый взгляд нелегко увидеть, почему эти башмаки, заканчивающиеся львиным когтем, орлиным клювом, носом судна или другой металлической деталью, имели такую дурную репутацию. Отлучение от церкви, наложенное на обувь такого рода, предшествовало дерзкому изобретению какого-то распутника, который стал носить башмаки с загнутыми носами в виде фаллосов — мода, которую подхватили и женщины. Башмаки такого вида были названы „Божьим проклятием“ и запрещены королевскими указами (см. письмо Карла V от 17 октября 1367 г. об одежде женщин в Монпелье)». Беззаботный и веселый Абсолон у Чосера носил башмаки с резными носами. Похожие украшения делали молодые ремесленники для знатных людей Константинополя. Да их и не стал бы делать молодой сапожник, если бы человек не был самого высокого происхождения. И такой искусный он был мастер, что без окончательной примерки мог сделать башмак на любую босую ногу, хромую или здоровую, ему достаточно было лишь взглянуть на нее. Золото рекой текло в его сундуки, и он был здоровым и красивым парнем, и не было никого, кто превзошел бы его в борьбе и любых видах спорта: его везде приветствовали как чемпиона. Теперь случилось так, что однажды к его окошку подошла очаровательная девушка, сопровождаемая большой свитой, и, показав ему свою босую ножку, пожелала, чтобы он изготовил для нее пару туфель. А в Риме, как пишет Дюфур в «Истории проституции» (ч. 2, гл. 18), «обнаженная женская ступня была признаком проститутки, и блистающая белизна ноги притягивала взгляды и вызывала желания». Но молодой человек был уже очарован красотой девушки и глядел на нее, широко раскрыв глаза, а когда он сделал для нее и продал ей туфельки, то, начав с ножки, он впустил в свое сердце и всю женщину и глубоко глотнул несчастья, от которого совершенно пропал. Будучи простым работягой, он захотел лакомств с королевского стола, а какие у него были основания надеяться? В своем безумстве он покинул дом, продал все и даже отцовское наследство и стал солдатом, чтобы благодаря оружию возвыситься до знатного человека, и если бы он получил отказ, когда стал бы просить ее руки, то, по крайней мере, это прозвучало бы более учтиво. Прежде чем осмелиться открыться своей возлюбленной, он решил сделать себе имя на поле брани и действительно благодаря своей силе и отваге вскоре занял такое видное положение среди рыцарей, какое в былые времена занимал среди городских сапожников. Он стремился к желаемому союзу, но, хотя считал себя достойным, не получил от отца девушки согласия на брак.

Бывший сапожник пылал страшной яростью и ничего больше не желал, лишь увезти силой невесту, отец которой ему отказал по причине его низкого происхождения и бедности. Тогда он стал пиратом и готовился на море отомстить за отказ, который получил на суше. Вскоре он возглавил пиратов, и его действительно боялись и на суше, и на море, потому что ему всегда сопутствовал успех. Когда он совершал один из своих кровопролитных набегов, сметая все препятствия на своем пути, до него дошла весть о том, что его возлюбленная умерла. Со слезами на глазах он немедленно заключил перемирие и поспешил на торжества по случаю ее похорон. На похоронах он тщательно заметил место, где она была погребена, и на следующую ночь, вернувшись туда в одиночку, откопал умершую и вступил с ней в половую связь, как будто она была живой в его объятиях. Совершив этот ужасный грех, он встал с тела и услышал голос, просящий его вернуться в то время, когда она сможет родить того, кого он зачал. Прошло соответствующее время, он вернулся, раскопал могилу и получил от умершей женщины человеческую голову с предостережением о том, что он не должен никому показывать ее, за исключением врагов, которых он хочет уничтожить. Он тщательно закутал голову и положил в ящик. Полностью уверившись в своей силе, он отказался от морских сражений и решил делать это на суше. Какие бы города он ни осаждал, он выставлял на обозрение эту ужасную голову горгоны, после чего несчастные жертвы превращались в камень, так как это зрелище было таким же ужасным, как и сама Медуза. Все его боялись и признавали своим господином и хозяином, потому что мужчины тряслись от страха, чтобы он не наслал на них внезапную смерть. Никто и в самом деле не понимал причин заразной чумы и мгновенной смерти. Как только люди видели голову, они выпускали последний вздох без единого слова, без единого стога. На крепостных стенах их вооруженные защитники умирали, не получив ни единой раны. Крепости, города, целые провинции сдавались бывшему сапожнику, и никто не осмеливался оказывать сопротивление. Но все страшно горевало оттого, что так легко пали жертвой столь легкой победы врага. Многие считали его колдуном; некоторые объявляли богом. Но чего бы он ни искал, он никогда не встречал отказ.

Среди успехов бывшего сапожника был один, который, безусловно, стал самым большим. После смерти императора Константинополя (то есть императора Восточной Римской, или, как неправильно пишут, Византийской, империи. — *Ред.*) дочь и наследница этого монарха была завещана бывшему сапожнику. Он принял это наследство, да и кто бы отказался от такого дара? По прошествии некоторого времени в разговоре с ним жена стала задавать ему вопросы о ящике и не оставляла мужа в покое, пока не узнала всю правду. Выслушав его рассказ, она решила поймать его в его же собственную западню, и, когда он однажды проснулся утром, она поднесла ужасную голову к его лицу. Отомстив за многочисленные его преступления, принцесса распорядилась, чтобы страшную голову увезли из страны и бросили в пучину моря вместе с отцом этого омерзительного плода, который должен был разделить с ним его окончательное уничтожение. Те, кому поручили это дело,

поспешно сели на галеру и, когда достигли нужного места, бросили ужасный груз в пучину вод. Когда он исчез в волнах, море трижды закипело и забурлило, выбрасывая на поверхность песок со дна, как будто выворачивалось и разрывалось до самых своих глубин. Воды внезапно отхлынули, съежившись от гнева Всевышнего, будто море, мучаясь от отвращения, пыталось отвергнуть то, что земля, выздоравливая после этих отвратительных родов, изрыгнула в глубь вод. Волны поднялись до небес и, ринувшись вперед, как яростное пламя, казалось, решили штурмовать самые большие высоты («Ты рассердился, о Господи, на реки? Или Ты гневался на них? Или Ты негодовал на море?» (Набасис, III, 8). Но через несколько дней оказалось, что приговор этим ненавистным созданиям изменился, и воды, которые били по самому небу, теперь ринулись вниз, и могучий водоворот открыл ужасную яму. То, что до этого было возвышающейся грудой, теперь стало пропастью, потому что сам ил со дна моря, неспособный нести в себе такую мерзость, был выброшен наверх и упал назад, открыв огромную щель «в глубинах моря, в самой пучине» («Нисходил ли ты во глубину моря, и входил ли в исследование бездны?» (Иов, 38: 16). Поэтому, подобно Харибде под Мессиной, этот водоворот поглощает все, что вливается в его могучую воронку, и, что бы ни упало в нее случайно, оказалось утянутым ее жадной пастью, пропадает безвозвратно. Так как имя той девушки было Саталия, то и водоворот, которого остерегаются все, носит такое же название, или в просторечии *Gouffre de Satalie* (пучина Саталии. — *фр.*).

Группы ночных скитальцев, обычно называемых херлетингами, которых упоминает Мэп, по-видимому, были призраками, среди которых «казались живыми многие из тех, которые были давно уже мертвы». Но нет никаких записей, свидетельствующих о том, что они обладали какими-то качествами вампиров. Предлагаемый рассказ чрезвычайно любопытен. «В Бретани по ночам часто можно было увидеть длинные вереницы солдат, которые шли в мертвой тишине вместе с повозками, полными трофеев, и у них бретонские крестьяне крали лошадей и скот и оставляли себе. В некоторых случаях ничего плохого после этого не происходило, но в других — за кражей быстро следовала внезапная смерть. Такие ночные скитальцы, или херлетинги, были хорошо известны в Англии даже до настоящего времени, времени правления нашего короля Генриха II (Генрих II Плантагенет (р. 1133), английский король в 1154–1189 г. — *Ред.*), который сейчас правит нами. Эти полчища ночных бродяг в полной тишине разгуливали в разных направлениях без помех и остановок, и среди них оказывались живыми многие из тех, которые, как было известно, уже давным-давно умерли. Такую группу херлетингов в последний раз увидели на болотах Херефорда и Уэльса в первый год правления короля Генриха II. В самый полдень они шли пешком рядом с телегами и оседланными вьючными животными; у них были корзины с фуражом, птицы и собаки; мужчины шли вперемешку с женщинами. Те, кто первыми увидели эту процессию, своими криками, звуками рожков и труб всполошили весь район. Подобно жителям приграничных районов, которые всегда держат ушки на макушке, почти мгновенно собрались различные группы людей в полном

вооружении, а так как они не смогли получить ни слова в ответ от этой странной компании, тотчас приготовились заставить херлетингов отвечать, засыпав их градом стрел и копий. И тогда процессия растворилась в воздухе и исчезла из вида. И с того дня эта загадочная группа людей больше не попадалась на глаза людей». Насколько мне известно, помимо предполагаемой связи со старой историей о короле Герла, никакого объяснения для этой армии призраков не было предложено, но можно заметить, что, хотя такие случаи в Англии происходят исключительно редко, это не значит, что в других местах не бывало ничего подобного. У Одерика Виталиса в «Церковной истории» (гл. 8, с. 17) есть рассказ о священнике по имени Уолкелин, который в январе 1091 г. в канун нового года увидел в церкви Святого Обри в Анжу торжественную процессию на черных лошадях с черными знаменами, в которой участвовали люди всех слоев общества, включая светских дам, рыцарей, церковнослужителей и многих давних знакомых и друзей самого Уолкелина. Гримм в «Тевтонской мифологии» упоминает много случаев появления этих «теней умерших» и замечает, что во времена Жерваза из Тилбери в некоторых лесах Британии, посещаемых призраками, раздавались мощные звуки «охоты короля Артура».

Доктор Джеймс замечает: «Признаки знакомства с De Nugis Curialium современных или более поздних средневековых авторов очень немногочисленны». Ни в одном каталоге английской библиотеки эпохи Средневековья нет записи о наличии в нем De Nugis. Единственная рукопись хранится в Библиотеке имени Бодлея при Оксфордском университете, и там ее исследовали Ричард Джеймс, Кемден и архиепископ Ашер. Она также упоминается в письме сэра Роджера Твисдена в период 1666–1669 гг., что показывает интерес некоторых ученых к этой работе, потому что автор пишет: «Говорят, в ней есть много хорошо написанных историй, которые можно опубликовать». Но к рассказам о призраках и вампирах не было проявлено никакого внимания. Действительно, после XII в. предания о вампирах, видимо, совершенно угасли в Англии и, за редким исключением, не появлялись вновь до XIX в., когда началось столь заметное возрождение интереса к оккультизму. Это тем более необычно, так как во все времена английской истории и во всех уголках этой страны предания о сверхъестественных явлениях встречаются очень и очень часто. Разумеется, было принято считать, что ведьмы могут сделать так, что их жертвы начнут болеть и чахнуть, и есть множество историй о злобных духах, обладающих способностью причинять вред и даже убивать тех, кого они донимают. Но едва ли можно где-то встретить предание о вампирах, и это тем более удивительно, когда мы вспомним истории Уильяма Ньюбургского и Уолтера Мэпа и отметим, насколько сильна была эта вера в более давние времена.

Любопытный случай, о котором сообщили в «Журнале для джентльменов» (июль 1851 г.), относится ко времени правления короля Карла I (р. 1600, правил в 1625–1649 гг. Казнен), но связан со старым представлением о том, что мертвое тело начинает истекать кровью, если до него дотронется его убийца, и нельзя сказать, что оно имеет отношение к вампирам. Лорд Бейкон

в своей «Сильвии» пишет: «Есть такое наблюдение: если вблизителя убитого человека окажется его убийца, раны начнут заново кровоточить. Некоторые даже утверждают, что мертвец в таких случаях открывал глаза». Так и у Шекспира в «Ричарде III», когда Глостер останавливает похороны, леди Анна восклицает:

Смотрите все — опять открылись раны,
Опять запекшиеся их уста кровоточат!
Казнись, дрожи, красней!
Ты видишь, омерзительный урод?
Лишь стоило тебе здесь появиться —
Кровь хлынула из этих жил бескровных.
Твои дела, противные природе,
Такие же явленья порождают.^[6]

У Чапмена в «Слезях вдовы» (1612 г., акт 5) первый солдат замечает: «Капитан проверит старый вывод, который часто подтверждается, что в присутствии убийцы кровь снова начинает течь; и у каждой раны есть голос, который может обвинить виновного в убийстве». У Дрейтона в сонете «Идея, или Венок пастуха» есть следующие строки:

Если низкие люди, совершившие гнусное дело,
Окажутся вблизи мертвого тела,
Часто их вину подтверждает бездыханный труп:
Он начинает кровоточить.
Та, что разбила мое бедное сердце,
Уже давно скончалась и в мир ушла иной,
Но давние раны не могут удержаться
И снова начинают кровью истекать,
Как раньше.

Король Яков I (р. 1566, с 1567 г. (!) король Шотландии Яков VI, с 1603 по 1625 г. английский король Яков I. — *Ред.*) в своей «Демонологии» (Эдинбург, 1597) делает такую ссылку на это верование: «В случае совершения тайного убийства, если мертвых останков коснется рука убийцы, из них хлынет кровь, будто взывая к небесам о мести убийце, потому что Бог придумал этот сверхъестественный признак для определения виновного в этом тайном преступлении». Случай, который произошел в годы правления английского короля Карла I, настолько исключителен, что я позволю себе привести его полностью, так как это не займет много места.

Необыкновенный пример суеверия случился в 1629 г. Случай или, скорее, история, которая произошла в графстве Херефорд на четвертый год правления короля Карла I, взятая из рукописи сержанта Мейнарда, который пишет так:

«Я записываю показания, которые были даны и которые я слышал вместе с другими людьми; я записываю их точно так, как они давались письменно под присягой в суде королевской скамьи. В связи с

убийством Джоан Норкот, супруги Артура Норкота, встал вопрос, каким образом ей была причинена смерть. Следователь по убийствам провел дознание, приведя к телу убитой Мери Норкот, Джона Оукмана и его жену Агнес, и склонен считать Джоан Норкот самоубийцей, потому что они (то есть вышеупомянутые свидетели) сообщили следователю и присяжным, что нашли ее мертвой в постели с перерезанным горлом, а нож был воткнут в пол комнаты. Накануне вечером она легла спать с ребенком (который сейчас является истцом), так как ее мужа не было дома. Никто не входил в дом после того, как она легла спать. Свидетели легли в другой комнате и увидели бы, если бы вошел кто-то чужой. После этого присяжные вынесли свой вердикт: самоубийство. Но позднее, когда по окрестностям поползли слухи, и ввиду того обстоятельства, что она никак не могла убить себя, присяжные, вердикт которых еще не был занесен следователем в формуляр, пожелали, чтобы тот эксгумировал похороненное тело. Следователь дал на это согласие, и на тридцатый день после смерти Джоан Норкот ее тело вытащили из могилы в присутствии присяжных и большого скопления людей, после чего присяжные изменили свое решение. Люди, которых судили на выездной сессии суда присяжных в Херефорде, были оправданы вопреки тому, что судья Харви выразил свое мнение: пусть лучше будет подана апелляция, чем такое гнусное убийство останется безнаказанным.

Их судили по апелляции, поданной ребенком против своего отца, бабушки и тетки, а также ее мужа Джона Оукмана. А так как эти показания были весьма необычными, я записал их особенно точно. О вышеупомянутом деле их дал старый и авторитетный человек, священник того прихода, где случилась эта история, который под присягой, согласно обычаю, письменно показал, что, когда тело вынули из могилы на тридцатый день после смерти женщины, четырех обвиняемых попросили по очереди коснуться тела. Жена Джона Оукмана упала на колени и стала молить Бога, чтобы Он дал знак о том, что они невиновны, или о чем-то вроде этого (точных слов я не помню). Ответчики дотронулись до тела, после чего на лбу умершей, который был трупного цвета, появилась испарина или пот. Он стал стекать каплями по лицу, и лоб преобразился, приобретя живой и свежий вид. Мертвая женщина открыла и закрыла один глаз и проделала это еще три раза. Точно так же она трижды подняла и опустила безымянный палец, с которого на траву закапала кровь.

Хайд (Николас), Главный Судья, будто сомневаясь в свидетельстве, спросил свидетеля: „Кто видел это, кроме вас?“

Свидетель: „Не могу поклясться, что другие видели это. Но, мой господин, полагаю, что все собравшиеся видели это. И если бы это ставилось под сомнение, этому потребовались бы доказательства, и многие засвидетельствовали бы это вместе со мной“.

И тогда свидетель, заметив изумление у проверяющих, заговорил

дальше: „Мой господин, я являюсь священником этого прихода и давно знаю всех участников этого дела, но никогда я не был недоволен кем-либо из них и общался с ними лишь как священник. Это дело было для меня удивительным, но я в нем не заинтересован. Меня позвали дать правдивые показания, что я и сделал”.

Этот свидетель был уважаемым человеком лет семидесяти, я полагаю. Свои показания он давал серьезно и сдержанно, чем вызвал восхищение публики. После чего, обращаясь к Главному Судье, он сказал: „Мой господин, здесь находится мой брат, который является священником соседнего прихода, и, я уверен, он видел все, как я утверждал”. Затем этого человека привели к присяге, чтобы давать показания, а именно: видел ли он пот на лбу, изменение его цвета, моргание глаза и трижды повторенное движение пальца. Только первый свидетель показал, что человек окунул свой палец в кровь, чтобы изучить ее, и поклялся, что, по его мнению, это была настоящая кровь. Я посоветовался потом с адвокатом сэром Эдмундом Вауэлом и другими людьми, которые пришли в этом к единому мнению. А что касается меня, если бы меня привели к присяге, я бы сказал, что эти показания, особенно первого свидетеля, здесь отражены правдиво по своей сути.

Другие показания были даны против взятых под стражу, а именно: бабушки истицы, Оукмана и его жены, которые сказали, что в ту ночь спали в соседней комнате с умершей, и никто не входил в дом до того момента, когда они нашли ее мертвой на следующее утро. Поэтому если не она сама убила себя, то убийцами должны быть они. В пользу этого были следующие доказательства. Во-первых, она лежала в постели в спокойной позе, простыни не были смяты, а ее ребенок лежал рядом с ней. Во-вторых, горло у нее было перерезано от уха до уха, а шея была сломана. Если она сначала перерезала себе горло, она не могла сломать себе шею в постели, и наоборот. В-третьих, на постели не было крови, за исключением того, что легкий мазок крови был на подушке, на которой лежала ее голова, и больше ничего. В-четвертых, от изголовья кровати на полу тянулась полоса крови, которая образовала приличную лужу в выемке в полу. И была еще одна кровавая полоса на полу, тянувшаяся от изножья постели, которая также образовала на полу немалую лужу. Но больше никаких сообщений о крови ни на постели, ни в каких-либо других местах не было. Так что кровь у нее текла из двух мест по отдельности. Согласно показаниям, когда постель перевернули, там в соломе тюфяка лежала одежда с засохшей кровью. В-пятых, окровавленный нож был найден наутро воткнутым в пол на изрядном расстоянии от кровати. Но острие ножа, застрявшего в полу, было повернуто к кровати, а рукоять — к двери. И наконец, в-шестых, на левой руке мертвой женщины были найдены отпечатки большого и указательного пальцев чьей-то левой руки.

Главный Судья Хайд: „Как вы можете в таком случае отличить отпечаток пальцев левой руки от отпечатка пальцев правой?“

Свидетель: „Мой господин, это трудно описать, но если высокочтимый судья соизволит (то есть судья, сидящий на скамье подле Главного Судьи) положить свою левую руку на вашу левую руку, вы не сможете поместить вашу правую руку в такое же положение“.

Это было проделано и оказалось именно так, ответчики могли выступить в свою защиту, но не дали никаких показаний в этом отношении.

Присяжные, которые уходили посоветоваться и вернулись, оправдали Оукмана и сочли остальных троих виновными, но каждый из них сказал, что не делал этого. Суд принял решение, и бабушка и отец истицы были казнены, а тетку пощадили, потому что она была беременна. Я спросил, признались ли они в чем-либо перед казнью, но мне сказали, что не признались».

Так написал сержант, а впоследствии сэр Джон Мейнард, человек, пользовавшийся большой известностью и разбиравшийся в законах. Копия этого отчета была найдена среди его бумаг после его смерти (1960), написанная его собственной рукой. Господин Хант из Темпла (одно из двух лондонских обществ адвокатов. — *Пер.*) снял с нее копию, передал мне, а я ее процитировал.

В 1847 г. было опубликовано произведение «Вампир Варни, или Кровавый пир», очень длинный, но хорошо написанный и, безусловно, волнующий роман, который растянут не менее чем на 220 глав, образуя книгу из 868 страниц. Он имел такой «беспрецедентный успех», что в 1853 г. был переиздан в виде грошовых книжек Э. Ллойдом, известным поставщиком дешевых бульварных романов и ужастиков. «Вампир Варни» — одно из первых произведений Томаса Преста, одного из самых плодовитых и пользовавшихся любовью публики авторов этой школы. И хотя события в романе быстро нагромождаются одно на другое и все они носят самый зловещий характер, автор неплохо управляет с повествованием, в котором присутствует некая мрачная сила и убедительность, привлекающие к себе внимание, при этом части этого чрезвычайно длинного романа соединены так искусно, что интерес к нему не угасает. Томас Прест, безусловно, знал свою публику, и его произведения издавались огромными тиражами. Тем более удивительно то, что в наши дни они чрезвычайно редки, и, без сомнения, самого автора сильно удивила бы цена, которую платят за новые экземпляры его мелодрам. Он всегда тщательно подбирал название книги, которое должно было задеть нужные струны в душе читателя. И вот перед нами перечень таких сверхсентиментальных названий, как «Хватка скелета, или Кубок крови», «Сони Бин, Людоед из Мидлотиана», «Анжелина, или Тайна аббатства Святого Марка» (1841), «Бланш, или Загадка обреченного дома» (1843), «Черный монах, или Тайна серой башенки» (1844), «Смертельная хватка или Отцовское проклятье» (1844), «Отец-маньяк или Жертва» (1844),

«Погубленное сердце, или Развалины старого монастыря» (1849), «Мельник и его подручные, или Загадочные грабители из Богемии» (1852). Последний роман основан на сюжете пьесы Исаака Покока «Мельник и его подручные», которая впервые появилась на сцене Ковент-Гардена (оперный театр в Лондоне, существует с 1732 г. — *Ред.*) 21 октября 1813 г. В составе ее исполнителей были Фарлей, Листон, госпожа Эджертон и мисс Бут. Ее действие происходит на «берегах пограничной реки в лесу Богемии». Эта пьеса оказалась одной из самых популярных сентиментальных пьес, и можно сказать, что она продержалась на сцене до начала XX в. Без сомнения, величайший успех имел бессмертный роман Преста «Суини Тодд, злой дух цирюльника с Флит-стрит». Когда-то думали, что Суини Тодд действительно жил, но этот необычный персонаж почти наверняка является плодом богатого воображения автора. На сцене «Суини Тодд» имел успех вплоть до настоящего времени, и многие драматурги перекладывали его приключения для подмостков, где они всегда неизменно вызывали исключительно бурные аплодисменты.

Действие романа «Вампир Варни» происходит в 1730 г., а Прест четко утверждает, что его роман основан на событиях, которые якобы произошли в Англии в последние годы правления королевы Анны (правила в 1702–1714 гг. — *Ред.*). Никаких документов такого рода обнаружено не было, но если утверждение автора соответствует действительности, то чрезвычайно интересно обнаружить в это время случай вампиризма в Англии, где предания об этом почти полностью оказались забытыми. Хотя можно заметить, что приблизительно в это время огромное внимание к себе привлекли необыкновенные события в Венгрии и Сербии. Конечно, вполне возможно, что Прест выбросил эти намеки, чтобы придать своему произведению дополнительную остроту, но, как бы то ни было, автор, безусловно, тщательно изучал предания и легенды о вампирах и в главы своей книги он вставляет несколько впечатляющих штрихов, которые могут быть подтверждены сходными обстоятельствами легенд о вампирах, не самых известных или легкодоступных. Ради этого зловещего колорита Прест проводил определенные изыскания среди подлинных и редких материалов.

«Вампир Варни» — весьма редкая книга, и поэтому не будет дерзостью подробно изложить первую главу — и как образчик произведения Преста, и как подробное описание вампира.

...Как могилы отдают своих мертвецов,
И как ночь оглашается ужасными криками!

Полночь. — Гроза с градом. — Ужасный гость. Вампир.

Торжественный бой старых соборных часов ознаменовал полночь. Воздух густой и тяжелый. Необычная, подобная смерти неподвижность сковала природу. Подобно зловещему спокойствию, которое предшествует некоторым, более обычного ужасным проявлениям стихий, они, видимо, замедлили даже свои обычные проявления,

чтобы собрать ужасающую силу для грандиозной попытки. Издалека доносится слабый раскат грома. Подобно сигнальному выстрелу к началу сражения ветров, он будто пробудил их от летаргического сна, и один ужасный, воинственный ураган пронесся по всему городу, произведя за четыре или пять минут большее опустошение, чем нанесли бы обычные ветра в течение полувека.

Будто какой-то великан дунул на игрушечный город и разбросал множество домов своим страшным горячим дыханием. И так же внезапно, как возник, этот сильный порыв ветра прекратился, и вокруг опять стало тихо и спокойно, как было.

Те, кто спал, проснулись и подумали, что то, что они слышали, было их фантазией сбивчивого сна. Они поворочались и снова заснули.

Все тихо — тихо, как в самой могиле. Ни один звук не нарушает магию покоя. Но что это? Станный барабнящий звук, словно топот миллиона волшебных ног. Это град, да, над городом разразился дождь с градом. Листья срываются с деревьев вместе с небольшими ветками. Окна, в которые с яростью бьют частицы льда, разбиты. Полный покой, который царил здесь до этого, сменился шумом, и в нем тонет любой крик удивления или испуга, который издают люди, обнаружившие, что в их дома ворвалась буря.

Время от времени налетает внезапный порыв ветра, который на мгновение удерживает миллионы градин висящими в воздухе, но лишь только для того, чтобы швырнуть их с удвоенной силой в каком-нибудь новом направлении и причинить еще больший ущерб.

О, как бушевала буря! Град, дождь, ветер. Поистине это была ужасная ночь.

Вот старинный дом, и в нем такая же старинная комната. Ее стены покрывают необычные и изящные резные украшения, а большой дымоход сам по себе диковинка. Потолок в ней низок, а большой эркер, от пола до потолка, выходит на запад. Окно, застекленное необычным раскрашенным стеклом и с таким же переплетом, забрано решеткой. Оно пропускает необычный, но все же красивый свет, когда в комнату светит солнце или луна. В помещении висит единственный портрет, хотя стены отделаны панелями именно с целью повесить на них несколько картин. На портрете изображен молодой человек. У него бледное лицо, горделивый лоб и необычное выражение глаз, в которые никому не хочется смотреть дважды.

В этой комнате стоит роскошная кровать из резного орехового дерева, богато украшенная замысловатыми узорами. Это один из предметов искусства, который обязан своим существованием эпохе Елизаветы (Елизавета Тюдор, р. 1533, правила в 1558–1603 гг. — *Ред.*). Комната увешана тяжелыми драпировками из шелка и парчи. По углам — склоненные перья, они покрыты пылью и придают комнате похоронный вид. Пол сделан из полированного дуба.

Боже! Как же дождь бьется в старый эркер! Подобно случайному

залпу мушкетного огня, он хлещет, бьется и щелкает по небольшим стеклам. Но они выдерживают это: спасают их небольшие размеры. Ветер, град, дождь зря тратят свою ярость.

Постель в этой комнате не пуста. Прелестное создание лежит в полусне на этом старинном ложе — девушка, молодая и прекрасная, как весеннее утро. Ее длинные волосы рассыпались по постели. Ее сон беспокоен, и постельное белье в большом беспорядке. Одна ее рука закрывает голову, а другая свисает вдоль края кровати. Ее шея и грудь, которые привели бы в восхищение самого талантливого скульптора, полуобнажены. Во сне она слегка застонала, и пару раз ее губы задвигались, словно в молитве. По крайней мере, можно было сделать такой вывод, ведь с них однажды слетело имя Того, Кто страдал за всех.

Она была сильно утомлена, и буря не разбудила ее. Но ненастье может потревожить сон, не рассеяв его окончательно. Шум стихий пробуждает чувства, хотя и не может совсем нарушить покой, в который они погружены.

О, сколько очарования было в тех слегка раскрытых устах с жемчужными зубками, которые блестели даже при слабом свете, пробивавшемся сквозь окно. Как нежно лежали шелковые ресницы на щеках. Вот девушка пошевелилась, и стало видно полностью одно плечо — белее и прекраснее, чем безупречное постельное белье, на котором она лежит, гладкая кожа этого прелестного создания, стоящего на пороге своей расцветающей женственности, того переходного возраста, которое показывает нам очарование девушки, почти девочки, и более зрелую красоту грядущих лет.

Это была молния? Да, ужасная, яркая вспышка, а за ней — ревущий раскат грома, будто тысяча гор катятся одна за другой по голубому своду небес. Кто теперь спит в этом древнем городе? Ни одна живая душа. Ужасная труба вечности не смогла бы лучше разбудить всех.

Град продолжается. Ветер не стихает. Шум стихий достиг апогея. И вот она пробуждается, эта прекрасная девушка на старинной кровати. Она открывает свои небесно-голубые глаза, и слабый взволнованный крик слетает с ее губ. По крайней мере, этот крик по сравнению с шумом на улице звучит совсем слабо. Она садится на постели и прижимает руки к глазам. Господи! Какой неистовый поток ветра, дождя и града! Гром тоже, по-видимому, полон решимости наделать столько шума, чтобы его эхо длилось до тех пор, пока следующая вспышка молнии снова не произвела дикое сотрясение воздуха. Девушка бормочет молитву — молитву за тех, кого она больше всего любит. С ее губ слетают имена дорогих ее нежному сердцу людей. Она плачет и молится. Потом девушка начинает думать о том, какое опустошение, должно быть, принесла эта буря, и великому Богу Небесному возносит молитву за всех живущих на земле. Еще одна вспышка молнии, резкая, синяя, приводящая в замешательство,

освещает это окно, на мгновение выхватив с ужасной отчетливостью все цвета в ней. С губ девушки срывается пронзительный крик, она дрожит, ее взор прикован к этому окну, которое в следующее мгновение уже становится темным. У нее на лице выражение такого ужаса, которого она еще не испытывала раньше. На ее лбу выступил пот от такого сильного страха.

«Что, что это было? — задыхаясь, спросила она. — Реальность или обман? О боже, что это было? Какая-то высокая и худая фигура пыталась снаружи открыть окно. Я видела ее. Та вспышка молнии осветила и показала мне ее. Ростом фигура была не ниже окна».

Ветер временно затих. Град уже не валил так густо — более того, теперь его остатки падали вертикально, и тем не менее был слышен странный барабнящий звук по стеклу этого высокого окна. Это не могло быть галлюцинацией — ведь она не спит и слышит его. Что может производить такой звук? Еще одна вспышка молнии, еще один крик — теперь не могло быть никаких заблуждений.

Высокая фигура стоит на выступе с внешней стороны окна. Это ее ногти, стучащие по стеклу, производят звук, столь похожий на шум града, но теперь град не идет. Сильный страх сковал члены прекрасной девушки. Она может издать лишь один крик, сцепив руки, — ее лицо — мраморная маска, сердце так сильно бьется в груди, что каждый раз кажется, будто оно вырвется из нее, ее глаза широко раскрыты и прикованы к окну. Она ждет, оцепенев от ужаса. Стук ногтей о стекло продолжается. Не сказано ни одного слова, и теперь ей кажется, что она видит темные очертания этой фигуры у окна и ее длинные, движущиеся туда-сюда руки, ищущие какой-нибудь вход. Что за странный свет теперь постепенно появляется в воздухе? Он красный и ужасный — и делается все ярче и ярче. Молния подожгла мельницу, и отблески языков пламени, быстро пожирающих здание, падают на это длинное окно. Ошибки быть не может. Фигура стоит там, все еще ищущая вход и барабнящая по стеклу пальцами с длинными ногтями, которым, кажется, много лет никто не мешал расти. Девушка пытается еще раз закричать, но на нее нападает ощущение удушья, и она не может этого сделать. Это слишком ужасно: она пытается пошевелиться — и каждая часть тела будто налита тоннами свинца; она может лишь издать слабый хриплый шепот: «Помогите, помогите, помогите, помогите!»

И это слово она повторяет, как во сне. Красные отсветы пожара не прекращаются. От них высокая худая фигура ужасно вырисовывается на фоне длинного окна. Она показывает на единственный портрет, который висит в спальне, и этот портрет будто уперся взглядом в пытающегося проникнуть в комнату незваного гостя, а мерцающий свет от пожара придает ему устрашающе живой облик. Ломается небольшое оконное стекло, и фигура, находившаяся снаружи окна, вытягивает длинную худую руку, которая, кажется, совсем лишена

плоти. Щеколда откинута, и половина окна, которое открывается двумя створками, как двери, широко распахивается на петлях.

И даже теперь девушка не могла закричать, не могла пошевелиться. «Помогите! Помогите! Помогите!» — вот все, что она могла произнести. Но это выражение ужаса на ее лице — оно будет преследовать память всю жизнь и всплывать в самые счастливые моменты, заполняя их горечью.

Фигура поворачивается, и свет падает на ее лицо. Оно совершенно белое, в нем нет ни кровинки. Глаза словно оловянные, губы сжаты, а главное, что под стать этим ужасным глазам, — это зубы. Они выглядят устрашающе и выступают вперед, как у дикого зверя, ужасающе, ослепительно-белые, похожие на клыки. Фигура приближается к кровати странными скользящими движениями. Она лязгает длинными ногтями, которые буквально свисают с концов пальцев. С ее губ не слетает ни звука. Девушка сходит с ума, это юное прекрасное создание, беззащитное перед этим кошмаром! Она вся сжалась; теперь девушка не может даже позвать на помощь. Способность произносить слова покинула ее, но способность двигаться вернулась. Она может медленно отодвигаться от края кровати, к которому приближается страшный призрак.

Но девушка словно под гипнозом. Взгляд змеи не мог произвести на нее больший эффект, чем пристальный взгляд этих ужасных металлических глаз, прикованных к ее лицу. Согнувшись так, чтобы уменьшить огромный рост и сделать ужасное белое лицо наиболее рельефным и бросающимся в глаза, фигура приближалась к девушке. Что это было? Что ей было нужно здесь? Почему она выглядела так страшно, так не похоже на земного обитателя и все же находилась на земле?

Теперь она уже на краю постели, и фигура останавливается. Казалось, остановившись, она потеряла способность двигаться дальше. Девушка с бессознательной силой стискивает в руках постельное покрывало. Она часто и хрипло дышит. Ее грудь вздымается, руки и ноги дрожат, и все же она не может отвести глаз от этого мраморного лица. Оно приковывает ее своим сверкающим взглядом.

Буря улеглась, и все тихо. Ветры стихли. Часы на церкви пробили час ночи. Из горла страшного существа вырывается шипящий звук, и оно поднимает свои длинные худые руки, его губы двигаются. Оно приближается. Девушка спускает одну ногу с постели и ставит на пол. Она бессознательно тащит за собой покрывало. Дверь в комнату находится в том направлении. Сможет ли она добраться до нее? Есть ли у нее силы идти? Может ли она отвести глаза от лица непрошеного гостя и тем самым разрушить страшные чары? Бог небесный! Правда ли это или какой-то сон, настолько похожий на реальность, что почти уничтожает рассудок навсегда?

Фигура снова остановилась, а девушка, находящаяся наполовину

на кровати, лежит, дрожа. Ее длинные волосы струятся по всей ширине постели. Пока девушка медленно двигалась по кровати, волосы оставались лежать на подушках. Пауза длилась около минуты — о, это целая вечность. Этой минуты было достаточно, чтобы безумие сделало свое дело.

Сделав внезапный бросок, который невозможно было предугадать, издав странный воющий крик, который мог вселить ужас в любую душу, это существо схватило длинные пряди волос девушки и, намотав их на свою костлявую руку, прижало ее к постели. И тогда девушка закричала — Небеса даровали ей способность кричать. Вопли следовали один за другим. Постельные принадлежности упали и кучей лежали рядом с кроватью. Ухватив девушку за длинные шелковистые волосы, страшное существо вновь затащило ее на постель. Прекрасные округлые формы девушки трепетали. Ужасные блестящие глаза пришельца оглядели ангельское тело с жутким удовлетворением — ужасное осквернение! Страшное существо тащит голову девушки к краю кровати, оттягивает прекрасную головку назад за длинные волосы, намотанные на руку. Его клыки резко вонзаются в шею девушки — льется кровь, слышен отвратительный сосущий звук. Девушка без сознания, а вампир — за трапезой!

Чрезвычайно интересная история о вампире была рассказана капитаном Фишером господину Огастесу Хэру. Она напечатана в книге «История моей жизни».

«Фишер, — сказал капитан, — может звучать как очень плебейская фамилия, но она очень древнего происхождения. На протяжении многих сотен лет представители этой фамилии владели очень любопытным поместьем в Камберленде, которое носит странное название мыза Кроглин.

Самой выдающейся чертой этого дома является то, что никогда, ни в какой период своего очень долгого существования он никогда не был выше одного этажа, но зато у него есть терраса, от которой простирается большой участок земли до церкви в низине и с которой открывается прекрасный вид.

Когда с течением времени Фишеры выросли из мызы Кроглин, увеличив количество членов семьи и свое состояние, они оказались достаточно мудрыми, чтобы не уничтожить давнюю отличительную черту этого дома, добавив к нему еще один этаж. Вместо этого они переселились южнее, в Торнкомбе неподалеку от Гилдфорда, и сдали мызу Кроглин в аренду.

Им очень повезло с жильцами, которыми оказались два брата и их сестра. Со всех сторон о них слышались только одни похвалы. Для более бедных соседей они были добры и готовы помочь, а их соседи, занимавшие более высокое положение в обществе, говорили о них как о самом приятном прибавлении к небольшому местному обществу. Со своей стороны, жильцы были очень довольны своим новым местом

жительства. Устройство дома, которое было бы испытанием для многих, для них таковым не оказалось. Во всех отношениях мыза Круглин была создана для них.

Зиму новые жильцы мызы провели вполне счастливо, участвуя во всех небольших увеселениях местного общества, и стали очень популярны в округе. Летом случился один ужасный, убийственно жаркий день. Братья лежали в тени деревьев с книгами в руках, потому что для любого активного занятия было слишком жарко. Сестра сидела на веранде и работала или пыталась работать, так как в духоте того летнего дня это было почти невозможно. Они поужинали рано и после ужина расселись на веранде, наслаждаясь прохладным вечерним воздухом и наблюдая заход солнца и восход луны над полосой деревьев, которая отделяла усадьбу от церковного двора. Они смотрели, как луна поднимается по небу, пока вся лужайка уже не оказалась залитой серебряным светом, и через нее тянулись, будто тисненные, длинные тени от кустарников; они были яркими и отчетливыми.

Когда обитатели дома разошлись на ночь по своим комнатам, которые располагались на первом этаже (я же сказал, что в доме не было второго этажа), сестра почувствовала, что жара еще настолько сильна, что она не может спать, и, закрыв окно, не закрыла ставни — в таком тихом месте в этом не было необходимости, — а затем, откинувшись на подушки, стала любоваться изумительной красотой той летней ночи. Постепенно она поняла, что видит два огонька, которые мерцают в полосе деревьев, которая отделяла лужайку от погоста. А когда она стала всматриваться внимательнее, она увидела, что они принадлежат некоему темному существу, чему-то определенно жуткому, что с каждым мгновением становилось все ближе и ближе, увеличиваясь в размерах по мере приближения. Время от времени оно пропадало на мгновение в длинных тенях, которые тянулись через лужайку от деревьев, а затем появлялось, еще больше увеличившись в размерах, и продолжало двигаться. Наблюдая за этим „нечто“, девушка почувствовала, как ее охватил неконтролируемый ужас. Она очень хотела убежать, но дверь находилась близко от окна и была закрыта изнутри, и, пока она будет ее отпирать, вероятно, на мгновение станет ближе к этому. Девушка хотела закричать, но голосовые связки, казалось, были парализованы, ее язык прилип к гортани.

Внезапно — впоследствии она не могла объяснить почему — ужасный объект повернул в сторону и вроде бы стал обходить дом, а не приближаться к ней. И тогда она немедленно выпрыгнула из постели и ринулась к двери. Но когда девушка стала ее отпирать, она услышала „цап-царап“ по стеклу и снова „цап-царап“ и увидела омерзительное коричневое лицо с пылающими глазами, глядящими на нее. Она бросилась назад к постели, но существо продолжало скрестись в окно. Она испытала облегчение, зная, что окно надежно

заперто изнутри. Вдруг царапающий звук прекратился и вместо него послышался звук, похожий на удар клювом.

В ужасе она поняла, что это существо долбит свинцовые полосы! Шум продолжился, и оконное стекло выпало в комнату. А затем просунулся длинный костлявый палец этого существа и повернул ручку рамы. Окно открылось, оно вошло внутрь и пересекло всю комнату. Ужас девушки был так велик, что она не могла закричать. Существо подошло к кровати, схватило своими длинными костлявыми пальцами ее за волосы, пригнуло голову к краю кровати и яростно вцепилось ей в горло.

Когда существо укусило девушку, голос вернулся к ней, и она закричала во всю мочь. Братья выбежали из своих комнат, но дверь в комнату сестры была заперта изнутри. Мгновение ушло на то, чтобы взять кочергу и взломать дверь. К этому моменту существо уже убежало через окно, а их сестра лежала без сознания на краю постели, а из раны на ее горле сильно текла кровь. Один брат стал преследовать чудовище, которое несло впереди него в лунном свете гигантскими шагами и в конце концов исчезло, перепрыгнув через церковную ограду. Тогда он присоединился к своему брату у постели сестры. Она получила ужасную рану, но это была крепкая девушка, не предававшаяся выдумкам или суевериям, и, когда она пришла в себя, сказала: „Со мной приключилась совершенно странная история, и мне очень больно. Это кажется необъяснимым, но, конечно, *есть* какое-то объяснение, и мы должны подождать его. Окажется, что какой-нибудь безумец сбежал из сумасшедшего дома и оказался здесь“. Рана зажила, и, казалось, девушка выздоровела, но врач, который приходил к ней, не мог поверить в то, что она могла так легко пережить такой ужасный шок, и настаивал, что она должна переменить обстановку, как психологическую, так и физическую. И братья увезли ее в Швейцарию.

За границей она, как практичная девушка, немедленно занялась тем, что было ей интересно в этой стране: она засушивала растения, рисовала, поднималась в горы. А когда настала осень, именно она стала настаивать на их возвращении на мызу Кроглин. „Мы арендовали ее на семь лет, — сказала она, — а прожили всего год. Всегда будет трудно сдать дом, в котором всего один этаж, так что будет лучше, если мы вернемся туда. Душевнобольные не каждый день убегают из сумасшедшего дома“. Так как она настаивала, братья большего и не желали, и семья возвратилась в Камберленд. Так как в доме не было второго этажа, в нем невозможно было сделать какие-то большие перемены. Сестра заняла ту же самую комнату, но нет нужды говорить, что она всегда запирала ставни, которые, однако, как во многих старых домах, всегда оставляли одно верхнее стекло в окне незакрытым. Братья стали жить в одной комнате, которая располагалась как раз напротив комнаты сестры, и всегда держали в

ней заряженные пистолеты.

Зима прошла тихо и счастливо. В марте сестра однажды проснулась от звука, который она слишком хорошо помнила. Это было „цап-царап“ по оконному стеклу, и, взглянув вверх, она увидела все то же ужасное морщинистое коричневое лицо с горящими глазами, которые глядели на нее. На этот раз она закричала так громко, как только смогла. Ее братья выбежали из своей комнаты с пистолетами на улицу. Существо уже мчалось через лужайку. Один из братьев выстрелил и попал ему в ногу, но оно на здоровой ноге ускало и перелезло через стену на кладбище. Было похоже, что оно исчезло в склепе, который принадлежал роду, который уже давно угас.

На следующий день братья созвали всех жильцов мызы Круглин, и в их присутствии склеп был вскрыт. Перед ними предстало ужасное зрелище. Склеп был полон гробов, они были взломаны, а их содержимое, изувеченное и деформированное, было разбросано по полу. Лишь один гроб оставался целым. На нем была сдвинута крышка. Крышку подняли, и в гробу лежала коричневая, иссохшая, сморщенная, мумифицированная, но совершенно целая, та самая омерзительная фигура, которая заглядывала в окно мызы Круглин, со следами недавнего пистолетного ранения на ноге. И люди сделали единственную вещь, которая могла покончить с вампиром, — сожгли его».

За недавние годы историй о вампирах в Англии появилось не так уж и много, но не потому, что такие вещи не происходят, а, скорее, потому, что их замалчивают и тщательно скрывают. В 1924 г. почтенный Ральф Ширли писал: «Можно сомневаться, несмотря на отсутствие записей, в том, что вампиризм в той или иной форме совершенно не встречается в условиях современной цивилизации, как это принято считать. И хотя в настоящее время нам незнаком славянский тип вампиров, который сосет кровь своих жертв, умирающих в течение двух-трех дней, время от времени всплывают странные случаи, когда люди становятся, по их собственному признанию, жертвами чего-то, очень похожего на него по своей природе. В этих случаях вампиры имеют человеческий облик и вступают в половые отношения с представителями противоположного пола. Вообще говоря, такие случаи списывают на какой-нибудь сумасшедший дом, и они не достигают ушей общественности. Однако недавно я совершенно случайно услышал историю подобного рода. Жертва была помолвлена с молодым человеком, и ее семья по причине родословной этого человека не одобряла эту помолвку, но не проявляла активно свою неприязнь. Мужчина внезапно умер, и девушка была в горе. Но вскоре к ней вернулась ее жизнерадостность, и позже она призналась своей матери, что ее бывший возлюбленный приходит к ней в человеческом облике. Потом она обручилась с другим мужчиной, но из-за угроз ее умершего возлюбленного, как сказала девушка, помолвка была расторгнута. Последнее, что я слышал об этой девушке, — это то, что она больна туберкулезом. Разумеется, такие вещи не попадают в газеты, и,

очевидно, обычный врач назовет такие примеры чистой галлюцинацией. И все же, если мы верим в философию оккультизма, они должны заставить нас остановиться и засомневаться, прежде чем сказать, что вампиры остались в прошлом». Такие случаи, по правде говоря, происходят каждый день, и я на собственном опыте не раз сталкивался с ними.

Тут будет уместно замечание о том, что во время Салемских беспорядков и судебных процессов над ведьмами в Новой Англии (северо-восток современных США), которые достигли наибольшего размаха в 1691–1693 гг., происходили некие вещи, которые можно отнести на счет вампиризма, но которые не совсем подпадают под эту категорию. Многие «заболевшие дети», как называли пострадавших, жаловались на то, что появлялись призраки, которые били и мучили их, по-видимому забирая от них жизненные силы. В частности, жена и дочь Томаса Рутмана Абигайль Уильямс и Мэри Уолкот пожаловались, что эти призраки действительно кусали их, и показали следы от зубов, как верхних, так и нижних, которые отпечатались на их запястьях. Обычно люди, которые подверглись сглазу, начинали чахнуть и рано сходили в могилу, и это является одним из признаков злодейств вампиров, ведь, как можно ожидать, колдовство и вампиризм очень тесно связаны между собой.

Однако в Америке не так давно произошли события, которые показывают сильную веру в возможности вампира. В течение 1854 г. «Норуичский курьер» (США) сообщал об удивительных происшествиях в соседнем городке Джуэтт-Сити (и Норуич, и Джуэтт-Сити находятся в штате Коннектикут. — *Ред.*). В 1846–1847 гг. житель Грисволда Хорас Рей умер от чахотки. Двое его детей, молодые люди, тоже заболели этой болезнью и последовали за ним в могилу. Младший сын умер последним в 1852 г. Выяснилось, что и третий сын стал жертвой этой же смертельной болезни, после чего было принято решение эксгумировать тела двух его братьев и кремировать их, потому что, как считалось, мертвые «питаются» за счет живых. И пока мертвые тела лежали в могилах, оставшиеся в живых члены семьи должны были продолжать поставлять жизненные силы, которыми могли бы питаться мертвецы. Полностью убежденные, что так обстоят дела, члены семьи и друзья умерших 8 июня 1854 г. пришли на кладбище, выкопали тела умерших братьев, соорудили огромный погребальный костер и сожгли их прямо там. В журнале «Провидение» в 1874 г. сообщалось, что в селении Плейсдейл, Род-Айленд, местный житель господин Уильям Роуз сам выкопал из земли тело своей собственной дочери и сжег ее сердце, движимый верой в то, что она истощает жизненные силы оставшихся членов семьи. На следующий год доктор Дайер, один из ведущих терапевтов Чикаго, сообщил о случае, который он наблюдал лично. Тело женщины, умершей от чахотки, было извлечено из могилы и сожжено, так как ее родственники верили в то, что она тянет за собой в могилу оставшихся членов семьи.

Вот что писали: «В Уотерфорде, Ирландия, есть небольшое кладбище у разрушенной церкви рядом с башней Стронгбоуз. Легенда гласит, что под землей на этом месте лежит красавица вампирша, готовая убивать тех, кого она сможет завлечь туда своей красотой». Этому не придают никакого

значения, что, наверное, едва ли вызовет удивление, если знать, что нет и никогда не было в Уотерфорде башни с таким названием. Вероятно, здесь путаница и имеется в виду башня Реджинальдс, которую Стронгбоу (де Клер, граф Пемброкский) использовал в качестве крепости в 1170 г. и где английский король Иоанн Безземельный устроил монетный двор, отсюда и пошло его название Дандори. Авторитетный ирландский автор, недавно усопший шевалье У. Г. Граттон-Флад, сообщил мне, что не существует легенды о вампире, которая была бы связана с башней Реджинальдс. И вероятно, следующий далее рассказ перепутан с тем, что рассказывает о захвате Уотерфорда англо-норманнами Жиральд Камбрэнс в своей книге *Turographia Hibernica*. В траве на лугу у Уотерфорда была найдена лягушка и живой принесена в Корк Роберту ле Поэру, мэру города, который жил в башне Реджинальдс. Все были поражены видом этой лягушки, потому что она была первой лягушкой, обнаруженной в Ирландии. Говорят, что лягушку торжественно похоронили в башне Реджинальдс. Камбрэнс замечает, что лягушку, вероятно, привез с собой Стронгбоу вместе с добычей, награбленной в Англии.

В Древней Ирландии вампиров обычно называли *dearg-dul*, «сосущий красную кровь», и их боялись все. В ирландской агиографии есть яркие изображения различных похоронных обрядов. Быть похороненным под пирамидой из камней, несомненно, считалось язычеством, потому что такая куча камней служила отметкой мест, посещаемых призраками. В письме, которое приписывают Теодорету, говорится: «Пусть каждый бросит камень на его могилу, чтобы он нечаянно не возвратился на землю», а Джеффри из Монмута считал погребение под могильным холмом чисто языческим. Бальзамирование тела было языческой практикой, и последствия этого действия следовало заглаживать, отслужив мессу перед тем, как останки будут положены в освященную землю. Это, безусловно, связано с широко распространенным в Греции представлением о том, что тело, которое не разлагается в могиле, подверглось проклятию или отлучению от церкви. С другой стороны, в истории мы находим рассказы о том, что сохранность тела от тления считается признаком девственной непорочности и святости. Но когда люди в *Eyrbyggjasaga*, напуганные «похождениями» мертвого Торольфа, идут к каменной пирамиде над его могилой и разбрасывают ее, они видят его тело свежим, не подверженным тлению. Это явный признак вампиризма.

Стоит заметить, что в ирландских сказаниях о святых существует много легенд о волках и очень часто эти животные выступают в самой благородной и доброй роли. Так, святой Молау (или Лугайд) учредил ежегодный праздник в честь волков. Колман Мак-Лочейн заключил постоянный договор с волками. От имени волков совершаются чудеса. Говорили даже, что один святой, святой Ронан, был обвинен в том, что он вервольф, оборотень. Дело в том, что его всегда сопровождал один волк, кроткий и любящий зверь, который служил ему верой и правдой, так что даже теперь мы говорим «послушный, как волк святого Ронана». Тело этого великого святого лежит в Локронане, и там во второе воскресенье июля проводят в его честь праздник массового прощения.

Едва ли вызовет удивление то, что раз о волке в ирландских верованиях идет такая хорошая слава, то вампир, который тесно связан с оборотнем, должен быть в древних преданиях практически неизвестен.

В современной Ирландии, как и Англии, вампира — хотя записи об этом встречаются редко — ни в коем случае нельзя назвать неизвестной фигурой, и я во всех деталях привожу самый интересный и значительный случай, о котором сообщил Р. С. Брин в «Оккультном обозрении» (октябрь 1925 г.)

«Эта история была рассказана мне много лет назад родственниками священника, который в ней фигурирует. Насколько мне удалось выяснить, у меня нет причин подвергать сомнению то, что все, написанное мною здесь, — констатация факта. Одно соображение заставляет меня согласиться, по крайней мере, с намерением рассказчиков быть правдивыми. Этот случай произошел в Ирландии, где огромное большинство жителей всегда были рьяными католиками. Этим людям никогда бы и в голову не пришло придумывать такую историю о церковнослужителе. Их благоговение перед священниками и вера в их святость столь сильны, что почти невозможно понять, как обстоятельства, о которых пойдет речь в рассказе, могли соединиться в уме простых людей с именем и памятью того, кто получил духовный сан. И тем не менее информация была получена от католиков, которые назвали себя свидетелями всего происшедшего. К тому же я прочел, что вампиризм появляется лишь в тех странах, которые являются духовно отсталыми, как в некоторых районах Восточной Европы. Но хотя, как я уже сказал, люди, среди которых произошли эти события, были католиками, они не были высоконравственными. Это дикий, обособленный край, покрытый горами. Даже в недавние годы из этих мест поступали сообщения о совершенных многочисленных ужасных насильственных преступлениях; некоторые из них были особенно бессмысленными. Несколько лет назад мне самому показали место, отмеченное белым крестом на камне у обочины дороги, где двадцатилетний парень за несколько дней до этого вышиб мозги у своего отца без какой-либо явной провокации. Кто-нибудь наверняка сказал бы, изучив обстоятельства дела, что это было очень похоже на дьявольское наваждение. Я никогда еще не был в таком уголке Ирландии, где жители всегда ощущали бы взаимопроникновение того, что невидимо, и того, что все же появляется. Чувствовалось, что они находятся в контакте с царством существ, о котором мы в своем мире ничего не знаем. Они были грубыми, храбрыми и, как мы сказали бы, суеверными. Элемент страха, страха перед неведомым, чувствовался всегда. Большинство обитателей этого края были бедны, но некоторые фермеры имели возможность жить с неким простым комфортом. Трактирщики и фермеры обычно отдавали одного из своих сыновей в лоно церкви.

Член семьи М., связанной с фермерством, получил духовное звание и, со временем, небольшой приход. У него была репутация тихого,

безобидного человека, не очень любившего общество своей паствы и больше увлекавшегося чтением и учением. Его прихожане слушали поучительные проповеди своего пастыря, приносили к нему своих детей для крещения, периодически исповедовались ему и принимали из его рук святое причастие по воскресеньям и большим церковным праздникам. Он нечасто бывал в их домах, как это делали некоторые его более общительные коллеги в других приходах. Он проявлял гостеприимство к незнакомым людям и часто предоставлял кровати в своем небольшом домике в распоряжение припозднившихся путников и даже бродяг. И все-таки никому из его ближайших соседей и в голову не приходило прийти к нему неофициально. Они приходили к нему по церковным делам или вообще не приходили. Одним словом, его уважали, хоть и не очень любили.

Когда священнику оставалось до пятидесяти лет совсем немного, он внезапно заболел и спустя недолгое время умер. Был погребен с теми простыми почестями, которые подобают похоронам ирландского сельского священника. Его тело — я должен был сказать — перед похоронами было перенесено в дом его матери, который находился в нескольких милях от его прихода. Именно там происходили похороны. Это была горестная картина, когда тело привезли домой к старой матери, главной гордостью которой в ее преклонные годы был ее „мальчик в церкви“, священник. И было еще горше смотреть, как гроб снова выносят из побеленного крестьянского дома, чтобы отнести того, кто в нем лежит, на каменистое кладбище в горах, где покоились кости не одного поколения его родственников. По обычаю, тело покойного сопровождали родственники усопшего обоюбого пола. Убитую горем мать оставили наедине с ее мыслями до конца дня в доме, который посетила смерть. Во второй половине дня она разрешила служанке, которая делала черную работу по дому, пойти на несколько часов к ее родным, которые жили на другом конце поля. Госпожа М. была мужественной, как любая другая женщина такого же социального положения, и в своей горе она хотела остаться одна.

Тем временем похоронная процессия медленно направлялась (длинная вереница рессорных двуколок, двухколесных колясок с четырьмя сиденьями, а также других экипажей) к месту назначения в горах. Люди не тратили много времени на осуществление и завершение своей печальной задачи, но им предстоял долгий путь, а солнце уже близилось к закату, когда процессия поднялась на последнюю цепь холмов на пути к дому, который все покинули утром. Это были похороны священника, и все участники похоронной процессии не останавливались в разбросанных там и сям пивных, попадавшихся им по дороге, как они наверняка сделали бы — и не раз, — если бы хоронили кого-то другого. Все они были трезвыми, но многие из них, особенно женщины, заснули. Близилась ночь. Ниже гребня холмов тени уже удлинялись, но на дороге из известняка еще

было светло. У подножия склона седоки экипажей, ехавших первыми, внезапно увидели одинокую фигуру, которая быстро шла по направлению к ним. Когда расстояние между ними и пешеходом уменьшилось, они с изумлением увидели, что это священник. Они не знали никакого другого священника, который мог оказаться там в такой час. Те люди, которые участвовали в церемониях у могилы, еще не доехали до этого места по дороге домой. Седоки в экипажах начали гадать, кем мог быть этот человек. Люди обменивались репликами, а тем временем незнакомец уже подошел к самому первому экипажу. Двое сидевших в ней мужчин бодрствовали. Ошибки быть не могло. Они увидели совершенно отчетливо, что стоят лицом к лицу с человеком, которого они положили в могилу два или три часа тому назад. Он прошел мимо, слегка отвернувшись от них, но не настолько сильно, чтобы они совершенно определенно не разглядели его или не заметили мертвенную бледность его кожи, тяжелый блеск его широко раскрытых глаз и необычную длину его крепких белых зубов, на фоне которых красные губы казались совсем оттянутыми назад так, что были видны десны. На нем была надета не та одежда, в которую его обрядили для похорон, а приличный черный сюртук и другие предметы одежды, в которых его последний раз видели живым. Он прошел вдоль длинной вереницы экипажей и в конце концов исчез за поворотом дороги. Кто-нибудь в каждом экипаже или двуколке видел его — короче, большинство из тех, кто не спал, сидя в экипаже с той стороны дороги. Нервная дрожь от ужаса охватила всех. Приглушив голоса, страшно побледнев, все поспешили дальше, горя нетерпением добраться до какого-нибудь крова и пылающего очага, прежде чем на землю опустится жуткая ночь.

Сначала они заехали на ферму М. С фасада дома у двери было маленькое крылечко, а с каждой его стороны — по небольшому узкому окну. Здесь люди собрались и торопливо решили не говорить ни слова о том, что случилось, матери, лишившейся сына. Кто-то постучал в дом, но ответа не было. Они постучали снова, а так как их снова никто не впустил, они начали беспокоиться. Наконец кому-то пришлось в голову заглянуть в одно из небольших боковых окошек, и тогда он увидел старую госпожу М., лежавшую на полу лицом вниз. Больше они не колебались, а буквально вломились в дом, и спустя недолгое время им удалось привести ее в сознание. Вот вкратце то, что она им рассказала.

Приблизительно за полчаса до их появления она услышала шаги на улице, вслед за которыми послышался громкий, требовательный стук в дверь. Она удивилась, что все возвратились так быстро, к тому же она ожидала услышать шум приближающихся экипажей. Она решила, что это не может быть кто-то из родственников, и поэтому, прежде чем открыть, выглянула в боковое окно. К своему ужасу, она увидела там своего умершего сына, который стоял при свете дня и выглядел во

многим так же, каким она последний раз видела его живым. Он не смотрел на нее прямо. Но она тоже заметила необычную длину его зубов, холодный блеск глаз — я бы сказал, что-то волчье было во всем его облике — и смертельную бледность лица. Ее первым инстинктивным порывом было открыть дверь. Затем ее охватил страх, который подавил даже ее материнскую любовь. Она почувствовала, как подгибаются ноги, и упала в обморок, в котором и лежала, пока родственники ее не нашли.

В таком виде эта история была мне рассказана. Если у нее было продолжение, я о нем никогда не узнал. Был ли это случай вампиризма? Нельзя сказать, что подобные случаи неизвестны в Ирландии. Во всяком случае, я счел его достойным того, чтобы написать об этом».

Полагаю, мне редко доводилось сталкиваться с более интересным рассказом о вампире, и в нем есть немало моментов, которые могут быть рассмотрены подробно. Полезно было бы сделать необходимым расследование любых недавно происшедших событий, любое проявление вампиризма в каждом конкретном районе. Такие расследования могут причинить мучительные страдания оставшимся в живых и повлечь за собой прискорбную известность. Так что будет более разумным и человечным оставить все как есть. Каждая деталь этой истории несет на себе печать правды. Это действительно чрезвычайно выдающийся и поразительный рассказ.

Как в Англии и Ирландии, так и во Франции письменно зафиксированные случаи вампиризма немногочисленны. Кто-то, вероятно, может неправильно сказать: умышленно немногочисленны. В La-Bas Ж. К. Хайсманс говорит о «вампиризме» Жилья де Реса, но здесь современное французское слово используется в самом широком смысле. Жиль де Рес был некрофилом, некросадистом и мучился от безумной тяги к крови, гематомании. Но, строго говоря, он не был вампиром, хотя и испытывал жажду крови, как вампир.

Я слышал от тех, кто лично знал эту даму, что настоящую мадам Шантелув в La-Bas называли вампиршей. Ее присутствие, ее общество оказывало на тех, кто находился рядом с ней, такое действие, будто у них кто-то высасывает жизненные силы, а ее энергетический запас заметно увеличивался. Ее красота сияла ярче, а их подавленное состояние и слабость усиливались. Анализируя произведение Хайсманса, Г. Обо де ла Олт Шамбр пишет, что мадам Шантелув была «дьявольской испанкой, бывшей возлюбленной Хайсманса...».

Случай с сержантом Бертраном, который во время суда над ним был известен во всей Франции как «вампир», является классическим примером некрофилии. 10 июля 1849 г. военным советом под председательством полковника Манселона проводилось расследование. «Отмечается, что суд был переполнен людьми и присутствовало много дам». На протяжении многих месяцев различные кладбища в Париже и его окрестностях становились местом самого ужасного осквернения. Сторожа кладбища Пер-Лашез замечали или полагали, что они видят, фигуру, похожую на тень, перемещающуюся по

ночам среди могил. Но им никогда не удавалось схватить ее, и некоторые начали предполагать, что это призрак. Были обнаружены страшно разоренные могилы. Тела были выброшены из гробов, стали добычей извращенца и расчленены. Когда подобные вещи на Пер-Лашез прекратились, они начались на отдаленном пригородном кладбище. Тело семилетней девочки, которая была похоронена в полдень, было найдено на следующее утро: оно было выкопано из земли, гроб — взломан, на трупе — следы варварства и извращения. «Были приняты все меры к тому, чтобы обнаружить преступника. Но единственным результатом усиленного наблюдения было то, что местом, где происходило осквернение, стало кладбище Монпарнас, где эксгумации стали происходить в таком количестве, что власти были в растерянности. Кстати, учитывая, что все кладбища окружены стенами и заперты железными воротами, кажется очень странным, что какой-нибудь упырь или вампир из плоти и крови мог бы в течение такого долгого времени заниматься своими делами без помех». Наконец, благодаря ловушке сторожа кладбища сумели захватить врасплох таинственного посетителя, который тем не менее, получив серьезные огнестрельные ранения, от них скрылся, оставляя кровавый след. Были найдены обрывки военной формы, и, когда саперы 74-го полка заметили, что вскоре после полуночи один из их сержантов возвратился с такими ранами, что его пришлось отправить в военный госпиталь Вал-де-Грас, стало ясно, что преступник найден. На допросе Бертран признался, что непреодолимая сила влекла его выкапывать трупы и вступать в половые сношения с ними, после чего он впал в подобие транса или комы. Подробности того, как он осквернял трупы, были самого ужасного свойства, а расчленения он совершал в состоянии беспамятства. Но доктора сочли, что сержант вменяемый, и его приговорили к тюремному заключению.

Следующий рассказ о французском вампире был помещен мисс Джесси Аделаидой Мидлтон в ее произведении «Еще одна книга о привидениях»:

«Французский виконт по имени Морьев был одним из немногих французских аристократов, сумевших сохранить свои владения в беспокойное время Французской революции. Он выглядел очень необычно, был очень высок и худ, с высоким лбом и выступающими зубами.

Под личиной учтивости и доброты он скрывал ужасно жестокий характер, который проявился, когда пожары великой революции догорели и вокруг снова стало спокойно. Чтобы свести счеты с рабочим классом, он посылал по очереди за своими домашними слугами и работниками и после беседы с каждым из них отрезал им головы. Неудивительно, что он сам встретил свою насильственную смерть от руки какого-то крестьянина.

Однако, как только виконта положили в могилу, в ближайших окрестностях умерло ужасающее количество маленьких детей, и у каждого из них на горле были отметины от зубов вампира. Позднее, когда после похорон уже прошло некоторое время и возводился склеп, произошли еще девять подобных случаев за неделю. Страшные

убийства происходили до тех пор, пока не прошли семьдесят два года и внук виконта не унаследовал его титул.

Услышав жуткие истории о своем дедушке, молодой де Морьев пришел посоветоваться со священником о том, как уложить в могилу призрак его страшного предка. После обсуждения этого вопроса было решено вскрыть могилу. К этому был привлечен человек, которому особенно удавались дела подобного рода, и склеп был вскрыт в присутствии властей.

Было обнаружено, что все гробы подверглись обычному процессу гниения, за исключением гроба старого виконта, который после семидесяти двух лет был абсолютно крепок и цел. Крышка гроба была сдвинута, и тело в нем не было тронуту тлением и казалось вполне свежим. На лице трупа был румянец, а в сердце и груди пульсировала кровь. Кожа была мягкой и выглядела естественно. На руках и ногах выросли ногти.

Тело вынули из гроба, и знающий человек вогнал в сердце покойного кол из боярышника, в результате чего из него полились кровь и вода, а труп застонал и завыл.

После этого останки были сожжены на берегу моря. И с того самого дня дети перестали умирать, и в окрестностях прекратились загадочные преступления.

Были изучены семейные архивы, и выяснилось, что старый виконт приехал из Персии, где взял в жены женщину из Индии, а потом он поселился во Франции и принял ее гражданство. Вампирские наклонности были у него в крови».

В Италии, особенно в области Аbruцци, крестьяне боятся «колдунью, которая сосет кровь». Мать видит, что ее дитя чахнет и угасает, и ума не может приложить, как ему помочь. Она идет к священнику, который читает над бедным ребенком святое Евангелие, покрыв его голову широкой епитрахилью. Мать возвращается домой и вешает над дверью крест из воска, который был освящен в день Вознесения Господня. Она берет щепотку соли, завязывает ее в небольшой полотняный мешочек и вешает этот амулет на шею своему ребенку. Она отрезает у него локон и сжигает его, чтобы дым отогнал ведьму подальше. Она окропляет дверные петли святой водой и трижды читает вслух «Верую». Затем ее муж «стоит семь ночей», то есть стоит на карауле семь долгих ночей. Может быть, ему удастся поймать ведьму и схватить ее за волосы.

В полночь ведьма намазывает свое тело волшебной мазью, садится верхом на большого козла и кричит: «Прочь, прочь, через бурю и снег вези меня к орешнику Беневенто!» (Беневенто находится в области Кампания неподалеку, южнее. — *Ред.*) По пути на шабаш она проникает в дома и сосет кровь у маленьких детей, которые начинают болеть, чахнуть и в конце концов умирают. Возможно, в каком-нибудь доме отец, сильно беспокоящийся о своем младенце, «стоит семь ночей». Перевернутый вверх дном глиняный горшок скрывает яркий свет. В темноте отец занимает свою сторожевую

позицию. Если ему удастся уколоть ведьму булавкой, даже слегка, она будет обнаружена. Сторож слышит шум. Он быстро снимает горшок с лампы. Но ведьма уже скрылась.

На заре он идет искать знахарку (ворожею) и просит ее сказать, как можно спасти ребенка от неминуемой опасности. Она велит ему убить собаку или кошку и положить ее за дверью дома. Ведьма не сможет войти в него, пока не сосчитает все волоски на шкуре убитого животного, а пока она будет занята этим, уже рассветет. И тогда ведьма должна будет лететь к себе домой, потому что если она задержится до восхода солнца, то не сможет скрыться и будет обнаружена на деревенской улице совершенно голый.

Эти подробности дает нам де Нино в своем ценном исследовании «Обычаи и нравы жителей Абруцци», и кажется вероятным, что это и есть тот источник, из которого Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938; итальянский писатель. В большинстве его произведений — культ сильной личности. — *Ред.*) почерпнул материал для следующего эпизода, который происходит в четвертой части «Торжества смерти» под названием «Новая жизнь». Маленький сын крестьянки Либераты Манеллы угасает и уже близок к смерти. Бедный ребенок лежит в своей грубой колыбели. «Несчастное создание, раздетое, исхудавшее, бледное, постоянно стонало и слабо шевелило истончившимися руками и ногами, как будто прося о помощи».

Несчастливая мать, охваченная горем, время от времени механически качает колыбель. «Святые образа и все, чем была увешана елка, качались от этого плача». Другая женщина, по имени Кандия, рассказывает о различных способах, которые использовали родители, чтобы рассеять чары, убивавшие их дитя. «Что они только не делали! Она рассказала им, какие есть способы и заклинания. Пришел священник и осенял ребенка крестом, освященным в день Вознесения Господня, окропляли святой водой и громко читали „Верую!“ три раза. Затем взяли щепоть соли, завязали ее в узелок и повесили его на шею умирающего ребенка. Его отец провел семь ночей на карауле в ожидании ведьмы. Перед ним стоял светильник, покрытый горшком, а он прислушивался к шорохам овец. Он был готов напасть на ведьму и поразить ее. Достаточно было бы укола иголкой, чтобы ведьма стала видимой для глаз человека. Но все семь ночей прошли впустую. Сыночек худел, чах с каждым часом, и не было никакого средства к спасению. В результате безутешный отец по совету знахарки убил собаку и положил ее труп у порога. Ведьма не смогла бы зайти в дом, не пересчитав все шерстинки мертвой собаки». Подобные предания бытуют и на Сицилии. Признано, что единственным надежным средством является защита церкви, и, как принято у христиан в любой христианской стране, именно к благословению церкви они прибегают за помощью, чтобы изгнать нечистую силу, защититься от сил зла и оградить себя от воинства тьмы и дьявола.

Глава 3

ВЕНГРИЯ И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Венгрия, и это можно сказать, с полным правом разделяет с Грецией и Словакией репутацию особого уголка мира, который больше всего наводнен вампирами, которые видны здесь с самой отталкивающей и дурной стороны. И нельзя сказать, что эту репутацию они не заслужили. Именно благодаря ряду необычайных и страшных случаев, имевших место в конце XVII в. и продолжившихся в начале XVIII столетия, всеобщее внимание было привлечено к проблеме вампиров, а теологи и сторонники оккультизма начали собирать информацию об этих происшествиях, которые вызвали достаточный шум для того, чтобы о них стали сообщать в таких журналах, как *Mercure gallant* и *Glaneur Hollandois*. Эти события пробудили везде к себе такой интерес, что были написаны множество монографий и научных трудов, которые уже были упомянуты. Здесь будет достаточно вспомнить лишь некоторые из них. Это такие труды, как, например, *De masticatione mortuorum* Филиппа Рора (Лейпциг, 1679), *Magia posthuma* Чарлза Фердинанда де Шерца, который был опубликован в Ольмюце (Оломоуце), Чехия, в 1706 г. и был посвящен непосредственно случаю вампиризма, который привлек внимание автора. С ним мы познакомимся подробно немного позже. В начале XVIII в. были опубликованы: труд Михаэля Ранфтиуса *De masticatione mortuorum in tumulis liber* (Лейпциг, 1728), *Dissertatio de cadaueribus sanguisugis* Иоганна Христиана Штока (Йена, 1732), «Рассказ о вампирах, или кровососах» (Лейпциг, 1732), «Рассказ о тех, кто оказывается вампирами» (1732), «Необыкновенный рассказ о вампирах, или так называемых кровососах» (1732), *Uisus et repertus uber die sogenannten Vampyren* (Нюрнберг, 1732), *Dissertatio de hominibus post mortem sanguisugis, uulgo dictis Uampyrea* Иоганна Ролиуса и Иоганна Хертелиуса (Лейпциг, 1732), *Dissertatio de Uampyris Seruiensibus* Иоганна Генриха Цопфиуса и Франка ван Далена (1733), второе произведение Михаэля Ранфтиуса, опубликованное в Лейпциге в 1734 г. И мы не должны забывать важное произведение Иоганна Христиана Харенберга «О вампирах», увидевшее свет в 1739 г. Этот список редких научных работ, многие из которых были опубликованы в Лейпциге, можно продолжать почти до бесконечности, но достаточное количество имен было приведено для того, чтобы показать необычайное внимание, которое привлекла к себе проблема вампиризма — внимание, вызванное реально произошедшими событиями. В действительности один исследователь много лет спустя написал статью, которой, по-видимому, не было уделено широкого внимания и которую он озаглавил «Лейпцигский демон».

В своей знаменитой работе «Противоядие от атеизма, или Воззвание к естественным способностям человеческого разума: если бы Бога не было» (1653; второе издание с приложением вышло в 1655 г.) великий кембриджский последователь Платона Генри Мор (1614–1687; английский философ-идеалист и мистик. — *Ред.*) рассказывает следующую историю,

которая, вероятно, является первым рассказом о вампирах, записанным английским автором со времен хронистов XII в.

Некий сапожник, который жил в одном из крупных городов Силезии, рано утром в пятницу 20 сентября 1591 г. перерезал себе горло своим инструментом в дальней части дома, к которому примыкал небольшой садик. Чтобы скрыть этот нехороший факт и не опозорить его вдову, члены семьи объявили, что он умер от апоплексического удара. Они не принимали ни друзей, ни соседей, а тем временем обмыли тело и одели его так, что даже те, кто видел его после этого, — приходской священник и некоторые другие люди — даже не заподозрили, что он умер по другой причине. И были достойные похороны с отпеванием и всем, что подобало человеку с таким положением в обществе и репутацией. Не прошло и шести недель, как распространились слухи о том, что сапожник умер не от какой-то болезни, а сам наложил на себя руки. И судья того города оказался вынужденным подвергнуть всех тех, кто видел труп, жесткому допросу. Сначала они старались замять это дело, оправдывая умершего, и пытались снять с него подозрения в совершении таких дурных действий. Но после сильного нажима они наконец сознались, что он умер в результате самоубийства, но они желали, чтобы его вдове и детям, на которых не было никакой вины, была оказана поддержка и проявлено милосердие. Они добавили также, что он, возможно, был убит вследствие какого-нибудь несчастного случая или же сделал это сам в неодолимом приступе безумия.

После этого заседавший совет стал совещаться, что следует предпринять. Вдова испугалась, что судьи могут принять какое-нибудь жесткое решение, которое дискредитирует ее мужа и ее саму, и, воодушевленная какими-то деятельными людьми, подала жалобу на тех, кто распустил такие слухи о ее муже, решив преследовать их по закону. Она искренне утверждала, что из-за слухов и праздных домыслов недоброжелателей нет причины эксгумировать тело ее мужа или относиться к нему так, будто он был либо колдуном, либо самоубийцей. Активность и настойчивость этой женщины даже после признания свершившегося факта в какой-то степени повлияли на совет, и процесс принятия решения застопорился.

Но пока вокруг бурлили страсти, к изумлению жителей этого города, стал появляться призрак, который по внешнему виду и телосложению был точь-в-точь покойный сапожник. И происходило это не только ночью, но и среди бела дня. Тех, кто спал, он пугал ужасными видениями. Тех, кто бодрствовал, он бил, таскал или преследовал, наваливаясь на них, как Эфиальт, так что каждое утро кто-нибудь жаловался на то, как он провел ночь. Но чем больше расходился призрак, тем более настойчиво друзья покойного стремились заглушить слухи о его похождениях или, по крайней мере, помешать последствиям этих слухов. Поэтому они обратились к председателю суда с жалобой на несправедливость того, что праздным сообщениям и непроверенным подозрениям придается столько веры, и стали умолять его помешать совету эксгумировать тело усопшего и не предавать его позору. Друзья добавили, что собираются обратиться в Имперский суд, чтобы его

судьи разрешили эти разногласия и чтобы об этом деле не судили по догадкам недоброжелательных людей.

Но пока подобным способом дело затягивалось, в городе поднялись такие переполох и волнение, что их едва ли возможно описать. Потому что, как только садилось солнце, обязательно появлялся этот призрак, так что все были вынуждены оглядываться по сторонам и быть настороже, что было очень тяжело сделать тем, кого дневные труды заставляли желать ночного сна. Иногда этот ужасный призрак стоял у их постелей, а иногда он бросался на постель и ложился рядом. Он душил их, бил и щипал так, что не только синяки, но и отпечатки его пальцев оказывались утром у них на различных частях тела. Такова была сила и энергия этого призрака, что люди покидали свои постели и уходили в гостиные, где горели свечи, и там они собирались группами, чтобы обезопасить себя от тревог и страха. Но он и тогда являлся им и устраивал потасовку с кем-то из них, несмотря на принятые меры предосторожности. Короче, он приносил столько беспокойства, что люди были готовы побросать свои дома и искать другие места жительства. А судьи были настолько встревожены постоянными жалобами людей, что наконец решили — и председатель суда с этим согласился — выкопать тело из могилы.

Оно пролежало в земле почти восемь месяцев с 22 сентября 1591 г. по 18 апреля 1592 г. Когда его выкопали в присутствии служащих городского суда, оно было совершенно целым и совершенно не тронутым тлением и не издавало дурного запаха. Одежда, в которой его положили в могилу, была в целости и сохранности, члены — гибкими, как у живых людей, кожа — мягкая и свежая. Рана на его шее зияла, но не было следов изъязвления. На большом пальце его правой ступни была замечена магическая отметина, а именно: нарост в виде розы. Это тело не находилось в земле с 18 по 24 апреля, и за это время многие жители этого города и других городов приходили каждый день посмотреть на него. Несмотря ни на что, неприятные события не прекратились даже после того, как тело захоронили под виселицей. Все было тщетно. Они продолжались как всегда, если не хуже: теперь призрак не щадил даже членов своей семьи. Дошло до того, что его вдова в конце концов сама пошла к судье и сказала, что она не против того, чтобы они предприняли что-нибудь более действенное в отношении ее покойного мужа, если они считают это необходимым.

По этой причине 7 мая труп снова выкопали, и было замечено, что на теле со времени его последнего погребения стало больше плоти. Короче говоря, у трупа отрубили голову, руки и ноги. Вскрыв его грудную клетку, вынули сердце, которое было свежим и целым, будто у только что забитого теленка. Все это вместе с телом положили на кучу хвороста и сожгли дотла. Пепел тщательно собрали и, положив в мешок (чтобы никто не взял его с дурной целью), высыпали в реку. После этого призрака больше никто никогда не видел.

То же самое произошло со служанкой сапожника, которая умерла после него и явилась через восемь дней после своей смерти к своей подружке-служанке и так навалилась на нее, что у той опухли глаза. Она так мучила

младенца в колыбели, что, если бы нянька не пришла к нему на помощь, ему был бы нанесен большой ущерб. Но нянька перекрестилась и произнесла имя Иисуса Христа, и тогда призрак исчез. На следующую ночь умершая служанка сапожника появилась в образе курицы, за которую ее приняла одна из служанок, побежавшая за ней. Вдруг курица выросла до огромных размеров и схватила служанку за горло, которое так распухло, что девушка долгое время после этого не могла ни есть, ни пить.

Служанка-призрак продолжала изводить людей в течение месяца: одних она так здорово шлепала, что удар слышали те, кто стоял рядом с жертвой; из-под других она вытаскивала кровать. Она появлялась то в одном облике, то в другом: женщины, собаки, кошки и козы. Но в конце концов ее тело выкопали из земли и сожгли, и призрак больше не появлялся.

Все это происходило в Бреславе (Бреслау), Силезия (совр. Вроцлав), где тогда жил этот Weinrichius, что придает повествованию большой вес. Имена этого усопшего горожанина, его вдовы и членов семьи любезно не назывались.

Другая история, которую рассказывает Генри Мор (хотя все это происходило в его время и, как я полагаю, немного позже тех событий, которые были изложены выше, как выясняется по ходу дела), записана им со слов того, кто не только жил в указанном месте, но и часто сталкивался с тем отвратительным назойливым призраком, который причинил столько бед в тех краях. Рассказ немного длинен, и я постараюсь сократить его, насколько это возможно.

Шестидесятилетний Йоханнес Кунций, один из членов городского совета города Пенциг (Пеньск) в Силезии, был очень порядочным человеком и прожил безупречную жизнь. Он отправился в дом мэра города (как очень понимающий и сообразительный человек в делах), чтобы положить конец некоему спору. По завершении дела он и торговец из Паннонии (Венгрии) были приглашены мэром на ужин. Он первым ушел домой, так как у него были дела, сказав: «Хорошо веселиться, пока это возможно, так как каждый день случаются всякие беды».

У этого Кунция в конюшне стояли пять крепких мерингов. Одного из них он приказал вывести. У мерина разболталась одна подкова, и его хозяин вместе со слугой взяли его ногу, чтобы осмотреть копыто. Мерин разгорячился и сбил обоих с ног. Но Кунций получил самый сильный удар. Человек, стоявший рядом, помог им обоим подняться с земли. Как только Кунций встал на ноги и пришел в себя, он вскричал: «Горе мне! Как я горю, я весь в огне!» И это он повторил не раз. Но те части тела, на которые он жаловался больше всего (при этом женщин попросили удалиться из комнаты), при осмотре не имели никаких следов ударов или ран. Если коротко, то Кунций заболел, повредился в уме. Он громко жаловался, что его грехи таковы, что их нельзя простить и что самая меньшая их часть больше всех грехов всего мира; но он не допустит, чтобы к нему пришел священнослужитель, и не станет исповедоваться в них. Действительно, ходили слухи, что однажды он продал одного из своих сыновей, но когда и кому — это было неизвестно; что он

заклучил сделку с дьяволом и т. п. Но все заметили, что он разбогател сверх всяких ожиданий, а за четыре дня до произошедшего с ним несчастного случая он выступал в роли свидетеля и сказал, что в таком деле это последнее, чему он должен был быть свидетелем.

В ночь смерти Кунция его старший сын не смыкал глаз. В третьем часу ночи он перестал ждать призрака, и в это время черная кошка открыла когтями оконную створку, подбежала к кровати Кунция и начала так сильно царапать его лицо и валик под подушкой, будто пыталась силой выдворить его с того места, где он лежал. Но вдруг кошка исчезла. И как только это произошло, Кунций сделал свой последний вздох. Вся эта история стала известна приходскому священнику, и магистрат города разрешил, чтобы Кунция похоронили справа от алтаря, так как его друзья хорошо за это заплатили. Как только Кунций умер, разразилась ужасная буря, которая сильнее всего бушевала во время его похорон. Порывы ветра со снегом были такими сильными, что люди тряслись, а их зубы стучали. Но едва его похоронили, как сразу все стихло.

Не прошло и двух дней после его погребения, как по городу поползли слухи о Spiritus incubus или Эфиальте в образе Кунция, который изнасиловал женщину. Это случилось до того, как его похоронили. А после похорон тот же самый призрак разбудил человека, который спал в своей гостиной, со словами: «Я едва удерживаюсь от того, чтобы не забить тебя до смерти». И сказано это было голосом Кунция. Ночные сторожа в городе тоже заявили, что каждую ночь слышали шум в доме Кунция: будто там бросают какие-то предметы и они падают, и что они видели широко распахнутые ворота рано утром, хотя их никогда столь старательно не запирали на ночь, а лошади в его конюшне вели себя беспокойно, лягали и кусали друг друга. Кроме того, по всему городу слышался лай и вой собак, что было необычно. Но это все была прелюдия к тому, о чем я постараюсь рассказать как можно более кратко.

Служанка одного из жителей Пентша (а такие суматоха и трагедии были часты в этом городе) и некоторые другие слуги в этом доме, лежавшие в кроватях, услышали шум и топот копыт вокруг дома. Затем кто-то с такой силой ударил в стену дома, что он весь затрясся так, будто сейчас упадет. Все окна наполнились вспышками света. Сообщили хозяину дома, и он утром вышел на улицу посмотреть, в чем дело, и увидел на снегу отпечатки странных ног, которые не были похожи ни на следы лошади, ни коровы, ни свиньи, ни какого-либо другого известного ему существа.

В другой раз часов в одиннадцать ночи Кунций явился к одному из своих друзей, который был свидетелем того, что произошло с его ребенком, заговорил с ним и попросил быть мужественным, потому что он пришел к нему лишь для того, чтобы сообщить о деле чрезвычайной важности. «Я оставил после себя, — сказал Кунций, — своего младшего сына Джеймса, которому ты являешься крестным отцом. У моего старшего сына Стивена, жителя Егерсдорфа, стоит сундук, в который я положил четыреста пятнадцать флоринов. Говорю тебе, что ты не должен допустить, чтобы твой крестник присвоил себе хоть сколько-нибудь. Твой долг — присматривать за деньгами.

И если ты не исполнишь этого, горе тебе». Сказав так, призрак удалился в комнаты верхнего этажа дома, где поступь его была такой монументальной, что снова все затряслось, а крыша подпрыгивала от его тяжелых шагов. Об этом случае друг Кунция рассказал приходскому священнику на следующий день.

Есть и другие печально известные эпизоды, связанные с появлением призрака Кунция. Он часто разговаривал со служанкой, которая ложилась спать вместе со своей хозяйкой, его вдовой, и просил ее освободить ему его законное место, а если она не сделает этого, он грозил свернуть ей шею.

Кунций скакал, словно резвый конь, по двору своего дома. В разное время его видели едущим верхом не только по улицам города, но и по полям и горам, и поступь его коня была такой тяжелой, что земля горела огнем под его копытами.

Ребенка Смитов он избил до посинения, а его кости сделал такими мягкими, что тело можно было скатать, как перчатку.

Всю ночь Кунций швырял вверх-вниз по комнате еврея, владельца городской гостиницы.

А как ужасно он обошелся со своим старым знакомым извозчиком! Когда тот был занят на конюшне, Кунций стал изрыгать огонь, чтобы напугать его, и так жестоко кусал его за ногу, что тот охромел.

Далее случилось то, как я уже упоминал, что имеет отношение к самому рассказчику, приходскому священнику, которого призрак так стиснул, пока тот спал, что, проснувшись, священник обнаружил, что совершенно истощен и без сил, но и представить себе не мог причину этого. Но пока он лежал в постели, размышляя о том, в чем тут может быть дело, этот призрак снова вернулся к нему и, крепко схватив его так, что тот и пальцем не мог пошевелить, начал катать по кровати взад-вперед. То же самое в другой раз случилось и с женой священника, которую Кунций, явившийся через окно в облике карлика, тянул и скручивал, и разорвал бы ей горло, если бы к ней на помощь не пришли две ее дочери.

Кунций так сдавил губы одного из сыновей этого богослова, что ему едва смогли помочь разлепить их.

Дом священника был так встревожен этим буйным призраком, что слуги были вынуждены держаться по ночам все вместе в одной комнате, лежа на соломе и ожидая приближения этого беспокойного демона. Но одна служанка была посмелее остальных, однажды ночью она оставила компанию слуг и ушла спать одна. Обнаружив ее в одиночестве, Кунций напал на нее, сдернул с постели простыню и едва не унес служанку в ней с собой. Но она, с трудом сумев убежать, поспешила к остальным домочадцам, где и увидела, что он стоит рядом с подсвечником, а затем исчезает.

В другой раз Кунций пришел в комнату ее хозяина, подняв такой шум, будто боров ест зерно, звучно чавкая и хрюкая. Его никак не могли выдворить уговорами, но, как только зажгли свечу, он тут же исчез.

В другой раз вечером, когда богослов сидел в окружении жены и детей, упражняясь, по своему обыкновению, в музыке, он внезапно почувствовал

ужасный неприятный запах, который распространился по всей комнате. Он вверил себя и своих домашних Богу молитвой. Тем не менее запах усилился и стал таким зловонным, что священник был вынужден подняться наверх в свою комнату. Он и его жена не провели в постели и четверти часа, как то же самое зловоние появилось и в спальне. Пока они жаловались на него друг другу, из стены вышел призрак и, подобравшись к постели, дохнул на священника ледяным дыханием, таким невыносимо тошнотворным и болезнетворным, что невозможно ни представить себе, ни описать. И богослов, добрая душа, сильно заболел и был вынужден лежать в постели. Его лицо, живот и кишки раздулись так, будто он отравился, поэтому ему было очень трудно дышать. У него также было гнойное воспаление глаз, из-за чего он долгое время не мог нормально видеть.

Но если мы оставим больного богослова, вернемся немного назад и расскажем то, что было пропущено, это превзойдет по объему то, что уже было изложено. Вот примеры: мерин Кунция дрожал и потел, от чего не мог избавиться ни днем ни ночью; при приближении призрака Кунция свечи загорались синим пламенем; Кунций выпивал молоко из молочных бидонов и бросал в них навоз или же превращал молоко в кровь; он выдергивал из земли столбы, настолько глубоко вбитые в нее, что двое крепких грузчиков не могли с ними справиться; с несколькими встретившимися ему людьми Кунций заводил разговор о проблемах извозчиков; он душил стариков; он хватал детские колыбели или вынимал из них детей; он неоднократно пытался насиловать женщин; он портил воду в купели и пачкал покров на алтаре с той стороны, которая была обращена к его могиле, кровавыми пятнами; он ловил на улицах собак и вышибал им мозги, ударив оземь; он высасывал до последней капли молоко у коров и завязывал им хвосты, как это делают у лошадей; он пожирал домашнюю птицу и швырял коз, привязанных к колышкам; одну лошадь он привязал к пустой кормушке в конюшне, а заднюю ногу другой — к стойлу; он выглядывал из окна низкой башни, а затем внезапно превращался в длинный шест; он отругал одну мать семейства за то, что она заставила свою служанку мыть посуду в четверг (в этом районе, по-видимому, существовало местное суеверие относительно того, что делать домашнюю работу в четверг — к несчастью. То же самое поверье было обнаружено в отдельных районах Франции). И тогда Кунций положил на нее свою руку, которая, по ее словам, была холоднее льда; одну из женщин, которая обмывала его тело, он забросал грязью с такой силой, что следы комков грязи, которые он швырял, можно было увидеть на стене; он попытался изнасиловать другую женщину, которая извинилась и сказала: «Кунций, ты же видишь, какая я старая, морщинистая и согнутая. Я не гожусь для этих утех», после чего он громко захохотал и исчез.

Вот так все на самом деле было. Добавим лишь еще одно удивительное происшествие. Камень на его могиле был повернут с одной стороны и наклонен; а в земле были несколько отверстий величиной с мышиную нору, которые шли вниз до его гроба, которые, как бы ни засыпали землей на ночь, наутро обязательно оказывались открытыми.

Было бы скучно подробно останавливаться на этих эпизодах и разбирать все обстоятельства этой истории. Поэтому в заключение хочу сказать, что это бедствие было таково, а проявления ярости призрака случались столь часто, что не было человека, который не сочувствовал бы жителям этого города либо не презирал бы их. Никто не хотел селиться в их городе. Торговля была в упадке. А горожане утратили здоровье из-за постоянных проделок и беспорядков, учиняемых этим неугомонным призраком.

И хотя атеист может, вероятно, посмеяться над этими людьми, как погубленными своим собственным унынием и тщетными фантазиями или шуткой каких-нибудь злых соседей, но если он серьезно оценит то, что уже было рассказано, то увидит, что есть много случаев, которые никак нельзя втиснуть в рамки предложенных объяснений, но история, которую я сейчас поведаю, является совершенно необъяснимой и для отпетого безбожника.

Поэтому, чтобы быть кратким, скажу, что, не находя себе покоя и не видя лучшего способа борьбы с призраком, жители города выкопали тело Кунция, а также несколько тел других людей, похороненных до и после него. Но другие тела были настолько разложившимися, черепа проломленными, швы черепных костей расползшимися, что этих людей нельзя было узнать по внешнему виду, потому что они превратились в кучу земли и грязи. Но совсем по-другому обстояло дело с телом Кунция. Его кожа была мягкой и цветущей, члены — гибкими и подвижными, а то, что ему вложили в руку, очень крепко сжимали его пальцы. Глаза Кунция были то открыты, то закрыты. На его ноге вскрыли вену, и кровь потекла из нее такая же свежая, как у живого человека. Его нос был абсолютно целым и сохранил свою форму, а не был заострившимся, как у тех, кто болен или мертв. А ведь тело Кунция пролежало в могиле с 8 февраля по 20 июля — почти полгода.

Легко было понять, в чем тут причина. Однако ничего не делалось поспешно. Были назначены судьи, останкам Кунция объявили приговор (который был навеян успехом похожего дела, имевшего место несколько лет назад в этой же самой провинции Силезия; я полагаю, имеется в виду Бреслау (Бреславль, ныне Вроцлав. — *Ред.*), где было сожжено тело сапожника). Тело Кунция приговорили к сожжению.

Для этого позвали каменщиков, чтобы проделать отверстие в стене рядом с алтарем, чтобы через него вытянуть тело. Когда тело Кунция вытягивали на веревке, оно оказалось таким тяжелым, что веревка разорвалась, и люди едва могли двигать его. Но когда тело все же вытащили и положили на повозку, которую должен был везти тот самый мерин Кунция, ударивший его копытом, этот мерин был готов время от времени пасть на землю, когда, задыхаясь, тащил такой невыносимый груз. Но тот же мерин мог резво бежать с двумя седоками в такой же повозке, и в этом случае их вес не имел значения.

Когда тело Кунция привезли к костру, оно, казалось, так же не желало быть сожженным, как до этого — вытащенным из могилы, так что палач собирался вытаскивать тело крюками и разрезать на куски, чтобы сжечь. Пока он делал это, стало видно, что кровь в привезенном теле настолько чистая и полная жизни, что брызгала поначалу в лицо в процессе работы. Наконец все

обратилось в пепел, что обошлось обществу в двести пятнадцать монет. Пепел был тщательно собран, как в предыдущей истории, и брошен в реку, после чего призрак больше никогда не появлялся.

Следующий документ был выдан господину де Вассимону, советнику Союза адвокатов в Подолии (Западная Украина), который был отправлен посланником в Моравию его королевским высочеством Леопольдом I, герцогом Лотарингским, чтобы вести некие дела от имени его брата принца Карла-Иосифа Лотарингского, епископа Ольмюцкого (оломоуцкого) и Оснабрюкского, а позднее архиепископа Тревского (1698–1715). Господин де Вассимон был уведомлен о том, что в тех краях можно увидеть людей, которые, будучи мертвыми долгое время, внезапно появляются среди всеобщего собрания, и часто бывает так, что они входят в комнату и садятся на свое место за столом с друзьями или знакомыми. Они никогда не говорят ни слова, но случалось, что одному из присутствующих они подавали какой-нибудь знак головой или рукой, и этот человек через непродолжительное время почти наверняка умирал. Эти необыкновенные явления подтверждали многие уважаемые люди, а один пожилой священник заявил, что он сам неоднократно был свидетелем этого.

Епископы и священники этой провинции официально послали запрос в Рим в отношении таких необыкновенных происшествий, но, по-видимому, не получили никакого ответа, потому что, без сомнения, все это сочли чистым вымыслом, не существующим вне воображения простых людей. Тогда они решили эксгумировать тела тех, кто возвращался таким образом, чтобы их кремировать или, по крайней мере, полностью уничтожить каким-то другим способом. И таким образом наконец избавились от этих фантомов, которых в наши дни можно гораздо реже встретить в этой стране, нежели в былые времена. Приходской священник, ученый и весьма уважаемый человек, торжественно заявил, что все рассказанное им сущая правда.

Именно сообщение о таких призраках навело Карла Фердинанда де Шертца на мысль написать книгу *Magia posthuma*, которая, как уже упоминалось выше, вышла в Ольмюце в 1706 г. и была посвящена принцу Карлу Лотарингскому, епископу Ольмюцкому и Оснабрюкскому. Шертц рассказывает, что в некоей деревне одна женщина, которая умерла недавно, не получив причащения и соборования перед смертью, была, как положено, похоронена на кладбище. Спустя четыре дня после ее кончины жители деревни услышали необыкновенный шум, поднялась ужасная буря. И тогда они увидели призрак, который явился одним людям в облике собаки, другим — в виде страшного худого человека. Призрак наблюдался не одним человеком, а многими людьми. Он вызвал сильнейшую тревогу среди населения, потому что яростно нападал на людей, хватал их за горло так, что они почти задохались, истощал их жизненные силы настолько, что они становились немощными, — и все видели, какими бледными, истощенными и больными они выглядели.

Призрак нападал даже на животных: находили полумертвых коров, будто их жестоко били. Эти несчастные животные своим горестным мычанием

показывали, какие страдания они испытывают. Обнаруживали изнуренных лошадей, дрожащих, в поту и пене, перегревшихся, задыхающихся, как будто они только что проскакали галопом много миль по неровной дороге. И это продолжалось много месяцев.

Шертц, который был известным юристом, излагает факты с точки зрения закона. Он исследует обстоятельства абсолютно беспристрастно и оценивает доказательства согласно прецедентам и общепринятой практике, допуская, что эти беды, шумы и беспокойство исходят на самом деле от человека, которого подозревают в том, что он является их причиной. Шертц задает вопрос: не следует ли сжечь тело этой женщины, что является обычной процедурой в таких случаях, когда призраки умерших людей выходят из могил, чтобы наносить ущерб живым людям. Он приводит несколько примеров похожих случаев и особо описывает дурные последствия таких появлений. Например, в деревушке Блау, что неподалеку от города Кодона (Кутна-Гора?) в Богемии (Чехии), был пастух, который после своей смерти являлся нескольким людям в округе и громко называл этих несчастных по имени. То ли от страха, то ли оттого, что этот вампир истощал их жизненные силы, те, кого он таким образом звал, умирали в течение нескольких дней, но всегда менее чем через неделю. Крестьяне деревни Блау выкопали из земли тело умершего и вогнали ему большой кол в сердце, так что он оказался пригвожденным к земле. Несмотря на такую меру предосторожности, в ту же самую ночь призрак появился снова и в таком ужасном облике, что до смерти напугал нескольких человек, после чего он напал и задушил еще большее количество людей. Он страшно глумился над теми, кто думал, что этому бедствию положен конец, и с издевкой благодарил их за то, что они подарили ему отличную палку, чтобы отгонять собак. Когда настало утро, вся деревня была в панике, и власти снова распорядились выкопать тело из земли. И тогда оно было передано палачу, который бросил тело в тележку и вывез его за пределы деревни на пустырь, где оно и было сожжено. Труп, распухший и вздутый, вопил, как безумный, лягался и рвался, будто был живым. А когда люди пронзили его заостренными кольями, он ужасно завыл, стал корчиться, кусать свои выпяченные красные губы длинными белыми зубами, и при этом струи теплой красной крови брызгали во всех направлениях. Наконец его бросили в пылающий костер, и, когда казнь закончилась, а тело превратилось в пепел, нападения призрака закончились.

Шертц пишет, что точно такую же процедуру проделывали во многих других местах, так как, насколько ему было известно, много деревень пострадали таким образом. В каждом случае, когда эксгумировали тело, вампир представал в таком виде, будто он был живым, со свежим цветом лица. Приводятся цитаты из некоторых других авторитетных авторов, и они полностью подтверждают все рассказанное им об этих призраках, которые, по его словам, особенно предпочитают горные районы Силезии и Моравии, в частности горные цепи Карпат. Они появляются не только по ночам, но и часто днем, и, что чрезвычайно необычно, предметы, которые принадлежали этим мертвецам, перемещаются с одного места на другое, из комнаты в

комнату самостоятельно, без видимой посторонней помощи. Если верить Шертцу, единственное средство спастись от призрака — это выкопать тело из земли, отрубить ему голову и сжечь труп дотла. Это, по его словам, следует делать с ведома властей и процедуру осуществлять официальным образом. Следует провести расследование: вызвать и допросить свидетелей, относиться к их показаниям не слишком доверчиво, после эксгумации тел их должны осмотреть медики и богословы, которые должны определить, те ли это люди, которые досаждают живым, и помочь найти знаки, безо всяких сомнений являющиеся признаками вампиризма. При выявлении этих обстоятельств тела должны быть официально переданы палачу, который предаст их сожжению. Говорят, что известны случаи, когда призраки появляются в течение трех-четырех дней после сожжения тела. Если так действительно происходит и нет причин предполагать иное, из этого следует, что это не вампир, а привидение, которое не может истощать жизненные силы живых людей, питаясь ими. Хотя верно и то, что сами призраки могут причинять вред, и зафиксировано много случаев, когда особенно зловредные призраки нападали на людей и пытались задушить их. Так что не следует думать, что злые силы призраков ограничиваются лишь тем, чтобы напугать и встревожить людей. Особенно обращают внимание на то, что одежда человека, являющегося вампиром, часто перемещается с одного места, где она висела, на другое. Например, хотя костюм может быть запертым в платяном шкафу, его могут найти таинственным образом появившимся на кровати, будто его туда положили, чтобы он был наготове для кого-то, кто пожелал бы переодеться. Шертц упоминает, что незадолго до того, как он закончил свою книгу, в Ольмюце произошли некие беспорядки, о которых много говорили. Один дом тревожил призрак, который двигал в нем мебель и бросал в людей камни и другие предметы. Но здесь, по-видимому, мы имеем дело с полтергейстом, очень распространенным в наше время. Такие случаи часто расследуют, они вполне обычны. Зафиксировано очень много примеров таких назойливых появлений привидений. Один из последних случаев такого беспокойства, причиняемого призраком людям, произошел в доме на Эланд-роуд, Лавендер-Хилл, Лондон, в январе 1928 г. и произвел шумную сенсацию.

Следующие случаи, которые произошли приблизительно в 1720 г., не вызывают никаких сомнений по причине как количества свидетелей и их положения в обществе, так и качества доказательств, которые являются осмысленными, обстоятельными и полными. Солдат, квартировавший в доме фермера в Хейдеме, деревушке на венгерской границе, сидел однажды за столом с хозяином дома и членами его семьи. Вдруг он увидел, что в комнату входит незнакомец и садится к ним за стол. В этом ничего не было необычного, но на лице хозяина отразился непритворный ужас, да и на лицах остальных тоже. Хоть солдат и не знал, что об этом думать, он воздержался от замечаний. Правда, не заметить смятение и страх людей было невозможно. На следующее утро фермер был найден мертвым в своей постели, и тогда причину их волнения больше нельзя было хранить в тайне. Члены семьи крестьянина сообщили солдату, что таинственным незнакомцем был старый

отец усопшего фермера, который умер и был похоронен уже более десяти лет; а теперь пришел и сел рядом со своим сыном за стол, чтобы предупредить его о смерти, которую на самом деле и вызвал этот ужасный гость.

Как можно было ожидать, солдат рассказал об этом необычном случае своим друзьям и товарищам, и так информация дошла до ушей некоторых офицеров, которые донесли о ней генералу. Было проведено совещание, и принято решение, чтобы командующий корпусом пехоты граф де Кадрерас провел полное расследование этих странных обстоятельств. Таким образом, этот господин с несколькими другими офицерами, военным хирургом и нотариусом приехал с официальной миссией в Хейдем. Они сняли письменные показания под присягой со всех членов этой семьи и слуг. Все они без исключения поклялись в том, что таинственный незнакомец был отцом умершего хозяина дома и все то, что рассказал солдат, было истинной правдой. Это заявление было единогласно подтверждено всеми жителями деревни. Вследствие этого офицеры решили, что тело следует эксгумировать, и, хотя прошло уже десять лет, оно выглядело так, будто этот человек умер совсем недавно или, скорее, будто он находится в глубоком сне, потому что после того, как ему проткнули вену, теплая кровь свободно потекла из нее, как из живого человека. Граф де Кадрерас распорядился, чтобы голову отделили от тела, после чего труп снова положили в могилу. Во время проведения своего расследования им рассказывали о многих других людях, которые возвращались из могилы, в частности о мужчине, который умер более тридцати лет назад. Он возвращался в свой дом не менее трех раз к вечерней трапезе. Каждый раз он внезапно бросался на кого-нибудь и яростно кусал за шею, сосал кровь, а затем исчезал с неопишуемой быстротой. В первый раз он таким образом напал на своего собственного брата, второй раз — на одного из своих сыновей, а в третий — на одного из слуг, да так, что все трое мгновенно испустили дух на месте. Когда эти показания были сделаны под присягой, специальный уполномоченный приказал также выкопать из земли тело этого человека, и оно было найдено точно в таком же виде, что и в предыдущем случае: было похоже на еще живого человека, а когда на этом теле был сделан надрез, из него потекла красная кровь. Было приказано вогнать огромный гвоздь ему в висок и после этого снова положить тело в могилу.

Третий человек, который был похоронен уже более шестнадцати лет назад и который довел до смерти двух своих сыновей, высосав у них кровь, считался особенно опасным, и поэтому его тело кремировали. Комиссар составил донесение высшему военному трибуналу, судьи которого были так потрясены рассказом, что потребовали, чтобы он лично доложил об этом императору Карлу VI. Тот был так встревожен этими необычными фактами, что приказал известным юристам, офицерам высшего ранга, самым квалифицированным хирургам и терапевтам и самым ученым богословам приехать в это место и провести самое тщательное расследование причин столь необычных и ужасных происшествий. Документы, имеющие отношение к этому делу, дошли до наших дней, а всю эту историю граф де Кадрерас лично рассказал в 1730 г. ответственному чиновнику из университета

Фрайбурга, который записал ее подробности из уст графа. Трудно себе представить более достоверные показания.

Следующую историю рассказывают несколько авторитетных лиц, она также изложена в «Письмах евреев» маркизом д'Аржаном. Это хорошо известная книга, первое издание которой было переведено на английский язык и издано в Лондоне в 1729 г. под заглавием «Еврейский шпион». Это «переписка философского, исторического и критического характера неких евреев, проживающих в Турции, Италии, Франции и т. д.». В этом произведении через призму взглядов воображаемого иностранца, не подверженному влиянию представлений и ассоциаций, привычных уму местного жителя, представлены замечания к нравам и обычаям народа, в которые вкраплены рассказы о различных необычных происшествиях, привлечших к себе внимание. И хотя этот медиум воображаемый, нельзя полагать, что эти письма не содержали глубокого смысла и цели. Такой способ изложения был, вероятно, самым надежным и популярным, с помощью его можно было критиковать существующие общественные институты и исправлять распространенные злоупотребления. А различные истории, представленные автором, рассказаны как факты, заслуживающие серьезного внимания, и сообщаются читателям, потому что содержат в себе нечто необыкновенное, что требует научного исследования и философского осмысления. Раз тема вампиризма так сильно занимала умы ученых, было естественно, что в такой работе, как «Письма евреев», должна была найти себе место какая-нибудь история подобного рода, подтвержденная свидетелями и одобренная официально. Следующий рассказ был засвидетельствован двумя офицерами Белградского трибунала и одним офицером командного состава императорской армии в Градишке (очевидно, Босанска-Градишка. Или же Градиште. — *Ред.*). Все трое расследовали это дело в 1728 г. В начале сентября 1728 г. в деревне под названием Кизилово, расположенной в девяти — десяти милях от Градишки, умер крестьянин, которого звали Петр Плогоевич (Благоевич?), который выглядел еще крепким и здоровым в свои шестьдесят два года. Через три дня после своей смерти в полночь он вошел в свой дом и попросил у своего сына поесть. Когда еду поставили перед покойным, показалось, что он попробовал ее, а затем вышел из комнаты. На следующий день его сын, которого сильно встревожило все это, рассказал своим друзьям и соседям о том, что произошло. В ту ночь его отец не появился, но на следующую ночь его увидели снова, и он снова попросил поесть. На этот раз сын отказал ему в еде, а призрак в ответ на это с угрозой посмотрел на сына, и на следующий день его нашли мертвым. В течение нескольких часов в деревне заболели еще пять или шесть человек. Симптомами были полное истощение и слабость, словно от потери крови. Эти люди жаловались, что видели страшный сон, в котором умерший Плогоевич незаметно появился в комнате, схватил их за горло, сильно укусил и стал пить кровь из раны. Таким способом он убил девять человек менее чем за неделю. Несмотря на все усилия местного аптекаря, больные угасали в течение нескольких дней. Узнав о случившемся от приходского священника, главный судья этого района немедленно изложил

эти события в письменном виде и отправил письмо в Градишку, где в то время находился командующий императорской армией. Взяв с собой двух бывалых офицеров и палача, тот приехал в деревню Кизилово, жителей которой мучил призрак. Они вскрыли могилы всех людей, которые умерли в течение первой недели сентября, и, когда очередь дошла до могилы этого крестьянина, они обнаружили, что он находится будто в трансе: тихо дышит, его глаза широко раскрыты и их выражение ужасно, у него здоровый цвет лица, тело плотное и полнокровное. У него отросли волосы и ногти, а когда сошел верхний слой кожи, то под ним обнаружилась новая и здоровая. Его рот был измазан свежей кровью. По этим признакам они сделали заключение, что это он является вампиром, который взбудоражил всю округу. Было необходимо положить конец его злодеяниям, чтобы он не погубил всю деревню. Палач, вооруженный тяжелой кувалдой, вогнал острый кол Плогоевичу в сердце, в результате чего вся могила наполнилась кровью, которая текла из раны, носа, ушей и всех отверстий, какие есть на теле. Был сооружен большой костер из дров и хвороста, и на него положили тело. Погода была сухой, и пламя вскоре ярко разгорелось, раздуваемое легким ветерком. Очень быстро тело превратилось в пепел. Так как никаких признаков вампиризма на других телах не было, их перезахоронили с должными предосторожностями, положив в гробы чеснок и боярышник. И с той поры деревня освободилась от нападений призрака.

Одна из самых известных историй, которая больше всего подтверждена показаниями свидетелей и рассказана с наибольшим количеством подробностей, связана с деревней Медуэгна неподалеку от Белграда. Она произошла как раз в то время, когда две епархии, Белградская и Смедеревская, были объединены в одну Бенедиктом XIII, а Винсент Баграден стал первым обладателем двойного титула (Сербия — православная страна, с 1346 г. существует свой Сербский патриархат (в 1459 г. был упразднен, в 1557 г. восстановлен, в 1766 г. упразднен, в 1920 г. восстановлен). В описываемое время он существовал. — *Ред.*). Как вы увидите позже, документ, в котором детально описаны обстоятельства следующей истории, был подписан 7 января 1732 г. тремя военными хирургами и формально подтвержден подписями подполковника и младшего лейтенанта. В его подлинности и достоверности можно не сомневаться.

Весной 1727 г. со службы в Леванте (общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря. — *Пер.*) в свою родную деревню Медуэгна возвратился молодой человек по имени Арнольд Павле, который, по его рассказам, хоть и был на военной службе несколько лет, пережил много разных приключений в этом уголке мира, в результате чего смог скопить достаточно денег, чтобы купить хороший дом и пару акров земли в своем родном краю, откуда он больше не собирался уезжать до конца своих дней. Некоторым показалось удивительным, что мужчина в самом расцвете сил, далеко не урод, который всего повидал в жизни и водил компанию с хорошими людьми, вдруг так рано остепенился и поселился в тихой отдаленной деревушке. Но его добросовестность и порядочность во всех

делах, дисциплинированность в работе, уравновешенное поведение вскоре показали, что приключения, которые с ним случались во время его путешествий, не повлияли, как это часто случается с молодыми солдатами, на его честность и самообладание. Но некоторые люди заметили какую-то неловкость и странность в его манерах, что дало им пищу для подозрений, хотя они и не могли точно сказать, каких именно. Казалось, что он почти всегда избегает встреч с Ниной, дочерью богатого крестьянина, земля которого соседствовала с его владениями. Но, как летела молва по деревне, кто мог бы стать ему лучшей партией? Он был молод, имел неплохую собственность, которая со временем должна была преумножиться. Он был здоров, трудолюбив, и слышали, как он сам говорил, что его ничего не связывает с другими краями.

Время шло, и Арнольд не мог всегда избегать общества своих соседей. Никто не удивился, когда было объявлено, что он официально обручен с Ниной. Но, как часто девушка говорила своим друзьям, она чувствовала, что между ними есть какая-то тень. Наконец она решила поговорить с ним на эту тему и смело спросила его, что постоянно гнетет его. Через некоторое время он согласился ей все рассказать и, сообщив, что его всегда преследовал страх ранней смерти, поведал ей о необыкновенном приключении, которое довелось ему пережить в Костарце, недалеко от границы, когда он был на действительной службе. Он сказал, что в тех уголках Греции мертвецы возвращались, чтобы преследовать живых людей. По какому-то неудачному стечению обстоятельств их воинская часть была размещена в местечке, часто посещаемом привидениями, и там Арнольду выпало первое испытание. Он немедленно нашел неосвященную могилу и скоро казнил вампира. Несмотря на уговоры своего начальства, Арнольд Павле подал рапорт об отставке и буквально сбежал в свою родную деревню. Пока он не испытал на себе дурных последствий и надеялся на то, что сможет противостоять злу. Случилось так, что во время праздника урожая Арнольд упал с вершины нагруженной сеном телеги, и его подобрали с земли бесчувственного. Арнольда отнесли в постель, но он, очевидно, получил какую-то серьезную травму, так как, протянув недолгое время, умер. Через несколько дней его тело положили, как все думали, покоиться на церковном кладбище. Спустя приблизительно месяц пошли разговоры о том, что Арнольда после его ночного падения видели бродящим по деревне. А несколько человек, имена которых внесены в официальный отчет, пожаловались на то, что он преследовал их и после его появления перед ними они ощущали необыкновенную слабость. Но прошло немного времени, и некоторые из этих людей умерли. В округе поднялась паника. Когда начались темные зимние ночи, ни один человек не отваживался выйти за порог своего дома, едва наступали сумерки. И все-таки люди шептались о том, что призрак может легко проникать через закрытые окна и стены, что никакие замки или засовы не могут помешать ему, если он захочет войти. На протяжении всей зимы несчастная деревня жила в состоянии ужаса и смятения. Ситуацию, как можно себе представить, усугубили холодные снежные декабрьские и

январские ночи. Спустя десять недель после похорон или даже больше было принято решение эксгумировать тело Арнольда с целью удостовериться, был ли он на самом деле вампиром. Комиссия состояла из двух офицеров, военных представителей из Белграда, двух армейских хирургов, унтер-фельдшеров, мальчика-барабанщика, который нес их саквояжи с инструментами, деревенских властей, старого могильщика и его помощников. Доктор Мейо так восстанавливает в памяти эту сцену:

«Ранним хмурым утром комиссия посетила тихое кладбище Медуэгны, которое окружено стеной из неотесанного камня, расположено под защитой гор, склоны которых, засаженные фруктовыми деревьями, зелеными волнами поднимаются вверх, и заканчивается на крутом скалистом обрыве, окаймленном подлеском. Могилы в большинстве своем были ухоженными, окруженными самшитом и засаженными цветами. В головах большинства могил стоял небольшой деревянный крест, выкрашенный черной краской, на котором было написано имя усопшего. Там и сям лежали каменные могильные плиты. Один памятник был довольно значительной высоты и представлял собой узкий столб, украшенный нелепой готической резьбой, который возвышался над всеми остальными. Рядом с ним находилась могила Арнольда Павле, к которой и направлялась комиссия. Раскапывать могилу начал согбенный старый могильщик, который жил в покойнице за огромным распятием. Он казался довольно невозмутимым, но молодой барабанщик, по вполне понятным причинам, напряженно следил за этим, загипнотизированный ужасом и тревогой ожидания. Вскоре гроб был довольно грубо вытасен из земли, и помощник могильщика сбил с него крышку. Все увидели, что труп повернут на бок, его челюсти широко раскрыты, а раздутые губы влажны от свежей крови, которая тонкой струйкой течет из уголка рта. Старый могильщик, ничего не боясь, схватил тело и скрутил его. „Так вот что! — вскричал он. — Ты не вытер рот после ночной работы“. Даже офицеры, привыкшие к ужасам войны, и хирурги, привыкшие к ужасам анатомички, содрогнулись при виде такого омерзительного зрелища. В отчете написано, что мальчик-барабанщик тут же упал в обморок. Собравшись с духом, чтобы выполнить свою страшную работу, они исследовали останки более тщательно, и вскоре стало очевидно, что перед ними лежит тот, кого они боялись, — вампир. Он выглядел так, будто и не умирал вовсе. Когда ворочали труп, кожа кое-где сошла, а под ней были новая кожа и новые ногти. Когда на останки набросали чеснока и вогнали в тело кол, оно, по отзывам, издало пронзительный крик, и теплая кровь вырвалась из него сильной алой струей.

Когда эта жуткая операция была проделана, могильщик и его подручные стали эксгумировать тела четверых других людей, которые умерли вследствие нападений на них Арнольда. Отчет не дает подробностей того, в каком состоянии они были найдены. Написано

просто, что в них вогнали колья из боярышника и все пять тел были сожжены. Прах был помещен в освященное место.

Можно было бы подумать, что эти меры положат конец вампиризму в деревне, но оказалось, что изначально вампир в Костарце был, вероятно, исключительно зловредным. Спустя приблизительно шесть лет после того, как тело Арнольда Павле было кремировано, это бедствие снова постигло людей, и несколько человек умерли явно от потери крови; их тела были обескровлены и ужасно истощены. На этот раз чиновники, не колеблясь, немедленно приступили к устранению этой опасности, полные решимости осмотреть содержимое всех могил на кладбище, на которое пало подозрение. Так что из Белграда были вызваны несколько известных хирургов, и состоялось очень тщательное расследование, которое дало весьма необычные результаты. Медицинские отчеты, из которых были взяты данные по следующим случаям вампиризма, были официально подписаны 7 января 1732 г. в Медуэгне тремя высокопоставленными военными хирургами Йоханнесом Фликингером, Исааком Зиделем и Йоханом Фридрихом Баумгартнером, а также подполковником и младшим лейтенантом, которые тогда проживали в Белграде.

Вот самые удивительные примеры.

Женщина по имени Стана в возрасте двадцати лет умерла за три месяца до проводимой процедуры после болезни, которая длилась всего три дня, начавшись прямо после родов. На смертном одре она призналась, что намазала себя кровью вампира, чтобы освободиться от его преследований. Тем не менее она и ее младенец умерли. Тело ребенка, вследствие поспешного и небрежного захоронения, выкопали из земли и сожрали волки. Тело Станы было не тронуто разложением. Когда его вскрыли, грудная клетка была полна свежей крови, а внутренности выглядели так, как у здорового человека. Кожа и ногти на руках и ногах держались непрочно и сошли, но под ними были новая чистая кожа и ногти.

Женщина по имени Милица умерла после болезни, которая длилась три месяца. Тело было похоронено почти сто дней тому назад. В ее грудной клетке была кровь, а внутренности были абсолютно целы и здоровы. Тело было опознано гайдуком, который сказал, что женщина выглядит лучше и полнее, чем была при жизни. Тело ребенка восьми лет от роду было похоронено уже девяносто дней. Оно было в таком виде, в каком бывали тела вампиров.

Сын гайдука по имени Миллок был молодым человеком шестнадцати лет. Тело покоилось в земле уже девяносто дней. Оно имело цветущий вид, точно как у вампиров.

Некий Яхим семнадцати лет тоже был сыном гайдука. Он умер после недолгой болезни, длившейся три дня, и лежал в земле уже восемь недель и четыре дня. У него был свежий цвет лица, а тело, бесспорно, было в таком состоянии, как у вампиров.

Женщина по имени Руша умерла, проболев десять дней. Ее похоронили за шесть недель до приезда комиссии. В ее грудной клетке и внутренностях была обнаружена свежая теплая кровь.

Десятилетняя девочка умерла два месяца назад. Ее тело было в таком состоянии, как у вампиров. Когда его пронзил кол, из него вылилось много горячей крови, которая залила могилу.

Жена жителя деревни по имени Хаднук была похоронена уже семь недель, а ее младенец восьми недель от роду — двадцать один день. Было отмечено, что, хотя эти трупы и были похоронены в том же месте, они были сильно тронуты тленом.

Двадцатитрехлетний служащий по имени Рейд перед смертью болел в течение трех месяцев, и его тело, пролежавшее в земле на тот момент пять недель, сильно разложилось.

Тела женщины и ребенка, похороненные пять недель назад, были невредимы и имели вид, свойственный вампирам.

Гайдук по имени Станко, весьма уважаемый человек в деревне, умер за шесть недель до происшедших событий в возрасте шестидесяти лет. В его грудной клетке и брюшине была обнаружена свежая кровь, а все его тело имело вид, характерный для вампиров.

Тело гайдука Миллока двадцати пяти лет от роду имело все признаки вампиризма, пролежав в земле шесть недель.

Двадцатилетняя жена гайдука по имени Станжойка умерла после трехдневной болезни и была похоронена уже больше двух недель. Ее лицо было полнокровным и цветущим, члены — гибкими, без признаков трупного окоченения. В ее груди и сердце была обнаружена свежая кровь. Внутренности были здоровыми. Кожа казалась здоровой и красивой, как при жизни.

Следует заметить, что этим списком не заканчиваются случаи вампиризма, собранные в тот раз. Более того, в каждом случае конкретные детали были самым подробным образом записаны. Но продолжение этого перечня связано с повторением, которое может оказаться утомительным, если не будет добавлено что-то существенное к уже установленным фактам».

Эразм Франциск в своих комментариях к произведению барона Фальфасора «Честь герцогства Крайна» (Любляна, 1689) приводит интересный рассказ о вампире в Крайне. В округе Крайна недалеко от города с таким же названием жил крестьянин-земледелец по имени Грандо. В течение жизни его всегда считали тихим трудолюбивым человеком с хорошей репутацией, но после его смерти в округе начал свирепствовать вампир, и не могло быть никаких сомнений в том, что это Грандо. Соответственно, церковные власти распорядились его эксгумировать. Когда вскрыли его могилу, в которой он пролежал много месяцев, обнаружили его тело в таком виде, будто он спит. У него был не только свежий и цветущий цвет лица, но и его черты слегка подрагивали, словно уснувший улыбался. Он даже приоткрыл рот, словно хотел вдохнуть свежего воздуха. Он широко раскрыл глаза, и те, кто находился

поблизости, начали читать литании и молитвы, а священник, подняв над головой распятие, обратился к вампиру с такими словами: «Подними глаза и взгляни на Иисуса Христа, который спас нас от адских страданий своими святыми муками и своей смертью на кресте». После этого на лице умершего появилось печальное выражение, и по его щекам потекли слезы. Наконец его голову отделили от тела, которое шевелилось, словно было живым.

Здесь будет уместным процитировать очень интересный отрывок из «Путешествий трех английских джентльменов» (книга была написана приблизительно в 1734 г. и опубликована в 1745 г.). Путешественники прибыли в Лайбах (Любляна. — *Ред.*).

Здесь следует заметить, что владелец дома, по-видимому, с почтением относился к тому, что барон Фальфасор рассказывал о вампирах, которые заволокли некоторые районы этой страны. Считается, что эти вампиры являются телами умерших людей, оживленных злыми духами. Они выходят из могил в ночное время, сосут кровь у живых людей и тем самым доводят их до гибели. Такая идея, вероятно, покажется многим людям в Англии фантастической и будет отвергнута. Но ее одобряют не только барон Фальфасор и многие другие карниольские (словенские. — *Ред.*) аристократы и джентльмены, но и, по нашим сведениям, некоторые авторитетные писатели. Господин Й. Х. Цопфиус, директор гимназии в Эссене, человек большой эрудиции, опубликовал о них свой научный и весьма любопытный труд, из которого мы просим позволения привести следующий отрывок: «Вампиры, которые выходят из могил в ночное время, кидаются на людей, спящих в своих постелях, высасывают у них кровь и умерщвляют их. Они нападают на мужчин, женщин и детей, не щадя ни возраст, ни пол. Люди, подвергшиеся их нападению, жалуются на удушье, после чего они вскоре умирают. Когда у некоторых из них перед смертью спрашивали, что с ними произошло, они отвечали, что они страдают точно так же, как, по рассказам, недавно умершие люди или, скорее, призраки тех людей. После чего из могил были выкопаны тела этих людей, и обнаружилось, что, как и сказал умирающий, у них нос, щеки, грудь, губы насыщены кровью. Их лица были свежими и цветущими. Их ногти и волосы сильно отросли. И хотя они умерли гораздо раньше, чем многие другие, которые совершенно разложились, на телах этих людей нет и следа тлена. Те, кого они умертвили, после смерти становятся вампирами. Поэтому, чтобы не допустить распространения Зла, считается необходимым вогнать кол в мертвое тело, из которого в этом случае течет кровь, будто это живой человек. Иногда тело выкапывают из могилы и сжигают дотла, после чего все беды прекращаются. Венгры называют этих призраков *Ратгри* и „сербскими вампирами“, но происхождение этих названий неясно».

Сообщают, что в 1725 г. эти призраки заволокли несколько районов Сербии и являлись в течение еще семи или восьми лет в

Мевадии (или Меадии) и Парачине неподалеку от реки Велика-Морава. Есть рассказ об их похождениях в Косове, датируемый 1732 г. В печати нашли отражение трагедии с их участием, которые произошли в Темешваре (совр. Тимишоара в Румынии) в 1738 г. Отец Габриэль Ржачински в своей «Естественной истории царства Польского и Великого княжества Литовского», опубликованной в Сандомире в 1721 г., утверждает, что в России, Польше и Великом княжестве Литовском мертвецы, побуждаемые злыми духами, иногда входят ночью в дома к людям, нападают на мужчин, женщин и детей и пытаются их задушить. И о такой дьявольщине его соотечественники могут рассказать немало подлинных историй. Таких мертвецов поляки называют упырями, а если это женщина, то это упырица, то есть крылатое или покрытое перьями существо. По-видимому, это название они получили из-за удивительной легкости и активности этих демонов в человеческом облике. Если мы не ошибаемся, то рассказ о вампирах из Польши можно найти в некоторых газетах за 1693 г., который полностью согласуется с историями про сербских вампиров, рассказанных господином Цопфиусом. Словом, представление о таких опасных существах бытует с незапамятных времен на большей части Венгрии, Сербии, Крайны, Польши и других стран, как это ясно показывают разные авторы вместе с вышеназванным Цопфиусом. К этому еще можно добавить, что древние греки также, видимо, были твердо убеждены в том, что мертвецами иногда овладевают злые духи, что явствует по прочтении отрывка из «Флегона». Однако такая точка зрения может вызвать насмешки у многих людей, хотя и без всякого на то основания. Бог *может* делать злых духов орудием наказания на земле, как чума, войны, голод и т. п. (и Он *действительно* это делает, как явствует из Писания), так что можно пренебречь тем, что пишут по этому поводу некоторые из наиболее известных светских авторов.

Прежде чем мы покинем город Лайбах (Люблян), будет правильным заметить, что, хотя основная масса людей там говорит на *крайнском*, или *славянском* (словенском), языке и имеет свои особые традиции, по многим пунктам они сходятся во взглядах с *немцами*. Все известные и уважаемые люди бегло и чисто говорят по-немецки: город Лайбах был завоеван королем Чехии Оттокар (встречающееся в литературе немецкое имя чешского короля (1253–1278) Пржемысла II. — *Ред.*) в 1269 г. (в 1278 г. Пржемысл II, в честь которого в 1254 г. был назван Краловец (Кёнингсберг), где он в 1254–1255 и 1267–1268 гг. громил вместе с немцами пруссов в ходе Крестовых походов. Погиб в битве у Сухих Крут с войском Рудольфа Габсбурга, чему способствовала измена начальника резерва. И все завоевания Чехии на юге и юго-востоке (Австрия, Штирия, Каринтия и др.) были потеряны. — *Ред.*) и подвергался нападению турок в 1472 и 1484 гг., но безрезультатно. Эрцгерцог Австрии Альберт также потерпел неудачу при попытке завоевать этот город в 1441 г. Улицы

города не очень широки, а дома не очень велики, хотя с учетом всего прочего его можно назвать прекрасным городом. И вот здесь мы лежим впервые в своей жизни между двумя перинами, что повергло автора этих строк в такой пот, что он едва мог уснуть ночью и чувствовал сильную слабость наутро. Однако многие немцы любят так спать, хотя это совершенно не подходит большинству людей из других стран. (С 1992 г. Словения — суверенное государство. — *Ред.*)

Приблизительно в 1730–1732 гг. подобный случай произошел со Стефеном Хюбнером из Тротенау, который после своей смерти стал возвращаться и не только нападал на людей, но и убивал коров. Из официального отчета явствует, что этот вампир душил их. Это дело вскоре было взято на контроль, и по приказу Верховного суда этого региона тело было эксгумировано. И хотя на самом деле прошло пять месяцев со времени похорон Хюбнера, тело было обнаружено со всеми признаками вампирской деятельности. Ему был вынесен приговор, и тело было обезглавлено палачом. Останки сожгли дотла и развеяли по ветру. Ради предосторожности тела, которые были похоронены рядом с Хюбнером, были извлечены на свет божий и с почтением кремированы, а прах снова был похоронен на прежних местах.

Хотя эти истории относятся по большей части к XVIII в., вера в вампиров среди славянских народов по-прежнему сильна, как всегда. Сербы и по сей день рисуют дегтем кресты на дверях своих домов и сараев с целью отпугнуть вампиров точно так, как в старые времена шотландские горцы верили, что измазанная дегтем дверь охраняет от ведьм. Во многих районах Боснии, когда деревенские женщины идут в соседский дом, в котором недавно случилась смерть, они кладут под платок веточку боярышника, а как только выходят из этого дома, выбрасывают ее на дорогу. Если умерший превратился в вампира, он озаботится тем, чтобы подобрать боярышник, и не сможет проследить их до их собственных домов.

В различных уголках Германии, особенно в некоторых районах Западной Пруссии, предания о вампирах существовали долго, и даже в наши дни случаи вампиризма время от времени, пусть редко, встречаются в отдаленных деревнях и городках. Не отмечено ничего нового или экстраординарного, и очень редко такие случаи возбуждали всеобщее внимание. Среди самых выдающихся случаев известна история жителя города Эгваншифтца, на которого в 1617 г. нападал и долго изводил вампир, убивший в конце концов свою жертву, после чего тела вампира и несчастной жертвы были кремированы на двух кострах на пустыре вдали от человеческого жилья. Двести лет спустя, в 1820 г., богатый землевладелец, обладавший немалой собственностью в окрестностях Данцига (Гданьска) и ставший из-за этого весьма выдающейся фигурой в этих краях, подвергся жестоким нападениям вампира и спасся от них благодаря лишь молитвам и умерщвлению плоти святых монахов-цистерцианцев, которые оказались изгнанными из своего монастыря по указу прусского правительства от 28 апреля 1810 г.

В своей летописи 1343 г. Себастьян Мелерс повествует о том, что во время ужасного нашествия Черной смерти (эпидемии чумы) случаев вампиризма в

Тироле было много. Эта напасть не обошла и бенедиктинское аббатство в Мариенберге, и по крайней мере один монах, Дом Стейно фон Неттен, считается убитым вампиром. В 1348 г. чума унесла с собой всех обитателей этого знаменитого монастыря, за исключением аббата Вайо, священника, одного мирянина и Госвина, который впоследствии стал выдающимся летописцем.

В 1855 г. в Данциге случилась страшная вспышка холеры, и по всей этой провинции пошел слух о том, что умершие вернулись в облике вампиров, чтобы забрать с собой живых. Говорят, что страхи людей сильно увеличили смертность.

С незапамятных времен во многих уголках Европы во время какого-нибудь особого несчастья (особенно когда на скотину нападала та или иная изнурительная болезнь) крестьяне прибегали к церемониальному зажжению костров, и такой костер называли «огнем по необходимости». Точное значение этого названия вызывает мало сомнений. Гримм установил его происхождение от слова *need* («нужда, необходимость»), и в целом оно означает «вынужденный огонь». Такое же толкование дает и Линденброг. С другой стороны, К. Л. Роххольц связывает слово *need* с немецким глаголом *pieten* (делать быстро и много), и в таком случае «огонь по необходимости» означал бы «быстро разожженный огонь во многих местах». Языческий обычай разжигать такие костры тянется из глубины веков, и именно эта идолопоклонническая практика снова и снова подвергалась запретам. Когда король Пипин (Пипин Короткий (714–768), франкский майордом в 741–751 гг., первый франкский король (751–768) из династии Каролингов (свергший последнего из Меровингов — Хильдерика III. — Ред.), правил франками, синод, созванный в 720 г. святым Бонифацием, запретил разжигание «*illos sacrilegos ignes, quos niedfur uocant*» (эти святотатственные костры, которые называются вынужденными), как языческих и богохульных. Тем не менее эта традиция продолжала существовать, и вместе с другими языческими обычаями знания о ней передавались следующим поколениям ведьмами. В 1598 г., когда эпидемия смертельной болезни бушевала в Нойштадте неподалеку от Марбурга, колдун по имени Иоганн Кохлер уговорил бургомистра и известных жителей города проверить эффективность этого магического ритуала. Огонь во всех домашних очагах в городе был погашен, новый огонь был получен при помощи трения, и от этих новых искр был зажжен костер между городскими воротами. Всю скотину прогнали через дым и огонь. По всему городу был заново зажжен огонь в очагах при помощи углей, взятых из этого общего костра. Неудивительно, что этот колдовской прием не возымел должного действия: мор продолжал свирепствовать, как и раньше. Единственным результатом этой процедуры было то, что на Кохлера пало серьезное подозрение, и в декабре 1605 г. его сожгли на костре, так как он был признан виновным в полночном колдовстве и черной магии.

И все-таки во многих уголках Германии до середины XIX в. — в Нижней Саксонии, в горах Гарц, в Брауншвайге, Силезии и Богемии (Чехии) — этот обычай все еще существовал. (Автор считает Германией (на середину XIX в. и

не только) земли не только собственно Германии (Пруссии с подчиненной ей бывшей польской, затем чешской, затем австрийской Силезией и другие германские земли и государства, объединенные «железом и кровью» Бисмарком в 1850-х — 1871 г.), но и земли Австрийской (с 1868 г. Австро-Венгерской) империи, такие как славянская Чехия. — *Ред.*) В 1682 г. он был запрещен Густавом-Адольфом, герцогом Мекленбургским, но его закон не возымел действия. Говорят, что обычай зажигать такие «костры по необходимости» и по сей день сохранился в отдаленных уголках Швейцарии, Норвегии и Швеции. И хотя этот факт почти не признается, в Йоркшире и Нортамберленде в случае эпидемии чумы рогатого скота практика разжигания костров сохранялась на памяти живущих людей, и говорят, что она не совсем забыта в удаленных районах даже в наши дни.

Существует много способов приготовить такой костер, но необходимо, чтобы огонь не высекали при помощи кремня и стали, нельзя также использовать для этого спички. Первые искры следует получить путем долгого трения, и для этого обычно имеют при себе паклю, обрывок полотна или какой-нибудь другой легковоспламеняющийся материал, который немедленно займется пламенем, когда загорится хворост или солома. Пока все огни в деревне не будут погашены, костер, вероятно, не произведет нужного действия. Раньше во многих уголках его зажигали каждый год в качестве превентивной меры, но в более недавние времена к нему по-настоящему прибегали лишь в случае ящура.

Однако в России (по крайней мере, до недавнего времени), Польше, Сербии и вообще у славянских народов падеж скота вообще приписывают вампиру, который лишает его жизненных сил. Так что причина для разжигания «костров по необходимости» принимает несколько иной вид. Огонь зажигают по абсолютно определенной причине: чтобы пламя отпугнуло вампира, который не может пройти сквозь него. Одним из главных дней, когда, по крайней мере, в Польше существовал обычай зажигать эти костры, был праздник святого Роха, который свою жизнь посвятил людям и животным, пораженным чумой, о чем рассказывается в старых требниках XV в. в Утрехте, Отене, Тулузе и других городах.

В 1414 г. во время собора в Констанце, когда там разразилась чума, отцы города распорядились проводить публичные моления и шествия в честь святого Роха, и эпидемия прекратилась. (Город Констанц на берегу Боденского озера. Здесь с 5 ноября 1414 г. по 22 апреля 1418 г. заседал собор католической церкви, на котором присутствовало более тысячи высших церковных иерархов и крупнейших и знатнейших светских правителей Западной Европы, включая императора Сигизмунда. Центральный вопрос собора — борьба с Реформацией. — *Ред.*) Вместе со святым Себастьяном и святым Адрианом его обычно призывают на помощь против чумы, а в Польше он считается святым, который защитит от губительного воздействия вампиров, распространяющих свою инфекцию в виде вредоносной чумы.

Известный исследователь оккультизма и авторитет в этой области покойный доктор Франц Хартман привел подробности некоторых случаев вампиризма, которые попали в поле его зрения. Следующие истории, изложенные в третьем томе «Пограничной области» (1895), произошли в окрестностях Вены незадолго до того, как сообщения о них были опубликованы.

У молодой женщины из Г. был поклонник, который попросил ее выйти за него замуж, но, поскольку он был пьяницей, женщина ему отказала и вышла за другого. Влюбленный молодой человек застрелился, и вскоре после этого события вампир в его облике начал наносить ей частые визиты. Женщина не могла его видеть, но ощущала его присутствие таким образом, что в этом нельзя было сомневаться. Медики не знали, что и думать об этом. Они называли это «истерией» и тщетно пытались испробовать все средства фармакопеи, пока женщина, наконец, не изгнала вампира с помощью человека сильной веры. В этом случае присутствует стихийное начало, к которому добавляется самоубийство.

Очень похожий пример, который уже обстоятельно цитировался, был рассказан достопочтенным Ральфом Ширли в «Оккультном ревю».

Доктор Хартман также приводит следующие типичные примеры вампиризма, которые могут послужить моделью, чтобы избежать излишних повторений. Один мельник в городе Д. имел здорового мальчика-слугу, который, поступив к нему на работу, вскоре начал чахнуть. У него возник зверский аппетит, но он тем не менее с каждым днем все слабел и истощался. Подвергшись расспросам, мальчик наконец признался, что существо, которое он не мог видеть, но прекрасно мог чувствовать, приходит к нему каждый раз в полночь, садится к нему на грудь и вытягивает из него жизненные силы так, что он на это время оказывается парализованным и не может ни шевельнуться, ни закричать. После этого мельник согласился лечь рядом с мальчиком и заставил его пообещать, что тот подаст знак, когда появится вампир. Все так и было сделано, и, когда сигнал был подан, мельник вытянул руки и схватил невидимое, но вполне осязаемое существо, которое сидело на груди мальчика. По его описанию, это существо, казалось, имело эллиптическую форму и на ощупь было как желатин, что подразумевает образование эктоплазмы. Существо стало корчиться и яростно старалось

вырваться, но, крепко держа его, мельник бросил вампира в огонь. После этого мальчик выздоровел, и такие посещения прекратились. «Те люди, которые, подобно мне, — замечает доктор Хартман, — много раз удаляли „астральные новообразования“ и тем самым лечили материальные опухоли, не сочтут вышеизложенное невероятным или необъяснимым. Более того, приведенные рассказы относятся не к событиям прошлого, а к людям, которые и по сей день живут в этой стране».

«В этих краях у одной женщины есть призрак, или, как она его называет, „пара“, с которым она живет интимной жизнью, как муж и жена. Она общается с ним, и он заставляет ее делать самые абсурдные вещи. У него много причуд, а так как она женщина со средствами, то она удовлетворяет их. Если ее „пара“ хочет поехать и увидеть Италию „ее глазами“, ей приходится ехать в Италию и давать ему возможность насладиться ее достопримечательностями. Она равнодушна к балам и театрам, но ее „пара“ хочет бывать там, и поэтому ей приходится ходить на балы и в театры. Она дает уроки своей „паре“ и обучает его разным вещам, имеющим отношение к нашему миру. И таким причудам нет конца. В то же время ее „пара“ вытягивает из нее силы, и ей приходится „вампитить“ каждого, с которым она вступает в контакт, чтобы восполнять потери».

Госпожа Вайолет Твидейл в своей книге «Привидения, которых я видела» приводит очень любопытный рассказ о некоем принце Валори, которого везде сопровождал дух, или «сатир», невидимый многим людям. Но принца часто видели в компании те, кто имел экстрасенсорные способности. Этот дух привязался к нему однажды, когда принц имел невероятную глупость посетить шабаш ведьм в Вогезах (горы на востоке Франции. — *Пер.*). Одна русская ясновидящая, которой были известны все обстоятельства, сообщила госпоже Твидейл, что один из ее собственных предков, богемский аристократ де Ласки, известный своей дружбой с доктором Ди и Келли, поддерживал связь с духом по имени Бюиссон. Как и современные ведьмы, два века спустя такие духи, которые ждут современных адептов (знатоков) черной магии, носят различные имена: Минетте, Верделе и т. д. Госпожа Твидейл сообщает нам, что «генерал Элиот, который командовал армией в Шотландии и был очень известным в обществе человеком двадцать пять лет назад», имел духа по имени Вонони, с которым он обычно разговаривал вслух посреди обеда. «По внешнему виду его [Элиота] никак нельзя было отнести к категории людей, связанных с оккультизмом».

Нельзя сказать, что в наши дни людям неизвестен эротический дух. Как и в былые времена, он часто принимает облик какого-нибудь человека, которым ведьма желает насладиться. Ссылка на это есть в драме Т. Мидлтона (1580–1627; англ. драматург) «Ведьма». Когда молодой любовник приходит в жилище ведьмы, Геката кричит, увидев его:

Этот Альмахильд — во мне бурлит кровь —
Тот человек, которым я хочу насладиться.
Уже три раза был он моим в обличье духа.

Синистрари в своем знаменитом трактате De Daemoni-alitate приводит несколько примеров, попавших в поле его зрения и связанных с демонами, которые с вампирской настойчивостью преследуют отдельных людей и которых можно изгнать лишь с огромным трудом. Он также рассказывает об одной женщине, которая призналась в том, что желает вступить в непристойную связь с эротическим духом, который является к ней в облике приятного молодого человека и истощает ее жизненные силы.

Под заголовком «Современный случай вампиризма» доктор Хартман рассказывает нам следующую историю, благодаря которой мы видим, что сильное желание принести вред другому человеку может быть настолько концентрированным, что оно образует психическую связь между двоими людьми, и на самом деле может иметь место поглощение жизненных сил одним у другого.

«Ночью 31 декабря 1888 года господин и госпожа Роуз (имена изменены, но факты реальные) легли спать бедняками, а утром 1 января 1889 года проснулись богатыми людьми. Дядюшка, которому они были обязаны своей бедностью, потому что он мешал им вступить в законные права собственности, той ночью умер. Есть несколько моментов оккультного характера, связанных с этим событием, которые будут интересны тем, кто в своем расследовании „ночной стороны природы“ хочет найти реальные доказательства.

Господин Роуз был молодым, но очень умным мужчиной, занятым интеллектуальным трудом. Он находился в начале своей карьеры и поэтому имел весьма ограниченное число клиентов. Его жена — одна из самых привлекательных молодых дам, с которыми мне посчастливилось познакомиться; это женщина возвышенного ума, в ней больше от поэтессы, нежели от экономиста. Она воспитывалась в достатке: ее отец был очень богат, а она была единственной и поэтому любимой и избалованной дочерью в роскошном доме. Было бы слишком сложной задачей рассказать, как случилось так, что собственность, которую она унаследовала, попала сначала в руки ее дядюшки, злобного и скупого человека. Достаточно сказать, что этот человек, которого мы назовем Хеллебор, при помощи интриг и тяжб сумел удержать собственность госпожи Роуз в своих руках, не оказывая ей и ее супругу никакой материальной помощи. Не раз они были вынуждены занимать деньги у своих друзей, чтобы не голодать.

Так как дядя Хеллебор был на последней стадии чахотки, их единственная надежда была на то, что его смерть вскоре положит конец его тяжбам, и они вступят во владение всем тем, что по праву им принадлежало.

Однако дядя Хеллебор, видимо, и не собирался умирать. Год за годом он продолжал кашлять и харкать, но при этом пережил многих, которые предсказывали ему смерть. Сделав Роузам предложение, по которому он оставался владельцем почти всей собственности и давал им лишь скудное вспомоществование, он осенью поехал в Меран

(ныне Мерано на севере Италии, до 1919 г. в составе Австро-Венгрии (Тироль). Климатический курорт. — *Ред.*), чтобы избежать холодов Вены.

В своих стесненных обстоятельствах они были склонны согласиться и на такую передачу имущества, но решили сначала посоветоваться на этот счет с другом, известным юристом. Этот господин (которого мы назовем господин Тулип, так как в Вене все знают его настоящее имя) посоветовал им обратное. Это взбесило Хеллебора и настроило против Тулипа. Охваченный слепой яростью, он поклялся, что если найдет возможность убить Тулипа, то сделает это.

Господин Тулип был необычайно сильный и здоровый мужчина крепкого телосложения. Но в начале декабря, вскоре после отъезда Хеллебора в Меран, у него внезапно пошатнулось здоровье. Врачи не могли определить болезнь, а он быстро худел и слабел, жалуясь лишь на чрезвычайную усталость, и чувствовал себя как человек, который истекает кровью. В конце концов 20 декабря вся Вена с изумлением узнала, что господин Тулип умер. Вскрытие показало, что все внутренние органы находятся в совершенно нормальном состоянии, и врачи не нашли ничего лучшего, как зарегистрировать смерть от истощения, назвав его причиной такого необычного события. Странно, но в течение последних дней этой болезни (если ее можно так назвать), когда его разум не всегда бывал ясным, он часто думал, что какой-то незнакомец причиняет ему физическую боль. А описание, которое давал больной этому невидимому лицу, с абсолютной точностью подходило господину Хеллебору.

Во время болезни господина Тулипа из Мерана пришла весть о том, что господин Хеллебор быстро набирается сил и идет на поправку самым чудесным образом. Но были люди, которые выражали серьезные сомнения относительно того, долго ли продержится это кажущееся выздоровление. В день похорон господина Тулипа господин Х., видный член теософского общества, который находился в Австрии, заметил госпоже Роуз: „Вы увидите, что теперь, когда господин Тулип умер, его вампир тоже умрет“.

1 января 1889 г. господину Роузу приснилось, что он видит дядю Хеллебора абсолютно здоровым. Он выразил свое удивление по этому поводу, и тогда голос, шедший будто издалека, сказал: „Дядя Хеллебор умер“. Голос зазвучал снова, и на этот раз, повторяя это предложение, он был более сильным. Господин Роуз проснулся, а звук этого голоса все еще звучал у него в ушах. Он сообщил своей жене радостную весть о том, что „дядя Хеллебор умер“. Спустя два часа из Мерана пришла телеграмма о кончине дяди Хеллебора, которая произошла в ту самую ночь, и о необходимости господину Роузу приехать на похороны. Оказалось, что состояние господина Хеллебора стало быстро ухудшаться с того самого дня, когда умер господин Тулип».

Единственное рациональное объяснение таких случаев я нашел у

Парацельса.

В «Оккультном обозрении» за сентябрь 1909 г. под заголовком «Подлинная история о вампире» был опубликован следующий рассказ доктора Хартмана.

10 июня 1909 г. в известной венской газете («Венские новости») появилась заметка о том, что замок Б. был сожжен толпой, потому что среди крестьянских детей началась высокая смертность, и все считали, что это происходит из-за вмешательства вампира, которым будто бы был последний граф Б., умерший и заслуживший такую репутацию. Замок был расположен в диком и безлюдном уголке Карпатских гор, а раньше служил крепостью против турок. В замке не жили люди, потому что существовало поверье, что в нем обитают привидения. Лишь одно крыло замка использовалось в качестве жилья для смотрителя и его жены.

Когда я читал эту заметку, случилось так, что я сидел в венском кафе в компании своего старого друга, знающего специалиста в области оккультизма и редактора известного журнала, который провел несколько месяцев в окрестностях этого замка. От него я услышал следующий рассказ, и кажется, что вампиром, о котором идет речь, был, вероятно, не старый граф, а его красавица дочь графиня Эльга, фотографию которой, сделанную с оригинального портрета, я получил. Мой друг сказал:

Два года назад я жил в Германштадте (совр. Сибиу в Трансильвании (Румыния). — *Ред.*) и, будучи занят на строительстве дороги в горах, часто бывал в окрестностях старого замка, где и познакомился со старым смотрителем и его женой, которые занимали часть крыла дома, стоящего почти отдельно от главной постройки. Это была тихая пожилая супружеская пара, и они были довольно сдержанны в отношении передачи какой-либо информации или выражения мнения о странных шумах, которые часто слышались по ночам в пустых залах, или о призраках, которых, по утверждению валахских крестьян, они видели, когда оказывались в окрестностях замка после наступления темноты. Я смог лишь узнать, что старый граф был вдовцом и у него была красавица дочь, которая однажды погибла, упав с лошади, а вскоре после этого загадочной смертью умер и ее старик-отец. Их похоронили на уединенном кладбище, принадлежавшем соседней деревне. Вскоре после смерти графа и его дочери среди жителей деревни стала отмечаться необычная смертность: несколько детей и даже взрослые люди умерли без какой-либо причины; они просто угасли. Так было положено начало слухам о том, что старый граф после своей смерти стал вампиром. Безусловно, он не был святым, поскольку очень любил выпить, и ходили шокирующие рассказы о его поведении и поведении его дочери. Но есть в них правда или нет, я не могу сказать.

После этого собственность перешла во владение молодого дальнего родственника семьи, который был офицером кавалерийского полка, расквартированного в Вене. Видимо, наследник наслаждался жизнью в столице и не очень беспокоился о старом замке в безлюдных краях.

Он даже не приехал взглянуть на него, а послал привратнику письмо, в котором распорядился просто держать все в порядке и исправности. Таким образом, смотритель замка на самом деле был его фактическим хозяином и предложил мне и моим друзьям посетить его.

Однажды вечером я и два моих помощника доктор Е., молодой юрист, и господин У., писатель, отправились осматривать замок. Сначала мы пошли на конюшню. В ней не было лошадей, так как все они были проданы. Но наше внимание привлекла старая, необычного вида карета с позолоченными узорами и семейными гербами. Затем мы осмотрели комнаты, прошли по некоторым залам и мрачным коридорам, которые можно найти в любом старом замке. В мебели не было ничего особенного, но в одном из залов висел в раме портрет маслом, изображавший даму в большой шляпе и меховой шубе. Все мы непроизвольно вздрогнули, увидев эту картину, не столько из-за красоты женщины, сколько из-за жуткого выражения ее глаз. А доктор Е., коротко взглянув на картину, вдруг воскликнул: «Как странно! Портрет закрывает глаза и снова открывает их, а сейчас он улыбается».

Доктор Е. был человеком с оккультными способностями и не раз участвовал в спиритических сеансах, и мы решили сесть в круг с целью расследовать это явление. Соответственно, в этот вечер мы сели вокруг стола в соседней комнате, образовав магическую цепочку посредством наших рук. Вскоре стол начал двигаться, и по буквам было названо имя Эльга. Мы спросили, кто такая Эльга, и ответ был: «Дама на портрете».

«Эта женщина жива?» — спросил господин У. На этот вопрос ответа не последовало, но вместо этого раздался стук, который сложился в такую фразу: «Если У. желает, я появлюсь перед ним во плоти сегодня ночью в два часа». У. согласился, и после этого в стол будто вдохнули жизнь: он проявил сильную симпатию к У. — встал на две ножки и прижался к его груди, будто намеревался обнять его.

Мы спросили смотрителя, кто изображен на картине, но, к нашему удивлению, он не знал этого. Он сказал, что это копия портрета, нарисованного известным художником Гансом Маркартом из Вены, который был привезен сюда старым графом, потому что ему очень понравилось демоническое выражение глаз.

Мы покинули замок, а У. удалился в свою комнату в гостинице, расположенной в полчасе ходьбы от него. Он был несколько скептически настроен, не веря в существование призраков и привидений, но и не был готов отрицать такую возможность. Он испытывал не страх, а нетерпеливое волнение, желая узнать, что получится из этой договоренности. А чтобы не заснуть, он сел за стол и начал писать статью в журнал.

Ближе к двум часам ночи он услышал шаги на лестнице, и дверь в коридор распахнулась. Послышались шорох шелкового платья и стук

каблуков женщины, которая ходила взад-вперед по коридору.

Можно себе представить, что он немного испугался, но, набравшись смелости, сказал себе: «Если это Эльга, пусть она войдет». И тогда дверь в комнату отворилась, и Эльга вошла. Она была очень элегантно одета и выглядела еще более молодой и привлекательной, чем на портрете. По другую сторону от стола, за которым писал У., была гостиная, и там она молча стояла. Она ничего не говорила, но ее взгляды и жесты не оставляли сомнений относительно ее желаний и намерений.

Господин У. устоял перед искушением и остался тверд. Неизвестно, поступил он так из принципа, от робости или страха. Как бы то ни было, он продолжал писать, время от времени поглядывая на свою гостью и выражая про себя пожелание, чтобы она ушла. Наконец через полчаса, который показался ему значительно длиннее, женщина ушла точно так же, как и пришла.

Это приключение не давало У. покоя, и впоследствии мы организовали несколько спиритических сеансов в старом замке, где происходили разные жуткие вещи. Так, например, однажды служанка собиралась разжечь огонь в камине, когда дверь в комнату распахнулась, и на пороге оказалась Эльга. Девушка-служанка обезумела от страха и ринулась вон из комнаты, спотыкаясь на ступеньках от ужаса с лампой в руках, которая разбилась и чуть не подожгла на ней платье. Зажженные светильники и свечи гасли, если их подносили к картине. Происходили и многие другие вещи, но будет скучно их описывать. Но следующий инцидент достоин внимания.

Господин У. в то время хотел получить должность редактора в некоем журнале, и через несколько дней после своего приключения он получил письмо, в котором знатная дама с положением в обществе предложила ему свое покровительство в этом деле. Автор письма попросила его прийти в тот же вечер в определенное место, где он должен был встретиться с неким джентльменом, который посвятит его во все подробности. Он пошел на эту встречу с незнакомым ему человеком, который сказал ему, что графиня Эльга попросила его пригласить господина У. прокатиться в карете и что она будет ждать его в полночь на перекрестке двух дорог недалеко от деревни. После этого незнакомец внезапно исчез.

Видимо, господин У. испытывал некоторые дурные предчувствия относительно и встречи, и поездки в карете, и поэтому он нанял полицейского в качестве детектива, который должен был пойти в полночь в назначенное место и посмотреть, что будет дальше. Полицейский сходил в указанное место и на следующее утро доложил, что не видел ничего, кроме хорошо известной У. старомодной кареты из замка, запряженной парой черных лошадей, которая стояла на перекрестке, словно поджидая кого-то, а так как он не собирался вмешиваться, то он просто подождал, когда карета поедет. Когда у

смотрителя замка спросили насчет кареты, он поклялся, что она не выезжала за ворота в ту ночь, да она и не могла бы выехать, потому что нет лошадей, чтобы везти ее.

Но это не все, так как на следующий день я встретил друга, который чрезвычайно скептически относился к существованию привидений и всегда смеялся над подобными вещами. Однако теперь он был очень серьезен и сказал: «Прошлой ночью со мной случилось что-то очень странное. Приблизительно в час ночи я возвращался домой и, когда я проходил мимо деревенского кладбища, увидел карету с позолоченными узорами, которая стояла у входа. Мне стало интересно, потому что это происходило в такой неурочный час, и из любопытства стал ждать. Из кареты вышли две элегантно одетые дамы. Одна из них была очень молода и красива. Она бросила на меня дьявольски презрительный взгляд, когда они обе проходили мимо и вошли на территорию кладбища. Там их встретил хорошо одетый мужчина, который после приветствия заговорил с молодой женщиной, сказав: „Мисс Эльга! Вы так рано вернулись?“ На меня нахлынуло такое странное чувство, что я быстро повернулся и поспешил домой».

Этому не было никакого объяснения, но некоторые эксперименты, которые мы затем провели с портретом Эльги, дали нам некоторые любопытные факты.

Если я смотрел на портрет какое-то время, то у меня появлялось очень неприятное ощущение в области солнечного сплетения. Я начал чувствовать неприязнь к картине и предложил уничтожить ее. Мы провели спиритический сеанс в соседней комнате. Стол проявил сильное недовольство моим присутствием. Стуком нам было дано понять, что мне следует покинуть круг и что картину нельзя уничтожать. Я распорядился, чтобы в комнату принесли Библию, и прочел начало первой главы от святого Иоанна, после чего вышеупомянутый господин Е. (медиум) и еще один присутствовавший человек заявили, что видели, как на портрете исказилось лицо. Я повернул раму и проколол картину сзади перочинным ножом в разных местах, а господин Е. и другой человек ощущали эти проколы, хотя они перед этим вышли в коридор.

Я начертил на картине пентаграмму, и снова двое джентльменов в коридоре утверждали, что на портрете ужасно исказилось лицо.

Вскоре после этого нас отозвали, и мы уехали из этой страны. Больше я об Эльге ничего не слышал.

То, что вера в вампиров, имеющая под собой очень веские основания, по-прежнему существует в Венгрии, явствует из следующего рассказа, который был опубликован в «Дейли телеграф» 15 февраля 1912 г. «Телеграмма из Будапешта в „Вестник“ сообщает об ужасном случае проявления суеверий. Несколько дней назад в небольшой деревне умер четырнадцатилетний мальчик. Крестьянин, у которого работал этот мальчик, сказал, что призрак усопшего стал являться к нему каждую ночь. Чтобы положить конец этим

предполагаемым визитам, крестьянин в сопровождении друзей отправился однажды ночью на кладбище, затолкал в рот трупа три дольки чеснока и три камня и вогнал в тело кол, пригвоздив его к земле. Это было сделано для того, чтобы освободиться от злого духа, как утверждали верующий крестьянин и его друзья, когда их арестовали».

В своей книге «Историческое и политическое путешествие в Черногорию» полковник Л. С. Вьялла де Соммьер пишет следующее:

«Ни в какой другой стране вера в привидений, ведьм и злых духов так не сильна, как в Черногории. Призраки, наваждения, знамения бесконечно занимают мысли черногорцев, но ничто не может сравниться с ужасом, который внушают *brucolaques*, то есть мертвые тела тех, кто умер отлученными от церкви и которых предают земле без похоронного церемониала и молитв. Сама земля, укрывшая их, проклята навеки. Этим могилам остерегаются и избегают все, и, если мысль об этом месте мелькает у человека в голове, он считает, что его преследуют мстительные призраки. Короче, эти люди (то есть черногорцы), которые пренебрегают любыми опасностями, не думают ни о чем, кроме ведьм и злых духов (де Соммьер, конечно, преувеличивает, хотя отдает должное храбрости черногорцев, постоянно бившихся с турками. У черногорцев в прошлом практически не оставалось мужчин старше тридцати лет — все погибали в боях, — и это считалось нормальным. — *Ред.*). Они все время рассуждают об ужасе, который злые духи внушают им. Потребовался бы авторитетный специалист по демонологии с легким пером, чтобы записать их всевозможные длинные повествования о злых духах и бесчисленных приключениях подобного рода, которые они любят рассказывать».

Далее автор рассказывает о несколько курьезном приключении, которое пережил один его знакомый, доживший до 1813 г.

«Однажды некий Занетто, чудной малый, любивший выпить, оказался застигнутым сильным ливнем, когда был уже изрядно навеселе. Придя, спотыкаясь, домой, он упал на кровать одетым, в чем был, подогретый вином, но охлажденный проливным дождем. Внезапно у него начались сильные судороги. Около одиннадцати часов он впал в состояние комы, его охватил ледяной холод, и он даже не дышал. В конце концов он умер... В восемь часов на следующее утро его собрались хоронить. Чтобы перенести тело из его дома в церковь, похоронной процессии пришлось карабкаться по одной каменистой тропинке и спускаться по другой, которая была еще хуже. Местность на всем протяжении была усеяна булыжниками и большими камнями, что вынуждало тех, кто нес тело, время от времени делать внезапные и резкие движения. Это постоянное встряхивание вернуло Занетто к жизни. Он начал оживленно шевелиться, затем сел, посмотрел вокруг себя и закричал во всю мочь: „Что, черт побери, вы собираетесь делать, пьяные негодяи?“ При этих словах люди, которые несли гроб,

бросили свою ношу и припустились наутек. Те, которые шли следом, в суматохе разбежались по виноградникам, тянувшимся по обеим сторонам тропинки, издавая на бегу пронзительные крики. Те, которые шли впереди, оглянулись и, придя в ужас от увиденного, очертя голову побежали в соседний город, где страшно переполошили всех, потому что одни из них онемели от ужаса, другие рассказывали самые невероятные вещи, но и те и другие тряслись от страха. Только священники остались в похоронной процессии, и они недоумевали, что могло послужить причиной такого беспорядка, когда услышали слова очнувшегося Занетто: „Вы злодеи, я заставлю вас заплатить за это! Вы мне устроили ловушку дома и принесли меня сюда, и вы же понесете меня назад домой! И если вы не будете стараться, я отправлю многих из вас туда, куда вы собирались навсегда отправить меня. Да, и на этот раз я выпью все до дна, не оставлю вам выпивки ни на грош“. Но священники очень осторожно и без спешки доставили его домой. Там они сделали все возможное, чтобы успокоить и утихомирить мужчину, так как он бушевал, как буйнопомешанный. Я слышал, как он сам, будучи в веселом настроении, рассказывал эту историю».

2 сентября 1923 г. в «Обсервере» был опубликован рассказ о призраке, который появился в Белграде и не давал покоя жильцам дома 61 по Босанской улице, которая тянется от старых городских ворот у вокзала до хорошо известной оживленной Балканской улицы. Похоже было, что в дом швыряли кирпичи и камни до тех пор, пока в нем не оказались разбитыми все окна, и семья забаррикадировала отверстия досками, столами и стульями. Мебель в доме кто-то яростно двигал с места на место и часто сбрасывал сверху, так что она разбивалась в щепки. Процессия набожных людей прошла по всему дому, заходя во все комнаты, а также обошла дом снаружи, распевая псалмы и брызгая святой водой. Утверждали, что призрак, причинявший такие беды, был вампиром, хотя его действия больше были похожи на полтергейст. Конечно, вполне возможно, что вампир, который хотел досадить обитателям дома, мог прибегнуть к полтергейстским трюкам, которые, хоть и раздражают, могут оказаться, как показывают отчеты, весьма опасными.

Профессор Барретт во время дискуссии о феномене полтергейста сказал: «Движение предметов обычно не похоже на то, которое происходит под воздействием гравитационного или другого притяжения. Они скользят в разных направлениях, поднимаются в воздух, двигаются по необычной траектории, иногда неспешно, часто меняют направление и, как правило, тихо опускаются на землю, не причиняя вреда окружающим... Часто бывает так, что летают камни, но они не причиняют вреда». И все же во время волнующих событий в Ленаге, Маунтфилд, графство Тирон, в 1864–1865 гг. на обитателей дома обрушился такой град камней, что им пришлось покинуть его. А когда недоверчивый посетитель этого дома стал хвастаться своим неверием, он попал под такой град камней, что только успевал потирать спину. В одну девушку попал твердый ком земли, а потом ее столкнули в

кадку с водой. Более недавний случай полтергейста произошел в Баттерси на Эланд-роуд в Лондоне, действия которого вызвали сенсацию в январе 1928 г. Мисс Робинсон, которая проживала в том доме, рассказывала, как «куски угля, картофель, лук и другие снаряды летали по воздуху днем и ночью, разбивая окна и угрожая нашему благополучию... В комнате, где спал мой брат, безо всякой видимой причины вдруг упал платяной шкаф... Китайская ваза, стоявшая на прикроватном столике в комнате моей сестры, разлетелась на куски, упав на землю». Здоровье ее отца пошатнулось от такого напряжения, и он был вынужден переехать в другое место.

И хотя я не стал бы без дальнейшего расследования утверждать, что все эти явления и похожие единичные случаи, которые можно найти почти в каждом графстве, являются по своей природе обязательно демоническими, но все-таки кажется допустимым, что в большинстве случаев их вполне можно приписать сатанинскому источнику. И в то же время в этом может быть доля участия аномальных сил, каким-то образом направляемых таинственными и невидимыми сущностями, которые находят выход для проявления себя через невольного медиума, которым обычно бывает молодой человек или девушка. По своим деталям многие эти любопытные случаи сильно напоминают насильственные вторжения и даже физические нападения на святых, которые зафиксированы в Писании и были (как мы знаем) делом рук дьявола. В жизнеописании блаженной Кристины из Стоммельна говорится, что 21 декабря 1267 г., когда ее впервые навещил Петр из Дакии, монах-доминиканец с острова Готланд, который был в Кельне учеником блаженного Альберта Великого, неведомая сила несколько раз подряд бросила святую деву на землю, нанеся ей серьезные раны, причем не было видно, что ее кто-то касается. Злые духи изводили и мучили ее самыми отвратительными способами: очень часто они окатывали ее вонючими нечистотами и фекалиями, которые жгли, как огонь. Они швыряли в доме камни, так что ее отец был серьезно ранен в голову и чуть не получил перелом руки после одного удара. Одна еврейка, которая навещала Кристину и стала насмехаться над простаками и проказниками эльфами, как она выразилась, попала под такой град кирпичных обломков, что оказалась покрытой синяками с головы до ног, прежде чем успела убежать на улицу и стать недосягаемой для этих снарядов.

Блаженный Франко, монах-кармелит, долго подвергался мучениям и преследованиям со стороны чего-то, что могло показаться проявлениями полтергейста. Предметы, которые ему были нужны, внезапно выхватывались у него и оказывались спрятанными в отдаленном уголке монастыря. Когда он находился в кухне, сковородки, тарелки и миски часто исчезали из вида и находились только после долгих поисков. Но когда он громким голосом велел: «Именем Иисуса из Назарета, изыди, нечистый!» — раздался жуткий смех, после чего все вдруг стало спокойно, и на некоторое время такие явления прекратились.

Добродетельный иезуит из Сассари (остров Сардиния), отец Себастьян дель Кампо, часто попадал под град камней, брошенных невидимой рукой. Когда

камни попадали в него, они причиняли необычно сильную боль, но после таких ударов на теле не появлялись ни синяки, ни багровые отметины.

В своей комнате страдавшая от стигматов Мари де Мёрль, которая умерла в 1868 г., подвергалась похожим мучениям. Безумная сила часто выбрасывала ее из постели. В морозную зимнюю полночь с нее кто-то стаскивал одеяло, а в это время ужасный грохот пробуждал весь дом. Но епископ распорядился провести ритуал изгнания нечистой силы, после которого дьявольские происки такого рода прекратились.

Наверное, самым известным и строго документированным делом за последние годы было дело святого Иоанна Батиста Вьяннея, приходского священника из Арса. «Крюк», как прозвал священник своего демона-мучителя, «казалось, забивал в пол гвозди, расщеплял и строгал доски или пилил, как плотник, занятый работой внутри дома. Или он вдруг начинал барабанить по столу, трубе, кувшину с водой или по любой другой поверхности, которая издавала бы побольше шума». Зимой 1826 г., когда святой кюре оставался в пресвитерии церкви Тривьер-сюр-Муанан, несколько священников, тоже ночевавших там, с некоторым пренебрежением обсуждали преследования, которым подвергался Вьянней, и «договорились до того, что эта inferнальная мистика была не что иное, как фантазии, галлюцинации и заблуждение». Кто-то приписывал шумы полчищам крыс, потому что эти животные, без сомнения, сильно размножились в доме католического священника Арса, так как это было заброшенное и разваливающееся здание, дошедшее до нас со стародавних времен. Все легли спать и крепко заснули. Но в полночь их разбудил страшный шум. Дом священника был перевернут вверх дном, двери хлопали, стекла в окнах дребезжали, стены тряслись, а ужасные трещины на них предвещали, что они, того и гляди, рассыплются.

Среди авторов, которые занимаются изучением таких проявлений нечистой силы и у которых можно проконсультироваться, можно назвать следующих: Пьер де Луайе (Рассуждения и рассказы о призраках, видениях, появлениях духов, ангелов, демонов, являющихся людям: В 2 т. Изд. 1. Анже, 1586), Робер дю Трие (Уловки, хитрости и обман, к которым прибегают злые духи, Камбре, 1563) и третья книга — *De Terrificationibus Nocturnisque Tumultibus* из *De Spirituum apparitione* (Кельн, 1594), автор Питер Фиреус, бывший профессор богословия в Майнце.

В заключение этой главы я счел, что не будет дерзким привести с должными поправками перевод известного трактата *Dissertatio De Masticatione Mortuorum*, который был прочитан Филиппом Рором в Лейпцигском университете 16 августа 1679 г. и опубликован в этом же городе в том же году. Эта книга чрезвычайно редкая, и, хотя она не подвергалась такому полному обсуждению, как труды Цопфиуса и Рохлиуса, это один из самых первых и типичных трактатов на эту тему. В нем есть, разумеется, богословские ошибки, и их немало, но я полагаю, что мои примечания будут охранной грамотой в этом отношении.

Филипп Рор в свое время имел высокую репутацию за свою ученость и был также известен как исследователь оккультного. Его книга о кобальдах

(домовой в германской мифологии. — Пер.), которые появляются на рудниках, получила высокую оценку. Однако можно заметить, что на эту тему до него писал Георг Ландман, известный металлург, в книге *De Animantibus subterraneis*, которая вместе с другими его трудами была опубликована в 1657 г.

Те, кто писал об истории погребальных церемониалов и тайнах смерти, не забыли отметить, что время от времени находили тела, которые выглядели так, будто они проглотили саван, в который были завернуты, и при этом они издавали хрюкающие звуки, подобно хрякам, которые чавкают и роют своим рылом. В настоящее время различные авторы высказали уже очень разные мнения по этому вопросу, а некоторые ученые мужи приписывают это явление естественным причинам, которые нам неизвестны. Другие предположили, что существуют животные, которые удовлетворяют свою жажду человеческой плоти, поедая трупы, но что это могут быть за животные, они не говорят. Третьи выдвигали и другие мнения. Тогда это явление показалось нам подходящей темой, которую можно обсудить в открытой и официальной дискуссии с должным соблюдением всех правил и регламента, чтобы найти ему самое лучшее объяснение и, по крайней мере, в какой-то степени пролить на него свет. Соответственно, мы решили после должного изучения вопроса записать итоги наших изысканий на следующих страницах, полагаясь на снисхождение наших читателей, которые примут в расчет чрезвычайную неясность тех моментов, в отношении которых невозможно высказать определенное мнение, и нашу позицию в отношении авторитета тех известных медиков и писателей, мнения которых — а очень часто и сами слова — мы цитировали при разборе этих непростых вопросов. Тема явно распадается на две части: первую можно рассмотреть с исторических позиций, в то время как вторая требует тщательного изучения с чисто философской точки зрения.

Часть первая

I. Мертвецы, способность которых «сжевать» саван мы собираемся сейчас рассматривать, — это не те, которые, будучи воскрешены к жизни Божественной силой, снова вкусили пищу.

Согласно Писанию, многие умершие были возвращены к жизни. В Библии (как в Ветхом, так и в Новом Завете — 3 Цар., 17: 22; 4 Цар., 13: 21; Мф., 9: 18–26; Ин., 12: 1; Лк., 7: 11–17) приводятся несколько примеров этому. Также много примеров были взяты из церковной истории Байерлингиусом в его *Theatrum Verae Historiae Lit. R. Post medium*. Мартин Дельрио во второй книге его *Disquisitionum Nagicarum Libri Sex* приводит цитаты и разоблачает ложь многих рассказов о воскрешении из мертвых, приведенных в произведениях поэтов и писателей.

II. Сейчас под мертвецами мы не понимаем тех, которые казались умершими, а после похорон по какой-то счастливой случайности сумели выйти из своих могил, или тех, которые, еще не будучи преданными земле, очнулись и после этого вкусили пищу.

Сначала мы перечислим факты, которые были четко изложены Корнманном

в его произведении *De Miraculis Mortuorum*, где он пишет: «Душа часто остается связанной с телом человека, но каждое движение его членов строго ограничено, так что далеко не легко обнаружить и различить, живы или мертвы такие тела». Поэтому иногда случалось так, что люди, которые не знали о подобных вещах, считали мертвыми тех, кто таковыми не были; и они отвечали за погребение таких тел и предание их земле, где эти поистине несчастные бедняги, в которых жизнь, казалось, погасла, на самом деле и умерли бы, если бы не произошел какой-нибудь счастливый случай, который давал им сил бороться и спасти себя от такой серьезной опасности. Такие состояния, похожие на смерть, типа комы, врачи часто называют «бессловесной болезнью». В эту категорию Дельрио включает: 1) тех, кого хватил апоплексический удар, кто находится под пагубным влиянием планеты и парализован, и тех людей, которые лишились чувств и впали в оцепенение от сильного удивления или страха; 2) тех, у кого парализован мозг; 3) тех, кто страдает от некоторых форм истерии, а также женщин, которые испытывают ущемление матки и болезненные приступы; 4) тех, которые могут упасть в похожий на транс обморок — болезнь, которой был подвержен Джон Данс Скот (хоть он и был еще живым, как оказалось впоследствии, его похоронили, сочтя мертвым). Об этом обстоятельстве рассказывает Корнманн в четвертой части своего произведения, в которой он приводит изящное стихотворение, сочиненное Янусом Виталисом на смерть Скота.

В главе 59 того же произведения Корнманн приводит пример из «Анналов» Иоаннеса Зонараса — похожего случая, который произошел с императором Зеноном. Некоторые авторы повествуют о необычных происшествиях, в которых фортуна, безусловно, была добра к тем людям, которых сочли мертвыми и положили в могилу, и благодаря счастливому случаю нередко случалось так, что они приходили в себя и были спасены. Корнманн описывает такой случай, который, по его собственному выражению, был «поистине поучительным и чудесным, достойным того, чтобы о нем помнили». В церкви Святых Апостолов в Кельне он увидел написанную по обету картину, сюжет которой мы опишем как можно короче. В 1357 г. в городе под названием Ричемодис от чумы умерла некая богатая дама. Испытывая сильную любовь к своей жене, муж не мог вынести, чтобы у нее забрали обручальное кольцо, и оно было оставлено у нее на пальце. Драгоценный камень на нем представлял такую большую ценность, что могильщик особо отметил его и, придя со слугой к могиле той же ночью, вскрыл склеп. Его слуга спустился в него и начал стаскивать кольцо с руки. Как только он коснулся тела, женщина села в гробу. Двое воров, бросив фонарь, в ужасе бежали, а женщина, взяв фонарь, нашла дорогу к себе домой, где ее с великой радостью встретили скорбящие друзья и муж. Здесь перед нами исторический пример человека, который был похоронен как мертвый и оказался вызволенным из могилы благодаря другому человеку по невероятно счастливой случайности. От этого случая несильно отличаются примеры, которые приводит Плиний в своей «Естественной истории». Он рассказывает о некоем человеке по имени Авиола, занимавшем должность консула, который

действительно вернулся к жизни, находясь уже на погребальном костре. Точно такой же случай, по его описанию, произошел с Луцием Ламией. Этот рассказ к тому же приводит и Валериус Максимус. Относительно этих конкретных случаев Дельрио придерживается того мнения, что тепло пламени рассеивает холод и нагревает «телесные соки». Такие случаи, несомненно, должны научить людей не хоронить усопших в спешке или без соответствующего ухода.

В Древнем Риме в таких случаях было принято громко причитать и вообще издавать громкие звуки у смертного одра, чтобы убедиться в том, что душа уже не в теле. Соответственно, тех, которые на самом деле умерли и наверняка не могли вернуться к жизни, называли *conclamati*. (*Conclamare aliquem mortuum* — это религиозный термин, которым называют мертвых; означает «многократно звать по имени и стенать над усопшим семь или, как у некоторых авторов, восемь дней до самого погребения».) В своем трактате *De Animae Tranquillitate* Сенека пишет: «Как много похорон прошло в этой местности». К тому же составители глоссариев пишут, что *conclamata corpora* означает тех, кто умер и похоронен.

III. Когда мы рассматриваем способность мертвеца «сжевать» свой саван, мы не подразумеваем под мертвецом тех призраков или духов, которые выходят из могилы при помощи демонов и злых духов.

Безусловно, дьявол не может вернуть мертвеца к жизни. Этот догмат нам открыла Божественная сила. Из всех аргументов и доводов разумной философии следует, что такие вещи противны природе.

И в то же время мы не отрицаем, что часто случалось и вполне может случаться сейчас, что по Божественному позволению тела некоторых умерших людей выходят из своих могил благодаря дьяволу и эти трупы совершают различные действия или, скорее, кажется, что они их совершают. И, следовательно, они также могут вкушать пищу. Примеры этого можно найти у Корнманна в *De Miraculis Mortuorum*, у Йохана Георга Годельмана, труд которого был переведен Георгом Шварцем, ректором Марбургского университета, и у Дельрио в *Disquisitionum Magicarum*. Когда Дельрио приводит из истории язычества различные примеры мертвых людей, которые якобы поднялись из могилы, он добавляет: «По правде, много иллюзий и обмана может быть сотворено дьяволом в отношении этих таинственных происшествий. Иногда он крадет тела тех, кто умер, и заменяет их призраками, которые двигаются точно так же, как будто это живые люди. Ни для кого не секрет, что он входит в тела усопших и овладевает ими. Более того, иногда он делает так, что сами трупы кажутся живыми. Это происходит благодаря его силе (данной ему), когда он вдыхает в них энергию и овладевает ими. Подобно рулевому, ведущему корабль, он управляет ими и заставляет их в точности подражать действиям и жестам живых людей».

IV. В наши намерения не входит обсуждать тех, которые кажутся мертвыми, а после похорон в каком-нибудь склепе приходят в себя и начинают питаться по собственной воле.

Пример такого случая приводит Корнманн в *De Miraculis Mortuorum*.

Читатель сам должен судить, насколько это может быть правдой. Такие вещи также можно найти в «Церковных анналах» Барониуса. Эти авторы пишут, что Зенона, пораженного эпилептическим припадком, сочли мертвым и на самом деле похоронили, но позже он снова вернулся к жизни в своем склепе, когда, мучимый голодом, он стал глотать свои собственные руки и даже кожу своих котурнов.

V. В таком случае темой нашего обсуждения будут те, которые на самом деле умерли и были похоронены, но, побуждаемые необычной силой извне, они даже внутри своих могил вкушали пищу.

Есть старая известная поговорка, которую приводят многие писатели и записал Эразм в своей Adagia. Ее основная мысль такова: мертвые не кусают. Это истина, и тут не о чем спорить. Мертвец пассивен, и никакая внешняя сила не может его заставить совершать такое необычное для него действие, как принимать пищу. Ведь это действие, характерное для живых людей, это некий процесс, при котором пища, если она твердая, поглощается, смачиваясь во рту слюной и перетираясь за счет силы мускулов человеческого тела, после чего она попадает в желудок и там переваривается. Объектом этого действия является пища, которую можно определить как «смешанная субстанция, которая посредством естественного изменения превращается в субстанцию живого животного». Это удобное определение мы взяли из разных произведений Аристотеля. Отсюда следует, что мы используем слово «жевание (или поглощение пищи)» не в его строгом и специфическом смысле, а скорее в этимологическом. Ведь оно лишает объект его особого непосредственного качества, которым является поддержание сил, то есть питание, а включает лишь действия зубов, то есть пережевывание любой пищи, попавшей в рот. Для ясности лучше будет использовать это слово «пережевывание» в этом ограниченном смысле, который мы указали, так как любое пережевывание чего бы то ни было мертвецом должно быть просто аналогом того действия, которое выполняет живой человек точно так же, как можно, не опасаясь ошибиться или ввести в заблуждение других, называть портрет человека именем самого человека. А если кто-то пожелает считать два слова «жевать» и «есть» (и любые подобные слова) синонимами, то пусть так и поступает. Ведь в местных диалектах мы используем слова metzschen, schmetzen и netzschen, которые являются звукоподражанием, и этот шум (как говорят) производят те, кто ест, находясь в могиле. По этой причине Генрих Потен в своем труде Tractatus de peste Sagerhusana пишет о «schmetzende Todte». Эти слова также использует Конрад Шлюссельбург. Корнманн тоже в своей книге замечает: «Есть известные случаи, которые доказывают, что некоторые умершие люди в могилах поедали и даже глотали свой саван».

VI. Хроники и исторические памятники показывают, что люди слышали и даже видели, как мертвецы обоего пола глотают пищу или какой-нибудь предмет.

Известно, что трупы мужчин и женщин могут ворчать, невнятно что-то говорить и пищать, однако примеры показывают, что именно тела слабого пола издают такие любопытные звуки. Это обнаруживается опытным путем.

Причины этого будут приведены ниже. Оказывается, большинство авторов, которые затрагивали эти вопросы, не потрудились уточнить, был ли умерший мужчиной или женщиной, и поэтому обычно считалось, что это были мужчины. Те авторы и историки, которые либо случайно, либо намеренно пренебрегли этими деталями, безусловно, сильно виноваты, так как в непростом деле такое упущение может скрыть истину.

VII. Примеры случаев такого рода могут быть записаны в определенном хронологическом порядке и последовательности.

Чтобы не показалось, что мы обсуждаем нечто несуществующее, как это сделали некоторые люди, которые предложили некую тему для дискуссии, а затем совсем отошли от нее, правильным будет привести известные примеры того, как мертвецы поедали что-то в своих могилах. Из таких примеров правда этих повествований может вырисоваться более отчетливо. Достаточно будет упомянуть год и место, где произошли такие странные случаи, и привести их здесь, а затем сослаться на первых авторов, у которых мы взяли эти рассказы, обычно подтвержденные помощниками и свидетелями всех обстоятельств. В 1345 г. от Рождества Христова в Левине, городе в Богемии (Чехии), тело женщины в могиле съело свой саван (*Харсдорфер Г. Ф. Theatrum Tragicorum Exemplorum*. Рассказ взят из 115-й главы *Chronicon Bohemiae* Генезиуса). То же самое произошло во времена Мартина Лютера, когда очевидцы видели тело женщины, которая глодала свою собственную плоть (*Лютер. Colloquia*. Гл. 24). То же самое произошло в 1552 г. в деревне неподалеку от Фрайбурга (*Мюллер. Фрайбургская летопись*. С. 254), а также в 1553 г. в Любене, Силезия (*Шлюссельбург К. Grundlicher Erklärung des XCI Pf. Cons. XII. Ч. 3*), в 1565 г. в Зангерхаузене и в 1579 г. в окрестностях Вайсмариена (оба примера взяты у Шлюссельбурга). Адам Ротер в своем трактате о чуме пишет, что, когда это бедствие бушевало в Марбурге, и в самом городе, и в его окрестностях люди слышали, как многие трупы издавали странные звуки. Это случилось в 1581 г. Когда чума опустошала Шиссельбайн, люди замечали, что на некоторых кладбищах происходило то же самое. Об этом рассказывает Игнатий Ганиел в своем *Tractatus de peste in Schisselbein*. В 1603 г. в деревушке Найнштадте, расположенной неподалеку от Гамбурга, люди слышали, что тело в могиле издает хриплый звук, похожий на тяжелое хрюканье свиньи. Полный рассказ об этом можно найти в работе Шлюссельбурга. Харсдорфер, которого мы уже цитировали, упоминает схожий случай, когда тело человека не только пожрало и проглотило свой собственный саван, но и наполовину поглотило труп женщины, лежавший в соседней могиле. Но автор не приводит год происшествия. Это случилось в городе Эгваншитце, в Моравии. Только семь лет назад, в 1672 г., произошел точно такой же случай в деревне, расположенной в трех милях от этого самого города. Его свидетелем был мой близкий друг, слова которого достойны всякого доверия. Тело человека, имя которого хоть и знакомо мне, но я предпочитаю его не упоминать, было опрометчиво эксгумировано деревенскими жителями, которые обнаружили, что оно съело свои собственные члены. Могу добавить, что ссылки на большое количество книг и

более интенсивное изучение истории могут дать гораздо больше примеров таких случаев. Но в конце концов, было уже достаточно сказано, чтобы доказать правдивость нашего тезиса, а именно: что известны случаи, когда мертвецы совершают акт жевания.

Часть вторая

Некоторые философские рассуждения.

I. Пока мы обсуждали те моменты, которые относятся к историческому обзору нашей темы. Теперь мы рассмотрим причины и мотивы, которые мы разделим на ложные и истинные.

II. Способность мертвецов жевать ошибочно приписывается какой-то скрытой способности.

Есть авторы, которые, веря каким-нибудь пустым суевериям или еще чему-нибудь, пытаются обнаружить причину этой способности в самом трупe, а так как они не способны объяснить это, то им нравится называть это «скрытой причиной». Об их числе следует спрашивать у Корнманна, потому что он пишет: «Несомненно, существует скрытая причина способности мертвецов жевать» (ч. 4, с. 64). А теперь мы вкратце рассмотрим физическую сторону этих «скрытых причин», и скоро станет видно, может ли такая причина дать такой эффект. Безусловно, существуют скрытые свойства, которые являются непознанными и неизвестными силами природы, благодаря действию которых естественные вещи являются субъективными или объективными, и причина их действий не может быть ясно продемонстрирована. Все авторы условились, что источник таких сил должен быть внешним или внутренним. Те, которые считают, что существуют внешние силы, полагают, что это планеты и небо, под влиянием которых естественные вещи побуждаемы совершать некоторые действия, и все же точная причина этих действий остается необъяснимой. И наоборот, другие авторы — на мой взгляд, совершенно правильно — безоговорочно отвергают эту теорию внешних воздействий и, скорее, концентрируют внимание на теле, или душе, или объекте, который состоит из того и другого, и ищут в нем причину природного действия. Было бы дерзко с нашей стороны, если бы мы здесь стали подробно обсуждать различные высказанные точки зрения, и все же мы полагаем, что будет, безусловно, полезным провести некоторое различие. Достаточно будет сказать, что эти скрытые воздействия во всех случаях берут начало в телах, или душе, или субстанции, обладающей и тем и другим и пользующейся ими как средством второстепенным, а по своей сути первичной и действенной. И это различие можно отчетливо показать. Тогда мысль, которую мы высказали, будет полезна для опровержения точек зрения тех, которые полагают, что процесс жевания мертвых тел можно приписать какой-то скрытой причине. Ведь наверняка никто не скажет, что это случилось благодаря влиянию небес и планет, которые являются универсальными причинами и которые — даже если они и на самом деле произвели такое действие — производили бы его, во-первых, гораздо чаще, во-вторых, это касалось бы всех мертвецов или, по крайней мере, примеров этого было бы гораздо больше, и, в-третьих, это происходило бы как в периоды эпидемий, так и во время их отсутствия.

Непонятно, почему лишь во время чумы звезды оказывают это влияние на мертвых, а в другое время этого не бывает. Одним словом, глупо приписывать универсальные причины отдельным явлениям. К тому же ни один человек в здравом уме не стал бы приписывать эту способность мертвецов «жевать» воздействию души, так как когда душа уже покинула тело, она задерживается в назначенном месте. Опять же мы представляем себе, что все должны согласиться с тем, что, когда душа отлетела, просто физическая оболочка сама по себе ничего делать не может. И таким образом, ни одно из этих свойств и условий не имеет никакого влияния, так как если главная первопричина отсутствует (а она отсутствует у трупа), то они бессильны. А если нет причины, то не будет и следствия.

III. *Утверждать, что они были поглощены Азазелем (так называли Сатану древнехристианские сектанты и арабы. — Пер.) — пустая и глупая выдумка, легенда, происхождение которой довольно безрассудно приписывают еврейским раввинам.*

Мы уже показали, что предполагать, будто способность мертвецов «жевать» может быть субъективна, совершенно ошибочно. И теперь мы сталкиваемся с другой точкой зрения, явно ложной, хотя она и относится к объективной причине, а именно Азазелю. Существуют два утверждения: первое — эти трупы пожрал Азазель; второе — таково мнение раввинов. Среди тех, которые поддерживают первую точку зрения, хотя и не подчеркивают ее и не доводят до логического заключения, находятся Корнманн (*De Miraculis Mortuorum*. Ч. 7. С. 64), Паулюс Шалихиус (*De Demonio Infernali*. С. 48) и Писториус со своей «Демономанией», в которой он пишет о том, как Азазель пожирает трупы. По-видимому, эти авторы считают Азазеля змеем, а некоторые говорят, что еврейские раввины настаивают именно на таком его облике, так что мертвые тела становятся пищей змея. К этому на самом деле нельзя относиться всерьез. И все-таки они утверждают, что евреи доказывают это текстом Быт. (3: 14): «И Господь Бог сказал змею: Оттого что ты сделал это, ты будешь проклят среди всех тварей на земле; и будешь ты ползать на брюхе, и будешь есть землю на протяжении всей своей жизни». А еще Исаия (65: 25) говорит: «И прах будет пищей змея». Едва можно удержаться от смеха при таком толковании. Оба отрывка относятся к рептилии, змее, которая является животным. Ее называли не Азазель, а (словом на иврите), которое изначально обозначает понятие «змей» или «змея», когда об этом животном говорится в Библии. Более того, любому, кто знает контекст обоих отрывков Священного Писания, очевидно, что в них имеется в виду земля и пыль, прах, который находится на ней, а совсем не труп. Подобный пример трактовки Священного Писания характерен для тех еврейских раввинов, которые, просеивая и изменяя его, нередко позволяют себе такие акробатические повороты и искажения. И в то же время хорошо, что наши комментаторы абсолютно уверены в том, что эта точка зрения всегда поддерживалась сторонниками раввинов. Мы же сомневаемся в этом по нескольким причинам. Первая состоит в том, что раввины трактуют Азазеля не как змея, а как духа, злого духа, то есть демона. Йохан Баксторф сообщает:

«Азазелем звали ангела, который вместе со своим товарищем по имени Самхасай упал с небес на землю» (Lexicon Talmudicum. 1593). Клаудиус Фришмутиус четко пишет, что «именами четырех главных демонов у евреев были Саммаель, Азазель, Азаель и Михаель». Он же собрал огромное количество похожих данных из произведений раввинов и подробно пишет об Азазеле в своем трактате *De Hirco Emissario*, где он цитирует другого автора, с которым тоже можно не без пользы проконсультироваться по этому вопросу, — это Йохан Бенедикт Карпцов. В своем произведении *Disputatio de Gigantibus* он собрал вместе множество этих иудейских легенд об Азазеле, взятых из трудов раввинов, но нигде не говорится о том, что этот дух превратился в змея или являлся в таком облике. Те, кто хочет узнать об этом больше, могут заглянуть в «Священную философию» Мейера (ч. 2, с. 231–237) и *Coelum Oriens* Банга. К тому же — и это еще одна причина, чтобы испытывать сильное недоверие к любой такой интерпретации, — иудейские толкователи, разбирая тексты, взятые из Бытия или Исаии, не упоминают слово «Азазель», а придерживаются также термина на иврите (обозначающего змею). Они, безусловно, ничего не знают об этих трупах, которые пожрал Азазель в облике змея, так как слово, которое они используют, означает просто «земля» или «почва». Если дело обстоит именно так, то может возникнуть вопрос: откуда тогда некоторые ученые взяли эту необычную легенду, которую они приписывают раввинам? Она пришла к нам из различных преданий, записанных еврейскими талмудистами, об ангеле смерти, которые были несколько преувеличены в просторечии и вере. Полагаясь на авторитет Илии Грамматикуса с его *Lexicon*, Йохан Баксторф в своем произведении *Synagoga Iudaica* пишет: «Раввины верят в то, что после смерти одного из представителей иудейского народа и его похорон является ангел смерти и занимает место у могилы; в то же мгновение душа человека возвращается в его тело, и тело снова оживает; при этом ангел смерти, держа в руке железную цепь, одна часть которой холодна, как лед, а другая раскалена докрасна, бьет это тело или труп своей цепью. При первом ударе все тело разрывается на куски и распадается, после второго — все кости рассыпаются, а после третьего и последнего удара цепью все тело превращается в прах и пепел». Таким евреи представляют себе ангела смерти, но он, безусловно, не был ангелом, который пожирал трупы. С другой стороны, древние язычники действительно полагали, что такое существо было, и о нем действительно упоминает Павсаний в своей Десятой книге, когда пишет о финикийцах: «Среди богов преисподней у них есть некий Эврином, празднества в честь которого устраиваются в Дельфах. Говорят, что этот злой дух пожирает плоть трупов, и на их месте не остается ничего, кроме голых белых костей». Чуть позже этот злой дух описывается так: «Цвет лица у него между черным и очень смуглым, похожим на цвет жирной трупной мухи, которая откладывает яйца в свежем мясе; он показывает белые блестящие зубы; его кожа морщинистая, как у грифа». Действительно, у евреев была какая-то история о мыши, которая стала грызть и кусать погребенное тело так жестоко, что мертвец громко и пронзительно кричал от боли. Пусть тот, кто

хочет, верит таким сказкам. Несколько авторов упомянули эту легенду (см.: *Гейер. Tractatus de luctu Hebraeorum. С. 17*). Не будет совсем уж дерзостью заметить, что у мусульман есть столько же безосновательных историй о змеях, сколько и у евреев, и есть легенда о драконе с девяносто девятью шеями, на каждой из которых по семь голов, а когда неверующий человек оказывается похороненным, каждая голова кусает его в качестве наказания за его грехи. Эдвард Покок в своем «Альманахе» и Гармер в *De Miraculis Mortuorum* (III, 3) уверяют нас, что турки действительно верят в эти глупости. Несомненно, именно эта глупая байка послужила основой для абсурдной выдумки, пересказанной некоторыми писателями, будто змея может родиться из позвоночника умершего человека. Если интересно, загляните в книгу Корнманна (VI, 30). Эту тему не имеет смысла развивать дальше. На самом деле все эти сказки и им подобные рассказы — пустейшие детские верования. Как сказал выдающийся богослов Джон Конрад Дангуерус, «это просто усыпляющая чушь и глупейшие выдумки, которые можно оставить жителям тех городов, у которых вместо света тьма, вместо правды ложь и которые окружают себя невежеством, как стеной». Что касается Эвринома, Павсаний даже вычеркнул его из списка богов преисподней. «Это божество не упоминается в „Одиссее“; это имя не встречается в *Minyas*; и я не нахожу его в той поэме, которая носит название *Reditus*, а это те произведения, которые сообщают нам больше подробностей, чем любая другая сага, о преисподней, их темных тайнах и богах. А имя Эвринома как властелина ада не встречается ни в одном из них».

IV. *Неразумно приписывать способность «жевать» птицам (strigibus), которые сосут кровь, или гиенам, так как эти животные совершенно неизвестны в нашей стране.*

Этот факт настолько очевиден, что едва нуждается в подробной аргументации или исследовании. Что касается *striges* (ночная птица. — *ит.*), если действительно есть какие-нибудь птицы, которых так можно описать, то говорят, что они очень осторожно сосут кровь живых людей, особенно детей. Но какое это имеет отношение к мертвым телам? И как это объясняет необычные звуки, похожие на чавканье при жевании, которые издают трупы? Что касается гиены, то это животное совершенно неизвестно в наших краях, и мы будем не правы, если скажем, что оно в принципе могло прийти к нам и начать бродить по кладбищам. Даже если предположить, что несколько таких животных и рыскают среди могил, никем не замеченные, то даже в этом расплывчатом и невозможном случае как мы можем приписывать им это «жевание»? Действительно, в наших краях они могут питаться телами, находящимися в целости и сохранности, которые они вырыли из могил, подобно медведям России, поедающим трупы, повадки которых были подробно описаны разными путешественниками (вроде Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), его книга «Записки о московитских делах» (1549) — образец тенденциозности и искажения русской жизни. — *Ред.*). Мы можем даже процитировать Джона Хрисостома, который в своей «Тринадцатой проповеди о святом Марке» пишет: «Гиену нельзя увидеть в дневное время, а

всегда лишь ночью; ее не увидеть при свете, лишь в темноте. У нее такая свирепая натура, что она будет выкапывать из могил тела мертвых и пожирать их. И если случится так, что кто-то умер и был небрежно и неглубоко похоронен, гиена ночью выроет из могилы тело, утащит его и сожрет. Везде на кладбищах, где хоронят людей, находятся берлоги гиен».

V. Теперь, когда мы изучили все эти причины «поедания», присущего мертвым телам, и доказали, что они ошибочны, мы должны сделать вывод, что причина этого явления — дьявол.

Мы на самом деле обязаны приписать это действие злему духу, потому что логически мы должны сделать это, так как не можем уйти от постулата, принятого всеми богословами и учеными: если мы считаем какое-нибудь действие или обстоятельство выходящим за рамки естественных возможностей человека, и нет никакой разумной или подходящей причины, почему это следует прямо приписать Всемогущему Господу или добрым ангелам, то тогда это, безусловно, работа демона. В отношении этого «жевания», которое является темой нашего исследования, можно сказать следующее. Первое: уже было показано, что оно не может исходить со стороны тела, так как труп лишен такой способности и не может производить такое действие. Второе: было бы глупо приписывать это какому бы то ни было животному. Третье: чистота и доброта святых ангелов полностью запрещает нам даже пытаться предположить, что они способны предаваться этим отвратительным ужасам. Какое отношение могут эти ангелоподобные духи иметь к склепам, в которых гниют трупы? Они обитают на небесах и не бывают в склепах и мавзолеях с гробами. Правда, они охраняют кости праведников, но они не пользуются ими, чтобы творить странные дела. Поэтому не кто иной, как злой дух является причиной этого ужасного, чудовищного «жевания» мертвых тел. Подобно какой-нибудь летучей мыши или непотребной ночной птице, он любит могилы и склепы, как об этом говорится в Священном Писании (Мк., 5: 2–5; Мф., 8: 28).

Пселл в своем труде *De Natura Daemonum* при описании шести видов демонов сообщает, что в пятый их ранг или категорию входят те, которые живут под землей, в самых недрах земли: «Эти обитают в пещерах и ямах, в самых далеких оврагах среди самых безлюдных гор». Каспар Шотт придерживается этого же мнения в своем произведении *Physica Curiosa*. Святой Иоанн Хрисостом в своих «Проповедях о святом Матфее» говорит, что существовало не просто широко распространенное поверье в народе, но и ученые мужи были убеждены в том, что злые духи и демоны обитают на кладбищах, таясь у могил и беспрестанно бродя туда-сюда, и не находят покоя. Знаменитый иезуит, толкователь библейских текстов Санчес из Алкалы рассказывает нам то же самое в своих комментариях к пророку Иеремии.

VI. Здесь, если продолжать наше исследование при отсутствии какой бы то ни было двусмысленности, необходимо, чтобы мы различали и разделяли действительную причину «жевания» на две части, а именно: главную и второстепенную.

VII. Главной причиной является сам дьявол, который действительно

осуществляет это «поедание» мертвых.

Не может быть никаких сомнений в его желании произвести такой эффект, потому что он поистине самый коварный враг, который вечно ищет любую возможность причинить вред бедным несчастным смертным. После смерти ненависть больше не бушует в сердце человека, зато всегда бушует в характере демона, единственное удовольствие или радость которого состоит в том, чтобы причинять вред и уничтожать человеческий род в любое время и любым способом, каким ему это удастся. Он выдал свою закоренелую злобу в соперничестве с архангелом Михаилом у тела Моисея, святого иудея. Многие другие ложные чудеса, которые он творит, показывают, что он вполне способен на такое необычное «поедание». Мы не допускаем мысли, что у него есть такая власть над душой, когда смерть разлучает ее с телом, что приписывает ему Дельрио — слишком неосмотрительно, на наш взгляд. Но то, что у него есть немалая власть над человеческим телом — насколько это позволяет Господь Бог, — мы не осмелимся отрицать. «Если Бог захочет, дьявол способен мучить нас при жизни, терзать нас ужасными снами и нарушать наш покой, калечить и деформировать наши тела, более того, насылать на нас недомогание и болезни». Таково мнение святого Киприана из Карфагена, которое он выразил в своем научном труде *Quod Idola dii non sint*. Эти слова цитирует Биндерус в своем трактате *De Causa Pestis* («О причине моров»). Если точно приводить фразу Дельрио, то дьявол способен «совершать самые чудесные вещи с мертвыми телами и вызывать такие необычные происшествия, что может показаться, будто трупы снова живы и обладают разумом и душой. Например, он может заставить кровь течь из ран мертвого человека в присутствии его убийцы. Он также может сделать так, что мертвые тела остаются целыми и невредимыми и не подвергаются разложению. Тем не менее это может случиться, разумеется, и благодаря искусству бальзамировщика или природным особенностям того места, где похоронен усопший, а иногда даже благодаря тому, какой смертью он умер. Такая неподверженность тела тлению часто достигается благодаря загадочной силе дьявола, чтобы служить для его целей, пока, во всяком случае, останки не подвергнут кремации». Совершенно невозможно дать отчет обо всех необычных происшествиях с мертвыми телами, которые может вызвать сила дьявола. Также не может быть никаких сомнений в том, что он может заставить их «поедать» себя, что сопровождается ужасным чавкающим шумом.

VIII. Весьма вероятно, что в этом ужасном деле злему духу помогают ведьмы, и мы не должны сомневаться в том, что они часто являются второстепенной причиной, а их владыка — главной и определяющей.

Дьявол на самом деле играет главную роль в этом, но можно не сомневаться, что он часто пользуется помощью ведьм. И мы будем в этом еще больше уверены, когда примем во внимание другие чудеса, которые эти негодницы могут совершать благодаря силе этого старого змея. Дельрио пишет, что «ведьмы способны совершать много необычных вещей с помощью дьявола, и это происходит с позволения Божьего» (*Disquisitiones Magicae*. Ч. 2.

Гл. 7). Тот же автор в последующих главах своей книги собрал большое количество фактов такого рода и приводит цитаты как из старых и признанных авторов, так и известных авторов более недавних времен. В частности, он приводит из Суйдаса пример Юлиана Халдейского, который обладал необыкновенными способностями, позволившими ему положить конец эпидемии и мору. Но, как пишет Конрад Шлюссельберг, на которого мы ссылались ранее, широко распространена вера в то, что чума может быть наслана на людей посредством такого поедания. А раз так, то ведьмы, безусловно, займутся тем, чтобы вызвать такое поедание.

Овидий в своей *Heroides*, послании Гипсипила к Ясону, пишет о том же.

Если они тайно утаскивали кости с погребальных костров, они не пощадят и плоть мертвых в могилах. Особенно потому, как сообщает нам Годельман, что они используют мертвецов в приготовлении своих самых смертельных ядов (*De Magis, Ueneficis et lamiis tractatus*. Ч. 1. Гл. 8) (75). Паулюс Грилланд, которого цитирует Дельрио, пишет: «Несомненно, ведьмы святотатственно эксгумируют мертвых». Лука в своей «Фарсалии» (VI) описал такую ведьму.

Дельрио, который является одним из самых знающих писателей по этим вопросам, собрал у различных авторов большое количество материала, который можно найти в его *Disquisitiones Magicae* (III. Ч. 1. Вопр. 3). Также можно обратиться к *Tractatus de Impietate Sagarum* Теодора Туммиуса. Так как столь многие выдающиеся авторы уверяют нас, что колдуны и ведьмы используют в своих заклинаниях части мертвых тел, мы вынуждены предположить, что они часто осуществляют это мерзкое «поедание» по своим собственным причинам. Следует помнить о том, что мы можем процитировать лишь немногих известных авторов, выбирая их из огромной библиотеки.

IX. Инструментальной причиной этого «поедания» логически должны быть эти человеческие трупы.

Ясно, что дьявол не способен совершать какие-то телесные действия, потому что у него самого нет тела. Поэтому, если он хочет совершить какое-то действие, он эксплуатирует нашу человеческую природу, заряжая активностью какое-нибудь послушное тело, или же добивается этого ложным оживлением тел мертвых людей, заставляя их двигаться, будто они двигаются сами согласно естественному порядку вещей, будто тело одухотворено душой. В своем трактате *De Causa Pestis* Биндерус повествует о том, что дьявол способен использовать естественные объекты и естественные причины, чтобы вызывать нужное ему действие. Соответственно, он не может вызвать поедание трупом самого себя, если не воспользуется каким-нибудь другим подходящим телом, для которого это действие является естественным, в качестве своего орудия или посредника. Поэтому из-за того, что это действие естественно для живого организма, самый злостный враг рода человеческого входит в те мертвые тела и, используя их, исполняет желаемое, хотя, будучи мертвыми, они сами должны оставаться пассивными и недвижимыми до тех пор, пока их не приведет в движение и не зарядит энергией какая-нибудь высшая сила. И все-таки, по-видимому, некоторые авторы сомневаются, можно ли сказать, что дьявол вызывает акт поедания, используя труп.

Например, Конрад Шлюссельбург пишет: «Несомненно, что это поедание не исходит от тел мертвецов в могиле». На это я отвечаю, что формально, возможно, так оно и есть, то есть если акт поедания трупа считать отдельным и определенным действием, но тем не менее он осуществляется дьяволом, как утверждает Гарман в своей известной работе, в которой он заявляет, что дьявол в могиле может производить необычные звуки. Он может стучать, лакать, как испытывающее жажду животное, чавкать, хрюкать и стонать. И все же дьявол не может совершать эти действия, если не использует тело в качестве орудия. Точно так же легенда гласит, что папа Сильвестр II, который по причине своей большой учености имел репутацию адепта оккультизма, в раке или ковчеге хранил некоторые кости, и оттуда иногда были слышны бормотание и какой-то шум. Эта история рассказана Шлюссельбургом, который утверждает, что слышал ее от кардинала Лодовико Симонетты. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что ведьмы могут осуществлять свою власть над мертвыми и оживлять их так, что они кажутся живыми и по походке, и по жестам. Примеры этому можно найти у многих авторов, которые писали на эти темы. Это подтверждают свидетельства определенных авторов, которые пишут, что трупы пожрали свою гниющую плоть и своими зубами разорвали в клочья свои саваны и погребальные одежды. По этой причине вполне уверенно можно говорить о том, что мертвые тела все же совершают акт поедания, хотя делают это не по своей воле, а по воле какой-то внешней силы, то есть являются просто орудиями, которые производят это действие. Но если кто-то возражает против того, что я наделяю дьявола слишком большой силой, сказав, что он воздействует на эти тела, которые, подобно всем другим вещам, находятся во власти Всемогущего Господа, то ему я отвечу так. Во-первых, сила дьявола строго ограничена Божественным провидением и находится в определенных пределах; ему позволено лишь осуществлять ее для справедливого испытания добродетельных людей. Во-вторых, сказав, что он обладает ограниченной властью над мертвыми телами, мы не наделяем дьявола большей силой, чем Священное Писание, так как написано, что он способен мучить живых людей, овладевая ими, и иногда даже на самых святых из них насылать ужасные болезни. В комментариях к Посланию святого Павла к галатам сказано, что если на то будет воля Небес, то все мы в своих телесных оболочках, как временно живущие на земле, окажемся во власти дьявола и будем уничтожены.

Х. Цель или сущность этого поедания можно считать двойственного рода.

Мертвецы грызут и глотают саваны и льняные салфетки, которыми подвязаны их челюсти, как это было отмечено в случае, происшедшем в 1345 г., согласно записям Харсдорффера. Другие трупы поедают свою собственную плоть и жадно поглощают свои собственные внутренности, как это было обнаружено во времена Мартина Лютера, когда была осмотрена могила с останками, о которых писал Шлюссельбург. У Корнманна тоже есть пример такого рода: умершая женщина грызла свою собственную плоть. Его он берет у Хондорффа, который упоминает этот пример в своей книге *Theatrum Historiae* («Театр истории»).

XI. Поедание является обычным и естественным процессом, а именно: взятием чего-то съедобного в рот, жеванием этой съедобной субстанции зубами и глотанием всего перемолотого во рту со звуком, напоминающим шум, который издают хрюкающие над едой свиньи.

Об этом шуме мы поговорим позже. Здесь мы должны рассмотреть три формальных действия, так как глотание пищи и попадание ее в пищевод может, если мы не будем аккуратны с терминами, быть для наших целей рассмотрено в конце процесса поедания. А так как самое полное и лучшее объяснение состоит в том, чтобы приводить примеры, а мы уже упомянули много таких случаев в ходе нашего исследования, едва ли есть необходимость снова рассматривать этот вопрос.

XII. Но все же есть некие подробности этого поедания, которые необходимо рассмотреть, особенно эти две: необычный шум, который сопровождает поедание, и время, в которое происходит этот процесс.

Прежде чем мы подведем итог нашим завершающим доводам, будет неплохо обратить внимание на эти два обстоятельства, причины которых получают объяснение по ходу нашего рассуждения.

XIII. Чавкающий звук, похожий на хрюканье свиней, который издают эти мертвые тела, исходит от дьявола, являющегося единственной причиной этого поедания.

Трупы не только едят, но и издают необычный хрюкающий шум. Так как не вызывает сомнения тот факт, что это поедание вызвано дьяволом, тогда, безусловно, он и производит эти звуки. Задавали вопрос, исходит ли этот шум из самой могилы, производимый неразложившимися органами трупа, или же он вызван дьяволом, находящимся вне могилы в окружающей атмосфере, и таким образом может быть слышимым людям. Несомненно, дьявол может издавать этот шум из трупа, и он достигает этого точно таким же способом, каким говорит посредством многих тел. У нас имеются ошеломляющие данные, дошедшие до нас с древних времен, о том, что дьявол издает звуки посредством многих объектов и инструментов, вроде оракулов, пещер, дубов и даже статуй. Да, он говорил даже из черепов и разлагающихся губ умерших людей, как нам об этом сообщает Дельрио в *Disquisitiones Magicae*. Ему гораздо проще подавать голос из тела, которое было захоронено недавно. И даже вес земли, которая заполняет могилу и насыпается сверху на гроб, никоим образом не мешает звуку исходить из захоронения подобно тому, как иногда природные звуки слышны в пещерах и пустотах под землей. Эти шумы очень отчетливо слышат люди, которые живут на ее поверхности (не говоря уже о том ужасном гуле и реве, который производит вулканический огонь в самих недрах земли), так что нет сомнений в том, что дьявол может издавать необычный шум в могилах, которые, в конце концов, не так уж глубоки, и этот шум слышат люди. И все-таки, по нашему мнению, которое мы готовы представить на суд более авторитетных судей, было бы разумно предположить, что дьявол часто обманывает чувства человека, издавая какой-нибудь необычный звук в воздухе у могилы так, что человеческому уху кажется, что он идет из земли. То, что дьявол любит обманывать и смущать

наши чувства, ясно сказано у Гисберта Воета в его *Disputationes Selectae* (ч. 1). Вот его слова: «Дьявол может обмануть пять чувств человека и его органы чувств многими способами. Например, злой дух может обмануть слух мнимыми шумами и т. д.». В своем *Tractatus Theologicus de Sagarum impietate* Теодор Туммиус выражает точно такое же мнение. «Дьявол, — пишет этот ученый богослов, — часто убеждает человека, что тот слышит или может чувствовать что-то, когда звук или предмет на самом деле представляет собой ничто, кроме чар, которые хитроумно рассеяны злым духом». Было бы нетрудно подробно рассмотреть все уловки и обман старого змея из преисподней, которым является дьявол или Сатана, но мы должны уже оставить эту тему пусть даже и на самой ее середине.

XIV. Трупы в своих могилах производят этот ужасный хрюкающий звук при жевании, главным образом во время сильного мора. В другие времена, когда никакой эпидемии нет, это отвратительное поедание наблюдается редко.

Это полностью доказывают примеры, которые мы уже приводили. Все они, за исключением первого и последнего, о которых нам поведали наши авторитетные источники, произошли во время эпидемии какой-нибудь страшной болезни. Конрад Шлюссельбург писал об этом. По этому вопросу можно справиться у Данта в *Decisio Casuum Conscientiae* (23, вопр. 19), в том тексте, где он цитирует *Mortuorum Quaestio Illustrium* Прукнера. Оба этих автора пишут, что трупы поедают сами себя лишь во время чумы. Тем не менее мы не должны отрицать, что это поедание также имеет место в других случаях, когда на земле не бушует мор, хотя примеры этого редки. И все-таки случаи, которые мы привели в качестве первого и последнего примеров, доказывают, что трупы поедают себя в могилах и во времена, когда нет эпидемий, и это полностью доказывают истории Харсдоффера, которые содержатся в его *Theatrum Exemplorum Tragicorum*.

XV. Причин, по которым Сатана побуждает трупы к поеданию самих себя в могилах, две: богословская и физическая.

Мы не должны предполагать, что наш inferнальный враг не понимает, что посредством этого «самоедства» он может причинить вред людям, потому что у него всегда есть причины на то, что он делает. Мы поделили их на две категории — богословские и физические, и маститые авторы рассматривали эту тему. Шлюссельбург в своих толкованиях псалма 90 *Qui habitat in adiutorio Altissimi* приводит шесть причин, одни из которых воздействуют на мертвых, а другие на живых людей. Посредством этого «самоедства» дьявол стремится создать дурное мнение об умерших, чтобы люди начали верить в то, что те вели низкую, дурную жизнь. Этот выдающийся богослов подчеркивает, что именно по этой причине мы обнаруживаем, что дьявол очень часто использует трупы женщин для того, чтобы осуществлять свое мерзкое поедание. Он находится в вечном состоянии войны со слабым полом, потому что от Женщины родился Мужчина, который сильнее его, и поэтому дьявол не оставит камня на камне, лишь бы испортить добрую репутацию женщины любым способом и средствами, которые могут причинить ей вред. Остальные причины касаются живых. Дьявол вызывает самоедство трупов отчасти

потому, что может разбудить сомнения в сердцах людей, которые начнут вопрошать у Божественного провидения, которое наблюдает за живыми и заботам которого вверяются мертвые. (Этот вопрос выносится на обсуждение и дискутируется с величайшим мастерством Шлюссельбургом.) Он совершает эти действия отчасти потому, что может убедить людей полностью забыть и игнорировать грехи своей прошлой жизни и свернуть их на стезю ложной и глупой уверенности в своей безопасности. Ведь этот зверь, этот ненасытный пожиратель душ может убедить их в том, что эти трупы отбывают наказание за свои дурные поступки, и, размышляя о проступках других, они забудут, что нужно раскаяться в своих собственных грехах, которые каждый день вызывают гнев Божий. Опять-таки он творит свои чудеса отчасти для того, чтобы дать живым возможность предаваться жестоким и злобным мыслям о мертвых; отчасти также для того, чтобы всколыхнуть раздоры и ссоры среди живых, и этого он ловко и умело достигает, когда некоторые люди заявляют, что, если слышны какие-то необычные звуки «самоедства», трупы следует эксгумировать, тогда как родственники и друзья умершего тяжело воспринимают такое предложение и сильно противятся любому плану такого рода. Отсюда возникают бесчисленные ссоры, слышны проклятия, богохульства и ругань; не обходится и без насильственных действий.

Таковы богословские причины. В своем *Tractatus de Miraculis Mortuorum* Йохан Кристофер Фредерик Гарманн приводит две физические причины самоедства. Первая состоит в том, что живые могут быть ужасно встревожены и охвачены паникой, узнав о таком чудовищном самоедстве. Вторая — в том, что, если возникнет необходимость эксгумировать тело, следствием этого может быть разнесение инфекции и начало эпидемии. Любое из двух является быстрым средством для распространения черной чумы. И эта точка зрения полностью подтверждается фактами. В качестве примера можно привести случай, который произошел в 1603 г. в Найнштадте, деревушке неподалеку от Гамбурга, когда (как уже было упомянуто выше) крестьяне этого местечка выкопали из могилы труп и отделили голову от туловища. Гниющие части тела со смердящим запахом так загрязнили и заразили весь воздух в радиусе одной лиги, что пастух, который жил недалеко от этого кладбища, умер вместе со своей женой и двумя дочерьми. Несомненно также и то, что страх и ужас сильно способствуют распространению любой эпидемии. Это особенно отметил известный Афанасий Кирхер в своем трактате *Scrutinium physico-medicum contagiosae luis, quae pestis dicitur*.

XVI. Остается рассмотреть различные средства, которые обычно используют в таких необычных случаях, и узнать, являются ли эти средства действенными или бесполезными.

Думаю, мы не будем напрасно и наугад пускать стрелы, если сейчас затронем те средства, которые обычно используют в случае таких чрезвычайных и ужасных происшествий. В некоторых случаях предпринималась попытка противодействовать этим действиям злых духов посредством определенных амулетов и заклинаний. И в некоторых случаях казалось, что надеяться на эти амулеты — лишь предрассудок. Поэтому (раз

они явно имеют неодинаковую силу) мы поделим их на два класса: настоящие и ложные. К ложным мы можем сразу же причислить старый еврейский обычай, который описал Шикхард в своих работах о еврейских обрядах и церемониях. В них он упоминает о том, что евреи сцепляют руки умерших таким образом, чтобы переплетенные пальцы образовывали имя Всемогущего Господа. Как замечает Баксторф в своей работе *De Synagoga Iudaeorum* (гл. XXV), это вселяет в Сатану величайший страх, и он не осмеливается приблизиться к телу. Такая практика также упоминается знаменитым Дилгером в работе *Disputationes Academicae*, где, говоря об этом обычае евреев, он пишет, что иногда они вытаскивают длинную нить из погребальных одежд усопшего и обматывают ее вокруг его пальцев так, что она изображает те же священные буквы. Некоторые могут считать это эффективным, но я не могу согласиться с ними. Я не могу поверить, что эти буквы, каким-то образом запечатленные на руках умерших, способны отогнать злой дух. Безусловно, если бы они были запечатлены на руках живого человека, демон не стал бы меньше искушать его, пытаться сбить его с пути и испытывать его грешными предложениями. По той же причине я не стал бы так полагаться и на освящение кладбищ, которое подробно рассматривается в произведениях Дуранда и Анджела Клавассия, цитаты из которых приведены в работе Корнмана, на которую мы уже ссылались. Дельрио сообщает нам, что злой дух действительно имеет некоторую власть над телами мертвых и может даже принимать их облик и являться в нем живым людям; его власть особенно велика над теми, кто похоронен в неосвященной земле.

В некоторых регионах распространена практика класть горстку земли на губы умерших, что, по-видимому, является следованием давнему еврейскому обычаю, который отмечает Гейер в своем *Tractatus de luctu Hebraeorum*, комментируя книгу «Минхагим». Некоторые, считая, что этого недостаточно, прежде чем сомкнуть губы мертвеца, кладут в остывший рот камешек и монетку, чтобы в могиле он мог их кусать и не искать для этого других объектов.

То, что этот обычай еще сохранился во многих частях Саксонии, мы узнаем благодаря Габриэлю Ролленхагену, из четвертого тома книги *Mirabilis Peregrinatio* которого Корнманн приводит очень много цитат. Корнманн в своей книге *De Miraculis Mortuorum* подчеркивает, что это всего лишь национальный обычай. Он пишет: «Те, кто делает это, просто следуют языческим традициям, ведь хорошо известно, что язычники клали мелкую монетку в рот умершего человека в качестве платы лодочнику Харону за переправу через реку Стикс». Этот обычай распространен среди крестьян и невежественных людей.

Иногда случалось так, что искали и более радикальное средство: тело умершего эксгумировали, отрубали ему голову и вгоняли кол в сердце, пригвоздив тело к земле. Есть записи о том, что случаи такого рода имели место в 1345 и 1603 гг. и даже гораздо чаще. Но такая процедура неверна с любой точки зрения. Это неправильно как с нравственной, так и физической стороны, а также с точки зрения закона. Этого нельзя делать с моральной

точки зрения, потому что это грех перед Богом, ведь трогать погребенных запрещено, и эксгумировать мертвых — это вид черной магии. Это также грех в отношении нашего близкого человека, потому что репутация умершего может самым непоправимым образом пострадать, если явить на свет божий его разложившиеся останки, отрубить ему голову и вогнать кол в сердце. Более того, нередко случается так, что смрад от такого гниющего тела отравляет атмосферу и широко распространяется чумной яд. Дьявол, без сомнения, радуется этому, и, поистине, это одна из целей, которые он преследует. Поэтому наши священнослужители, когда с ними советовались по этому вопросу те, кто сильно обеспокоен этими невыносимыми бедствиями, дружно ответили, что никому не позволено вскрывать могилы и тревожить тела тех, кто в них покоится. Правда, некоторые аргументы были выдвинуты в защиту противоположной точки зрения, которые подробно и умело излагаются некоторыми авторами, среди которых находится Шлюссельбург, которого мы так часто цитировали, Мартин Бехайм, который кратко и мимоходом затронул эту тему, и Андреас Уилкиус, который в своей двадцать шестой речи подробно рассмотрел этот вопрос.

В законодательстве всех стран эксгумация всегда считалась тяжким преступлением; она не допускается даже в случаях такого рода, и любые подобные действия строго запрещены под страхом сурового наказания. Очень большое количество законов, связанных с этим моментом, были собраны Корнманном из различных сборников законов и капитуляриев (указы или кодексы франкских королей. — *Пер.*), содержание которых очень важно, и они заслуживают тщательного изучения. Не будет дерзостью привести здесь слова Каспара Санкция из его комментариев ко второй главе «Амоса», когда он говорит о преступлении, состоящем в эксгумации умерших: «Очевидно, что эксгумировать умерших является одним из самых тяжких грехов, ведь это поистине оскорбление их бранных останков. Это означает вовлекать их в незаслуженные раздоры, лишать их того уважения, которое порядочные люди испытывают к тем, кто покинул земную юдоль. Поистине, если можно говорить метафорически, это означает снова убить их и заставить пережить страдания смерти. Это преступление, которого избегает природа и настолько не терпят Небеса, что если какой-то враг столь ужасно подвергает мертвых такому поруганию, то это не сойдет ему с рук. Проявлять такую жестокость по отношению к умершим и бесчестить их таким образом, по мнению всех знающих и благоразумных людей, означает давать волю страстям и вести себя как хищные звери. Даже говорить дурно об умерших или говорить что-то, что может их обидеть, справедливо считается в высшей степени непозволительным. А людей, которые порочат их, следует сравнивать с дикими животными, которые, испытывая голод, своими сильными лапами яростно выкапывают трупы из могил, чтобы насытить свои утробы ужасной пищей. Поистине те, кто позорит мертвых и выставляет напоказ то, что скрыто землей, сродни бешеным волкам. Гораздо серьезнее преступление тех, кто выкапывает кости мертвых и сжигает их, и поистине такие ужасные деяния достойны самого сурового наказания».

Теодор Туммиус в своем трактате, выдержки из которого мы уже приводили, и Йохан Конрад Даммхауэрс превосходно обобщают настоящие меры, посредством которых мы можем противостоять этим уловкам Сатаны и защитить себя от всех этих хитростей дьявола с призраками и от власти его верных слуг и рабов, колдунов и ведьм. Первым таким средством является глубокая и твердая вера в нашего благословенного Господа, который сокрушил голову змея, стремление исправиться и ненависть к греху. Вторым — Слово Божие, этот острый меч, который святые апостолы вложили в наши руки и полагаясь на которое под защитой Господа мы можем полностью сорвать открытые нападения и тайные происки Сатаны. Третье средство — это молитва, бедствие для злых духов, надежная защита от уловок дьявола. Четвертое — помощь святых ангелов, которые по велению Господа всегда рядом с нами, чтобы уберечь нас, чтобы мы не боялись «стрелы, которая вылетит днем, всего того, что бродит ночью, вторжения сверхъестественных сил или полдневного беса». Все эти средства подробно рассмотрены в трудах наших знаменитых богословов. В тезисе, который обсуждается кафедрой философии, нам остается лишь коротко перечислить их поименно с благоговейными отзывами.

Здесь будет уместно добавить другие, действительно важные вспомогательные средства и меры, которые не упоминает Рор. О них можно сказать лишь пару слов, но не годится обойти их молчанием. Во-первых, нет более сильного защитного средства от тайных ловушек и открытых нападений дьявола, чем святое причастие, частое, даже ежедневное посещение церковной службы, святых мощей, почитание святых таинств — все это обезоруживает и сокрушает дьявола. Кроме того, самым мощным оберегом от дьявольских нападков является защита Пречистой Божьей Матери, которая своей абсолютной безгрешностью столь поразительно восторжествовала над врагом рода человеческого. Произнесение Ее святого имени обращает дьявола в бегство, и тот, кто верит в Нее, никогда не потерпит поражение. Вот почему благочестивые обряды в ее честь следует умножать, постоянно читать молитвы и из спокойной любви к Деве Марии раздуть пламя. Самыми действенными являются священные реликвии, которые следует часто выставлять напоказ с должными почтительными церемониями. Все, что относится к церковным таинствам: разбрызгивание святой воды, пасхальная восковая свеча и др., обладает особой силой и может отгонять злых духов, чьи губительные действия так серьезно воздействуют на физические возможности и состояние человека. Не следует пренебрегать такими религиозными практиками, как чтение первых четырнадцати строф Евангелия от Иоанна, выгравированных или написанных от руки красивым почерком. Следует носить священные ордена, такие как орден Святого Бенедикта. Можно смирать дух и плоть, особенно полезны епитимья и ношение власяницы. Индивидуальные молитвы и наставления духовника, владеющего богословием, гораздо сильнее оградят и защитят от вмешательства злых сил. Если могилу вообще подозревать, возможно, не в вампиризме, а в том, что она является средоточием исключительных явлений, то за усопших следует

провести одну или даже тридцать заупокойных служб. Если уж принимать крайние меры, то они конечно же будут проведены согласно канонам церковных властей.

Рор завершает свой научный труд следующим призывом: «Поэтому давайте смиренно молиться Всемогущему Господу, чтобы он отвел от этого края, и особенно от этого дома и обители всех гуманитарных наук, всякое зло и чтобы он защитил нас от бесчисленных козней Сатаны! От дьявольских западней и всех бедствий избави нас, Боже Милостивый!»

Глава 4

СОВРЕМЕННАЯ ГРЕЦИЯ

Нет такой страны, в которой предания о вампирах были бы так живучи и сохраняли бы свою власть над людьми, как в современной Греции. В укреплении и сохранении этого и сходных верований сыграло роль совокупное воздействие многих различных факторов. Далеко не самое последнее место среди них занимают народные суеверия, идущие с древних времен, легенды и обычаи, которые даже во времена язычества более или менее тайно принимались и применялись и которые с приходом христианства хоть и были загнаны в самые уединенные уголки, где царствовало невежество, все-таки сохранились и помогали формировать и видоизменять религию греческого крестьянина, пока однажды Великий раскол не дал этим сорнякам и плевелам древних времен шанс зазеленеть и расцвести.

Нельзя отрицать, что современная вера греков в вампиров во многом является результатом славянского влияния. Действительно, само слово *vrykolakas* имеет славянскую этимологию и идентично слову, которое можно найти во всех славянских языках. Да, греческие ученые предпринимали попытки отрицать иностранное происхождение этого слова, но, видимо, достойный похвалы патриотизм увел их в сторону, и даже такие убедительные аргументы, как те, что выдвинул Кораес, следует отвергнуть. Этот автор умело выбрал местное слово «ворволакас» и постарался отождествить его с предполагаемой античной формой «мормолуе», связав его со словом «мормо», которое означает «домовой, бука, пугало, страшилище». Но выдающийся авторитет в этой области господин Дж. К. Лоусон сообщает нам, что грекам славянское слово, которое мы позаимствовали в форме «вампир», почти — если не полностью — неизвестно. «В тех районах Македонии, где греческое население живет в постоянном контакте со славянскими народами, действительно форма „вампирас“ (гр.) или „вомпирас“ (гр.) была принята и используется в качестве синонима слову *vrykolakas* в его обычном греческом значении. Но в самой Греции и на греческих островах слово „вампир“, насколько мне известно, не существует, а слово *vrykolakas* обычно означает воскресший труп».

Относительно македонского слова господин Абботт в своей книге «Македонский фольклор» пишет о вампирах следующее: «Слово, которым называют в Македонии это ужасное чудовище, вообще-то говоря, то же самое, каким его называют в некоторых районах собственно Греции. Но его форма несколько видоизменяется в зависимости от местности. Так, в Меленике (северо-восток) его называют *vrykolakas* или *vampyras*; а в Катафиги (юго-запад) оно выглядит как *vroukolakas* или *vompiras*, причем последнее слово также используется для обозначения оскорбления, избиения. Происхождение этого слова по-разному трактовалось филологами. Некоторые считают, что оно произошло от древнегреческого слова „мормоликейон“, „домовой“. Такой точки зрения придерживаются некоторые современные греческие ученые,

последователем которых является Хан. Другие, вроде Бернхарда Шмидта, более правдоподобно приписывают ему славянское происхождение».

Не следует забывать о том, что во всех славянских языках, кроме одного, слово *vrykolakas* употребляется в качестве эквивалента английского слова «оборотень». Кажется несомненным, что греки первоначально заимствовали это слово в таком смысле, после чего к нему легко пришло значение «вампир», так как среди славянских народов бытует поверье, что человек, который при жизни был оборотнем, после смерти станет вампиром.

Действительно, Бернхард Шмидт, проведя грань между оборотнем и вампиром, без колебаний утверждает, что «современный греческий *vrykolakas* соответствует лишь последнему». Это, однако, явно неверно, и есть огромное количество доказательств того, что в наши дни в Греции слово *vrykolakas* в отдельных местностях иногда несет свое исходное значение. Гануш отмечает, что один грек из Митилены (Митилини) сказал ему прямо, что есть два вида *vrykolakas*: один — уже мертвые люди, другой — те люди, которые еще живы, но подвержены загадочным трансам или сомнамбулизму и которых видели ночью за пределами дома, особенно в полнолуние. К тому же в своей книге «Славяне в Турции» киприот Роберт так описывает *vrykolakas* в Фессалии и Эпире: «Это живые люди, охваченные чем-то вроде сомнамбулизма, которые, испытывая жажду крови, выходят ночью из своих пастушьих хижин и рыскают по окрестностям, кусая и раня всех, кого встретят, как людей, так и животных».

Любопытно, что Шмидт, который знал об этих двух отрывках, по-видимому, не принимает во внимание их значимость, так как очень легко отвергает их, отделяясь недостаточным подстрочным примечанием.

Однако, даже если бы этих доказательств было недостаточно, господин Лоусон сообщает нам, что «на границе Этолии и Акарнании (на западе Средней Греции. — *Ред.*) в окрестностях Агриниона я сам убедился в том, что слово *vrykolakas* иногда применялось в отношении живых людей в значении „оборотень“, хотя там, как и везде, обычно оно обозначает оживший труп». Во многих частях Греции существует поверье, что некоторые дети чрезвычайно подвержены форме ликантропии (помешательство, при котором больной считает себя волком или другим животным. — *Пер.*), и, видимо, это относится к районам, на которые указывает господин Лоусон. Говоря о своих собственных наблюдениях, он пишет, что, если в семье один или более детей умирают без какой-либо видимой причины, мать часто начинает считать самого младшего и слабого ребенка из оставшихся детей — особенно если он безумный или калека — наиболее вероятной причиной смерти его братьев или сестер, и несчастного подозреваемого немедленно объявляют *vrykolakas*. С целью удержать его от смертоносной привычки пить кровь люди жестоко обращаются с беспомощным ребенком, утверждая, что «он *vrykolakas* и сожрал своего брата».

Если бы предания о мертвецах, выходящих в некоторых случаях из своих могил, чтобы мучить и даже убивать живых людей, греки изначально взяли у славян, то из этого следует, что они наверняка должны были бы

позаимствовать и слово, которым славяне обозначали этих злобных существ. Но раз на самом деле греки не перенимали славянского названия вампира, то ясно, что, вероятно, у них уже было в обиходе какое-то слово для выражения этого понятия, и поэтому среди них уже было распространено суеверие, которое было развито и, возможно, акцентировано благодаря славянскому влиянию. (Греки и славяне — народы одного индоевропейского происхождения, поэтому у них немало общего в дохристианских верованиях и, очевидно, суевериях. — *Ред.*) Действительно, существовало не одно название, а большое количество исконно греческих слов, как, например, «тумпаниайос», которые были хорошо известны Леоне Алаччи; и многие другие, которые и по сей день распространены на греческих островах, хотя практически исчезли и вышли из употребления на материке. Именно этого нам и следовало ожидать, потому что именно на материке обычно распространялось славянское влияние благодаря постоянной иммиграции, тогда как острова Крит, Кипр, Хиос и другие были в стороне от этих инноваций. Но хотя с течением времени островные греки и сохранили свои местные обороты речи, в ходе развития их отношений с материком они, вероятно, познакомились с новым славянским словом, которое постепенно вошло в язык, и, не забывая своих названий, они добавили общее слово в свой индивидуальный словарь. Это хорошо подытожил господин Лоусон, который пишет: «Поэтому эти островные обозначения *vrykolakas* можно считать пережитками дославянских названий, и, хотя в настоящее время они являются просто диалектизмами, разумно предположить, что одно или некоторые из них когда-то занимали какое-то место в языке людей, живших как на материке, так и на островах. В X в. слово *vrykolakas*, безусловно, означало „оборотень“, а вампир обозначался как „тумпаниайос“ или другим греческим словом. В наши дни *vrykolakas* почти всегда означает „вампир“, а слово „тумпаниайос“ почти исчезло».

Учение православной церкви также оказало сильное влияние на современные предания о вампирах в Греции. Уже было показано, что неподверженность разложению тела любого человека, связанного с проклятием — будь то проклятие родительское или церковное, — стало догмой, и преступник, умерший, будучи отлученным от церкви, был обречен оставаться после смерти целым, пока его тело не получит свободу путем официального и равноценного отпущения грехов и, следовательно, отмены приговора «отлучен от церкви». Это состояние «неотпущенности грехов» после смерти точно выражало слово «тумпаниайос», и Христофор Ангелос в своем труде пишет, что это слово используется в этом значении древнегреческим историком Кассианом. «Неотпущенность грехов» понималась на самом деле двояко. Это выражение означало, что человек не получил прощения за свои грехи, а также то, что его мертвое тело не подверглось разложению.

Очень подробные рассказы о вампирах в Греции и о различных способах, которыми пользовались греки, дабы обезопасить себя от них и избавиться от этой дьявольской напасти, можно найти у многих прекрасных авторов XVII в.

В наши дни вампиры по-прежнему рыскают по деревням, и рассказы об их деяниях можно часто услышать от крестьян. Но, как можно предположить, в наше время случаи вампиризма гораздо более редки, чем двести или даже пятьдесят лет назад. И довольно нечасто может случиться так, что посторонний человек становится свидетелем традиционных обрядов, посредством которых какая-то местность избавляется от вампира, включая кремацию тела. Это не значит, что такая практика прекратилась или устарела, но такие действия представляют собой нарушение закона, и поэтому они обязательно должны вестись в условиях строжайшей секретности. И все же, как мы увидим, случаи вампиризма происходят даже сейчас. Господин Лоусон, когда в 1910 г. писал свою книгу, утверждал: «Даже сейчас редко проходит год, чтобы какая-нибудь греческая деревушка не избавлялась бы традиционным способом от *vrykolakas* — кремацией».

В чрезвычайно интересной и хорошо написанной книге «Путешествия по Криту», опубликованной в 1837 г., Роберт Пэшли, который был членом совета кембриджского Тринити-колледжа, есть следующее объяснение преданий о вампирах, основанное на его личном исследовании вопроса. Вампира, или *katakhanas*, как его называют на Крите, именуют *vurvulakas* или *vrykolakas* на островах архипелага, где бытует поверье, что, если человек совершил серьезное преступление или умер без отпущения грехов священником или епископом, земля не примет его после смерти, и поэтому он рыщет вокруг по ночам, проводя в могиле только дневные часы. Многие верят в то, что даже в дневное время лишь один раз в неделю, в субботу, ему позволено занять свою могилу. Когда обнаруживается, что в окрестностях бродит *vurvulakas*, люди идут в субботу на кладбище и вскрывают могилу, где они находят его тело в том виде, в каком оно было похоронено, абсолютно целое. Пришедший вместе с ними священник проводит определенные части обряда, которые должны быть особенно эффективными для того, чтобы положить конец непрекращающимся блужданиям вампира, и иногда этого достаточно, чтобы вернуть в эту местность мир и спокойствие. Но бывают случаи, когда священник недостаточно силен в изгнании бесов, чтобы так легко прекратить ночные похождения и злодеяния бессмертного существа, которое, подобно шекспировскому призраку, обречено бродить по ночам в качестве наказания за гнусные преступления, совершенные при жизни. И тогда, если такая обычная религиозная церемония, к которой прибегли в первую очередь, оказывается безуспешной, жители этой местности идут в субботу к могиле, вынимают из нее тело и предают его огню — действия, согласиться на которые грека может заставить лишь крайняя необходимость по причине их религиозного ужаса перед сожжением тела, которое священник окропил священным маслом, когда проводил последний религиозный обряд над умирающим человеком.

Даже суровые жители острова Идра (у восточного берега полуострова Пелопоннес. — *Ред.*), чья моряцкая жизнь и общение с другими странами могли ограничивать распространение среди них таких знаний, обычно верят в этих *vurvulaki*. Как в Сфакии (самое труднодоступное место на острове

Крит. — *Пер.*), так и на острове Идра.

Подтверждают, что слышали,
И верят в историю о вампире,
И суеверный ужас охватывает всех.

«Многие жители острова Идра уверяли меня в том, что на острове раньше было много вампиров, а своим нынешним освобождением от них они обязаны исключительно усилиям их епископа, который отправил их всех на остров Санторин (Тира), и на этом пустынном острове их теперь очень много, и они бродят вокруг и сбрасывают камни с берега в море, „что может услышать всякий, кто проплывает мимо ночью“».

«Сфакийцы тоже верят, что набеги, которые учиняли эти ночные бродяги, в былые времена происходили гораздо чаще, чем в наши дни; а то, что они становятся сравнительно редкими, является исключительно следствием большего рвения и умения обладателей духовного сана».

Даже в наше время остров Санторин, самый южный остров из Киклад (группа островов в Эгейском море. — *Пер.*), известен своими вампирами, и когда я посещал его в 1906–1907 гг., то самолично слышал не одну ужасную легенду о событиях, связанных с вампирами, которые, как говорят, происходили здесь не так уж давно. Автор «Туристического справочника по Греции Мюррея» пишет о Санторине: «Антисептические свойства почвы и частые находки неразложившихся тел дали толчок многим диким суевериям, распространившимся среди крестьян, живущих на острове. Считают, что остров является излюбленным местом *vrykolakos*, вампиров, которые, согласно поверью, когда-то популярному в Греции, обладают способностью воскрешать мертвых из могил, посылая их питаться живыми людьми». Как мы говорим «ездить в Тулу со своим самоваром», так и в Греции в настоящее время говорят «посылать вампиров на Санторин». А профессор Н. П. Политес из Афинского университета в своей работе, опубликованной в 1904 г., пишет, что жители этого острова пользуются такой непререкаемой репутацией специалистов, умеющих обращаться с вампирами и уничтожать их, что можно привести два случая, произошедшие совершенно недавно. Один имел место на острове Миконос, а другой — в Сфакии на Крите. Оба они закончились тем, что тело местного вампира было отправлено на остров Санторин и там сожжено. Как мы увидим чуть позже во всех подробностях, отец Франсуа Ришар, священник-иезуит, который жил на этом острове, в своей работе «Рассказ об удивительных событиях, которые произошли на острове Санторин после воцарения на нем отцов-иезуитов», опубликованной в Париже в 1657 г., подробно рассказал о вампирах, которые его населяли.

Самым первым и во многих отношениях самым значительным из авторов XVII в., которые писали о греческих обычаях и преданиях, является знаменитый ученый Леоне Алаччи, на которого мы ссылались уже не раз. В своем трактате *De quorundam Graecorum Opinacionibus* Алаччи приводит очень

много греческих преданий и, в частности, большое внимание уделяет преданиям о вампирах. Так как на его авторитет уже несколько раз давались ссылки в предыдущих главах, то, чтобы проиллюстрировать черты *vrykolakas*, вместо переписывания его текста целиком, из него можно взять несколько отрывков, даже рискуя повторить некоторые незначительные моменты. Обсуждая различные суеверия, которые он склонен какое-то время допускать, Алаччи переходит к «*burculacas*, которых одни называют *bulcolaccas*, а другие *buthrolacas*; и нельзя представить себе напасти более ужасной и вредоносной для человека, чем они. Это название они получили от слов „мерзкая грязь“, потому что греческое слово „боурка“ означает „дурная черная грязь“, не какая-нибудь грязь, а мерзкий навоз, липкий и сочащийся нечистотами и источающий самый отвратительный смрад. „Лаккос“ по-гречески — это сточная канава или клоака, в которой собираются и сильно воняют такого рода нечистоты. Вампир представляет собой тело человека, который вел самую дурную и грешную жизнь, и очень часто это тело того, кто был отлучен епископом от церкви. Такие тела, в отличие от других мертвецов, после погребения не разлагаются и не превращаются в прах. На вид у них очень крепкая кожа, они так распухают и увеличиваются в объеме, что суставы и сухожилия едва могут согнуться, но кожа натянута, как на барабане: если по ней стукнуть, слышен звук. Поэтому *vrykolakas* получили название „тумпаниакос“, что означает „похожий на барабан“. В такое тело, столь ужасное в своем уродстве, входит дьявол и, обладая им, приносит страшные несчастья бедным, несчастным смертным. Очень часто, живя в таком теле, он выходит из могилы и, бродя ночами по деревням и другим местам, где живут люди, направляется к любому понравившемуся ему дому и, постучав в дверь, громко зовет по имени хриплым зычным голосом одного из обитателей дома. Если этот человек ответит, он пропал: он обязательно умрет на следующий день. Но если человек не отзовется, он в безопасности. Поэтому ни один житель на острове Хиос не откликается с первого раза ночью, если его кто-то позовет. Ведь если человека зовут во второй раз, то это уже не *vrykolakas*, а кто-то другой. Говорят, что это чудовище наносит такой вред людям, что иногда оно появляется среди бела дня, даже в полдень, и не только в доме, но и в поле, на большой дороге, на виноградниках, обнесенных изгородями, и с угрозой подступает к прохожим или любому человеку, который оказывается в том месте. И так ужасен сам его вид, что он убивает людей без единого слова, даже не прикасаясь к ним. Если увидевшие его люди набираются смелости заговорить, чудовище исчезает из поля зрения. Но все равно тот, кто обратился к вампиру, умирает. Так что, если среди людей начинается необычная смертность, когда они умирают без какой бы то ни было болезни, ее объясняющей, городские жители, подозревая причину этого, идут на кладбище и вскрывают могилы тех, то был недавно погребен. Вскоре люди находят тело, целое и невредимое, какого-нибудь человека, умершего незадолго до этого или уже давно. Тело это достают из могилы и под чтение молитв, которые читают священники, бросают в пылающий костер. Очень часто до окончания благочестивых молитв и литаний тело распадается на

части, и останки сжигают дотла. Некоторые полагают, что это дьявол, посредством чар приобретший вид умершего человека, убивает тех людей, которых он хочет уничтожить. Эта вера не нова и имеет в Греции давние корни. Как в былые, так и нынешние времена благочестивые, религиозные люди, которые привыкли выслушивать исповеди своей паствы и выступать в роли духовных пастырей, постоянно пытаются избавиться от нее людей».

Чуть позже Алаччи добавляет: «Когда греки видят тела, которые после смерти обнаруживают целыми и невредимыми в могилах, они убеждены в том, что таковы останки тех, кто был отлучен от церкви, а после отпущения грехов они рассыплются в прах».

Через пару страниц он пишет о «той необоснованной и глупой точке зрения, которая так широко распространена среди греков, на тела тех, кто был отлучен от церкви. Они думают, что такие тела не превращаются в прах, и если обнаруживается такое тело, не тронутое тленом, то считают, что оно наверняка принадлежит человеку, умершему без отпущения грехов. Тогда они извлекают его из могилы и с молитвами начинают процедуру официального отпущения грехов, точно следуя канону. А когда ритуал совершен, то, по их утверждению, тело внезапно рассыпается в прах. Я могу лишь сказать, что я сам никогда не видел в Греции ничего подобного. Тем не менее должен признаться, что я часто слышал из уст митрополита с острова Имроз (ныне переименован турками в остров Гёкчеада — находится близ западного берега Галлипольского полуострова. — *Ред.*) Афанасия, весьма набожного и сдержанного человека, который посчитал бы ниже своего достоинства лгать или преувеличивать правду, следующий рассказ. Когда он находился в колледже, расположенном за пределами города вблизи церкви Святого Георгия в Тасосе (на острове Тасос), жители городка стали горячо просить его, чтобы он провел необходимый ритуал отпущения грехов над телами умерших людей, которые оказались целыми и невредимыми. Уступив их просьбам, он сделал все, что от него хотели. И вот перед тем, как он закончил произносить слова, отпускающие грехи, все трупы рассыпались в прах. Этот же прелат рассказал мне о некоем Константине Рецепионе, который был обращен в христианство, будучи до этого мусульманином, но который был затем отлучен от церкви за то, что вел грешную и нечестивую жизнь, совершая гнусные преступления. Однако он был похоронен в греческой церкви Святого Петра и Павла в Неаполе, и в течение многих лет его тело оставалось нетленным. Но когда наконец митрополит Афанасий и двое других митрополитов, Афанасий Кипрский и Хрисанф Леондарионский, прочли над телом Константина Рецепиона и другими телами, погребенными в церкви, текст отпущения грехов, его тело моментально превратилось в прах. Но еще более удивительной является следующая история, которая произошла в то время, когда патриархом был Рафаэль; он-то и подтвердил ее правдивость. Некий епископ в Турции отлучил от церкви одного человека, а затем был так введен в заблуждение Сатаной, что отступился от веры (приняв мусульманство). Когда отлученный человек умер, хоть он и был добрым христианином, его тело осталось целым и невредимым. Как только патриарха уведомили об этом,

он послал за бывшим епископом, который предал его проклятию, и попросил его дать умершему отпущение грехов. Сначала тот резко отказался, сказав, что он не желает проводить подобный ритуал, что турки не имеют никакого отношения к грекам и христианству, так что пусть христиане и отпускают грехи христианину. Однако после долгих усиленных уговоров этот расстрига уступил и прочел над телом человека, отлученного от церкви, слова, отпускающие грехи. То, что произошло потом, подтверждают слова очевидца. По завершении ритуала отпущения грехов темный и ужасно распухший труп сдулся, а затем останки рассыпались в прах. Турок (бывший епископ) застыл от удивления и страха. Без промедления он отправился к главе управы этого района и изложил ему все, как было, заявляя во всеуслышание, что христианская религия — истинная религия, святая религия, от которой он, жалкий грешник, отступился, но к которой теперь вернулся, отрекаясь от закона пророка. Турки немедленно предупредили его, чтобы он хорошо все обдумал, дабы не попасть в руки к палачу. Но бывший епископ был тверд в своем намерении умереть христианином. Рассказывать дальше почти нечего. Ему вынесли приговор за упрямство и несговорчивость. Когда раскаявшегося бывшего епископа вели к месту казни, он громко провозглашал истинность христианской веры. Его тут же предали изощренным пыткам, и он умер».

В своем трактате «Жизнь и обычаи греков в настоящее время» Христофор Ангелис рассказывает несколько историй о тех, кто был предан анафеме. Не забыть бы и пример, который он взял у историка Кассиана. «Кассиан древнегреческий историк, и в своей летописи он пишет, что в некоем месте однажды проводился церковный собор, на который съехались сто епископов; все они утвердили одно православное постановление. Но один из них выступил против. И тогда его за неуступчивость отлучили от церкви, и он умер, будучи преданным анафеме. Его тело оставалось скованным этим проклятием, как цепями, на протяжении ста лет. А через сто лет снова состоялся церковный собор ста епископов в том же месте. И когда эти епископы сказали друг другу, что отлученный от церкви епископ, безусловно, грешил против церкви, и церковь привела его к ранней смерти своим проклятием. Но сейчас мы собрались все вместе и, безусловно, отпустим ему все его грехи, потому что людям свойственно ошибаться. Они отпустили ему грехи, и сразу же после этого тело, сохранявшееся на протяжении ста лет, превратилось в прах».

Чрезвычайно удивительная история, в которой мусульмане убедились в истинности христианства благодаря силе церковного проклятия и отлучения от церкви, рассказана Эмануэлем Малаксом. Некому султану, который вел поиски подтверждений истинности христианства, православные священники сообщили, что одним из доказательств силы церкви является тот факт, что тела людей, отлученных от церкви, остаются нетленными до тех пор, пока над ними не будут произнесены слова отпущения грехов. Властитель пожелал своими глазами увидеть это. Он приказал им разыскать человека, который был похоронен без отпущения грехов и которому можно отпустить их должным образом. Обратились к патриарху, который учинил следствие, и до

его сведения было доведено, что вдова одного священника была отлучена от церкви одним из его предшественников, патриархом Геннадием. (Без сомнения, это Геннадий II, важная фигура в истории Византии. Он был первым патриархом Константинополя при турках, и к нему благосклонно относился Мехмед II Фатих (Завоеватель). Геннадий был патриархом с 1454 по 1456 г., когда он оставил свой пост. Он умер в монастыре Святого Иоанна Крестителя в Сера, Македония, в 1468 г.)

Оказалось, что эту женщину патриарх осудил за распутство, в ответ на что она публично заявила, что ему не удалось соблазнить ее, и поэтому он в отместку выдвинул против нее это обвинение. На эту клевету Геннадий ответил, прочитав однажды в воскресенье в присутствии народа и священнослужителей молитву, в которой попросил о том, чтобы, если ее слова правдивы, ей были бы прощены все ее грехи и она могла бы постичь блаженство, а ее тело было бы подвержено тлену, как обычные тела; но если ее слова окажутся злостной клеветой, то с Божьей помощью он осуществляет свою патриаршую власть и отлучает ее от православной церкви и обрекает на страдания без церковного прощения, и ее тело будет оставаться целым и невредимым. Через сорок дней после того, как эта женщина умерла от дизентерии, ее тело было похоронено, а позже обнаружилось, что оно нетленно.

По желанию султана тело этой женщины было вынуто из могилы. Труп был целым, без следов разложения, хотя кожа была темной, как на мумии, и туго натянутой, как на барабане. После исследования его положили в новый гроб, который был обвязан веревками и герметично запечатан императорской печатью. В таком состоянии тело хранилось некоторое время до тех пор, пока патриарх не был готов дать отпущение грехов. Это произошло в чрезвычайно торжественной обстановке. Внутри гроба был слышен хруст костей, когда труп распадался на части, но гроб не открывали в течение нескольких дней. Когда гроб вынесли на всеобщее обозрение, печати и веревки на нем были нетронуты, но тем не менее, когда подняли крышку, стало видно, что тело рассыпалось и разложилось, получив наконец прощение и покой. На султана это чудо произвело такое впечатление, что он громко воскликнул: «Да, действительно, христианская религия — истинная религия, вне всяких сомнений!»

Леоне Алаччи не подвергает сомнению факт неразложения тела, он даже ссылается на некоторые авторитеты, которые поддерживают его в этом мнении. Среди прочих он цитирует Крусия, который в своем произведении Turco-Graecia рассказывает о том, как тело одного грека было найдено турками в таком состоянии, а так как человек был мертвым уже два года, то они сожгли его труп. Алаччи даже утверждает, что, когда он ходил в школу на острове Хиос, он сам своими собственными глазами видел похожее. По какой-то причине была вскрыта могила в церкви Святого Антония, и «поверх костей другого человека было обнаружено лежащее тело, которое было совершенно целым. Оно было необычно большого роста; на нем не было никакой одежды, потому что она истлела от сырости и времени; кожа на теле была плотно

натянутой, твердой и темной; его члены были не плоскими, а раздутыми, будто наполненными до краев жиром. Лицо было покрыто жесткими темными волосами, но голова была наполовину лысой; на теле тоже было мало волос, конечности были гладкими. Туловище было таким раздутым, что руки торчали в стороны; кисти рук были разжаты, веки опущены, а рот с острыми сверкающими зубами широко раскрыт». Автор не пишет, каким образом избавились от этого трупа.

Рассказ отца Франсуа Ришара, священника-иезуита с острова Санторин (Тира), содержащийся в его *Relation de l'Isle de Santerini* (Париж, 1657), имеет большую ценность, потому что честность и вера Ф. Ришара находятся вне всяких подозрений, а так как эта книга является чрезвычайно редкой, я перевел пятнадцатую главу этого важного произведения. Она носит заглавие: «*Des faux resuscitez, que les Grecs appellant vroucolacas*».

Поистине справедливы слова святого Павла, который говорит об «уловках» дьявола, не просто потому, что дьявол очень искушен в хитрости, а потому, что он всегда пытается применить ложь и всяческие ухищрения («Чтобы не сделал нам ущерба Сатана; ибо нам не безызвестны его умыслы» (Кор., 2, 11). Во Франции все знают, что в своем коварстве злой дух действует посредством колдунов и ведьм на протяжении всей их грешной жизни. Но в этой стране всем известно то необычное воздействие, которое он оказывает, используя мертвые тела, которыми он полностью и безраздельно овладевает. Это действительно поразительное чудо. Он дает энергию этим мертвым телам, он сохраняет их в течение долгого времени от разложения, его видят в облике этих умерших людей. Иногда он бродит по улицам городов, а в других случаях — по полям и сельской местности. Он проникает в дома и вселяет в их жителей неопиcуемый ужас, после которого они лишаются способности говорить. Некоторые даже лишались жизни. Немало людей подверглись его нападениям, еще больше — получили серьезные повреждения и были напуганы. Ужасный страх сковывает сердца всех людей. Тогда не стоит удивляться тому, что, когда один из этих монстров, который кажется поднявшимся из могилы, хотя на самом деле это и не так, появляется в каком-нибудь месте, все люди, живущие в его окрестностях, в сумерках собираются в одном доме или чьем-то жилище, чтобы провести ночь в большей безопасности и с верой в своих товарищей.

Когда я впервые услышал об этом, я решил, что эти сообщения касаются призраков, которые считаются во Франции душами умерших, приходящих, чтобы попросить о религиозной помощи и поскорее избавиться от страданий чистилища. Но по размышлении я задал себе вопрос: возможно ли, чтобы эти призраки были святыми душами? Ведь несомненно то, что многие из тех призраков, которых видели люди и которые обладают сильными и крепкими телами, — это те, кто вел греховную и преступную жизнь. Можно привести довод, что чистилище не для тех, кто в него не верит, а души, вышедшие из него, никогда не совершают таких возмутительных поступков, как эти призраки, не совершают таких ужасных нападений на людей, не причиняют такого ущерба имуществу, не убивают и не творят всевозможный произвол и

насилие.

Таким образом, мы должны сделать вывод, что это не святые души, а злые духи, которые оживляют эти тела и благодаря своей силе способны сохранять их целостность точно так же, как дьявол по имени Балтазо оживил мертвое тело преступника, повешенного на равнине Арлон. Это произошло благодаря чарам и по приказу колдуна, а полный рассказ об этом можно найти в истории женщины из Лана, которая была одержима дьяволом. Женщину звали Николь Обри, и в 1566 г. из нее изгнали дьявола в Ланском соборе. В то время вышло несколько брошюр, содержащих подробное описание этого дела. Данная ссылка, вероятно, имеет отношение к «Истории ланского дьявола» (1566). Есть более исчерпывающий труд, автором которого является Йехан Булез, под названием «Отчет об удивительной победе тела Божия над духом Вельзевула в Лане в 1566 г.» (Париж, 1575 г.)

Следующие факты полностью убеждают меня в том, что эти случаи являются примерами одержимости дьяволом особого рода. Когда греков начинают осаждают эти монстры, их священники обращаются к епископу за официальным разрешением собраться в субботу, так как они полагают, что ни в какой другой день они не найдут в могиле тело, которое служит убежищем и маскировкой дьяволу. Тогда они читают определенные молитвы, после которых эксгумируют тело человека, которого подозревают в том, что он стал *vrykolakas*. И когда они находят его целым, не тронутым тленом и наполненным свежей кровью, они знают наверняка, что оно служило орудием дьявола. Поэтому с помощью многочисленных священных заговоров они изгоняют злого духа из тела и не прекращают читать молитвы и проводить обряды до окончательного изгнания дьявола. А когда это происходит, тело начинает быстро разлагаться, терять свой цвет и округлость форм и в конце концов превращается в отвратительную смердящую массу разложившейся плоти. Лишь несколько лет назад в этом самом городе произошел поразительный случай подобного рода с девушкой по имени Калиста, которая была дочерью греческого священника. Так как было обнаружено, что тело этой девушки цело и невредимо, то церемонию изгнания из него беса проводил греческий православный священник, и в присутствии всех служителей мертвое тело начало уменьшаться в размерах, разлагаться и испускать такой зловонный и тошнотворный смрад, что никто не мог оставаться в церкви. Так что они немедленно захоронили останки, после чего девушка больше ни разу не появлялась.

Иногда случается так, что усилия греческих священников, направленные на изгнание беса, не увенчиваются успехом, и это следует отнести либо к их недостаточной вере, либо к тому, что им приходится иметь дело с очень сильным и упорным демоном, который не хочет быть изгнанным из тела, которым он овладел. И тогда они сжигают тела дотла, как это обычно делают во Франции с теми, кто признан виновным в колдовстве и осужден законом за это ужасное преступление. Незадолго до моего приезда на остров Стампалия (остров Астипалея, Додеканес. — *Ред.*) по этой причине были сожжены пять тел. Трое из них были останками женатых мужчин, четвертый — греческий

монах, а пятой была юная девушка. Точно такие же случаи известны и на острове Иос (Киклады. — *Ред.*), где одна женщина, которая мне исповедовалась, сказала, что спустя пятьдесят дней после похорон своего мужа она увидела его тело, целое и невредимое, место его захоронения уже было изменено. Над телом были проведены обычные ритуалы, чтобы уложить в могилу потревоженный дух. Но когда она и ее родственники поняли, что он снова начал беспокоить и мучить людей и даже убил четырех или пять человек, его тело эксгумировали во второй раз и публично сожгли дотла. Всего лишь за два года до этого по этой же причине были кремированы два других тела на острове Сифнос (Киклады. — *Ред.*). И редко проходит год, чтобы люди с ужасом не говорили об этих кажущихся воскрешениях из мертвых.

Случай, который широко обсуждался на острове Санторин и вызвал величайшее удивление, состоял в том, что один из этих *vrykolakas* проявил необычайное расположение к своей жене, которая была еще живой. Человек по имени Александр при жизни был сапожником и жил в небольшой деревушке под названием Пиргос. После своей смерти он явился к своей жене, будто он был живым. Он даже взял обыкновение приходить и работать в своем доме, занимаясь починкой башмаков своих детей. Он ходил за водой на источник, и его очень часто видели в окрестных оврагах и лощинах, где он имел обыкновение рубить дрова для своей семьи. Но по прошествии некоторого времени жители деревни стали испытывать сильный страх, и они вынули тело Александра из могилы и кремировали его. И власть демона рассеялась и развеялась вместе с дымом. Эти факты показывают нам, что история, рассказанная Флегоном, вольноотпущенным императора Адриана, правдива во всех деталях. Этот автор повествует, что девушка по имени Филинниона из Фессалии была похоронена, а через несколько месяцев явилась некоему македонцу Махатесу и сожительствовала с ним какое-то время до тех пор, пока их не обнаружили. Дьявол покинул ее тело, которому он дал способность двигаться, и ее похоронили во второй раз, как будто она умерла лишь пару дней назад.

Один человек, чрезвычайно достойный доверия, на слово которого можно положиться, уверял меня, что на острове Аморгос (Киклады) эти мертвецы, которые, как считается, вернулись к жизни, иногда оказываются такими наглыми, что бродят вокруг не только в ночное время, но даже и при свете дня, и в полях или сельской местности их можно увидеть иногда группами до пяти-шести человек. Там они, по-видимому, кормятся зелеными бобами. Когда я услышал это, я признался, что от всей души могу пожелать, чтобы некоторые наши замечательные атеисты во Франции, которые, чтобы выглядеть очень храбрыми ребятами, хвастаются, что ни во что не верят, дали себе труд посетить этот край, чтобы поверить не своим ушам, а своим глазам и увидеть ясно как день, как сильно они обманываются, когда пытаются убедить себя в том, что если человек умирает, то все для него заканчивается. И еще одним доказательством правдивости того, о чем я говорю, является следующая история.

Ее мне рассказал настоятель знаменитого монастыря, расположенного на Аморгосе. Некий торговец по имени Патино с острова Патмос (Додеканес) уехал в Анатолию (Малую Азию), чтобы купить какие-то товары. Но, к несчастью для него, вместо того чтобы получить хорошую прибыль, как он надеялся, торговец умер вдали от дома. Как только его жена узнала дурные вести, она отправила судно, чтобы оно привезло тело мужа на родину, где оно могло бы покоиться с миром в могиле после обычных ритуалов, которые сопровождают христианские похороны. Тело положили в большой гроб и отнесли на борт судна. Случилось так, что один из матросов уселся на гроб и почувствовал, что тело в нем шевелится. Он немедленно рассказал о случившемся своим товарищам, и они решили, что нужно открыть гроб и посмотреть на труп. К их удивлению, они обнаружили тело в целости и сохранности, будто Патино был по-прежнему живым. Нетрудно себе представить, какой приступ ужаса охватил их и как горько они пожалели о том, что вообще согласились на это поручение. Тем не менее, раз они были обязаны выполнить свой долг и доставить гроб вдове, они заставили себя крепко заколотить его снова. Но когда они прибыли в порт и доставили свой груз, они ни единым словом не обмолвились о том, что произошло. Женщина немедленно распорядилась, чтобы ее мужа похоронили в церкви со всеми торжественными церемониями. Но через короткое время умерший проявил себя как вампир. Ночью он входил в различные дома, вопил, завывал и раздавал удары направо и налево, так что через несколько дней более пятнадцати человек — некоторые просто от страха, другие в результате его насильственных действий — приняли смерть, и вся округа впала в панику. Окрестные священники и монахи делали все, что было в их силах, чтобы положить конец такому ужасному положению дел, но напрасно. Их молитвы и ритуалы изгнания бесов были бесполезны, и тогда они решили, что это тело следует отвезти назад туда, откуда оно было доставлено. На самом деле это не было сделано, потому что моряки, которым было приказано сделать это, выгрузили труп на первом же пустынном островке и вместо того, чтобы выкопать могилу, сожгли его на большом костре. Когда тело превратилось в пепел, паника и нападения прекратились. Было очевидно, что сила демона развеялась, так как мертвец больше не появлялся.

Этот настоятель пытался убедить меня, что эта одержимость дьяволом была неким доказательством истинности православной веры, потому что, как он говорил, никто никогда не слышал о том, чтобы какой-нибудь турок или католик после своей смерти стал *vrykolakas*. На это я ответил: «Мы должны скорее сделать обратный вывод. Безусловно, эта одержимость дьяволом является гораздо более поразительным доказательством плохого положения греков и скорее свидетельством проклятия, нежели спасения». И хотя он сказал, что ни один турок и ни один католик никогда еще не становился *vrykolakas* после смерти, это далеко не так, так как история арабов показывает обратное. Следует лишь прочесть двадцать третью главу этой истории, чтобы узнать, как часто вампиры появляются в бескрайних арабских пустынях. Мы должны хорошенько запомнить, что на самом деле произошло

на самом острове Санторин, где некий человек невысокого духовного звания стал мусульманином и взял себе имя Мамути. Из-за своего ужасного образа жизни и тяжких преступлений, по просьбе людей, этот отступник и негодяй был повешен на крыле ветряной мельницы. После этого, несмотря на то что он стал мусульманином, Мамути постоянно изводил живых людей после своей смерти, и эти его похождения продолжались до тех пор, пока его тело не кремировали. Верно, что на людской памяти ни один уроженец Франции, который умер, будучи адептом святой католической церкви, не стал *vrykolakas*; и ни один француз не оказался после смерти одержимым дьяволом точно так же, как это распространено среди греков. За что мы смиренно благодарим Господа Бога. Некоторые люди относят эту благодать на счет действия святых масел, которыми натирают тело, другие — на счет качеств святой воды, а третьи — на счет святости наших кладбищ. Но как бы то ни было, я оставляю судить об этом тем, кто разбирается в подобных вопросах.

И все же я добавлю, что один из жителей этого острова, грек по национальности, который опасался, что после своей смерти может являться в таком жутком образе людям, пожелал быть похороненным в нашей церкви, будучи полностью убежденным в том, что присутствие Тела Господня и святость этого места защитят его тело от любого воздействия со стороны дьявола. Поэтому в 1652 г., когда он серьезно заболел, он сделал дополнение к своему завещанию, состоявшее в том, чтобы его похоронили в нашей церкви. Но Всемогущему Богу было угодно вернуть ему здоровье после того, как он исповедался отцу Франсуа Россьеру и обратился с молитвами к святому Иосифу, следуя совету святого отца. Я молю Бога, чтобы этот человек, когда придет его час, умер в состоянии благодати, чтобы он действительно был защищен от любых ловушек и нападений со стороны дьявола.

Страх вернуться к жизни после смерти этому доброму и достойному человеку внушил тот факт, что один из его родственников по имени Ианнетис Анаплиотис после своей смерти вернулся к жизни и стал часто появляться на улицах, вселяя во всех людей панику. Этот Ианнетис считался самым известным и богатым ростовщиком на всем острове Санторин, и, по счастью, приблизительно за год до его смерти Всевышний тронул его сердце благодатью и внушил желание исповедаться одному из наших отцов, который дал ему наилучший совет, как спасти свою душу. Ианнетис вернул деньги в тех случаях, когда это было возможно, и раздал много денег в качестве милостыни. К тому же за некоторое время до своей болезни он поручил своему духовнику сообщить всем, что если какой-либо человек считает, что он, Ианнетис, взял с него слишком большой процент или несправедливо захватил его имущество, то его искренне просят уведомить Ианнетиса об этом обстоятельстве, поскольку тот желает все исправить. Более того, Ианнетис оставил специальное поручение своей вдове, состоящее в том, что если после его смерти к ней придет какой-нибудь человек со справедливыми требованиями, то она должна удовлетворить их. И все же как счастлив человек, который не перекладывает на плечи другого человека бремя обеспечения своей собственной безопасности! После смерти мужа вдова

немалую сумму раздала там, где ей того хотелось, а не для того, чтобы выполнить обязательства, которые возложил на нее ее муж. И случилось так, что к ней обратились какие-то бедные люди, которые заявили, что ростовщик обошелся с ними жестоко и ограбил их, но вдова (единственный раз!) отказалась удовлетворить справедливое требование. В ту же самую ночь Ианнетис, который на тот момент был уже мертв более шести недель, по Божьему соизволению, начал появляться на улицах города и особенно досаждал всей своей родне, сконцентрировав особое внимание на доме своей жены. Так как при жизни это был человек с положением, сначала его родственники избегали открыто оглашать его имя. Очень рано утром до петухов он имел обыкновение будить греческих священников, говоря им, что им уже пора идти в церковь служить заутреню. Он также внезапно срывал одеяла с крепко спящих людей и сильно тряс кровати, на которых они лежали. Ианнетис донимал людей этого района сотней других способов. Например, он отворачивал краны винных бочек, которые хранились в его собственных и чужих погребках, и доброе вино выливалось на землю. Родственники выдержали целый месяц таких его походов, прежде чем отважились предать все огласке. В одном случае бедная женщина, которая днем собирала травы, была так напугана его устрашающим видом, когда Ианнетис накинулся на нее, что потеряла дар речи на три дня. А у другой женщины, постель которой он тряс с бешеной силой, начались преждевременные роды, и от страха случился выкидыш. После этого им пришлось предать дело огласке и попросить вдову принять меры к тому, чтобы прекратить эти безобразия.

Глава этого острова, который был зятем или шурином усопшего, пришел ко мне посоветоваться, какие меры лучше всего предпринять, на мой взгляд, чтобы обеспечить мертвому покой. Я сказал ему, что покойный никогда не обретет спокойствия, пока его вдова не удовлетворит претензии тех людей, которые считают, что ее муж в прошлом поступил с ними несправедливо. Однако эта пилюля была слишком горька для доброй женщины, и она прибегла к другим средствам, которые она почерпнула у тех, кто не мог себе их позволить. Греческие священники, к которым она обратилась, предположили, что тут дело просто в том, что умерший стал обычным *vrykolakas*, и в следующую субботу они неофициально пошли к могиле и эксгумировали из нее тело, чтобы изгнать из него беса. Тем не менее они заметили, что тело не похоже на тела других вампиров. Несмотря на все их усилия изгнать из него дьявола, мертвец продолжал досаждал и изводить людей с такой же ужасной настойчивостью, как и раньше, и дело приняло такой оборот, что в конце концов вдова была вынуждена последовать моему совету и удовлетворить иски тех, кто просил возместить им ущерб. Когда она сделала это, то, чтобы подстраховаться, она распорядилась снова эксгумировать тело своего мужа и провести над ним церемонию изгнания беса. В этом случае мне было любопытно исследовать его, и с этой целью я вместе с братом Шарлем Луже отправился в церковь, где проходила церемония экзорцизма. Труп был распротерт на полу церкви и покрыт

холстом дурного качества. Греческий священник охотно поднял покров, чтобы я мог увидеть тело целиком. Но по несчастливой случайности, когда он снова накрывал тело этим старым саваном, то опрокинул деревянную дароносицу, в которой они хранили евхаристию для паствы, и ее они поставили на тело этого умершего человека, не проявив никаких знаков уважения к нему, и не зажгли свечей. Я был ужасно огорчен этим и попросил их собрать священные частицы и почтительно поставить дароносицу с ее священным содержимым на полагающееся для нее место. После чего я тщательно исследовал тело, которое было по-прежнему завернуто в саван, как в тот момент, когда его клали в могилу. Голова была вся черная и высохшая, глаза и нос провалились, так что кажется вероятным, что голова в могиле подверглась разложению. Несомненно, на нее сырость подействовала больше, чем на руки, которые были целыми и сморщенными и имели цвет пергамента.

Внутренности также подверглись тлению. Проведя тщательный осмотр, я заметил священнику, который проводил церемонию, что не вижу ничего необычного в состоянии тела, и, безусловно, оно не напоминает тело *vrykolakas*. Он почти не пытался отрицать это, но другой священник, который стоял рядом, ответил, что если *сердце* осталось целым и невредимым, то этого достаточно, чтобы в тело вселился дьявол. Я бы хотел, чтобы они показали мне, что это так, что сердце этого мертвеца не тронута тленом, как они утверждали, но они не позволили мне проводить дальнейший осмотр. И мы ушли, пока они продолжали изгонять из тела дьявола до самого вечера, а затем, разрубив тело на куски большим топором, похоронили останки в новой могиле.

Действительно, этот усопший в будущем уже не досаждал никому, но я полагаю, что возмещение ущерба, которое было произведено вдовой, оказалось гораздо более эффективным, чем молитвы и церемония изгнания дьявола греческих священников, которые не знали, что и думать обо всем этом или как это объяснить. Преподобная настоятельница доминиканского женского монастыря была так же обеспокоена и пожаловалась одному из наших отцов на ужасный переполох, который вызвал этот усопший в ее монастыре. Этот отец сказал ей, что, если *vrykolakas* явится ей, она должна плюнуть ему в лицо и послушать, что он ей скажет. Так она и поступила. В ту же самую ночь призрак внезапно явился к ней, когда она уже начала засыпать, и, схватив ее четки, висевшие в головах ее кровати, стал катать их по полу комнаты. Проснувшись от такого шума, она собралась с духом и смело поступила так, как ей советовал святой отец, и крикнула призраку: «Так ты явился, мерзкий негодяй, чтобы мучить нас!» И, сказав это с презрением, она плюнула ему в лицо. На что последовал немедленный ответ: «Ага, так вот что посоветовал тебе ваш богослов!» Эта истинно верующая женщина собрала все свое мужество и, чтобы помочь самой себе и святым душам, начала призывать Матерь Божию и святых и громко читать молитвы. Пока все это происходило, призрак уселся на небольшой сундучок и начал издавать звучные стоны и жалобно вздыхать. Он причитал и стонал до тех пор, пока она не закончила читать свои молитвы. Затем он вдруг схватил туфли

настоятельница и швырнул их в емкость для питьевой воды. На следующий день она рассказала обо всем происшедшем своему духовнику, который велел ей усердно молиться за эту бедную душу, потому что она была, по крайней мере, на пути к спасению. Более того, святой отец сообщил ей, что в тот же вечер он вознес Господу молитву за упокой этой души и отдал то небольшое, что он получил за период священного рождественского поста. А когда наступила ночь и он лег отдыхать, он почувствовал, как две ледяных руки внезапно легли ему на подложечную ямку и разбудили его. Святой отец бесстрашно схватил одну руку и стал читать молитву, изгоняющую бесов. Но, наверное, по той или иной причине его старания не были приняты Небесами. Единственная мысль, которая пришла ему в голову: этот дух пришел поблагодарить его за то небольшое, что он сделал для его освобождения. Подавая святым душам, становишься их должником. Ведь ты получаешь при этом столько же, сколько теряешь, если отказываешь им в подаянии или другой благотворительности. Лично я считаю, что раз эта несчастная душа не была похожа на те души, о которых мы говорили выше, на настоящего vrykolakas в его материальном обличье, то есть теле, то она и сильно отличалась от них по своим духовным достоинствам.

Я прекрасно знаю, что эти истории о ложных воскрешениях из мертвых привлекут внимание многих читателей и возбудят их любопытство настолько, что они захотят узнать больше, чем я рассказал. Поэтому я добавлю, что на греческих кладбищах можно найти тела и другого рода, которые по истечении пятнадцати — шестнадцати лет — а иногда даже двадцати и тридцати лет — обнаруживают раздувшимися, как воздушные шары, а когда их бросают на землю или катят, они издают звук, подобно пустому барабану, почему их обычно так и называют. Поистине, я не могу на этих страницах начинать дискуссию о том, как или почему это происходит. Я лишь отмечу широко распространенную веру греков в то, что если тело обнаружено распухшим и раздутым, то это верный признак того, что его владелец был похоронен отлученным от церкви. На самом деле когда греческие священники и епископы отлучают человека от церкви, они всегда добавляют определенную формулу предания анафеме, что означает «после смерти твоей тело твое да останется целым и нетленным». Что касается этого момента, то простые люди, которые видят эти тела, не подвергшиеся тлену, боятся отлучения от церкви, которое объявляет простой приходской священник точно так же, как митрополит или патриарх провозглашает анафему. Однако можно догадаться, что здесь, вероятно, работает какое-то колдовство или чары, как случается, когда человек необычно долго не может мочиться, как уже было отмечено. Тем не менее греки придерживаются совершенно другого мнения. В отношении этих тел в одной древней рукописи, которая раньше принадлежала церкви Святой Софии в Фессалонике (Салоники), я нашел следующий текст: «У всякого, кто ослушается родительского приказа или будет ими проклят, после его смерти будут нетленны только части тела спереди. Тот, кто предан анафеме, имеет желтый цвет лица и сморщенную кожу на пальцах. Тот, кто с виду синевато-багровый и мертвенно-бледный, был отлучен от церкви по

Закону Божьему. Тот, кто черен лицом, был отлучен от церкви епископом».

Так как православная церковь настаивает на силе отлучения от церкви, которое приводит к ужасным последствиям (нетленность тела и вампиризм), то не будет дерзостью процитировать здесь главу 14 из книги Пола Рико «Современное состояние греческих и армянских церквей. Год от Рождества Христова 1678». Ее заглавие гласит: «О том, как греки обращаются со своими усопшими, и их мнение о чистилище или срединном положении душ».

«Во время болезни или траура по умершим греки проводят церемонии, которые мы не только считаем суевериями, но и относим к древним языческим обрядам. Если у человека болит голова, священник обертывает ее покровом от священного потира и дает больному лекарство в виде святой воды с базиликом, душицей или какой-нибудь другой пахучей травой, осененной прикосновением к святому распятию или изображению Богоматери. Это как духовное, так и практическое действенное лекарство на благо души и для здоровья тела. Но если недомогание усиливается, то прикладывают святое масло или елей, смешанный со святой водой, освященной причастием; читают подходящие случаю молитвы и те главы и стихи из Нового Завета, в которых идет речь о воскрешении мертвых. Среди них [греков], как и среди приверженцев Римско-католической церкви, бытует обычай давать по выздоровлении обеты и приносить на алтарь отлитые из серебра или золота ноги, руки, глаза или какой-то другой орган, пораженный болезнью, в память и благодарность за милость Всемогущего Господа. Но когда человек умирает, стенания поднимаются просто дикие. После того как покойнику закрыли глаза, облекли тело в самые лучшие одежды и положили на пол с одной свечой в изголовье, а другой в ногах, начинается горестное действие: жена, дети и остальные домочадцы и друзья рвут на себе волосы, одежду, бьют себя в грудь и царапают лицо ногтями. Они так глубоко вздыхают и издают такие горестные крики, что могут вызвать порицание апостола, который дал им разумный совет *„не горевать так, как горюют люди без надежды“*. Тело, облаченное в погребальные одежды, с распятием на груди в сопровождении священников и дьяконов несут на место захоронения, куря ладан и вознося молитвы к Богу о том, чтобы Он принял душу покойного в рай. Жена следует за своим усопшим мужем и с такой страстью отдает ему последний долг, будто собирается силой своих воплей заставить свою душу сопровождать тело мужа в его могилу. А если в супруге нет столько страсти для изображения горя по причине кроткого и спокойного нрава, то существуют женщины, превосходные трагедийные актрисы, которых нанимают сопровождать тело умершего и действовать от имени его родственников. И тогда можно увидеть позы и жесты обезумевших и смятенных от горя людей. Тело помещают в церкви, а по окончании отпевания друзья, которые сопровождают его, сначала целуют крест у него на груди, а затем покойника — в губы и лоб,

после чего каждый в церкви съедает кусочек хлеба и выпивает стакан вина, желая покоя отлетевшей душе и утешения страдающим родственникам. После этого все расходятся по домам, и так заканчивается церемония похорон.

По истечении восьми дней после похорон друзья усопшего наносят визиты соболезнования его ближайшим родственникам и идут с ними в церковь, чтобы вместе с ними вознести молитвы за упокой его души. В этом случае мужчины опять едят и пьют в церкви, а женщины возобновляют свои варварские стенания, перемежая их воплями и плачем и другими свидетельствами отчаяния и горя. Но те, кто может заплатить другим за то, чтобы они сыграли эту роль, не принуждает себя к такому неистовству, а посылает других причитать и горевать над могилой на протяжении восьми дней. На третий день они читают молитвы за отлетевшую душу. Точно так же по истечении девяти дней, шести месяцев, а также в конце года читают молитвы и проводят богослужения за упокой души, после чего присутствующих угощают вареной пшеницей, рисом, вином и сушеными фруктами, и это называется та перна — традиционный обряд, почитаемый греками с далекой древности, который они торжественно проводят в пятницу до начала Великого Рождественского поста, Страстную пятницу и пятницу перед праздником Святой Троицы. Это особые дни для поминовения людей, умерших как насильственной, так и естественной смертью.

Что касается того мнения, которого придерживается греческая церковь в отношении состояния душ, покинувших земную юдоль, то здесь есть некоторые расхождения, так как это вопрос, по которому нет ясной формулировки церковного собора. Анатолийская конфессия (православие. — *Ред.*), которую принимают и одобряют греческие священнослужители, ясно и определенно поддерживает то учение, что души, освободившиеся от телесных оков, отправляются либо на небеса, либо в ад. Первое носит названия рай, лоно Авраамово, Царствие Небесное, где святые, в честь которых люди ежедневно поют хвалебные и прославляющие гимны, вступаются за тех, кто находится на Земле.

Те, кто отправляется в ад, который еще называют преисподней, геенной огненной и тому подобными словами, делятся на две категории. К первой относятся те, кто умирает в состоянии Божественного гнева, на них немедленно надеваются цепи и оковы, которые не снимаются и не ослабляются никогда. Ко второй — те, которые попадают в ад без этих уз, оков и мук, вечно причиняющих страдания проклятым. Но хотя они [греки] покидают земную жизнь с раскаянием и вступают в новую жизнь благодаря исповеди и отпущению грехов священником, хотя милость Господня не окончательно с ними, а их благочестие не перешло в действие, их решимость, желание начать совершать богоугодные поступки

принимаются, достигают зрелости при виде Господа не посредством каких-то дел, совершаемых в мире ином, как говорится в Книге псалмов, „Кто будет хвалить тебя в могиле или будут ли мертвые благодарить тебя в аду?“, а благодаря церковным пожертвованиям, благотворительным делам, милостыне и церковным молитвам, вознесенным за умерших живыми на земле. Вот каковы эти молитвы: „*Tu autem Domine repone animam ejus in loco lucenti, in loco quietis consolationis, ex quo longe est omnis moestitia, dolor & suspirium, condonans ei omne peccatum*“ („Господи, помести его душу в обитель света, покоя и утешения, где нет печали, горя и вздохов“). Но они [греки] не отличают лимб (у католиков пограничная область ада, в которой пребывают души праведников, умерших до пришествия Христа, и души умерших некрещеными детей. — Пер.) от ада, и это место не является чистилищем, пламя которого очищает, а муки терзают душу и минимально искупают грехи, согласно заключению второго церковного Константинопольского собора, который осудил мнение Оригена (греческий христианский теолог, философ, ученый, один из восточных Отцов Церкви, основатель библейской филологии, автор термина „богочеловек“. — Пер.): ведь душа тогда не способна ни своими страданиями, ни раскаянием получить самой себе прощение.

Но все, что должно быть сделано, должно быть сделано душой, соединенной с телом в этой жизни. Потом, когда за душой захлопнулись врата, и не осталось пути к раскаянию, лишь молитвы святых на земле, их милостивые дела и бескровные приношения при заступничестве блаженных мучеников и торжествующей церкви открывают двери рая истосковавшимся и надеющимся душам. Но этого не происходит до Судного дня, и, по утверждению греческой церкви, ни вердикт четырех патриархов, ни постановления Всемирного церковного собора, ни все собравшиеся епископы мира не способны своей властью, буллами или индульгенциями определить время освобождения даже одной души из адского плена. Лишь милостивый Всевышний, который снисходит до того, чтобы молитвы церкви тронули его, может подписать это освобождение в то время, когда он сочтет нужным. И пока блаженные не получают блаженство на небесах после Суда Божьего, точно так же и проклятые не почувствуют в полной мере мучения вечного огня. Таким образом, доктрина греческой церкви состоит в следующем.

Во-первых, хранилище томящихся душ по своему местонахождению не отличается от самого ада. Во-вторых, они не несут никакого другого наказания, кроме чувства потери Бога и рая, и не подвергаются очищению адским огнем. И в-третьих, никакие индульгенции и прощения, полученные от патриархов или всемирного епископа (папы римского), не могут ни на мгновение освободить пленные души. Кроме того, только молитвами и добрыми делами активных прихожан церкви эти души находят избавление и благо. Такова истинная позиция

греческой церкви в этом вопросе, против которой и против ее доктрины власти понтифика сильнее всего возражают католики».

Еще более известный путешественник, чем Рико, знаменитый французский ботаник Жозеф Питтон де Турнфор в 1700 г. посетил Восток, проезжая через Грецию, и в своем отчете об этом путешествии («Рассказы о путешествии по городам и портам Средиземноморья»), вышедшем в Париже в 1717 г. и ставшем классическим, оставил нам чрезвычайно интересный рассказ о кремации тела вампира, на котором он, самый внимательный из наблюдателей, присутствовал лично. Рассказав о различных греческих погребальных обрядах, особенно о мнемосуна, или «поминках», еда на которых называется коллуба — вареное зерно, напоминающее сладкую кашу на молоке с корицей, Турнфор продолжает:

«Мы стали свидетелями совершенно необычной и очень трагической сцены на острове Миконос, что было связано с одним из этих мертвецов, которые, согласно их поверьям, возвращаются после того, как их похоронят. Человек, историю которого мы собираемся рассказать, был крестьянином на острове Миконос (Киклады). По характеру он был грубым и сварливым, и эту подробность следует отметить, потому что она часто присутствует в подобных случаях. Этот человек был убит в каком-то безлюдном сельском уголке, и никто не знал, как или кто сделал это. Через два дня после того, как он был похоронен в небольшой городской часовне или молельне, стали говорить о том, что его видели по ночам, торопливо идущим огромными шагами, что он входит в дома и переворачивает там всю мебель, гасит свечи и светильники, внезапно крепко хватая людей сзади и устраивает тысячу других злобных и жульнических выходов. Сначала люди посмеивались над этими рассказами, но, когда на эти выходки стали жаловаться степенные и уважаемые люди, дело приняло по-настоящему серьезный оборот. Греческие священники публично признали факт этих походов, и, наверное, у них были свои причины для этого. Были должным образом отслужены мессы, но, несмотря на все это, призрак-крестьянин продолжал свое дело, и было похоже, что он не собирается исправиться, что бы они ни делали. Самые видные жители этого района, священнослужители и монахи несколько раз собирались вместе, чтобы все обсудить, и, согласно какому-то древнему обряду, суть которого мне неизвестна, решили, что нужно подождать, когда истекнут девять дней после похорон.

На следующий, то есть на десятый день в часовне, где лежало тело, была проведена торжественная служба с целью изгнания из него беса, который, как они считали, овладел покойным. После богослужения тело было эксгумировано, и вскоре все было готово для того, чтобы, по обычаю, вырвать из него сердце. Городской мездрильщик, старый и неловкий малый, начал вспарывать живот, вместо того чтобы вскрыть грудную клетку. Он долго шарил среди внутренностей и не мог найти то, что искал. Наконец кто-то сказал ему, что он должен рассечь

диафрагму. Так что сердце было в конце концов извлечено из тела под одобрение всех собравшихся. Но труп теперь издавал такую мерзкую вонь, что пришлось сжечь большое количество ладана. Горячий дым смешался с дурными газами, которые источало это гниющее тело, но лишь усилил зловоние, казалось проникавшее в мозг тех, кто пришел посмотреть на это отталкивающее зрелище. Их подогретое воображение пошатнулось, и от ужаса в их головах вспыхнули дичайшие фантазии. Некоторые даже начали громко кричать, что это мертвое тело изрыгает этот густой дым, и, по правде говоря, среди этого безумия мы не осмелились утверждать, что этот густой дым исходит из кадила. В самой часовне и на площади перед ней не было слышно ничего, кроме криков „Vrykolakas!“, потому что так называют тех, кто возвращается таким дурным образом. Гомон и шум распространились по всем окрестным улицам, и это слово выкрикивали так громко, что оно, казалось, раскалывает сами своды часовни. Многие очевидцы утверждали, что кровь этого несчастного была ярко-красного цвета, а мездрильщик клялся, что тело было еще теплым, как при жизни. После этого все стали обвинять мертвеца в том, что он не умер по-настоящему и позволил дьяволу оживить свое тело, потому что они на самом деле так представляют себе vrykolakas. Как я уже сказал, это слово звучало со всех сторон. Немалое количество людей ходили в толпе и утверждали, что они ясно видели, будто тело было еще мягким, а все его члены гибкими и не окоченевшими, когда его несли через поля в церковь, чтобы захоронить, так что он явно был зловредным vrykolakas. Слышно было только это слово, повторяемое снова и снова.

Я уверен, что, если бы мы сами не присутствовали при этом, эти люди стали бы утверждать, что и запаха разложения не было, до такой степени были напуганы и удивлены эти люди, одержимые идеей того, что мертвец может вернуться к жизни. Что до нас, мы предусмотрительно заняли позицию поблизости от тела, чтобы точно видеть все, что происходит, и нас выворачивало от тошноты, которую вызвала вонь от разлагающегося трупа. Когда нас спросили, что мы думаем об этом умершем человеке, мы ответили, что, по нашему мнению, он, безусловно, мертв, но, так как мы хотели успокоить или, по крайней мере, не возбуждать их болезненное воображение, мы попытались убедить их в том, что во всем происшедшем нет ничего необычного, и нет ничего удивительного в том, что мездрильщик почувствовал небольшое тепло, пока шарил руками среди разлагающихся внутренностей, что зловонные газы обычно исходят от мертвого тела точно так же, как от старой навозной кучи, когда ее пошевелишь или сдвинешь. Что же касается ярко-красного цвета крови, которой испачкались руки мездрильщика, то это были всего лишь дурно пахнущие сгустки грязи и запекшейся крови.

Но, несмотря на все наши аргументы и объяснения, они чуть позже

сожгли сердце этого человека на берегу моря. Однако, невзирая на кремацию, он стал даже еще более агрессивным и принялся совершать еще больше отвратительных поступков и вызывать еще большую сумятицу, чем раньше. Со всех сторон поступали сообщения о том, что каждую ночь он жестоко избивает людей, ломает двери и даже крыши домов, стучит и вламывается в окна, разрывает камзолы и платья в клочья, опустошает кувшины и бутылки. Это был самый ненасытный дьявол! Думаю, он не пощадил никого, за исключением консула, в доме которого мы остановились. Тем не менее я никогда не видел ничего более прискорбного и плачевного, чем состояние этого острова. Все его жители обезумели от страха, и самых разумных и лучших из них этот человек терроризировал так же, как и остальных. Это была эпидемия расстройств умственной деятельности, такая же опасная, как мания или психоз. Целые семьи покидали свои дома и с самых далеких окраин города приносили небольшие складные кровати и соломенные тюфяки на общественную площадь, чтобы провести ночь на открытом месте. Каждую минуту кто-то жаловался на какую-нибудь новую напасть или неприятность. Когда спустилась ночь, слышны были только крики и стоны. Более состоятельные люди уехали из городка (тоже Миконос) в сельскую местность.

В такой критический момент среди сумятицы и смертельной тревоги мы решили сохранять спокойствие, не делая никаких комментариев и не высказывая никаких мнений. Несомненно, за любое критическое замечание нас сочли бы не только пустыми и невежественными глупцами, но и, более того, безбожниками и атеистами. Абсолютно не в нашей власти было противостоять силе древнего и широко распространенного предания. Те, кто были проникательными и подозревали, что у нас есть серьезные сомнения в отношении истинного объяснения всего происшедшего, приходили к нам с явным намерением выговорить нам за наше неверие. И они поставили перед собой задачу доказать, что *vrykolakas* существуют, призывая в свидетели разных авторитетных людей, слова которых из книги „Щит веры“, написанной иезуитом-миссионером отцом Ришаром, они приводили в качестве цитат. „Он был латинянином, римлянином из Рима, — настойчиво утверждали они, — и поэтому вы должны обязательно верить ему“. Мы не пытались отрицать логику их аргументов, и поэтому они каждое утро приходили к нам с какой-нибудь байкой, подробным рассказом о каком-нибудь новом нападении, которое совершил этот ночной гуляка, беде или неприятности. Они даже обвиняли его в самых ужасных и отвратительных преступлениях.

Разумные люди в глубине души считали, что в один из основных моментов церемонии была совершена ошибка. По их мнению, службу нельзя было проводить до тех пор, пока сердце не было извлечено из тела этого гнусного негодяя. Они были совершенно уверены в том,

что, если бы была принята эта мера предосторожности, дьявола можно было бы неминуемо поймать, и он не смог бы снова войти в мертвое тело. А вместо этого священнослужители начали богослужение, и дьявол, по их представлению, нашел прекрасную возможность скрыться. Когда же литургия закончилась, ничто не могло помешать ему вернуться.

Единственным результатом всех этих дискуссий было то, что эти люди оказались в точно таком же затруднительном положении, что и вначале. Днем и ночью заседал местный совет и непрерывно совещался. На протяжении трех дней и трех ночей по улицам проходили торжественные процессии. Все священники придерживались самого строгого поста и постоянно ходили от дома к дому с кропилами в руках, брызгая святой водой на двери. Они даже налили ее в рот презренному vrykolakas.

Со своей стороны, мы постоянно внушали членам городского совета, что в таких обстоятельствах их долг богобоязненных христиан состоит в том, чтобы установить специальное ночное наблюдение, чтобы увидеть, что происходит на улицах. И благодаря этой мере предосторожности они наконец поймали нескольких нищих и других бродяг, которые, без всякого сомнения, были ответственны за немалую долю беспорядков и суматохи. Это не значит, что они были их источником или что это их, главным образом, следовало винить за них. И все же они сыграли свою небольшую роль в нагнетании паники. Очевидно, эти негодяи были слишком рано освобождены из тюрьмы, так как через два дня после своего выхода на свободу, чтобы возместить себе несладкое пребывание в тюрьме, они снова начали опустошать винные емкости у тех, кто был настолько глуп, что оставлял на всю ночь свой дом пустым и без охраны. Тем не менее жители положились на свои молитвы и религиозные обряды.

Однажды, когда они читали молитвы после того, как пронзили множеством обнаженных мечей могилу мертвеца, которого они эксгумировали по три-четыре раза на дню, чтобы просто удовлетворить праздное любопытство, один албанец, который в то время оказался на Миконосе, взял на себя смелость совершенно авторитетным тоном сказать, что в подобном случае крайне смехотворно пользоваться христианскими мечами. „Разве вы не видите, несчастные слепцы, что рукояти этих мечей, сделанные в виде креста, не дают демонам покинуть тело? Почему вы не воспользуетесь кривыми турецкими саблями?“ Совет этого знающего человека не возымел никакого действия. Vrykolakas был жесток, и все жители находились в оцепенении от ужаса. Они не знали, какого святого призывать, когда вдруг им будто был подан сигнал, и они начали громко заявлять по всему городу, что эта ситуация невыносима, что остался единственный способ — полностью сжечь vrykolakas, а после этого пусть дьявол овладеет его телом, если сможет, что лучше

прибегнуть к этим чрезвычайным мерам, чем остров полностью станет безлюдным. Ведь, действительно, некоторые знатные семьи начали паковать свои вещи с намерением переехать на соседние острова Сирос или Тинос. Поэтому члены городского управления распорядились доставить *vrykolakas* на мыс Святого Георгия этого острова, где был приготовлен огромный костер с дегтем и смолой, чтобы сухие дрова не прогорели слишком быстро. Останки были брошены в пламя, которое пожрало их за несколько минут. Это произошло 1 января 1701 г. Мы видели зарево костра, когда отплывали, и его можно справедливо назвать праздничным, потому что после этого прекратились жалобы на *vrykolakas*. Люди со смехом говорили друг другу, что дьявола на этот раз наконец поймали, и даже появились уличные песни и баллады, высмеивающие и передразнивающие его.

На всем архипелаге нет такого православного грека, который бы не верил твердо в то, что дьявол способен вдохнуть энергию и оживить мертвое тело. Жители острова Санторин испытывают особый страх такого рода перед оборотнями. После того как страхи жителей Миконоса были рассеяны, они выразили полное понимание того, какие могли бы быть последствия, если бы об этом деле стало известно турецким властям или епископу Тиноса. Действительно, ни один священник не соглашался поехать на мыс Святого Георгия, когда происходило сожжение тела. Священнослужители боялись, что епископ может оштрафовать их на кругленькую сумму за то, что тело оказалось извлеченным из земли и сожженным без его особого распоряжения. Что касается турок, то нет сомнений в том, что если бы это дошло до их ушей, то в следующий раз, когда они оказались бы на острове, они заставили бы всю общину дорого заплатить за кровь этого бедняги, который вызвал ужас и отвращение всей округи».

Этот рассказ имеет очень большую ценность, и, хотя следует пожалеть о скептической нотке, которая слышна на всем его протяжении, мы тем не менее благодарны за такой яркий и авторитетный отчет. Можно испытать немалое потрясение, представив себе эту ужасную сцену варварского обращения с мертвым телом, но следует постоянно помнить о том, что людям пришлось справляться с самым зловредным и страшным врагом, и, чтобы уничтожить его, им пришлось прибегнуть к грубым и ужасным методам.

Чуть раньше мы выделили причину, по которой греки так болезненно уклоняются от сжигания трупа, если только это не самый крайний случай. Для православного верующего это почти святотатство — предать огню «тело, на которое священник пролил святой елей, когда проводил соборование умирающего».

Обычай сжигать тела умерших относится к очень древним временам. Древние жители страны Ханаан (древнее название Палестины и Финикии. — *Пер.*) практиковали его до появления обычая предавать тела умерших земле, который пришел сюда вместе с семитскими племенами около 2500 лет до н. э.

(из пустынь и полупустынь Аравии, откуда кочевники-семиты несколькими волнами (ок. 2500 до н. э. — ок. 1200 до н. э.) семитизировали, например, Палестину и Сирию, а также Месопотамию. — *Ред.*). Среди еврейского народа нет и следа обряда кремации. Исключение составляют чрезвычайные обстоятельства — война или эпидемия. Хорошо известно, какими торжественными церемониями такой развитый народ, как египтяне, окружал бальзамирование своих мертвых. Иранцы считали любую попытку кремации преступлением, караемым смертной казнью, и существовали особые правила очищения огня, который был осквернен таким образом. Даже среди греков и римлян такая практика была отнюдь не повсеместной, как часто полагают, и, безусловно, она не заменила собой те древние обряды римлян, о которых нам рассказывает Цицерон. Важно, что род Корнелиев, который был одним из самых благородных и образованных в Риме, не позволял сжигать своих умерших родичей. Единственным исключением был, по-видимому, Сулла, что вызвало множество комментариев и замечаний.

Древние христиане не сжигали своих умерших, но во время их преследований язычники, чтобы уничтожить веру в воскрешение тела, часто предавали тела мучеников огню, веря в то, что они могут сделать это невозможным. Этот вопрос был хорошо подытожен Минуцием Феликсом в его диалоге *Octavius*, который Ренан не без оснований назвал «жемчужиной апологетической литературы», и эти слова прославленного римского адвоката так же справедливы для нас теперь, как и в III в. Опровергая утверждение, что кремация делает воскрешение тела невозможным, Минуций пишет: «И мы ни в малейшей степени не боимся, как вы понимаете, никакого вреда от способа погребения, но мы придерживаемся старого и лучшего обычая».

27 июля 1892 г. архиепископ Фрайбургский, помимо других, задал прихожанам Римско-католической церкви вопрос: законно ли содействовать кремации тел по чьему-либо распоряжению или совету или принимать участие в нем, будучи врачом, официальным лицом или рабочим крематория? Ответ был таков: официально участие по доброй воле не разрешено. С другой стороны, физическая помощь при осуществлении этой процедуры при определенных условиях может быть дозволена: если кремация не является актом масонской секты, если в ней нет ничего, что само по себе, прямо или намеренно, выражало бы отрицание католического учения и восхваление секты, если явствует, что официальные лица и другие люди не были назначены или приглашены принять участие в этом обряде, дабы оскорбить и нанести вред католической вере. Очевидно, что вышеперечисленные ограничения очень великодушны и люди, участвующие в этой процедуре, не считаются вероотступниками, но их всегда могут предостеречь от того, чтобы активно участвовать в кремации.

Можно определенно утверждать, что в практике кремации нет ничего, что прямо бросало бы вызов церковному вероучению. Она может быть разрешена в отдельных исключительных случаях, и такие случаи нередки, и многие священники обращались к епископу за такой санкцией в отдельных случаях. Мне самому пришлось представлять на рассмотрение случай, когда кремация

казалась целесообразной. И все-таки законодательство, которое запрещает кремацию, стоит на прочном основании, так как в большинстве случаев в наше время кремация, вне всякого сомнения, связана с обстоятельствами, которые делают ее публичным проповедованием материализма и атеизма. Европейские франкмасоны впервые получили официальное признание этого обряда от различных правительств, а церковь с самого начала была против практики, которой пользовались главным образом известные враги христианской веры. Наверное, следует добавить, что в Англии протесты против кремации не так хорошо понимаются большинством. По поводу опасений жителей острова Миконоса, что турецкие власти узнают о сожжении вампира, Турнфор замечает, что причиной этого было не какое бы то ни было отвращение мусульман к сожжению мертвого тела — они не испытывали никаких религиозных сомнений на этот счет. Жители острова единственно боялись того, что их угнетатели воспользуются этой возможностью как предлогом для вымогательства дани. Действительно, есть зарегистрированные случаи того, что турки, обнаружив тело, похожее на *vrykolakas*, сжигали его, согласно обычаю. Некоторые современные авторитеты утверждают, что скорее турки сами могут стать *vrykolakas*, нежели христиане. Православная церковь считает, что те люди, которые умерли некрещеными или вероотступниками, особенно подвержены возможности вернуться после смерти в качестве вампиров. Мусульмане, разумеется, некрещеные. Широко распространена вера в то, что крещение не даст детям стать оборотнями и, следовательно, вампирами. Что же касается вероотступника, то он *ipso facto* (в силу самого факта) отлучен от церкви, даже если не был официально предан анафеме.

В отношении того, что священнослужители не присутствовали на сожжении тела вампира на мысе Святого Георгия, и того, что они беспокоились, как бы об этом не узнал епископ на острове Тинос, можно привести очень уместный отрывок из книги Уильяма Мартина Лика, который в своих «Путешествиях по Северной Греции» (опубликованы в 1835 г.) пишет о вере в вампиров на Эпире:

«Сейчас было бы непросто встретиться с примером самого варварского суеверия, веры в *vrykolakas*. Так как это название иллирийское (Иллирия — северо-западная часть Балканского полуострова. — *Пер.*), то это, по-видимому, оправдывает греков и не делает их его изобретателями. Это слово, вероятно, было привнесено в эту страну варварскими славянскими народами. Описание Турнфора принято правильным. Считается, что дьявол входит в *vrykolakas*, который, восстав из могилы, мучает сначала своих ближайших родственников, а затем других людей, доводя их до смерти или потери здоровья. Средство избавления состоит в том, чтобы вынуть из могилы тело, и, если после церемонии изгнания беса священником злой дух продолжает досаждать живым, следует разрубить тело на мелкие куски, а если и этого недостаточно, то сжечь его. Архиепископ города Лариса недавно сообщил мне, что, будучи митрополитом города

Гревена, он однажды получил извещение о том, что священником были эксгумированы два тела и брошены в реку Альяк под тем предлогом, что они vrykolakas. Явившись к епископу, священник признал этот факт и в свое оправдание заявил, что люди видели, как из могилы, в которой были захоронены эти два тела, в окружении пламени появилось большое животное. Епископ начал с того, что обязал священника заплатить 250 пиастров (его святейшество не добавил, что он роздал эти деньги бедным). Затем он послал прислужника за ножницами, чтобы отрезать священнику бороду, но удовлетворился тем, что напугал его. Затем он приказал оповестить всю епархию о том, что любое преступление подобного рода будет наказано вдвое большим штрафом и безусловной потерей социального статуса и тем самым утихомирил всех вампиров в своей провинции».

Этот отрывок, безусловно, интересный и важный, но мы должны быть осторожными при исправлении в нем одной существенной детали. Пока вера в vrykolakas в современной Греции не идет на убыль, а по-прежнему широко распространена. Любопытно, что Лик допустил серьезную ошибку, предположив, что эти предания отжили свое. Едва ли найдется путешественник, который не стал бы опровергать его в этом утверждении. Пэшли и Тоузер, не говоря уж о других, подчеркивают, что это суеверие и по сей день процветает, и, если ввиду природной осторожности греческого крестьянина оно не проявляется явно, оно тем не менее не становится слабее, хотя и более отодвинуто в тень, чем раньше. Из своего собственного опыта скажу, что я сталкивался с ним в современной Греции, и оно чрезвычайно живуче и на материке и, особенно, на островах. Выдающийся ученый господин Лоусон дает обширные доказательства греческим преданиям и обычаям. Более того, в предисловии к своей книге «Современный греческий фольклор» он прозорливо говорит о том, как трудно добыть детальную информацию об этих явлениях. Он справедливо замечает, что «крестьянин, который искренне верит в предрассудки и тщательно соблюдает обычаи, о которых он мог бы рассказать, сразу же замолкает, увидев записную книжку».

Придерживаясь любого мнения о vrykolakas в современной Греции, вы постоянно сталкиваетесь с тем огромным значением, которое придается разложению тела. Греческие поминки по усопшим, эти «дары мертвым», которые играют такую заметную роль в жизни греческого народа, уже были описаны. И когда мы вспоминаем о главном последствии такого разложения, с первого взгляда может показаться, что отношение к усопшим у греков включает два противоречащих друг другу мотива, а именно: желание обеспечить определенное существование путем удовлетворения телесных потребностей умерших и сильное желание того, чтобы тело уничтожилось. Невозможно, чтобы два таких диаметрально противоположных и взаимно исключающих представления сосуществовали, и достаточно одного вывода: распад тела подразумевает не его уничтожение, а воссоединение тела и души.

Если по завершении разложения тела оно соединяется с душой,

родственники умершего могут считать себя свободными от обязанности обеспечивать ему пищу и дары.

Теперь мы можем поинтересоваться, когда обычно считается разложение тела достигнутым, и в народе считается, что таким сроком являются сорок дней. Погребальная песня, которую поют на острове Закинф (Ионические острова), недвусмысленно сообщает нам об этом: «А через сорок дней члены умершего распадаются, их блестящие волосы отрываются, их темные ясные глаза вываливаются, а голова расстается с туловищем».

Более того, сороковой день после кончины кого-либо на всей территории Греции является тем днем, когда родственники усопшего устраивают поминки, на которые зовут друзей и соседей. На Крите, если умершего подозревают в том, что он стал *vrykolakas*, люди в таком случае еще больше заинтересованы решить с ним вопрос до истечения сорока дней, так как, если не произойдет естественное разложение тела, он непременно станет вампиром.

Но здесь вмешался авторитет церкви и сильно изменил народное поверье. Время, необходимое для разложения тела, согласно церковным канонам, составляет три года, и, следовательно, хотя идея о сорока днях по-прежнему широко распространена, церковь внушила свое правило верующим, и, следуя ему, приношения пищи на могилу умершего продолжают не менее трех лет, а по окончании этого срока происходит эксгумация. Я привожу следующий отрывок из произведения господина Лоусона, так как он не только очень четко иллюстрирует различные рассматриваемые моменты, но и приводит свои собственные наблюдения. «В настоящее время, напротив, люди продолжают приносить на могилу умершего еду до третьей годовщины со дня его смерти, когда происходит эксгумация. Тогда, если люди своими собственными глазами видят и убеждаются в том, что распад произошел полностью, что тела нет, а есть лишь кости, им уже и в голову не приходит приносить для умершего пищу. Но в редких случаях, когда разложение тела не закончилось, родственники не освобождаются от своих обязательств по отношению к усопшему. Я был свидетелем поразительного случая такого рода в Леонидионе на восточном побережье Лаконии. Когда я приехал, две могилы были только что вскрыты, и люди были чрезвычайно взволнованы, потому что в обоих случаях имело место лишь частичное разложение: в одном случае оно было столь мало, что можно было различить черты лица; люди боялись, что один или оба мертвеца превратились в *vrykolakas*. Когда я увидел останки, они были перенесены в часовню, прилегающую к кладбищу. Люди обсуждали, что с ними делать. Разложение тел должно произойти как в интересах самих мертвецов, так и всей общины. Требовались чрезвычайные меры. Лучшее, что было предложено, — я передаю лишь то, что действительно слышал, — после молитв (их испробовали, но безрезультатно) — это сжечь останки. Самые смелые жители деревни предложили этот план. Но это было бы нарушением закона и порядка, и местные власти не позволили бы этого. Священник предложил перезахоронение, но тут стали возражать родственники. У них уже было достаточно и беспокойства, и расходов: они поставили неугасимый светильник у могилы и праздновали все поминки. Они не соглашались на

перезахоронение тела и не хотели выполнять все эти обязанности по отношению к умершему в течение неопределенного времени, не зная, когда тело усопшего должным образом „освободится“, а их заботы ему больше не будут нужны. Они хотели найти какой-нибудь способ разрушить труп и побыстрее.

И им это удалось. А я некоторое время был зрителем этой сцены. На полу часовни стояли две большие корзины с останками, а рядом с ними сидели люди и орудовали ножами. Среди них были женщины, которые стояли на коленях у корыта и мыли кости, которые им передавали, мылом и содой. Эта работа продолжалась в течение двух дней. По истечении этого срока кости уже были белыми и чистыми. Все остальное исчезло (возможно, было тайком сожжено), но эта тайна хранилась крепко. Поэтому было объявлено, что разложение тела закончилось.

Та позиция, которую заняли родственники умершего в этом случае, дает ясно понять, что все заботы о мертвом обязательны до разложения тела, но не дольше. Пока плоть остается в этом мире, для нее следует поставлять пищу; когда она исчезла и остались лишь кости, усопший перестает быть зависимым от своих живущих родственников, которые перестают беспокоиться о его благополучии».

Можно отметить, что со скелетом и человеческими костями греки обращаются так, что нам это показалось бы жестоким и неуважительным. В случае канонизированных святых действительно кости будут храниться, как священная реликвия, но в обычных условиях, как только тело подверглось распаду, кости просто выбрасывают в канаву или яму неподалеку от кладбища, за его священными пределами. Эти хранилища останков, которые можно увидеть в Греции повсюду, церковь, безусловно, называет кладбищами, коимптериа, в противоположность некротафеион, месту предварительного погребения. Но с этими кладбищами обращаются неуважительно. Церковное кладбище требует к себе набожного и благоговейного отношения, а обычная сточная канава, в которую выбрасывают кости, вызывает пренебрежение и неуважение. Когда мы вспоминаем чрезвычайную заботу, которой окружают греки своих мертвых, их сложную погребальную литургию, панихиды и погребальные песни, следует понимать, что это отношение, кажущееся черствостью, не является просто бездумным легкомыслием или беспричинным неуважением. Существует весьма здоровое объяснение: когда тело полностью распалось и снова воссоединилось с душой, снова обретя индивидуальность и активность, его отбеленные кости, скелет без плоти бесполезен и даже менее чем бесполезен, это то, что выполнило свое предназначение, и теперь это можно списать со счетов.

И хотя, как мы уже видели, христианство никогда не относилось благосклонно к кремации, а церковь бескомпромиссно осуждала ее из-за ее внутренней связи с языческими обрядами, стоит заметить, что православие, предпочитая, безусловно, предание тела земле, не придерживалось таких же строгих правил, как католическая церковь, и при определенных условиях

видело возможность послабления. Милость, которую люди очень хотели обеспечить своим усопшим, — это разложение тела, и, если погребение в земле могло в каком-то случае не привести к желаемому результату, то эта цель неизбежно и, можно сказать, немедленно достигалась путем кремации. Если в случае погребения родственники могли испытывать какие-то сомнения и пребывать в неизвестности, то, если тело сжигалось, они сами могли своими глазами увидеть, что его действительно пожрало пламя. У славян имелся способ избавиться от вампира, который состоял в том, чтобы одним ударом вогнать осиновый или боярышниковый кол ему в сердце. Грекам же было известно более надежное средство. Сохранилось предание о древнем способе сжигания мертвых в Древней Элладе, хотя в жизни этим способом не пользуются. Когда более поздние потомки эллинов столкнулись с ужасной опасностью, они вспомнили о древнем обряде, который обеспечивал немедленный и полный распад тела и обрубал всякую связь между живыми и умершим человеком, который после кремации больше не смог бы вернуться и досаждать им. И по-видимому, в таких чрезвычайных случаях такое средство не встречало никакого серьезного отпора со стороны церкви. Люди доказывали, что раз христианский обряд оказался в определенной степени неэффективным, раз вампир вернулся из могилы, то, безусловно, позволительно прибегнуть к другим, более радикальным мерам, даже если они несут в себе нечто языческое. В случае эпидемии чумы разрешалось сжигать тела, чтобы мор не распространялся. Точно так же, разумеется, позволялось сжигать тело чудовища, которое было распространителем инфекции вампиризма. Этот довод признавался молча. Действительно, священники в отдаленных деревнях и пустынных сельских местностях так же, как и население, безусловно, стремились избавиться от *vrykolakas*, и почти любые средства считались законными и одобряемыми. Когда вести о таких случаях достигали ушей епископа, люди получали довольно суровое порицание, особенно в более поздние времена. Но в силах епископа было разрешить выкопать из земли тело вампира и сжечь. Как и в наши дни, если чрезвычайные обстоятельства требуют этого, епископ может разрешить кремацию тела. Греки считали, что тем умершим, которые возвратились в мир живых и страдают оттого, что их тело не разлагается, следует помочь, и верным способом достижения распада тела, который обеспечивает умершим покой, является, безусловно, кремация. Это была мера, к которой прибегнуть было нелегко, однако это был акт милосердия как по отношению к живым, так и мертвым.

Мало найдется путешественников по Греции, начиная с XVII в., когда их вояжи впервые стали подробно записываться, и до наших дней, которые не рассказывали бы о вампирах, или *vrykolakas*. Важные свидетельства отца Франсуа Ришара и Турнфора уже были записаны. Пол Лукас, «Путешествия по Средиземноморью» которого были опубликованы в Гааге в 1705 г., так пишет о своих наблюдениях на острове Корфу (Керкира): «Несколько вполне здравомыслящих людей рассказывают о необычном факте, который часто случается в этих местах, а также на острове Санторин. По их словам, умершие

люди возвращаются и появляются среди бела дня. Они даже входят в разные дома и ужасно пугают тех, кому они попадаются на глаза. Вследствие этого всякий раз, когда является один из таких призраков, власти сразу же отправляются на кладбище, чтобы эксгумировать труп. Его разрубают на крошечные кусочки и в конце концов сжигают по официальному приговору правителей и судей. После того как все это сделано, эти мертвецы или полумертвецы больше никогда не возвращаются. Господин Анджело Эдме, губернатор острова, уверял меня, что он сам оглашал приговор в случае такого рода, а более пятидесяти ответственных и полностью заслуживающих доверия человек единогласно засвидетельствовали эти факты».

Здесь будет к месту процитировать весьма интересный отрывок из «Путешествия по Далмации» аббата Джованни Батисты Альберто Фортиса. Эта часть книги адресована члену благородного венецианского семейства Моризини. Аббат пишет:

«О суеверии морлаков (в прошлом обособленная группа горного населения Далмации (совр. Хорватия). Потомки древнего романизированного иллирийского населения. Ныне говорят на сербско-хорватском языке, хотя еще в XVI и частично в XVIII в. у них сохранялось романское наречие. В Средние века итальянизированное население городов Далмации называло морлаками все сельское население этой страны. — *Ред.*). Морлаки, принадлежат ли они к Римско-католической или греческой церкви, имеют очень своеобразные представления о религии, а невежество их учителей каждый день усиливает это чудовищное зло. Они твердо убеждены в реальности ведьм, фей, колдовства, ночных призраков и волшебства, будто они видели тому тысячу примеров. Они также ни в малейшей степени не сомневаются в существовании вампиров и приписывают им, как в Трансильвании, тягу сосать кровь младенцев. Поэтому когда умирает человек, подозреваемый в том, что он стал вампиром, или *vikodlak*, как они его называют, ему разрезают бедра и втыкают в тело булавки, полагая, что после этого он не сможет ходить. Даже есть примеры, когда морлаки, вообразив, что после своей смерти они могут испытывать жажду детской крови, умоляют своих наследников, а иногда и обязывают их обращаться со своим телом как с телом вампира, когда они умрут.

Самый храбрый гайдук, дрожа от страха, пустится наутек при виде призрака, привидения, фантома или тому подобных гоблинов, которых разгоряченное воображение легковерных и предубежденных людей всегда им нарисует. И они не испытывают стыда, когда их высмеивают за этот страх, а отвечают почти словами Пиндара: „Страх, который порожден духами, заставляет даже сынов Божьих бежать без оглядки“. Женщины, как можно вполне естественно предположить, в сотню раз более боязливы и склонны видеть несуществующее, чем мужчины; а некоторые из них, часто слыша в свой адрес слово „ведьма“, и на самом деле верят, что они ведьмы. Старым ведьмам известно много

колдовских наговоров, самым распространенным из которых является наговор на то, чтобы соседские коровы перестали доиться, а их молоко перешло в корову колдуньи. Но они могут творить и более любопытные вещи, чем это. Я знаю одного молодого человека, сердце которого, пока он крепко спал, вынули у него из груди две ведьмы, чтобы пожарить и съесть. Бедняга не ощутил этой потери, пока не проснулся, и тогда стал жаловаться на то, что на месте сердца в его груди пустота. Нищенствующий монах, который лежал там же, но не спал, видел всю эту анатомическую процедуру, которую проделывали ведьмы, но не мог помешать им, потому что они его заколдовали. Однако колдовство утратило свою силу, когда молодой человек без сердца проснулся, и оба они захотели наказать ведьм. Но те, натершись какой-то мазью, улетели. Монах подошел к очагу, взял сердце, к тому времени уже пожаренное, и предложил молодому человеку съесть его. Как только парень сделал это, он совершенно вылечился, что разумно было предположить. Добрый монах рассказал эту историю и будет еще часто ее рассказывать, клянясь в ее правдивости. А люди не осмеливаются подозревать, что это вино заставило рассказчика видеть то или иное, а две женщины, одна из которых не была старухой, бежали от него совершенно по другой причине, а не потому, что были ведьмами. Колдуний называют Gestize, а для противодействия им есть другие, которых называют Vabornize, такие же искусные в снятии чар. Сомневаться в существовании этих двух противоборствующих сил было бы хуже, чем безбожие».

Более чем полвека спустя добродетельный аббат Пэшли рассказывает следующую историю в своих «Путешествиях по Криту» (1837):

«Однажды в деревню Каликрати в районе Сфакии (Хора-Сфакион) стал являться katakhanas, и люди не знали, кто он такой и откуда. Этот katakhanas убивал и детей, и взрослых людей; он истребил население не только этой деревни, но и многих других деревень. Его похоронили в церкви Святого Георгия в Каликрати, а так как в то время он был человеком с положением, то над его могилой соорудили арку. Один пастух, крестный отец усопшего, пас овец и коз неподалеку от этой церкви и, когда его застал ливень, зашел в склеп, чтобы укрыться от дождя. Потом он решил поспать и провести там ночь и улегся на камень, обхватив его крест-накрест руками, как подушку. Люди могут сказать, что именно по этой причине katakhanas не смог выйти из могилы. Ночью, когда katakhanas снова захотел выйти, чтобы убивать людей, он сказал пастуху: „Крестный, вставай, у меня есть дело, и мне надо выйти наружу“. Пастух ему не ответил ни в первый раз, ни во второй, ни в третий, ведь он знал, что этот человек стал katakhanas и именно он причинил в округе столько зла. По этой причине он сказал ему, когда тот в четвертый раз обратился к нему: „Я не уйду отсюда, потому что я боюсь, что ты можешь сделать мне что-нибудь плохое. Но если уж я должен встать, поклянись мне своим

саваном, что ты не причинишь мне зла, и тогда я встану и уйду". Но тот не произнес то, что ему было предложено, а сказал совсем другое. Тем не менее, когда пастух не позволил ему выйти из могилы, katakhanas дал клятву, как того хотел пастух. И тогда мужчина встал, убрал руки с камня, а katakhanas вышел из могилы, поздоровался с ним и сказал: „Крестный, не уходи, а сиди здесь. У меня есть дело, и я должен уйти, но через час вернусь и кое-что тебе скажу“. И пастух остался его ждать.

А katakhanas прошел около десяти миль до того места, где жили молодожены, и убил их. Когда он возвратился, его крестный увидел, что он несет в руках печень, и они мокры от крови. И пока katakhanas ее нес, он, как мясник, надувал ее, чтобы увеличить размеры. И показал своему крестному, что печень уже приготовлена, как будто лежала на огне. После этого он сказал: „Давай-ка присядем, крестный, и поедим“. Пастух сделал вид, что ест печень, но глотал лишь сухари, а куски печени ронял себе за пазуху. Когда настал час расставания, katakhanas сказал пастуху: „Крестный, никому не говори о том, что ты видел, потому что, если ты сделаешь это, двадцать моих ногтей нацелятся на тебя и твоих детей“. Однако пастух не терял времени и сообщил обо всем священникам и другим людям, и они пришли к могиле и там нашли katakhanas в таком виде, в котором тот был похоронен. И все люди поняли, что это он совершал все злые дела. Они собрали много хвороста, бросили на него тело и сожгли его. Его крестный не присутствовал при этом, но, когда katakhanas уже наполовину сгорел, пастух вышел вперед, чтобы насладиться зрелищем. И katakhanas пульнул в него одной-единственной каплей крови, которая упала пастуху на ступню, и та скукожилась, как будто ее пожарили на огне. По этой причине люди просеяли пепел и нашли уцелевший ноготь от мизинца katakhanas и сожгли его тоже.

Я слышал, — продолжает автор, — что другой katakhanas погубил много народу в Анополисе (населенный пункт на острове Крит в 15 километрах от Ираклиона. — *Ред.*).»

Пэшли далее замечает: «У Платона мы также находим следы главного виновника подобных преступлений, из которых возникло это современное суеверие. Он пишет о неких неясных призраках, грешных душах, которые не смогли полностью освободиться от своей телесной оболочки, державшей их в плену, и обитали в могилах. Однако Платон не приписывает этим призракам склонность сосать кровь, характерную для современных вампиров».

Невозможно закончить эту тему, не вспомнив о трудах Дамаскина (Иоанн Дамаскин — церковный писатель VII в. — *Ред.*), среди которых была книга «о душах, которые являются после смерти». Написанное им, по признанию патриарха Фотия, «обладает значительными литературными достоинствами и, без сомнения, стало бы огромным добавлением к демонологии древних».

Через несколько страниц Пэшли рассказывает следующую историю: «Хозяйка гостиницы, в которой я жил в Анополисе, однажды проезжала по

горной местности вместе с одной из своих дочерей, и, когда они проехали около трех миль от деревни Мури, они услышали пение, но различить слова было невозможно. Злой дух — она предположила, что это он был невидимым объектом, встревожившим ее, — начал бросать камни, которые падали перед ними и позади них. И хотя она его не видела, она сразу же начала читать вслух какой-то священный текст, который никогда не подводит в качестве оружия против любого демона. Когда женщина обнаружила, что злой дух продолжает петь и бросать в них камни, она поняла, что это, должно быть, *katakhanas*. Поэтому она перекрестилась и воззвала к Пресвятой Богородице: „Сначала было слово, и слово было с Богом, и слово было Бог“. Эту фразу она произнесла дважды, но все было напрасно: *katakhanas* продолжал катить вниз камни, как и раньше. Затем она прочитала текст из греческого требника, но и это не произвело большее действие. *Katakhanas* продолжал преследовать и терроризировать ее. Наконец, подъезжая к деревне, она увидела двух женщин, призвала себе на помощь все свое мужество и смелее обратилась к преследователю, после чего он прекратил допрашивать ее».

Здесь мы видим менее злобного вампира, который предается забавам полтергейста. Также следует заметить, что он появляется среди бела дня, это *deamonium meridianum*, «полдневный дьявол». Господин Джеймс Теодор Бент в докладе, прочитанном в Антропологическом институте 24 ноября 1885 г. «Об обычаях на греческих островах», упоминал вампиров и некоторые традиции (предания), связанные с вампиризмом.

«В этой деревне [под названием Наксос] у них сохранилась древняя традиция оставлять „обол для Харона“ (деньги за переправу). Название „наулон“, „деньги за переправу“, они дают небольшому восковому кресту с надписью „Иисус Христос побеждает“, который они кладут на сомкнутые губы умершего. Так христианство приспособило под себя языческий ритуал. Во времена Византии, много времени спустя после введения христианства, в могилах на черепках находили монеты этой империи.

На островах сохранились различные обычаи, связанные с погребением, которые уносят нас далеко в прошлое. На острове Серифос (Киклады) каждого землевладельца хоронят на его собственном поле в могиле, устроенной в виде склепа. Я ни разу не видел такого обычая ни на каком другом острове, за исключением Корсики. Он напомнил об одном из дней, когда один афинянин оставил в своем завещании распоряжение похоронить себя в своей собственной земле.

В одной деревушке на острове Карпатос (Додеканес, Южные Спорады) мертвецов хоронят в могилах рядом с церквями, которые принадлежат различным семьям. В них тело покойника лежит без земли и разлагается, так что в жаркую погоду чувствуется тошнотворный запах. На цемент, покрывающий могилу сверху, местные жители ставят тарелки. Я спросил, для чего это делают, но не получил ответа. Очевидно, это пережиток давней традиции устраивать

поминки по умершему на его могиле. Любопытным совпадением было то, что в некоторых древних могилах, которые я вскрыл неподалеку от этой самой деревни, я нашел тарелки с костями рыбы и следами другой пищи на них, которая там лежала более двух тысяч лет.

Много обрядов, имеющих отношение к похоронам, имеют древнее происхождение. Например, коллуба, то есть вареные зерна пшеницы со сладким изюмом, медом, кунжутом, базиликом и т. д. — еда, которую готовят для усопших. Иногда эту еду называют „макариа“, „благословенными лепешками“, из благозвучия, несомненно. Эти „коллуба“ кладут на могилы в положенные дни после смерти, сопровождая это горестными стенаниями, и это сильно напоминает поминки по усопшим в стародавние времена, которые также устраивали по определенным дням. А идея ставить тарелку с вареной пшеницей является пережитком того, что воплощено в истории Деметры и ее дочери и выражается христианским языком как „посеян гниющим, а воскрешен неизменным“.

И по сей день на греческих островах широко распространен страх перед вампирами и вера в то, что грешный человек не может обрести покой после смерти. Местные жители говорят, что если плоть не разлагается на костях по истечении года, когда покойника переносят из могилы в склеп, то его дух бродит вокруг и „кормится сам“, то есть сосет кровь своих родственников и тем самым получает силы для своих походов в облике привидения. Это напоминает одну из историй Гомера о том, что тени в Аиде (Гадесе) верили в то, что, наполнив себя кровью, они могут вернуться к жизни, и поэтому они жадно упивались кровью убитой овцы».

Сэр Реннел Род в своем чрезвычайно интересном исследовании «Обычаи и верования в современной Греции» подробно останавливается на вампирах, и не будет дерзостью процитировать то, что он так великолепно описал.

«Есть еще один таинственный древний злой дух, Gillo, происхождение которого связано с островом Лесбос; на него часто ссылаются средневековые авторы. В настоящее время более распространен страх перед Strigla („стригла — ис“), который у римлян назывался „стрикс“. В современной Италии strega, как и греческая strigla, — это женщина-ведьма, дыхание которой — смертельный яд, а сама она обладает способностью изменять свой облик, летать по ночам в виде вороны и сосать человеческую кровь. Однако она отличается от вампира, которого считают ожившим мертвецом, тогда как strigla — это живой человек, превратившийся в птицу. Такой взгляд на strix просматривается в законе Карла Великого для провинции Саксония, который обещает смертную казнь любому, „кто по дьявольскому наущению верит, подобно язычникам, что какой-либо мужчина или женщина является strix и питается людьми; поэтому такого следует сжечь или раздать его плоть на съедение“. Таким было варварское противоядие, как раньше в России и Польше, от вампиров, где кровь

тела, из которого выходил вампир, съедалась в виде блюда».

В наше время *strix* редко появляется в мужском обличье («стриглос»), и это слово употребляется в качестве эпитета, выражающего ненависть или презрение к старикам и старухам с нехорошей репутацией. В этом случае оно почти является эквивалентом нашей ведьмы.

Настоящий вампир — это *vrykolakas*, о котором и по сей день ходят разные истории, хотя полковник Лики более пятидесяти лет назад высказался в том смысле, что будет непросто найти в Греции кого-нибудь, кто по-прежнему верит в такой варварский предрассудок. Албанцы называют его *wurwolakas*, и у этого слова есть несколько вариантов в различных уголках Греции. Само слово, несомненно, славянского происхождения и встречается в Чехии, Далмации, Черногории, Сербии и Болгарии. У поляков оно выглядит как *vilkolak* и означает больше «оборотень», нежели «вампир». Само же суеверие уходит в глубину веков, а название было лишь привнесено славянскими переселенцами, потому что мы обнаруживаем вампиров на островах Крит и Родос, куда славяне не проникли, и там они носят название *katakhanas*, что означает «тот, кто истребляет». На острове Тинос (Киклады) это *anakathoumenos*, «тот, кто хватает», а на Кипре — *sarkomenos* — название, которое подразумевает либо то, что мертвое тело, из которого выходит вампир, сохранило плоть, либо оно «объелось плотью».

Нельзя не заметить, что слова Лики о том, что предания о вампирах постепенно исчезают, категорически опровергаются властями. Сэр Реннел Род прослеживает историю вампиров в классических источниках: «Илиаде», «Одиссее» и особенно у Павсания. Из произведений последнего он приводит широко известный пример «демона» из Темесы и историю о том, «как страна Орхомен страдала от призрака, сидевшего на камне, а когда люди пошли к оракулу, тот ответил, что жители Орхомена должны найти и захоронить останки Атеона, сделать медное изображение призрака и прикрепить его к камню». «В конце концов мормо, эмпуса и ламия в древних народных суевериях приобрели репутацию кровососущих вампиров».

Сэр Род подводит итог:

«Можно отметить, что *vrykolakas* в более поздних преданиях не всегда является сосущим кровь вампиром. Это название иногда распространяется на обычных призраков умерших людей, которые возвращаются на землю, и в этом смысле, по крайней мере, это суеверие не вышло из употребления, как, видимо, считает полковник Лики. В воспоминаниях Николаса Драгумиса есть интересный рассказ о воздействии этого суеверия на население острова Наксос (Киклады), где в начале 1830-х гг. эпидемия холеры унесла огромное количество жертв. Пошел слух о том, что мертвецов с Наксоса в потустороннем мире было так много, что они победили Хароса (повелителя мертвых) и пошли назад на землю, чтобы получить свое. Страх перед этими *vrykolakas*, как их называют, был так велик, что жители на закате дня спешили по домам, запирали на засовы двери и окна и подпирали их грудой мебели. Но часто это было напрасно, потому что призраки

проходили через замочные скважины и пугали живых много дней, полных тревог».

В предыдущей главе я уже писал о страхе перед вампирами, который охватил Данциг во время ужасной эпидемии холеры в 1855 г. Многие люди, ослабевшие и больные от страха, хотя и не заразились болезнью, заявили, что на них нападали злобные вампиры и что мертвецы вернулись, чтобы взять их с собой. И довольно большое количество людей немедленно скончались от своей собственной паники и страхов без каких-либо признаков болезни.

«Vrykolakas, — продолжает сэр Реннел Род, — обычно ненасытен». Vrykolakas, который возвращается как простой призрак, как бы страшно он ни выглядел, разумеется, не является настоящим вампиром. В отчете о случаях вампиризма на острове Наксос, представленном Николасом Драгумисом, особое внимание уделяется отвратительному и ужасному виду этих призраков. Они кажутся худыми и страшно истощенными, изнемогающими от голода. Самое необходимое для них — это пища, и зачастую они крадут яйца, даже домашнюю птицу и скот. Эта тяга к еде является связующим звеном, которое не может быть чисто случайным и проникло окольными путями вместе с ассирийским вампиром, который жадно ест, чтобы заглушить приступы голода. Когда эти монстры выбирают себе жертву, они обычно начинают со своих ближайших родственников. Если дома находятся мужчины, то они будут первыми, на кого будет совершено нападение, наверное, потому, что они более сильные и энергичные, и обычно они умирают от таких нападений. Если мужчины находятся в поле, вампиры похищают женщин. И вот что любопытно: объекты их вожделения остаются в живых и даже рожают детей своим омерзительным любовникам.

В Греции по-прежнему можно услышать, что остров Идра был «в незапамятные времена» населен вампирами, но рьяный примас (в католической и англиканской церквях почетный титул главнейших епископов. — *Пер.*) своими молитвами и ритуалами изгнания нечистой силы прогнал их на остров Тирасия в группе островов Санторин, и здесь они бродят взад и вперед всю ночь напролет, так как не могут пересечь соленое море, чтобы найти себе жертву. Тот, кто достаточно смел, чтобы отважиться приблизиться к берегу этого острова, может услышать их пронзительные вопли и крики, которые всегда возвещают надвигающийся шторм или даже какие-нибудь еще более страшные природные катаклизмы.

Один житель острова Крит сообщил сэру Реннелу Роду, что те люди, при крещении которых какая-то часть ритуала осталась незавершенной, безусловно, станут вампирами. А на острове Кефалиния говорят, что брак с koumbaros приводит к такому же результату. Рассказав подробно историю о katakhanas, взятую у Пэшли, которая была изложена выше, сэр Реннел Род добавляет: «Случай, описанный Пэшли, произошел очень давно, но на Крите мне лично рассказали случай, произошедший с человеком, хорошо знакомым моему информатору и обладавшим даром предсказывать, когда человек умрет. Время от времени этот человек таинственным образом заболел и неизменно объяснял это тем, что мертвецы, чью судьбу он предсказал, возвращаются в

качестве katakhanas, чтобы разными способами мучить его, хотя и в облике скорее обычных привидений, нежели вампиров. Объясняя все таким образом, он казался абсолютно искренним.

В своем труде, посвященном исследованию фольклора острова Китнос (Киклады), Генри Откер рассказывает, что островитяне считают, что многие болезни, особенно туберкулез, являются результатом нападений вампиров.

Если верить Генри Откеру, люди, живущие на острове Китнос, верят в то, что умерший является настоящим святым, если его тело быстро обращается в прах, а злые духи, обитающие на острове, представляют собой не что иное, как души тех грешников, тела которых остаются мумифицированными. „И все-таки некоторые говорят, что в наши дни привидений нет совсем, потому что они хвастаются, что нашли отличный способ не допустить появления никакого привидения“. И в самом деле, что такое привидение, если не дьявол, который овладевает мертвым телом, проникая в него через рот. Прекрасно, тогда, чтобы не допустить такого общественного бедствия, остается сделать лишь одно — поместить в рот умершего, как только тот испустил свой последний вздох, небольшой крест из воска. Дьявол никогда не осмелится пройти через крест. Так что не будет больше призраков, которые могут появиться перед людьми. И все же, несмотря на эту панацею, призраков по-прежнему можно увидеть на острове Китнос, возможно, не так много, как в старые добрые времена, но они еще есть. Например, Андилаверис, о котором на острове все знали... он доставлял людям больше всего беспокойства. Не принимая в расчет высокое уважение, которым заслуженно пользовались его домашние и родственники, он безжалостно изводил всю деревню. По ночам он выходил из могилы и бродил по улицам Мессарии. Иногда он даже входил в какой-нибудь дом, садился за стол и начинал есть, как голодный великан, и пить, как рыба, а потом, насытившись вином и угощением, он развлекался тем, что бил тарелки и стаканы, стучал кастрюлями и сковородками и при этом ужасно выл, будто взбесившийся оборотень.

Вся деревня пребывала в состоянии дикой паники. Как только наступали сумерки, люди сидели в своих домах за запертыми дверями, и никто не осмеливался высунуть нос на улицу. Женщины, мужья которых были в отъезде, уходили ночевать в дома своих родителей. Дотоле никто и не слыхал о таком злобном духе, как этот Андилаверис. Он имел обыкновение смеяться над всеми и бросал вызов самим святым на небесах. Бывали дни, когда ему взбрело в голову забраться на крышу церкви и с такой высоты поливать мочой проходящих внизу людей, как сам Маннекен-Пис (известная достопримечательность Брюсселя — фигурка-фонтан. — *Ред.*). Вскоре стало ясно, что необходимо принимать решительные меры, к которым обычно прибегают, чтобы уничтожить призраков-вампиров, разгуливающих по улицам ночью. Андилаверис не довольствовался тем, чтобы тихо лежать в своей могиле. Прекрасно, вскоре он узнает, что с ним собираются сделать. Выбрали пятницу, так как это единственный день недели, когда все эти призраки *broukolakes* остаются в могилах. Сельский священник, церковный сторож и много других людей пошли на кладбище и вскрыли могилу Андилавериса. Они

вынули тело, пребывавшее в глубоком сне, подобно объевшейся змее, положили его в старый мешок, специально взятый с собой для этой цели, и положили этот жуткий груз на спину крепкому мулу. Небольшая процессия направилась в приморскую деревушку Брайокастро. Все поднялись на борт большого парусного судна, которое их ожидало, и повезли свой груз на крошечный островок Даскалейон. Там священник похоронил тело в труднодоступном пустынном месте, но это было нелегко. Андилаверис, который, несомненно, догадывался, что с ним происходит, очнулся от своего еженедельного сна и окатил священника потоками грязи и нечистот. Но в конце концов все возвратились домой, удовлетворенные знанием того, что они освободили свой городок от посещений этого мерзкого призрака, ведь vrykolakas не может переплыть море. Написано, что лишь „дух Божий мог передвигаться над водой“.

В обширной коллекции фольклора, собранной профессором Политесом, встречается немало количество историй о вампирах в Греции наших дней. Как выше было замечено, по очевидным причинам старый обычай сжигать тела умерших в силу сложившихся обстоятельств был забыт, и хотя и неохотно, но люди стали прибегать к другим средствам. Следует всегда помнить о том, что эксгумация после истечения трехлетнего срока после похорон является установленным ритуалом греческой церкви. Например, на острове Скирос (Северные Спорады) в настоящее время, если тело обнаруживают неразложившимся, его переносят по очереди в сорок церквей, а затем снова помещают в могилу. В некоторых районах Крита, на Китносе и некоторых других островах существует обычай привозить тело к могиле, расположенной на каком-нибудь совершенно пустынном и необитаемом островке. Но эти меры, очевидно, не привлекают людей. В 1890 г. в афинской прессе появилась заметка с сообщением о том, что на острове Андрос (Киклады) было сожжено тело вампира, и, если можно доверять молве, это далеко не последний пример такого происшествия. Греческий ученый, который написал ряд монографий о Кикладах, высказывает свое мнение: „Неграмотный крестьянин на Андросе и по сей день верит, что мертвое тело может воскреснуть и причинить ему вред. И разве эта вера во vrykolakas не распространена по всей Греции?“ На Китносе имена нескольких человек, включая женщину, которые стали vrykolakas, и по сей день вспоминают с ужасом. Есть подозрения, что от их тел избавились традиционным способом. Когда господин Лоусон в 1900 г. посетил остров Скирос, ему рассказали о сравнительно недавних случаях вампиризма. И мне самому, когда я был на этом острове несколькими годами раньше, рассказывали не об одном вампире, похождения которого были пресечены совсем недавно — если они и в самом деле прекратились, в чем многие сомневались. Конечно, я не могу сказать, были ли эти примеры разными историями или одними и теми же.

Господин Джеймс Теодор Бент, который посетил остров Андрос в 1884 г., рассказывает, что всего лишь за несколько месяцев до его приезда на этот остров священником была вскрыта могила предполагаемого vrykolakas. Тело было эксгумировано, разрублено на мелкие кусочки и кремировано. В январе

1895 г. в Мандудионе, остров Эвбея, предположили, что одна женщина стала вампиром и причиной многих смертей в этом краю. Крестьяне решили выкопать тело из могилы и сжечь его, и есть причины полагать, что это было осуществлено. В тех краях я сам слышал устные предания о вампирах в деревне, до которой можно добраться на муле по тропинке, проходящей через великолепный лесной ландшафт. Господин Лоусон пишет: „В 1899 г., когда я был на острове Санторин, мне рассказали, что два или три года назад жители о. Тирасия сожгли vrykolakas, а когда я посетил этот остров, никто не отрицал, что такой случай имел место, но ответственность за него была возложена на жителей Санторина“. Профессор Политес описал подобный случай сожжения вампира в Гурцумизе неподалеку от города Патры. То, что подобные кремации происходят в греческих деревнях и в наши дни, пусть и в условиях секретности, которые год от года соблюдаются все строже, нечего даже и сомневаться.

Господин Лоусон перевел следующий отрывок из истории, произошедшей близ Сфакии на Крите, который был записан игуменом тамошнего монастыря и опубликован в 1888 г.

„Существует поверье, что большинство мертвецов, проживших дурную жизнь или отлученных от церкви каким-нибудь священником (или, что еще хуже, семью священниками), становятся vrykolakas, то есть после того, как душа отделяется от тела, в него входит злой дух, занимает место души и принимает облик умершего человека, превращая его во vrykolakes или человека-демона.

В таком обличье злой дух делает тело местом своего обитания и сохраняет его от разложения. Он перемещается быстро, как молния, куда захочет и по ночам наводит на людей сильный страх и панику. Все дело в том, что он не остается один, а делает каждого, кто умер по его вине, таким же, как и он сам, так что через короткое время у него появляется большая и опасная свита последователей. Обычно vrykolakes усаживается на спящего человека и своим огромным весом вызывает у него мучительное чувство тяжести. Существует большая опасность, что жертва в таком случае может скончаться и также превратиться во vrykolakas, если рядом не окажется никого, кто почувствует страдания человека, ставшего жертвой vrykolakas, и выстрелит из ружья, заставив тем самым кровожадное чудовище скрыться. Ведь, по счастью, оно боится звука выстрела и удаляется, не достигнув своей цели. Немало таких сцен мы видели своими собственными глазами.

Со временем это чудовище становится все более дерзким и кровожадным и способно полностью опустошить целые деревни. По этой причине местные жители стараются как можно скорее уничтожить первого появившегося vrykolakas, прежде чем наступит второй 40-дневный срок его существования, потому что к этому времени он становится безжалостным и непобедимым носителем смерти. С этой целью жители деревни зовут священников, которые

утверждают, что знают, как уничтожить это чудовище, для обсуждения вопроса. Эти самозванцы после богослужения идут к могиле, и, если чудовища в ней не находят — ведь оно бродит по окрестностям и донимает людей, — они повелительным тоном призывают его вернуться в свое жилище. Как только чудовище оказывается на месте, оно лишается свободы посредством какой-нибудь молитвы, а затем распадается на куски. После его гибели всех тех, кто превратился из-за него во *vrykolakas*, где бы они ни находились, постигает та же участь.

Этот глупый предрассудок распространен на всем Крите, а особенно в горных и уединенных уголках острова”.

Хорошо, конечно, говорить о „глупом предрассудке“, и, без сомнения, многие приведенные здесь детали являются преувеличением и в устном пересказе, и в представлении сельских жителей, но, несмотря на все это, предания о вампирах имеют под собой более чем реальную почву. Хорошо написал господин Лоусон: „Образованный“ грек, который презирает предания и традиции простого народа, будет разглагольствовать о них не менее скучно и с ошибками ради того, чтобы его фантазии были записаны». И я не сомневаюсь в том, что этот игумен с Крита казался себе современным, ученым и знающим предмет, утоляя свое тщеславие.

Вампир — это злобное существо, и, хотя следующая поэма озаглавлена *Vrykolakas*, в ней речь идет не о настоящем вампире. Тем не менее ее можно привести здесь, так как она считается одной из самых лучших новогреческих баллад. Она существует в нескольких версиях, одну из которых выбрал Пасов и использовал в своей поэме *Carmina Popularia*:

У матери были девять храбрых сыновей и одна любимая дочь,
Одна-единственная дочь, которой дорожили и которую баловали.
Двенадцать долгих лет она не знала солнечного света,
Умывалась с наступлением ночи и расчесывала кудри до зари,
И пока звезды были на небе, она заплетала их в изящные косы.
А когда прибыло посольство из далекой страны,
Чтобы отвезти ее, невесту, в чужие края,
Восемь ее братьев были против этого, но Константин одобрил это.
«Нет, отправляй ее туда, мать моя, — сказал он, — в эту чужую страну,
В далекую страну, куда я могу поехать,
И тогда у меня будет удобный дом, где я смогу остановиться».
«Ты рассудителен, сын мой, — сказала она, — но твой совет нехорош.
Что, если нападет на меня болезнь, или приблизится черная смерть,
Или моим жребием станет радость или печаль, кто тогда привезет ее ко
мне?»

Он поклялся ей Всевышним и святыми великомучениками,
Что если черная смерть придет к ней, или на нее нападет болезнь,
Или ее жребием станет радость или печаль, он поедет за ней и привезет
ее.

И она отправила свою Арету в чужую страну.

Но когда настало время, которое принесло смертельную болезнь, Которая охватила их всех, и девять братьев умерли, Тогда мать осталась одна, как камышина на равнине.

У их могил она била себя в грудь и стенала.

Но когда она пришла к могиле Константина, она подняла могильный камень

И сказала: «Поднимайся, мой Константин, мне нужна моя милая дочь. Разве ты не клялся Всевышним и святыми великомучениками в том, Что, когда радость или печаль мне выпадут по жребию, ты поедешь и привезешь ее?»

И вот из могилы, в которой он лежал, ее мольбы подняли его.

Он поехал на грозовой туче, и звезды украшали его уздечку.

Его свитой была сияющая луна; и так он поехал за сестрой.

Перед ним вставали горы и исчезали позади,

Пока он не увидел ее там, где она расчесывала свои косы при луне.

И тогда он позвал ее издалека:

«Поедем со мной, поедем, моя Арета! Наша мать зовет тебя».

«Увы, — ответила она, — дорогой брат, в такой час!

Скажи, к радости ли ты зовешь меня? Надеть ли мне украшения?

Или, если повод мрачный, скажи мне. Я не буду менять платье».

«Поедем со мной, поедем, моя Арета! Не мешкай, не надо менять платье».

И когда они проезжали по дороге, свершая свой путь,

Птицы начинали громко петь, и вот что было в их песне:

«Как странно! Дух мертвеца сопровождает очаровательную девушку».

«Послушай, Константин, — сказала она, — что поют птицы:

„Дух мертвеца сопровождает очаровательную девушку“».

«Не слушай их, этих глупых птиц, не слушай их, сестра моя».

Так продолжался их путь, а птицы снова запели:

«О невиданное, достойное жалости зрелище! О, как грустно видеть, когда духи мертвецов идут рядом с живыми людьми!»

«Не слушай их, бедных птах, — сказал он, — не слушай их, сестра».

«Увы, я страшусь тебя, брат мой! Твоя одежда пахнет ладаном!»

«Это ничего, — ответил он, — вчера вечером мы молились у алтаря,

И священник, проходя мимо, обдал меня клубами ладана».

И снова, когда они проходили мимо, запели другие птицы:

«Всемогущий Боже! Твоя рука творит чудеса,

Она посылает дух мертвеца, чтобы он сопровождал эту красивую девушку».

Она услышала их голоса, и ее сердце упало.

«О, послушай, послушай, Константин, что поют птицы!

Скажи, где твои золотистые волосы и красивые усы?»

«Изнурительная болезнь напала на меня и привела меня к могиле,

Именно тогда я потерял свои золотистые волосы и усы».

Они прибыли домой. И что же? Дверь заперта на засов.

Окна заколочены и затянуты паутиной.

«Открой! — вскричал он. — Милая мама! Смотри, я привел твою дочь!»

«Если ты Харон, не подходи; у меня нет других детей.

Моя несчастная Арета! Она живет далеко в чужой стране».

«Открой, мама! Не мешкай, это говорит Константин!

Разве я не клялся Всевышним и святыми великомучениками в том,

Что, когда тебе выпадет горе или радость, я привезу ее?»

Она встала; и когда она подошла к двери, душа матери отлетела.

Глава 5

РОССИЯ, РУМЫНИЯ И БОЛГАРИЯ

Нет ничего удивительного в том, что в такой печальной и уставшей стране, как Россия, предания о вампирах приобретают еще более мрачную окраску. Мы узнаем о чем-то уродливом, разрушающем кости, грязном, дурно пахнущем, гротескном, и эти подробности лишь усиливают омерзение и ужас.

В России по-прежнему можно обнаружить вполне отчетливые признаки пережитков стародавних обрядов, с помощью которых древние славяне, тогда еще язычники, отмечали похороны своих близких. И об этих обрядах нам посчастливилось получить немало подробной информации. Важные ссылки на различные обычаи, которые сопровождали похороны у славян, можно найти у таких древних авторов, как византийский император Маврикий, который в своем произведении «Стратегикон» (в настоящее время доказано, что автор «Стратегикона» не император Маврикий (582–602), а неизвестный византийский автор (Псевдо-Маврикий) VI — начала VII в. — *Ред.*) комментирует тот факт, что жены славянских воинов отказывались жить после смерти своих мужей. Византийский (восточноримский) историк Феофилакт Симокатта, который умер в 629 г. н. э., повествует о том, что восточноримский полководец Приск вторгся в земли славян и захватил в плен Мусокиоса, «царя варваров», который был сильно пьян после пира, устроенного после похорон одного из его братьев. Это свидетельствует о буйных пирушках, которые происходили во время этих древних погребальных ритуалов. Этот отрывок был включен Феофаном Исповедником в его «Хронику», которая охватывает период с 284 до 813 г., а оттуда он был скопирован Анастасием Библиотекарем приблизительно в 886 г. В VIII в. святой Бонифаций, замученный 5 июня 755 г., сказал, что среди славяно-венедов узы брака считались такими крепкими, что было обычным, если жены убивали себя после смерти своих мужей — обычай, о котором будет рассказано несколько позже. В первой половине X в. проникательные и наблюдательные арабские путешественники Масуди и Ибн Фадлан (X в.) представили удивительные рассказы о похоронах у славян, обращая особое внимание на необычные жертвоприношения, которые тогда часто делали. Этот материал был широко использован византийским историком X в. Львом Диаконом, летопись которого охватывает период от экспедиции на Крит Никифора Фоки во время правления императора Романа II (959 н. э.) до смерти Иоанна I Цимисхия. Епископ Мерзбургский Дитмар в своем знаменитом произведении «Хроникон Дитмара», охватывающем в восьми томах годы правления саксонских императоров Генриха I (Птицелова), трех Оттонов и Генриха II, дает очень много ценной информации об исторических событиях того времени и цивилизации славянских племен на восточном берегу Эльбы. В своих энцикликах святой Оттон, епископ Бамбургский (ок. 1060–1139), осуждает многие языческие обычаи, которые снова начали утверждаться, и среди прочих он накладывает особый запрет на тайные

похороны в безлюдных лесах и полях, которые позднее стали считаться если не проклятыми местами, то местами, где живут привидения. «Богемский (Чешский) Геродот» Козьма Пражский (р. ок. 1045 — ум. 1125), «Богемская летопись» которого начинается с древнейших времен и доходит до 1125 г., предоставляет весьма обширную информацию по этому предмету. Его труд особенно ценен тем, что он как историк правдив и честен, разграничивает то, что является несомненным фактом, и то, что основывается на преданиях, и обычно указывает источники своей информации. Более четырех веков спустя латинское стихотворение «Роксолана», написанное Клоновичем (Краков, 1584), дает нам яркую картину похорон у русинов (украинцы, жившие в Польше или Австро-Венгрии. — *Пер.*) в XVI в. Еще более известен рассказ, который содержится в письме Мелетия (или Менетия), написанном в 1551 г., *De Sacrificiis et ydolatria ueterum Borussorum*, и был подробно воспроизведен Ласицием в его труде *De Diis Samogitarum*. Краткий пересказ всего ценного и подходящего, что есть у этих авторов, можно найти в научном, хотя и несколько старомодном, трактате Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» (М., 1868).

Многие ученые спорили на тему, хоронили ли древние славяне своих мертвецов или сжигали их на погребальных кострах. Некоторые авторы утверждают первое, другие так же твердо придерживаются второго. К тому же существовало предположение, что те славяне, которые вели кочевой образ жизни, сжигали своих покойников, но, когда они стали вести оседлый образ жизни в селах и деревнях, появился обычай хоронить их. (Первоначально все индоевропейские племена были преимущественно «пастушескими» (по определению академика Б. А. Рыбакова), но постепенно, заняв огромные территории, становились оседлыми, причем славяне гораздо раньше своих диких родственников германцев. — *Ред.*) Существует мнение, что у этих язычников были две религиозные секты, каждая из которых избавлялась от покойников своим способом. Более того, немало авторов полагают, что богатых славян после смерти сжигали, а бедных просто хоронили. Позже стали утверждать, что, пока славяне были язычниками, они сжигали своих мертвецов, но после принятия ими христианства они забыли этот обычай. Дав обзор множества точек зрения, Котляревский делает вывод о том, что на самом деле не существовало установленного правила и некоторые славяне хоронили покойников, а другие сначала кремировали тела, а затем, действуя в соответствии с древней семейной традицией, хоронили прах. Было подчеркнуто, что во время раскопок обычно находят следы обоих обычаев в одной могиле: рядом с останками тела, которое было похоронено без кремации, лежит прах того, кто был сожжен.

Можно отметить, что ни в одном славянском языке не существует древнего слова, которое обозначало бы «кладбище», и, видимо, кладбищ не было, так как исследования показали, что почти всегда могилы располагались поодиночке или в группе могил членов семьи. Иногда в качестве могил покойникам выбирали горы, а особенно пещеры в горах. У племен, которые жили по берегам Балтийского моря, излюбленным местом захоронений были

пустоши и чаща леса. Точно так же, как и у многих других диких народов, когда труп сжигали или хоронили (сходные обычаи были и у других родственных индоевропейских народов, например греков, римлян, индусов. — *Ред.*), такая же участь постигала и различные предметы. Погибали воины, и обычно при их похоронах убивали их любимого коня; их оружие, доспехи, украшения и даже домашняя утварь — все это уничтожалось, чтобы служить им в потустороннем мире. Но самыми важными компаньонами умерших были люди, которые либо убивали сами себя, либо их убивали на похоронах вождя. Арабские путешественники рассказывают, что в некоторых случаях существовал обычай, согласно которому жена умершего должна была быть удушена, чтобы ее тело можно было кремировать с телом ее господина. В других районах было принято хоронить жен умерших заживо. На этот ритуал есть ссылки в песнях и обычаях народов, и это объясняет так называемые «браки» между живыми и мертвыми. Среди таких песен есть моравские плачи, в которых о мертвых говорится, что они поднимаются из своих могил и уносят с собой своих жен или невест. В одной былине умершего человека по имени Поток хоронят вместе с его живой женой. В 1872 г. Ральстон пишет: «Брак и смерть часто странным образом объединялись, по крайней мере у некоторых древних славян. Крепко убежденные в том, что людям, соединенным в этой жизни брачными узами, суждено жить вместе и в мире ином, они так искренне горевали о судьбе человека, умершего неженатым, что, прежде чем предать тело земле, они обычно находили ему партнера для вечной жизни». Тот факт, что, если мужчина у некоторых славянских народов умирал холостяком, после его смерти ему назначалась жена, основывается на авторитетных заявлениях нескольких очевидцев. А в измененном виде такая практика сохранилась в некоторых местах и по сей день. В Малороссии, например, умершую девушку одевают в свадебный наряд, а ее друзья приходят на ее похороны, как на свадьбу. Похожий обычай соблюдается в случае смерти молодого человека. В Подолии (Западная Украина) тоже похороны незамужней девушки устраивают как свадьбу: в женихи выбирают юношу, который сопровождает ее до могилы; при этом свадебный платок обвязан вокруг его рукава. С этого момента ее семья считает его своим родственником, а в глазах всех остальных членов общины он вдовец. В некоторых уголках Сербии, когда умирает молодой человек, девушка, одетая как невеста, следует за ним до могилы, неся два венца; один из них бросают на тело, а другой она хранит, по крайней мере некоторое время.

Ибн Фадлан рассказывает, что некоторые купцы-русы, с которыми он познакомился в Волжской Болгарии, громко обвиняли своего арабского друга в том, что он принадлежит к народу, который хоронит своих покойников, чтобы они гнили и становились пищей для червей, и в таком случае невозможно сказать, что случится с умершими, в то время как у них принято сразу же кремировать умерших, так что усопшие без задержки попадают в рай. Кажется неясным, что это были за «русские», и Расмуссен, переводчик этого повествования на датский язык, энергично отрицает, что они были скандинавами, но большинство авторов согласны с тем, что, вероятно, это

были варяжские купцы.

Можно заметить, что язычники-славяне ставили на могильном кургане небольшую хижину или шатер, где душа могла бы найти покой и убежище, когда придет посетить тело, в котором она когда-то обитала, и сюда же приходили родственники умершего, когда хотели оплакать его останки. Полвека назад в России еще можно было встретить следы этого обычая. Несмотря на строжайший церковный запрет, белорусы ставили над могилами нечто вроде сруба. В некоторых районах их называли «голубец». Это слово больше подходит для обозначения креста под крышей, который обычно ставят на кладбище. Как можно себе представить, существовало поверье, что эти небольшие жилища, запрещенные церковью, населяли страшные призраки, и они часто служили потайным убежищем для оборотней и вампиров.

Язычники-славяне также поддерживали традицию хоронить в одной могиле как можно больше поколений членов одной семьи; и чем больше обитателей занимало могилу, тем больше уважения было семье, так как она находилась под защитой столь большого количества «отцов», чьим жилищем она стала. Может показаться, что какие-то штрихи этого обычая существуют в современной Болгарии, где, как говорят, если ни один родственник не умирает на протяжении трех лет, семейную могилу вскрывают и хоронят в ней любого незнакомого человека, который умер по соседству. Это, без сомнения, происходит из старого поверья, что могиле нужна жертва.

Даже в настоящее время продолжают существовать обряды, которые явно уходят корнями в эти представления, и связь между мертвыми и живыми следует разрушить из страха того, что умершие могут еще возвратиться, чтобы потребовать к себе кого-то из тех, кто остался на земле. Так, в некоторых уголках России постель, на которой лежал умирающий человек, или, по крайней мере, матрас должны быть уничтожены. В современной Англии тот же самый обычай еще не полностью исчез, так как в некоторых графствах считается несчастьем, если кто-то из членов семьи или домочадцев или родственник ляжет спать на кровать, на которой кто-то умер, так что от этого предмета мебели стараются поскорее избавиться. Считается, что это касается только тех, кто каким-то образом был близок умершему или жил с ним в одном доме. В России дом, откуда недавно отправлялась на кладбище похоронная процессия, или, по крайней мере, его главную комнату усыпают зерном. В Англии в некоторых домах в течение семи дней после похорон держат запертой комнату, в которой лежал покойник. Причина этого уже совершенно неизвестна, но первоначальная идея, видимо, состояла в том, чтобы не позволить духу возвратиться в эту комнату. Я слышал, что дверь запирают, чтобы призрак не выбрался из комнаты, что, видимо, указывает на давнее поверье: через семь дней сила призрака ослабевает и исчезает.

У жителей Чехии раньше существовал обычай, согласно которому никто из людей, возвращающихся с похорон, не должен был оглядываться назад, и хорошей приметой считалось бросать через плечо палки и камни. Это явно делали для того, чтобы удержать подальше от себя умершего и не дать ему пойти по их следам. Существовала и еще более замысловатая

предосторожность: присутствовавшие на похоронах люди должны были надевать маски и вести себя необычно по дороге с кладбища. На самом деле это делалось для того, чтобы замаскироваться так, чтобы покойник не узнал их и не смог последовать за ними домой. Во многих странах считается недопустимым, чтобы тело выносили из дома вперед головой, так как тогда покойник увидит дверь и непременно найдет дорогу назад. Эта причина явно приписывается этому обычаю, существующему в очень отдаленных друг от друга уголках света: в различных землях Германии и среди индейцев Чили. Не так давно на севере Англии было принято нести тело на кладбище необычными, окольными путями, и, хотя причина этого уже совершенно забыта, без сомнения, это делали для того, чтобы умерший не нашел пути домой. Более чем вероятно, что давний обычай хоронить ночью, который существовал — если называть лишь некоторые страны — в Древнем Риме, Шотландии, Германии, на Гавайях и у народа малинке (народ, живущий в Гвинее, Кот-д'Ивуаре, Мали, Сенегале, Гамбии и Гвинее-Бисау. — *Пер.*), изначально был призван скрыть от покойника дорогу к могиле. Также считалось, что призрак не может пройти сквозь огонь, и поэтому южных славян, возвращавшихся с похорон, встречает старуха, которая несет жаровню с тлеющими углями. В некоторых регионах принято брать щипцами тлеющие угли из очага и бросать их назад через плечо. У русинов этот обычай настолько потерял свое значение, что они просто пристально смотрят на домашнюю печь и касаются ее руками. В других регионах было распространено представление о том, что дух умершего не может пересечь водный поток, и лужицкие венды (сербы) не забывают лить воду перед домом после возвращения с похорон. Несомненно, с этим связана какая-то вера в очищение, и необходимость какого-то символического очищения особенно заметна у сербов. (Сербы Балканского полуострова пришли сюда в конце VI в. с севера (где до сих пор живут остатки их ближайших родственников, лужицан (лужицких сербов). Балканский полуостров тогда (как и многие другие регионы) почти обезлюдел после так называемой Юстиниановой чумы, в течение 50 лет убившей более 100 миллионов жителей Средиземноморья и прилегающих регионов, где население стало иногда совершенно другим. — *Ред.*) У них ни лопату, которой копали могилу, ни телегу, на которой везли гроб, нельзя поставить во дворе крестьянского хозяйства. Даже лошадей, которые были запряжены в похоронные дроги, следует отпустить пастись на пастбище, и так на протяжении трех дней после похорон любой инструмент или принадлежность похорон следует оставлять за пределами двора, иначе они могут принести в дом смерть.

Из вышесказанного явствует — а можно добавить еще очень много подробностей, — что в России, как и в других упомянутых странах, люди испытывают явный страх перед возвращением мертвых. Способность мертвых навлекать беду на живых не просто ограничена страхом перед их призраками, а затрагивает более глубокие струны. Мертвецы могут вернуться в своих телах в виде злобных чудовищ, желающих унести с собой живых в царство теней, где они уже побывали. Отсюда и все эти замысловатые церемонии и

полуязыческие обряды для предотвращения таких появлений. Этот ужас перед умершими — мрачная и ужасная вещь, которая контрастирует с тихими мыслями об ушедших в мир иной людях, молитвами и заупокойной службой, которые утешают святые души, как учит и предписывает католическая церковь. (Католическому автору надо было бы отправиться на русское кладбище на Пасху. Он бы все понял. — *Ред.*)

Фигура вампира логически развилась из таких темных предрассудков. И хотя заявление Гертца на самом деле далеко от истины, легко понять, почему он написал: «Вера в вампиров является специфически славянской формой широко распространенной веры в призраки». Что касается русских вампиров, У. Р. С. Ральстон замечает:

«Районами Российской империи, в которых, главным образом, распространена вера в вампиров, являются Белоруссия и Украина. Но отвратительный кровосос упырь, название которого прижилось во многих других странах в формах, напоминающих наше слово „вампир“, тревожит разум крестьянина во многих других уголках России, хотя, возможно, и не сеет такой сильный страх, который распространен среди населения вышеуказанных районов или других славянских стран. Многочисленные предания, возникшие вокруг изначального представления, варьируют в зависимости от местности, но они никогда полностью не противоречивы.

Некоторые детали весьма любопытны. Малороссы полагают, что, если руки вампира окоченели оттого, что долгое время оставались в скрещенном положении в могиле, он пользуется зубами, которые у него сродни стальным. Когда он прогрызает с их помощью себе путь через все препятствия, он сначала уничтожает младенцев, которых он находит в доме, а затем старых его обитателей. Если по полу комнаты рассыпать соль мелкого помола, то следы вампира можно проследить до могилы, в которой его можно увидеть лежащим с порозовевшими щеками и окровавленным ртом.

Кашубы говорят, что, когда *vieszcy*, как они называют вампира, просыпается в своей могиле, он начинает глотать свои руки и ноги, и, пока он так их пожирает, один за другим сначала его родственники, а затем соседи начинают болеть и умирать. Закончив со своими собственными запасами плоти, он в полночь выходит из могилы и убивает скот или залезает на колокольню и звонит в колокол. Все, кто слышит зловещие звуки колокола, вскоре умирают. Но обычно он сосет кровь у спящих людей. Те, над кем он поработал, будут найдены наутро мертвыми с небольшой ранкой на левой стороне груди как раз напротив сердца. Лужицкие венды (сербы) считают, что, когда труп поедает свой саван или сосет свою собственную грудь, вся его родня вскоре последует за ним в могилу. Валахи (то есть румыны, не славяне. — *Ред.*) говорят, что „мурони“ — помесь оборотня и вампира, связанная своим названием с английским словом *nightmare* (кошмар) — может принимать облик собаки, кошки или жабы, а также

любого кровососущего насекомого. Когда его выкапывают из могилы, видно, что у него недавно выросли длинные ногти на руках и ногах, а из его глаз, ушей, носа и рта течет кровь».

Ральстон рассказывает, что он получил свою информацию о русских вампирах, главным образом изучая произведение выдающегося автора Александра Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», которое было опубликовано в трех томах в Москве в 1865–1869 гг. Соответственно, самым лучшим примером русских народных сказаний будет одна из тех историй, которые перевел Ральстон.

Следующий рассказ будто бы слышали в Тамбовской губернии:

«В сумерках мимо кладбища ехал крестьянин. За ним побежал незнакомец, одетый в красную рубаху и новый пиджак, и закричал:

„Остановись! Подвези меня“.

„Пожалуйста, садись“.

Они въезжают в деревню, подъезжают то к одному дому, то к другому. И хотя ворота распахнуты, незнакомец говорит: „Запри их!“, потому что на них выжжены кресты. Они подъезжают к самому последнему дому. Ворота заперты на засов, а на нем — висячий замок весом двадцать фунтов. Но на них нет креста, и они распахиваются сами по себе.

Они входят в дом. В нем на лавке лежат два спящих человека — старик и парень. Незнакомец берет ведро, ставит его рядом с парнем и ударяет его в спину. Из раны на спине течет алая кровь. Незнакомец наполняет ведро доверху и выпивает все до капли. Затем он наполняет ведро кровью старика, утоляет свою звериную жажду и говорит крестьянину:

„Светаает! Пойдем-ка вернемся в мое жилище“.

В мгновение ока они оказываются на кладбище. Вампир схватил крестьянина руками, но, по счастью, начали кричать петухи, и вампир-мертвец исчез. На следующее утро пришли люди и увидели, что старик и парень мертвы».

Четыре удивительные истории, которые я привожу далее, тоже взяты у Афанасьева, а еще я воспользовался версиями Ральстона русских народных сказок.

Крышка гроба

Как-то ночью мужик ехал по дороге и вез на телеге горшки. Его конь устал и вдруг остановился как вкопанный у кладбища. Мужик распряг коня и отпустил его пастись, а сам тем временем улегся на одну из могил. Но заснуть он не мог.

Так он лежал какое-то время. Вдруг могила под ним начала расступаться. Мужик почувствовал движение и вскочил на ноги. Могила открылась, и из нее вышел труп в белом саване с крышкой гроба в руках. Он побежал к церкви, приставил крышку гроба к двери и отправился в деревню.

Мужик был не робкого десятка. Он поднял крышку гроба, встал у своей телеги и стал ждать, что будет дальше. Через короткое время мертвец

вернулся и собирался взять крышку гроба, но ее нигде не было видно. Тогда он стал искать ее, наткнулся на мужика и сказал:

«Отдай мне мою крышку. Если не отдашь, я разорву тебя на куски!»

«А мой топор? — отвечает мужик. — Это я порублю тебя на мелкие кусочки!»

«Отдай мне ее, добрый человек!» — просит мертвец.

«Я отдам ее тебе, когда ты расскажешь мне, где ты был и что делал».

«Хорошо. Я был в деревне, и там я убил парочку парней».

«Тогда говори, как их можно вернуть к жизни».

Мертвец неохотно ответил:

«Отрежь левую полу моего савана и возьми с собой. Когда ты придешь в дом, где были убиты юноши, насыпь тлеющих углей в горшок и положи в него кусочек моего савана, а потом запри дверь. Дым моментально оживит их».

Мужик отрезал левую полу от савана и отдал мертвецу крышку гроба. Мертвец пошел к своей могиле — могила раскрылась. Но когда он спускался в нее, внезапно запели петухи, и у него не оставалось времени укрыться как следует. Краешек крышки гроба остался торчать из земли.

Мужик это видел и отметил про себя. Начинался новый день. Он запряг своего коня и поехал в деревню. В одном из домов он услышал крики и причитания. Он вошел в него — там лежали два мертвых парня.

«Не плачьте, — говорит мужик. — Я могу воскресить их!»

«Воскреси же их, куманек, — говорят родственники. — Мы отдадим тебе половину всего, что имеем».

Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни воскресли. Их родственники обрадовались, но тут же схватили мужика и связали его веревками, крича:

«Нет уж, обманщик! Мы отдадим тебя властям. Раз уж ты сумел оживить их, может, именно ты и убил их!»

«Что это вам в голову взбрело, православные? Побойтесь Бога!» — кричал мужик.

И тогда он рассказал им обо всем, что случилось с ним ночью. И весть об этом распространилась по всей деревне. Все ее население собралось и столпилось на кладбище. Люди нашли могилу, из которой выходил мертвец, раскопали ее и вогнали осиновый кол прямо ему в сердце, чтобы он больше не мог выходить из нее и убивать людей. Мужика щедро наградили и отправили с почетом домой.

Два мертвеца

Один солдат получил отпуск и отправился домой помолиться святым образам и поклониться своим родителям. И вот пока он шел, солнце уже давно село, а вокруг стемнело. И случилось ему тогда проходить мимо кладбища. Вдруг он услышал, что кто-то бежит за ним и кричит: «Стой! Не уйдешь!»

Он оглянулся и увидел мертвеца, который на бегу скрежетал зубами. Солдат отпрыгнул на обочину и, увидев небольшую часовню, помчался к ней стрелой.

В часовне не было ни души, но на столе лежал еще один мертвец, а перед

ним горели свечи. Солдат спрятался в углу и сидел там, не помня себя от страха, но горя желанием увидеть, что будет. Вскоре прибежал первый мертвец — тот, который преследовал солдата, — и ринулся в часовню. При этом тот мертвец, который лежал на столе, вскочил на ноги и крикнул ему:

«Ты зачем сюда явился?»

«Я гнался за солдатом. Я собираюсь его съесть».

«Нет, братец! Он вбежал в мой дом. Я сам его съем!»

«Нет, я!»

«Нет, я!»

И они принялись драться. Прах разлетался во все стороны. Они бы так и продолжали драться, только закричали петухи. И тогда оба мертвеца упали бездыханными на землю, а солдат мирно пошел своей дорогой домой, приговаривая: «Слава Тебе, Господи! Я спасся от колдовства!»

Собака и мертвец

Однажды мужик пошел на охоту и взял с собой свою любимую собаку. Он шел и шел по лесам и болотам, но не нашел никакой дичи. Ночь застала его врасплох. В такой жуткий час он проходил мимо кладбища, и там, где сходились две дороги, он увидел стоящего мертвеца в белом саване. Мужика охватил страх, и он не знал, в какую сторону идти — то ли вперед, то ли поворачивать назад.

«Ну, что бы ни случилось, пойду вперед», — подумал он. Так он и сделал, а собака бежала за ним по пятам. Когда мертвец увидел мужика, он пошел к нему навстречу — не касаясь ногами земли, а держась на расстоянии фута над ней — в развевающемся саване. Когда мертвец подошел к мужику, то накинудся на него, но собака схватила его за голые икры и стала их драть. Когда мужик увидел сцепившихся мертвеца и свою собаку, он обрадовался, что все обернулось для него так хорошо, и припустился домой со всех ног. Собака продолжала схватку до первых петухов, когда мертвец упал без движения на землю. Тогда собака побежала догонять своего хозяина и догнала его у самого дома. Она кинулась на него, яростно стараясь укусить и порвать его. Она была такой свирепой и настойчивой, что домочадцы с трудом отбились от нее.

«Что такое приключилось с собакой? — спросила старая мать у мужика. — С чего бы ей так ненавидеть своего хозяина?»

Мужик рассказал ей обо всем, что произошло.

«Плохо дело, сынок! — сказала мать. — Собака разозлилась, потому что ты не помог ей. Она там дралась с мертвецом, а ты бросил ее и думал только о том, как бы спастись! Теперь она надолго затаит на тебя злобу».

На следующее утро, пока все домашние были на дворе, собака была совершенно спокойна. Но как только появился хозяин, она начала дико рычать.

Ее посадили на цепь. Целый год ее держали на цепи. Но, несмотря на это, она не забыла обиду, которую нанес ей хозяин. Однажды она сорвалась с цепи, кинулась на него и попыталась загрызть. Ее пришлось убить.

Солдат и вампир

Одному солдату дали отпуск, чтобы побывать дома. И вот он шел и шел и через некоторое время стал приближаться к своей родной деревне. Недалеко от той деревни на своей мельнице жил мельник. В былые времена солдат был с ним дружен. Почему бы ему не зайти проведать своего друга? И он пошел. Мельник сердечно принял его и сразу принес выпивку. Двое друзей начали пить и разговаривать о том о сем. А дело шло к ночи, и солдат оставался у мельника до тех пор, пока не стало совсем темно.

Когда он предложил пойти в деревню, хозяин дома воскликнул:

«Оставайся на ночь у меня, солдат! Уже очень поздно, и ты можешь попасть в беду».

«Как так?»

«Бог послал нам наказание! Умер страшный колдун, и по ночам он поднимается из могилы, ходит по деревне и наводит страх на самых храбрых! Даже ты его испугаешься!»

«Нисколько! Солдат служит царю, он ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Пойду я. Очень уж мне хочется поскорее увидеть своих родных».

И он ушел. Его путь пролегал мимо кладбища. На одной из могил он увидел пылающий костер. «Что там такое? — думает он. — Пойду погляжу». Он подошел ближе и увидел, что у огня сидит колдун и зашивает башмаки.

«Привет, брат!» — говорит солдат.

Колдун посмотрел на него и сказал:

«Ты зачем сюда пришел?»

«Хотел посмотреть, что ты делаешь».

Колдун отбросил в сторону свою работу и пригласил солдата на свадьбу.

«Пойдем, брат, — говорит он. — Давай повеселимся. В деревне сейчас свадьба».

«Пойдем!» — говорит солдат.

Они пришли туда, где была свадьба. Там им дали выпить и обращались с ними чрезвычайно радушно. Колдун пил и пил, пировал, бражничал и разошелся. Он выгнал всех гостей и родственников из дома, погрузил молодоженов в сон, вынул две склянки и шило, проткнул им руки невесты и жениха и стал вытягивать у них кровь. После этого он сказал солдату: «Теперь пойдем отсюда!»

И они ушли. По дороге солдат сказал:

«Скажи, зачем ты налил их кровь в эти склянки?»

«А чтобы жених с невестой умерли. Завтра утром никто не сможет разбудить их. Я один знаю, как вернуть их к жизни».

«И как же?»

«Невесте и жениху нужно сделать надрезы на пятках и немного их собственной крови пролить на эти раны. Склянка с кровью жениха у меня в правом кармане, а невесты — в левом».

Солдат слушал, не проронив не слова. Тогда колдун снова начал хвастаться:

«Я могу сделать все, что захочу!»

«Наверное, тебя нельзя одолеть?» — говорит солдат.

«Почему нельзя? Если кто-нибудь сложит костер из осиновых веток — из сотни вязанок — и сожжет меня на этом костре, то он сможет одолеть меня. Только ему надо держать ухо востро, когда будет жечь, потому что из меня полезут змеи, черви и разные гады, станут вылетать вороны, сороки и галки. Всех их надо поймать и бросить в костер. Если хоть одна тварь спасется, то все — в этой твари я и ускользну!»

Солдат слушал все это и запоминал. Так они с колдуном разговаривали и наконец пришли к могиле.

«Ну, брат, — сказал колдун, — теперь я разорву тебя на куски. А иначе ты обо всем расскажешь».

«О чем ты говоришь? Не обманывай себя: я служу Богу и царю».

Колдун заскрежетал зубами, громко взвыл и прыгнул на солдата, а тот вынул саблю и начал наносить ему стремительные удары. Они все дрались, и силы солдата были уже на исходе. «Эх, — думает он, — пропал я ни за что!» И вдруг запели петухи. Колдун упал бездыханным на землю.

Солдат вынул склянки с кровью из карманов колдуна и пошел в дом своих родителей. Когда он там появился и поздоровался с родными, они сказали:

«Видел ли ты что-нибудь неладное, солдат?»

«Нет, я ничего не видел».

«Ох, страшные дела творятся в нашей деревне! Колдун житья не дает!»

Поговорив немного, все легли спать. На следующее утро солдат проснулся и начал спрашивать:

«Говорят, тут где-то свадьбу празднуют?»

«Да, была свадьба в доме одного богатого мужика, — ответили ему родственники, — но в эту ночь невеста с женихом умерли — от чего, никто не знает».

«А где живет этот мужик?»

Ему показали дом. Он зашел в него, ни слова не говоря, и увидел всю семью в слезах.

«О чем вы печалитесь?» — говорит солдат.

Так и так, солдат, отвечают ему.

«Я могу оживить ваших молодых. Что я за это получу?»

«Бери все, что хочешь, хоть половину всего, что у нас есть!»

Солдат сделал все так, как научил его колдун, и воскресил молодоженов. Вместо того чтобы плакать, все начали радоваться и веселиться. Солдату оказали радушный прием и хорошо наградили. А потом — налево кругом! — он отправился к старосте и велел ему созвать крестьян и приготовить сотню вязанок осиновых веток. Принесли они хворост на кладбище, вытащили колдуна из его могилы, положили его на кучу хвороста и подожгли. Все стояли вокруг него кольцом с лопатами, метлами и железными щипцами. Костер окутался языками пламени, колдун начал гореть. Его труп лопнул, и из него поползли змеи, черви и всякие гады и стали вылетать вороны, сороки и галки. Крестьяне сбивали их и бросали в костер, не давая ни одной твари уползти. Колдун сгорел дотла, а солдат собрал его пепел и развеял его по ветру. И с того времени в деревне стало спокойно.

Вся деревня благодарила солдата. Он побыл дома немного в свое удовольствие, а потом вернулся на царскую службу с деньгами в кармане. Отслужив свой срок, он вернулся домой и стал жить без забот и хлопот.

«Истории такого рода, — пишет Ральстон, — очень многочисленны, и все они основываются на все той же вере в то, что в определенных случаях мертвецы в облике земного человека покидают свои могилы, чтобы уничтожать и мучить живых людей. Эта вера не только свойственна славянам, но является одной из характерных черт их духовной жизни».

От народных сказок, в которых тем не менее содержится больше чем просто зерно правды, мы переходим к фактам. В знаменитой работе мадам Блаватской «Разоблаченная Исида» представлен следующий рассказ о русском вампире, и утверждается, что подробности стали известны от человека, который был очевидцем этих ужасных событий. «В начале этого (XX. — *Ред.*) века в России был зарегистрирован один из самых страшных случаев вампиризма. Губернатор Ч... губернии был шестидесятилетним мужчиной со злобным, властным, жестоким и ревнивым характером. Облеченный деспотической властью, он пользовался ею без ограничений, как ему подсказывали его жестокие инстинкты. Он влюбился в хорошенькую дочь своего подчиненного. И хотя девушка была обручена с молодым человеком, которого она любила, тиран заставил ее отца согласиться на ее брак с ним. И бедная жертва, несмотря на свое отчаяние, стала его женой. И ревнивый характер губернатора проявился во всей красе. Он бил свою супругу, запирали в комнате на целые недели и разрешал ей видаться с кем-либо лишь в своем присутствии. В конце концов он заболел и умер. Поняв, что приближается его конец, тиран заставил жену поклясться никогда больше не выходить замуж и пригрозил, что в случае, если она все же сделает это, он вернется из могилы и убьет ее. Его похоронили на кладбище за рекой, и у молодой вдовы больше не было никаких неприятностей, пока природа не взяла свое и она не уступила настойчивым уговорам своего бывшего возлюбленного и не обручилась с ним вновь.

Вечером после традиционного празднования помолвки, когда все вернулись, старый особняк огласили пронзительные крики, исходившие из ее комнаты. Взломали двери и увидели несчастную женщину, лежавшую на своей постели в обмороке. В это же время послышался шум кареты, выезжавшей со двора. Обнаружили, что тело женщины черно от синяков, как будто ее щипали, а из крошечного прокола на ее шее медленно сочились капли крови. Придя в себя, она сказала, что ее умерший муж внезапно вошел в комнату и выглядел при этом совсем как при жизни, разве что цвет лица был мертвенно-бледным. Он отругал ее за непостоянство, а затем стал бить и жестоко щипать. Ее рассказу никто не поверил, но на следующее утро караульные, которые стояли на другом конце моста, перекинутого через реку, доложили, что как раз до полуночи мимо них в город промчалась черная карета, запряженная шестеркой лошадей, в которой никто не отреагировал на их оклики.

Новый губернатор не поверил в эту историю о призраке, однако тем не

менее принял меры предосторожности и удвоил охрану на мосту. Но ночь за ночью происходило одно и то же. Солдаты заявляли, что шлагбаум у их поста рядом с мостом поднимался сам по себе, и экипаж-призрак проносился мимо них, несмотря на их усилия остановить его. Каждую ночь в одно и то же время карета, громокая, въезжала во двор дома. Все наблюдатели, включая членов семьи вдовы и слуг, впадали в тяжелый сон, и каждое утро молодую жертву находили лежащей в обмороке в синяках и с кровоточащей раной. Город был повергнут в ужас. Врачи не могли предложить никаких объяснений, священники приходили, чтобы провести ночь в молитве, но с приближением полуночи всех охватывал ужасный летаргический сон. Наконец приехал архиепископ этой губернии и лично провел церемонию изгнания дьявола, но на следующее утро вдове бывшего губернатора нашли в еще худшем состоянии, чем раньше. Она была на грани смерти.

Теперь губернатор был вынужден принять строжайшие меры к тому, чтобы остановить нарастающую панику в городе. Вдоль моста он поставил пятьдесят казаков, которые получили приказ остановить карету-призрак любой ценой. Вскоре, в обычный час казаки увидели и услышали карету, приближающуюся со стороны кладбища. Офицер караула и священник с распятием встали перед шлагбаумом и закричали: „Именем Бога и царя, кто идет?“ Из окна кареты высунулась памятная всем голова, и знакомый голос ответил: „Тайный советник губернатор С.!“ В тот же момент офицер, священник и солдаты оказались отброшенными в сторону электрическим разрядом, и призрачный экипаж проехал мимо них, прежде чем они перевели дух.

Тогда архиепископ решил прибегнуть к последнему средству, проверенному временем, — эксгумировать тело и пригвоздить его к земле дубовым колом, вогнав его покойнику в сердце. Этот религиозный обряд был проведен в присутствии всего населения города. Обнаружили, что тело наполнено кровью, а щеки и губы красного цвета. В тот миг, когда по колу ударили первый раз, труп издал стон, и сильная струя крови поднялась высоко в воздух. Архиепископ произнес положенные слова, изгоняющие беса, тело было перезахоронено, и с того самого времени о вампире больше не было ни слуху ни духу».

В этом случае мы видим, что сильная личность, жестокость и дьявольская ненависть приведены в движение похотливой ревностью — не любовью — и сохранились в таком ужасающем виде даже после смерти.

Следующий случай вампиризма был рассказан мне одним другом, который сам услышал о нем от капитана Покровского в 1905 г. Капитан Покровский, гвардейский офицер наполовину русского, а наполовину литовского происхождения, был на некоторое время сослан в свое литовское имение из-за какого-то политически опрометчивого шага, но позже ему было разрешено провести пару недель со своим дядюшкой. Дочь этого дворянина, кузина Покровского, однажды утром пригласила его сопровождать ее во время посещения домов крестьян. Им указали на человека, который таинственным образом начал терять здоровье и чахнуть после вторичной женитьбы. «Кажется, будто он сохнет день ото дня, а ведь он богатый крестьянин и за

обедом жадно ест мясо». Сестра этого человека, которая жила вместе с ним, сказала: «С тех пор как он женился во второй раз, он кричит по ночам». Капитан Покровский увидел бледного и апатичного мужчину; не так должен был выглядеть состоятельный крестьянин. Капитан спросил свою кузину, что на самом деле случилось с этим человеком. Девушка ответила: «Я не знаю, но жители деревни утверждают, что его донимает вампир». Капитан так заинтересовался этим случаем, что послал за доктором, который приехал издалека. После тщательного осмотра врач сообщил, что, хотя этот человек с медицинской точки зрения не является малокровным, по-видимому, он потерял очень много крови. Однако на теле крестьянина не было найдено достаточно серьезной раны, которая объясняла бы такую потерю. Лишь на шее был маленький прокол с воспаленными краями, но без припухлости, характерной для укуса насекомого. Больному были прописаны тонизирующие средства и укрепляющее питание.

Через некоторое время капитан Покровский отправился к себе домой, а потом поинтересовался у кузины о судьбе этого малокровного крестьянина. Она ответила, что, несмотря на мясо и красное вино, которое она приносила ему, мужчина умер, и ранка на его шее в момент смерти была гораздо больше, чем та, которую видел Покровский. К тому же жители деревни были настолько убеждены, что этот человек умер от рук вампира, что его жена, хоть и ела от души на людях, часто истово осеняла себя крестным знаменем и посещала церковную службу, сразу же решила, что ей целесообразно, нет, необходимо покинуть этот край. Следует помнить, что, так как этот случай имел место в Литве, крестьяне были, вероятно, не православными славянами, а католиками-литовцами. Покровский предположил, что эта женщина, возможно, бессознательно играла роль вампира, во сне; или, быть может, это был случай одержимости вампиром. Любой из этих вариантов возможен, и кажется несомненным, что одно из объяснений — верное. Какое из двух — это мог бы определить лишь исследователь на месте, видевший все своими глазами. Перед нами бесспорный случай вампиризма, произошедший весьма недавно.

В следующем повествовании об армянском вампире, рассказанном бароном Августом фон Хакстхаузенем в его «Закавказье» (Лондон, 1854), мы возвращаемся к фольклору и легендам. Путешественники приближались к горе Арарат (Большой Арарат (5165 метров) и Малый Арарат (3955 метров) — два слившихся основаниями конуса потухших вулканов. — *Ред.*), и автор пишет:

«Арарат более чем наполовину покрыт вечными снегами, и под ярким утренним солнцем он загорался различными цветами — малиновым, оранжевым и лиловым... справа от нас поднимались ледники горы Алагёз (Арагац (4090 метров). — *Ред.*), а в двух милях от города Эривань (Ереван) начинались горы Ултмиш Алтотем (Гегамский хребет. — *Ред.*), тянувшиеся на сорок— пятьдесят километров. Говорят, что в них есть 366 ущелий, о которых Петр рассказал следующую армянскую легенду. Однажды здесь в пещере жил вампир

по имени Дакханавар, который не позволял никому проникнуть в эти горы или сосчитать их ущелья. У всякого, кто пытался сделать это, монстр ночью выпивал кровь из подошв ног, и тот умирал. Наконец вампира перехитрили два хитрых парня: они начали считать ущелья, а когда настала ночь, они легли спать, положив ступни под голову друг другу. Ночью пришел вампир, пощупал, как обычно, и нашел голову. Тогда он стал щупать с другого конца и там тоже нашел голову. „Вот как! — вскричал он. — Я прошел по всем 366 ущельям этих гор и сосал человеческую кровь, но я никогда не видел человека с двумя головами и без ног!“ Сказав так, он убежал, и его больше никогда не видели в тех краях. А люди с тех пор узнали, что в этих горах есть 366 ущелий».

В Румынии предания о вампирах уходят своими корнями далеко в глубь веков, и нет, наверное, другой веры в сверхъестественное, которая так широко распространена как в больших городах и городах ярмарок, так и в деревнях и отдаленных сельских районах. К тому же вера в вампиров усиливается и усложняется местными легендами, а особенно романтическими представлениями деревенских жителей, которые часто оказываются довольно поэтическими и не лишеными некой жуткой красоты. Но часто эта вера проявляет себя очень грубо и мрачно. Не будет преувеличением сказать, что в Румынии вокруг вампира сконцентрированы почти все верования и предрассудки, которые существуют во всей Восточной Европе. Хотя, как будет отмечено позже, некоторые виды вампиров имеют тенденцию превращаться в простого мифического персонажа (*varcolac*). И кроме того, хотя его временами отождествляют с ведьмой, которая, в свою очередь, часто не более чем «баба», или мудрая женщина, живущая в какой-нибудь деревушке, все же он сохраняет свои собственные жуткие качества, и его даже в наши дни сильно боятся на территории всей страны.

В старой сказке говорится: «Когда-то было время, когда вампиры были таким же обычным явлением, как трава на лугу или ягоды в лукошке, и они никогда не сидели на месте, а бродили по ночам среди людей». И хотя в наше время появление вампира можно считать исключительным случаем, тем не менее это вполне определенная и ужасная возможность. Нужно быть настороже, и, если возникнет такое подозрение, умный человек не станет пренебрегать любыми средствами и мерами предосторожности.

В Румынии также существует вера — как бы непонятно она ни была выражена словами, она очень четко и определенно сформулирована в голове крестьянина — в то, что после смерти душа не окончательно отделяется от тела и не может попасть в рай до истечения сорока дней. Соответственно, если существует предположение, что умерший является или может стать вампиром, этот промежуток времени приносит много тревог и страданий. На практике тела, согласно религиозным канонам, эксгумируют спустя три года после смерти, если это ребенок, четыре или пять лет — если это молодой человек, и семь лет — если это взрослые или пожилые люди. Если тело за этот срок не разложилось, то тогда перед нами наверняка вампир. Если же кости

белые и сухие, то душа отлетела в места вечного упокоения. Скелет ритуально обмывают вином и водой, заворачивают в полотняный саван, поют заупокойную молитву и с благоговением предадут земле.

Как во всех других странах, так и в Румынии самоубийца, ведьма, тот, кто занимался черной магией или был при жизни жестоким и злым человеком, непременно станет после смерти вампиром. Случись несчастному ребенку умереть до того, как он был крещен, то по истечении семи лет он станет вампиром, а место его захоронения будет считаться нечистым. Люди, которые ищут материальной выгоды путем клятвопреступления и лжесвидетельствуют, чтобы причинить вред другим людям, станут вампирами спустя шесть месяцев после смерти. Из семи детей одного пола у седьмого будет маленький хвост, и он должен будет стать вампиром. Это поразительно любопытная идея, которая может показаться полным противоречием широко распространенной вере в то, что седьмой ребенок приносит счастье. В графстве Девон (на юго-западе Англии) и Шотландии, например, считалось, что седьмой сын и даже седьмая дочь наделены природным даром целительства, и их помощи часто искали страждущие. Скрытые способности и умение общаться с миром духов обычно приписывают седьмому сыну или — что бывает реже — седьмому ребенку любого пола. Удивительно, что эта идея возникла у румын в несколько приниженной и, так сказать, вывернутой наизнанку форме. Возможно, она отдаленно связана с представлением первобытного человека о том, что число жертвоприношений мертвым должно быть семь или кратно семи, и пережитки этого обычая можно все еще отдаленно проследить.

Человек, родившийся в плодной оболочке, становится вампиром менее чем через сорок дней после погребения. Это опять-таки противоречит верованиям, существующим в других странах. Котгрейв замечает, что родиться в плодной оболочке является знаком удачи: «Он рожден для богатства, почестей, удачи; он родился с материнским платком на голове». Итальянцы называют такую оболочку «сорочкой Мадонны», и в своем произведении «Обычаи и предрассудки Романьи» Микеле Плакуччи пишет: «Та же самая идея выражена у автора произведения „Древние и современные суеверия“. Уильям Хендерсон в своих „Комментариях к фольклору северных графств Англии и приграничных районов между Англией и Шотландией“ (Лондон, 1866) пишет: „В приграничных районах между Англией и Шотландией считается, что человек, рожденный в плодной оболочке, обладает особыми способностями целителя, но с тем ограничением, что эта сила берется из его собственной жизненной энергии, и если ее часто использовать, то такой человек начинает чахнуть и умирает от истощения“». Эта идея явно отдает вампиризмом, так как этот человек становится объектом, к жизненным силам которого могут «присосаться» и истощить другие люди. Плодная оболочка считалась счастливым амулетом, и в мартовской газете объявлений за 1872 г. мы видим объявление, предлагающее на продажу плодную оболочку. Существует много литературных ссылок на это старое верование. Так, в «Гесперидах» Геррик пишет о постели царицы Маб:

На каждой простыне была расстелена плодная оболочка,
Которая очаровывает лицо младенца,
Когда он рождается (некоторые считают
Ее добрым знамением при рождении ребенка).

В пятом действии комедии «Эльвира, или Самое худшее не всегда правда» Джорджа Дигби Занчо восклицает:

Разве мы не родились в рубашках?
Не думаешь ли ты, Чичон, что подряд два раза
Мы избежали просто так опасности?

Говорят, что иногда в Румынии человек, который знает, что родился в плодной оболочке, оставляет своим родным указания обращаться со своим телом после своей смерти как с телом вампира, чтобы избежать опасности в будущем.

Если холодный взгляд серых глаз вампира упадет на беременную женщину, особенно если срок больше шести месяцев, и эти чары не будут обезврежены благословением церкви, ребенок, которого носит эта женщина, станет вампиром. Если беременная женщина не ест соли, она носит в своем чреве вампира.

Известным признаком вампиризма является то, что человек не ест чеснок, потому что это растение имеет большую силу и ненавистно вампирам. Если кошка перепрыгивает через мертвое тело, или через него перешагивает человек, или даже тень живого человека падает на него, мертвец становится вампиром. Во многих районах Румынии существует поверье, что людям суждено стать вампирами и они не могут избежать своей участи. Пока они спят, их душа выходит через рот, как муха. Если тело повернуть так, чтобы голова покоилась там, где лежали ноги, то душа не сможет найти дорогу назад, и человек умирает.

В то, что душа спящего человека уходит из его тела и часто посещает места и совершает действия, которые ему могут сниться, верят люди во всем мире. В отчете о судебном процессе над ведьмой, который состоялся в Мюльбахе в 1746 г., говорится, что одна женщина наняла двоих мужчин для работы на ее винограднике. Около полудня все, как обычно, спрятались от дневного зноя на отдых. Через час работники встали и попытались разбудить женщину, чтобы приступить к работе. Но она окоченела и лежала неподвижно с широко раскрытым ртом. К вечеру, когда солнце уже садилось, они вернулись, но она по-прежнему лежала неподвижно и, казалось, не дышала, как мертвая. Поблизости жужжала большая муха. Ее поймал один из работников и положил в свою кожаную сумку. Затем они снова попытались разбудить женщину, но безуспешно. Тогда работники отпустили муху, которая залетела прямо в рот женщины, и та мгновенно проснулась. Увидев это, мужчины больше не сомневались, что она и вправду была ведьмой.

Сербы считают, что душа спящей ведьмы покидает ее тело в облике бабочки. Если во время ее отсутствия тело ведьмы перевернуть и положить голову в другое положение, бабочка-душа не сможет найти дорогу назад через

рот, и ведьма умрет. Точно такое же верование распространено среди эстонцев, а в Ливонии (вся территория совр. Латвии и Эстонии, завоеванных немцами в половине XIII в. — *Ред.*) все знают, что, когда душа оборотня выходит из тела, оно лежит мертвым, как колода или камень. Если в это время тело переложить на другое место или даже случайно сдвинуть, душа не сможет найти дорогу назад и должна будет волей-неволей оставаться в теле волка до его смерти. Особенно поразительным является то, что между оборотнем и вампиром существует внутренняя связь. Есть рассказ о событиях в Лангедоке (Южная Франция), в котором повествуется о том, как женщина, которую подозревали в том, что она ведьма, однажды заснула на жарком летнем солнце среди жнецов на поле. Увидев прекрасную возможность подтвердить свои подозрения, жнецы отнесли ее сонную на другой конец поля, а на то место, где она лежала изначально, поставили большую пустую бочку. Когда душа женщины вернулась, она вошла в бочку и искусно, и весьма быстро покатила ее до тех пор, пока бочка не коснулась тела ведьмы, которым душа моментально снова овладела.

У некоторых народов считается даже необязательным изменять положение тела спящего человека, чтобы помешать душе вернуться в него. Корейцы убеждены, что во время сна «душа выходит из тела, и, если положить на лицо спящего лист бумаги, он непременно умрет, потому что его душа не сможет найти дорогу в его тело». Малайцы утверждают, что, если во время сна лицо человека испачкать или зачернить, душа, вылетевшая из него, не узнает его, и человек будет спать до тех пор, пока ему не вымоют лицо. Изменить или каким-то образом раскрасить лицо спящего человека приравнивалось в Бомбее к убийству, потому что если изменить внешность человека, то «душа по возвращении не сможет узнать свое тело, и человек вскоре скончается».

В Трансильвании (совр. северо-запад Румынии) ребенку никогда не позволят спать с открытым ртом, чтобы душа не выскользнула из тела в облике мыши, а ребенок не заснул навек. Так и в Брауншвайге, Германия, сельские жители говорят, что душа выходит изо рта спящего в виде белой мыши или небольшой птички, и если поймать таинственное животное или птичку, то это убьет спящего. Эта тема бесчисленное количество раз возникает в сагах и легендах. В одной из легенд Восточной Индии душа выступает в виде сверчка; у шотландцев это трудолюбивая пчела, а в Германии это снова белая или рыжая мышь.

В Румынии вампиры обычно бывают двух видов, и госпожа Агнес Мургоши различает «мертвых» и «живых» вампиров. «Мертвый» вампир — это оживший мертвец, которому придает энергии вернувшаяся душа. Здесь неизвестны случаи, когда в мертвеца вселяется злой дух, или, по крайней мере, они редки, потому что госпожа Мургоши пишет: «До сих пор мне не встречался случай, когда бы считалось, что мертвеца оживил дьявол, а не его собственная душа». «Люди, которым суждено после смерти стать вампирами, могут быть способными при жизни посылать свои души и даже тела бродить у перекрестков дорог с ожившими мертвецами. Такой тип вампиров можно назвать „живыми“. Он сливается с обычными ведьмами или колдунами,

которые могут встречаться с другими ведьмами или колдунами либо в телесной оболочке, либо в виде призрака».

Третий тип вампира, *varcolac*, — это мифическое существо, которое, как считается, поедает солнце и луну и тем самым вызывает затмения. Известный авторитет И. Отеску в своем произведении «Представления румынского крестьянина о небе и звездах» так пишет о *varcolaci*: «*Varcolaci* отличаются от всех земных существ. Они вызывают затмения луны и даже солнца тем, что взбираются на небо и поедают луну или солнце. Некоторые полагают, что они животные размером меньше собаки. Другие думают, что они собаки, числом две. Они имеют различное происхождение. Одни говорят, что это души некрещеных детей или детей неженатых родителей, проклятые Богом и превращенные в *varcolaci*. Другие считают, что *varcolaci* возникают из небесного воздуха, когда женщины прядут по ночам, особенно в полночь, без свечей, и особенно если они при помощи этой пряжи накладывают проклятие. Поэтому нехорошо прядь при лунном свете, потому что вампиры и *varcolaci* поднимаются по нити на небо и поедают солнце и луну. Они привязывают себя к нити, и она становится для них дорогой. Пока нить не рвется, у *varcolaci* есть сила, и они могут пойти куда захотят. Они нападают на небесные тела, кусают луну так, что кажется, что она покрыта кровью, до тех пор пока от нее ничего не остается. Но если нить рвется, их сила иссякает, и они отправляются в другую часть неба...»

Г. Ф. Чаушану в «Народных суевериях в Румынии» сообщает:

«Говорят, что в Вальсе есть существа, которых называют *varcolaci*, потому что их дух есть *varcolaci*. Их можно узнать по бледным лицам и сухой коже, а также по глубокому сну, в который они впадают, когда отправляются на луну, чтобы съесть ее. Но они едят ее только во время затмения и когда диск луны красного или медного цвета. Краснота — это кровь луны, которая течет из ртов *varcolaci* и растекается по луне.

Когда дух *varcolaci* хочет съесть луну, человек, которому принадлежит этот дух, начинает клевать носом и впадает в глубокий сон, как будто он не спал много недель, и выглядит как мертвый. Если его будить или передвинуть, то сон становится вечным, потому что, когда дух возвращается из своего путешествия, он не может найти рот, из которого он вышел, и не может вернуться назад в тело.

Одни говорят, что Бог повелевает *varcolaci* есть луну, чтобы люди раскаялись и отвратились от зла».

Ссылаясь на различные румынские слова для обозначения вампира, госпожа Мургоши пишет: «Что касается слов, которыми называют вампиров, мертвых и живых, то *strigoii* (жен. *strigoica*) самый распространенный термин, а *moroii*, наверное, идет за ним следом по частоте употребления. Слово *moroii* не так часто употребляется в одиночку, как *strigoii*. Обычно слова *strigoii* и *moroii* связаны между собой, но *moroii* подчинено слову *strigoii*. Есть слова *strigoii*, *moroii* и *varcolaci*. А слова *strigoii* и *pricolici* используются, как будто все они обозначают одно и то же. В Трансильвании есть слово „шишкой“. *Varcolaci*

(svarcolaci) и pricolici — это иногда мертвые вампиры, а иногда животные, которые поедают луну. Oper — это русинское слово, обозначающее мертвого вампира. В Буковине слово vidme означает „ведьма“; оно охватывает во многом ту же самую область, что и strigoi (живой вампир), но оно никогда не используется для обозначения мертвого вампира».

Говорят, что «живые» вампиры встречаются с «мертвыми» вампирами в определенные ночи на старых и заброшенных кладбищах, в пустующих домах, чаще леса и других зловещих местах, где от мертвецов, которые обладают большей силой, они узнают руны черной магии. В некоторых районах страны считается, что «живые» вампиры сходятся на шабаш, и во главе каждой их группы стоит хозяин или хозяйка (что тоже возможно); мужчины следуют за своим командиром, а женщины находятся при своей повелительнице. Такая расстановка в точности напоминает шабаш ведьм, и ясно, что «живые» вампиры и ведьмы в верованиях сельских жителей — это одно и то же. Мы не удивляемся, когда узнаем, что в районе Михалца (Трансильвания, севернее города Алба-Юлия) существует поверье, будто вампирами являются главным образом женщины. Они обладают определенной властью, которая дает им возможность забирать «силу» животных и предметов для своих собственных нужд. Так, они способны каким-то таинственным образом поглощать или собирать жизненные силы птиц и пчел, например, и концентрировать их на своем дворе или улье, так что их куры становятся жирными и несут много яиц. Их ульи чрезвычайно богаты медом. При этом домашняя птица у соседей болеет и умирает, а на других деревенских пасеках пчелы не создают запасов меда. Рассказывают, что одна женщина пекла хлеб, который был таким легким и вкусным, что половина окрестных жителей приходили покупать его, и вскоре у нее в карманах завелось немало денег. У других деревенских хозяек тесто не поднималось, что бы они ни делали. Их хлеб всегда казался заплесневелым и черствым. Это происходило потому, что пекарь была вампиршей и знала, как получить необходимое качество хлеба в любой печи.

Некоторые из этих вампиров умеют вызывать дождь, и к ним тайком постоянно обращаются крестьяне. Они также могут собрать «силу» красоты, которую они продают за деньги, и здесь перед нами обычные любовные привороты. У этих женщин-вампиров обычно сухая горячая кожа и заметно цветущий вид. Мужчин отличают лысина и особый пронзительный взгляд. Считается, что они умеют принимать облик различных животных, а излюбленным животным у них является кошка. Когда вампир умывается, это значит, что вскоре пойдет дождь. Говорят, что в стародавние времена во время засухи крупные землевладельцы и знатные люди заставляли всех крестьян в своих поместьях купаться в реке в надежде на то, что среди них может оказаться вампир. Это влияние на погодные условия обычно считается особым свойством «живых» вампиров. Но в Зарнешти, как полагают, несколько исключительно мощных наводнений были вызваны недавно похороненной девушкой, которая имела репутацию вампира.

Эффективные средства избавления от умершего человека, который стал

вампиrom, во многом те же самые, что и в других странах. Настоятельно рекомендуется принимать подобные меры предосторожности во время похорон или сразу же после них. Самоубийцу следует положить в проточную воду. Можно вспомнить, что проточная вода снимает все заклятия и ведьма не может перейти водный поток. Вода сама по себе является святой субстанцией и, как таковая, заняла свое место во всех религиях; и представление поэта о «водах при исполнении священной задачи» имеет под собой веские основания. В Вальсе, Румыния, обычно втыкают в сердце вампира длинную иглу, но распространенный способ, известный во всей Восточной Европе, состоит в том, чтобы одним ударом вогнать кол ему в пупок или сердце. К тому же в рот, уши, нос, пупок и под ногти можно поместить небольшие камешки и крупички ладана, чтобы вампиру было что погрызть, когда он очнется. По телу вампира следует рассыпать просо, которое задержит его до тех пор, пока он не сосчитает и не съест каждое зернышко. В рот ему также можно засунуть чеснок. Тело следует положить лицом вниз. Корреспондент газеты «Таймс» в июне 1874 г. пишет, что в штате Мэн, США, прибегают к захоронению людей лицом вниз как к средству, способному остановить распространение в семье чахотки. Если необходимо перезахоронение, то голова трупа должна лежать на месте ног. Вокруг гроба следует положить гирлянды из шиповника, а сам гроб скрепить прочными деревянными ободами. Можно вспомнить, что в канун Дня святого Георгия в Трансильвании не найдется ни одной саксонской фермы (в Трансильванию с середины XII в. переселилось много немцев, однако далеко не только из Саксонии. — *Ред.*), дворовые ворота которой не были бы украшены ветками шиповника, чтобы оградить себя от ведьм. Так как и другие колючие кустарники использовались таким образом, то, по-видимому, эта идея изначально состояла в том, что злые духи запутаются в колючках, если попытаются пробраться через них, но эта мера предосторожности по крайней мере частично утратила свой смысл, а определенные магические свойства стали приписывать самому шиповнику.

В районе Телеорман на третий день после смерти человека, когда люди идут в дом, где царит горе, чтобы зажечь ладан, они несут с собой девять веретен, которые они глубоко втыкают в могилу. Если вампир поднимется, его пронзят их острые концы. Другой способ состоит в том, чтобы взять бечевку, разбросать ее на могиле и поджечь, потому что существует поверье, будто обитатель могилы вряд ли отважится пройти через пламя. Иногда анафема, произнесенная священником, заточит вампира в его могиле.

В районе Романати с вампира снимают всю одежду и голый труп засовывают в крепкий мешок. Одежду и саван брызгают святой водой, кладут в гроб, который заколачивают и снова опускают в могилу. Тело уносят в лес. Сначала из него вырезают сердце, а затем тело разрубают на куски, которые сжигают на большом костре. Самым последним в пламя кидают сердце, а те, кто занимался всем этим, подходят ближе к огню, чтобы их окурил дым. Но все должно быть сожжено, каждый кусочек плоти, каждая косточка. Мельчайшего кусочка, случись ему уцелеть, будет достаточно, чтобы вампир снова материализовался. Иногда пепел, оставшийся от сожженного сердца,

собирают, смешивают с водой и дают больным людям в качестве сильного снадобья.

После того как в Зарнешти была эксгумирована женщина-вампир, ее сердце, глаза и грудь были пробиты огромными железными вилами, после чего тело было похоронено на большой глубине лицом вниз.

Одно время в Мехединци (юго-запад Румынии) считалось достаточной мерой предосторожности увезти тело далеко в какое-нибудь труднодоступное место в горах и оставить там. Но на практике такой метод использовали редко, да и эффективным он был далеко не всегда. Его нельзя сравнивать со способом, который был принят у греков, — увозить тело на какой-нибудь пустынный остров, потому что в этом случае это делалось именно потому, что вампир не может преодолеть морскую водную преграду.

Считается обязательным проследить вампира до его берлоги и уничтожить при первой возможности. Если он достаточно хитер, чтобы уйти от слежки, то по истечении семи лет снова станет человеком и тогда сможет попасть в другую страну или, по крайней мере, в какой-нибудь другой край, где говорят на другом языке. Он женится и заведет детей, и они после своей смерти пополнят компанию вампиров.

В Румынии, как и в Греции и других странах, вампир сначала нападает на своих домашних и даже животных, принадлежащих членам его семьи. Он будет приходить по ночам и разговаривать с ними. Он может даже помогать делать домашнюю работу: приносить и привозить что-то, рубить дрова и приносить их домой издалека. Женщины-вампиры постоянно возвращаются к своим детям. Но иногда вампиры ведут себя как разрушители: бьют посуду, опрокидывают кувшины с водой, поднимают шум и ужасно изводят всех в доме. Но независимо от того, помогает ли вампир по дому или оказывается несчастьем для всех, обитатели дома быстро умирают, и даже домашний скот становится жертвой какой-нибудь непонятной болезни. В таком случае обычно просят деревенского священника прочесть определенные молитвы над могилами, но, если ужасные нападения вампира продолжаются, следует безотлагательно принять более кардинальные меры. Чтобы обнаружить, какая могила является источником этих роковых бедствий, на кладбище приводят белого жеребца, и в той могиле, через которую он отказывается перейти, но рядом с которой стоит неподвижно, дрожа от страха и издавая дикое ржание, лежит вампир. Точно так же и гусак откажется пройти по могиле вампира. После этого тело вампира должно быть извлечено из земли, и, если будут найдены явные признаки вампиризма, с ним можно поступать согласно традициям.

Можно отметить, что если родственники вампира умерли, то в своем гробу его тело будет лежать наполненным кровью и темным, как огромная пиявка. Его рот при этом будет широко раскрыт и выпачкан свежей алой кровью. Если он всего лишь бил посуду и поедал все, что ему удавалось найти в кладовой, то его рот будет испачкан кукурузной мукой. Считают, что вампир часто сопротивляется, когда его тело достают из могилы, и издает жуткие вопли, чтобы испугать тех, кто занимается этим делом, но если эти люди наберутся

храбрости и, кроме того, присутствует священник, то чудовище не может причинить им вред.

В Румынии в определенные периоды в течение года, когда вампиры обладают наибольшей силой, необходимо принимать особые меры предосторожности против их нападений. Два дня в году вампиры особенно активны — это канун Дня святого Андрея и канун Дня святого Георгия. Но в различных районах эти периоды сильно варьируют. Так, говорят, что в некоторых местах вампиры наиболее беспокойны накануне Пасхи. В Михалце их активность ограничена временем между кануном Дня святого Андрея и Богоявлением. В долине реки Сирет этот срок дольше, и вампиры могут досаждают живым с Дня святого Андрея до праздника Преображения Господня или в некоторых случаях с Дня святого Георгия до праздника святого Иоанна.

Но обычно особые меры предосторожности для защиты дома или деревни принимают в последний день уходящего года, перед Пасхальным воскресеньем, в канун Дня святого Андрея и Дня святого Георгия. Во всей Восточной Европе праздник святого Георгия, 23 апреля, является одним из самых главных праздников всего года, когда проводятся бесчисленные обряды и ритуалы, на которые едва ли можно даже взглянуть. Святой Георгий является покровителем или защитником Англии, Антиохии, Баварии, Венеции, Константинополя, Фридберга, Генуи, Гронсфельда, Хагенау (Агно), Лейхтенберга, Молсхайма, Оксенхаузена, Ратисбона (Регенсбурга), Эберлингена, Ульма, Вигевано, Сербии, Саксонии, России и множества других стран и городов. Святого Георгия всегда почитали на Востоке как великомученика, а одна из первых церквей была воздвигнута Константином после его принятия христианства в честь именно этого святого. Он является особым покровителем крупного рогатого скота, лошадей и волков, и можно с полным основанием сказать, что среди пастухов и скотоводов Восточной Европы праздник святого Георгия, который защищает их стада от нападений диких зверей, носит национальный — можно сказать, чуть ли не международный, — равно как и церковный характер. И в то же время накануне дня этого святого могущество вампиров, ведьм и всякой нечистой силы достигает своего пика. У русинов Буковины и Галиции принято, чтобы крестьянки собирали большие ветки с колючками и клали их на пороге своих домов, а на каждой двери рисовали дегтем крест для защиты от ведьм. Гуцулы по этой же причине зажигают у своих домов большие костры, и в Трансильвании, Валахии и Болгарии точно так же принимают различные меры предосторожности. У южных славян популярны связки чертополоха, которые кладут на забор, окна и двери, чтобы не допустить вторжения в дом какой-нибудь нечистой силы. На следующий день, 23 апреля, в честь этого святого дом украшают гирляндами цветов, а венками из роз — конюшню, а на рога коров надевают венки из цветов. До недавнего времени в Швабии было принято, чтобы с наступлением ночи и до зари праздничного дня все церковные колокола устраивали веселый перезвон. Это, без сомнения, часто принималось просто за должное сопровождение празднества, но изначально имело дополнительное значение, так как в тех краях существовало поверье,

что ни один вампир и ни одна ведьма не могут прийти при звуках церковного колокола. Хотя, к сожалению, во многих случаях, как в Англии, из-за достойного порицания равнодушия и пренебрежения властей нельзя сказать, что культ святого Георгия процветает или широко распространен, но в некоторых местах этого святого по-прежнему особо почитают. И грустно думать, что торжественные празднования, которые привлекали в некоторые города паломников со всех концов, во многом потеряли свою популярность.

В Румынии именно в эти дни, когда вампиры особенно злобствуют, сельские жители натирают окна домов чесноком, привязывают пучки чеснока к двери и в загонах для коров. Все огни в доме должны быть погашены, и хорошо бы перевернуть вверх дном всю посуду. Набожные люди будут проводить всю ночь в молитвах, и даже те, кто не отличается таким рвением, стараются бодрствовать. Если человек должен лечь спать, он обычно кладет себе под подушку нож без ножен. Никто не станет отвечать, если его позвать по имени, по крайней мере пока его не позвать трижды, потому что, как на греческом острове Хиос, вампир может ночью один раз позвать вас по имени, но не может повторно сделать это. Так что если кто-то подождет, чтобы услышать, как его имя произносят третий раз, то он может быть уверен в том, что это не ужасный гость.

Отмечается, что время от времени в Румынии происходят крупные вспышки вампиризма, вследствие чего крестьяне, что неудивительно, не раз сами вершили закон, пока это не пресекали власти. Урече в своей «Истории Румынии» отмечает: «12 июля 1801 г. епископ Зигенский послал ходатайство господарю Валахии, в котором просил приказать провинциальным воеводам не позволять крестьянам Штроешти выкапывать мертвецов, которые уже дважды были эксгумированы, под предлогом того, что они varcolaci». И в Biserica Orthodoxa Romana мы находим: «Архиепископ Нектарий (1813–1819) отправил официальное послание всему высшему духовенству с просьбой узнать, в каких районах существует поверье, что мертвые могут вернуться в качестве вампиров. Если им попадетсся случай вампиризма, сами они не должны немедленно брать на себя ответственность и кремировать труп, а, скорее, должны учить людей, как действовать дальше, согласно официальным канонам церкви».

Доктор Тюдор Панфайл, один из самых видных румынских ученых, собрал огромное количество историй о вампирах в «Ионе Креанде», румынском периодическом печатном органе, публиковавшем материалы об искусстве и литературе крестьян. Оттуда и взяты следующие истории, которые типичны для подобных рассказов.

«Двадцать или тридцать лет назад (написано в 1914 г.) в общине Афумати в Долже умер крестьянин по имени Марин Миреа Оциоциок. Было замечено, что его родные тоже умерли один за другим. Некий бадеа Вражитор (бадеа — колдун) выкопал его из могилы. Позднее сам бадеа холодной зимней ночью пошел в лес к границе, и его съели волки. Кости Марина побрызгали вином, над ними провели церковную службу и вновь положили в могилу. С того времени в этой семье

больше не было смертей».

«Лет пятнадцать назад в Амерешти к северу от Должа умерла одна старуха, мать крестьянина по имени Дину Георгица. Через несколько месяцев стали один за другим умирать дети ее старшего сына, а потом и младшего. Сыновья встревожились, однажды ночью выкопали ее из могилы, разрубили тело надвое и снова захоронили. Но смерти не прекратились. Они выкопали ее во второй раз. И что же они увидели? Тело оказалось целым и без единой раны. Это было великое чудо. Они отнесли тело матери в лес и положили под большим деревом в глухой чаще. Там они вскрыли его, вынули ее сердце, из которого потекла кровь, разрезали его на четыре части, положили на горячие угли и сожгли. Они взяли золу и дали ее детям, чтобы они выпили ее вместе с водой. Тело они бросили в костер, сожгли и пепел похоронили. И тогда смерти прекратились».

«Лет двадцать или тридцать назад в Кушмире на юге Мехединци умер один калека, холостяк. Спустя недолгое время стали умирать или заболеть его родственники. Они жаловались на то, что у них начинают сохнуть ноги. Это случилось в нескольких местах. Что бы это могло быть? „Наверное, виноват калека. Давайте его выкопаем“. И однажды субботней ночью они выкопали его и увидели, что он весь красный и лежит в уголке могилы. Люди разрубили его и приняли обычные меры: вынули из тела сердце и печень, сожгли их на раскаленных углях и дали пепел его сестре и другим родственникам, которые были больны. Они запили пепел водой и выздоровели».

«В Кушмире еще в одной семье стали часто умирать люди, и подозрение пало на одного старика, который умер уже давно. Когда его выкопали, люди увидели, что он сидит по-турецки, а сам красный, как огонь, ведь он сожрал почти всех молодых, сильных мужчин этой семьи. Когда люди попытались достать его из могилы, он сопротивлялся, отвратительный и ужасный. Его несколько раз ударили топором и вытащили из могилы, но не смогли разрезать ножом. Тогда люди взяли косу и топор, вырезали у старика сердце и печень, сожгли их, а пепел дали больным выпить с водой. Те выпили и выздоровели. Старика похоронили заново, и смерти прекратились».

«В Вегилешти, Мехединци, жил-был крестьянин Димитриу Вайдеану, родом из Трансильвании, который женился в Вегилешти и там поселился. Его дети умирали один за другим. Семь детей умерли в возрасте нескольких месяцев, умерли и несколько более старших детей. Люди стали думать, что могло быть причиной этого. Они собрались на совет и решили ночью повести белую лошадь на кладбище и посмотреть, сможет ли она перешагнуть через могилы родственников его жены. Так они и сделали, и лошадь перепрыгнула через все могилы, пока не дошла до могилы его тещи Джоаны Марты, которая была известной ведьмой. Тут лошадь встала, стала бить копытами землю, ржать и храпеть и не смогла переступить через

могилу. Возможно, в ней было что-то нечестивое. Ночью Димитриу с сыном взяли свечи и пошли раскапывать могилу. При виде того, что предстало перед их взорами, их охватил ужас. Женщина сидела по-турецки, длинные волосы свисали на лицо, вся ее кожа была красной, а ногти на руках — устрашающе длинными. Они собрали хворост, щепки и обломки старых крестов, полили Джоану Марту вином, подложили соломы и подожгли все это вместе. Потом они заровняли землю лопатой и пошли домой».

Увеличить количество подобных крестьянских рассказов и легенд на территории Восточной Европы было бы нетрудно, но это излишне. Неплохо было бы рассмотреть более серьезную сторону этих преданий, так что следующий рассказ о верованиях болгар в изложении С. Клера и Брофи («Двенадцатилетнее исследование восточного вопроса в Болгарии») будет здесь к месту.

«Гораздо более любопытным суеверием в Болгарии является вера в вампиров, распространенная во всех славянских странах, но особенно отталкивающие вампиры лишь в этих краях. В Далмации и Албании, откуда это суеверие было впервые завезено в Европу и которые вследствие этого стали считаться — хоть и ошибочно — его родиной, вампир был поэтически приукрашен и стал просто театральной фигурой в мишуре современной фантазии. Молодой человек из Далмации, который получает после исповеди святое причастие, будто бы готовясь к смерти, и втыкает освященный кинжал в сердце вампира, лежащего в могиле, и сверхъестественно красивый вампир, который высасывает жизненные силы у спящих девушек, никогда не существовали в воображении людей, а были придуманы или, по крайней мере, приукрашены сочинителями средневековых романов сенсуальной (чувственной) школы.

Когда эта искусственная поэзия, рожденная из пепла вымершего народа, из которой цивилизация собрала свой урожай, заменяет грубую, суровую, даже ужасную поэзию, являющуюся результатом простой храбрости или страха молодого и сильного человечества, легенды и верования становятся слабыми, сомнительными и театральными. Так в балладе, являющейся якобы древней, мы узнаем подделку по плавности и четкости ее ритма. И когда в суевериях от природы необразованного и грубого народа прослеживаются следы религии или сентиментальности, мы видим убийственную руку церкви или поэта.

В Далмации вампир в наши дни не более чем тень, в которую никто не верит или делает вид, что верит. Точно так же шотландский волонтер в Лондоне будет уверять вас в том, что он твердо верит в водяного и домового, в произведениях сэра Вальтера Скотта, или попытается убедить вас в том, что он носит килт, потому что он так решил, а не для эффекта. Между обычным вампиром и истинным ужасом из славянского суеверия лежит такая разница, как между

вождем горцев, который выбил ногой снежный ком из-под головы своего сына, упрекая его в английской изнеженности, которая проявилась в необходимости положить под голову подушку, и спортсменом-кокни в килте, который убивает из ружья ручного оленя в загоне.

В Польше римское католическое духовенство захватило власть над этим суеверием как средством ведения войны с величайшим врагом церкви, и здесь вампир всего лишь труп, которым овладел злой дух, а не настоящий вампир древних славян. В Болгарии мы видим зверя в своей изначальной и отвратительной форме; это уже не мертвое тело, в котором поселился демон, а душа, восставшая против неизбежности закона телесной смерти. Далматский кинжал, благословленный на алтаре, здесь бессилен, его заменяет снадобье, полученное у ведьмы или какой-то другой мудрой женщины, которая обнаруживает вампира по отверстию в его могиле или каменной плите, укрывающей его, и затыкает его человеческими экскрементами (его излюбленная еда), смешанными с ядовитыми травами.

Теперь мы приведем неизменные болгарские суеверия, просто предварительно заметив, что нам следует хорошо с ними ознакомиться, поскольку слугой нашим является сын известного вампира, который несет епитимью во время настоящего Великого поста, отказавшись от курения, вина или спиртных напитков, чтобы искупить грехи своего отца и не допустить унаследования им самим этой склонности.

Когда человек, в жилах которого течет кровь вампира — ведь это состояние не только эпидемическое и эндемическое, но и передающееся по наследству — или который так или иначе предрасположен стать вампиром, умирает, то через девять дней после своих похорон он возвращается на землю в виде призрака. Присутствие вампира в этом его первом состоянии можно легко распознать в темноте по чередке искр, подобных тем, которые высекает сталь о кремень; при дневном свете — по тени, появившейся на стене, которая имеет различную густоту в зависимости от длительности пребывания вампира на этой стезе. На этой стадии он сравнительно безвредный и может только устраивать проказы, подобно немецкому домовому и гному, ирландскому rhooka или английскому паку; он ревет страшным голосом или развлекается тем, что зовет обитателей дома самыми нежными словами, а затем избивает их до синяков.

Отец нашего слуги, Федор, был вампиром такого рода. Однажды ночью он схватил за талию (ведь вампиры способны демонстрировать значительную физическую силу) Коджу Кераза, пехлевана, чемпиона по борьбе Дерекуюи с криком: „А теперь, Старая Вишня, посмотрим, сможешь ли ты бросить меня“. Деревенский чемпион собрал все свои силы, но вампир был так тяжел, что Коджа Кераз сломал себе челюсть, пытаясь бросить на землю невидимое существо, которое старалось его

задавить.

Пять лет назад, когда все это происходило, наша деревня так кишела вампирами, что ее жители были вынуждены собираться вместе в двух или трех домах, жечь всю ночь свечи и по очереди дежурить, чтобы не подвергнуться нападению этих призраков, которые освещали улицы своими искрами, а самые активные из них отбрасывали свои тени на стены той комнаты, в которой сидели умиравшие от страха крестьяне; другие вампиры при этом выли, вопили и ругались за дверь, входили в пустые дома, плевались кровью в муку, переворачивали все вверх дном и пачкали все внутри, даже изображения святых, коровьим пометом. К счастью для Дерекуюи, старая мать Волы, которую подозревали в занятиях колдовством, обнаружила средство и свела в могилу потревоженных и причиняющих неприятности людям духов. С тех пор деревня освободилась от этих неприятных сверхъестественных посещений.

Когда болгарский вампир заканчивает сорокадневный курс ученичества в царстве теней, он выходит из своей могилы в телесном обличье и может сойти за человека, живя честно и естественно. Прошло тридцать лет с тех пор, как чужак появился в этой деревне, упрочил свое положение и взял в жены женщину, с которой жил очень хорошо. Она жаловалась лишь на то, что ее муж каждый раз исчезал из супружеского дома на всю ночь. Вскоре было отмечено (хотя животные или птицы, питающиеся падалью, тогда, как и в настоящее время, были совершенно неизвестны в Болгарии), что по ночам какое-то невидимое существо выполняет большую работу такого животного, а когда одна область истощила себя, мертвые лошади и быки, которые лежали на улицах, стали попадать в зубы чьим-то невидимым зубам в ущерб деревенским собакам, а затем эта загадочная пасть выпила всю кровь из скотины, которая была хоть чем-то больна. Эти случаи и рассказ жены заставили людей заподозрить чужака в вампиризме. Его осмотрели, установили, что у него только одна ноздря, и на основе этого неопровержимого доказательства приговорили к смерти. При приведении приговора в исполнение жители деревни не подумали, что необходимо послать за священником, чтобы дать исповедаться, или взять освященные веревки или кинжалы. Они просто связали этого человека по рукам и ногам, повели его на холм за пределами Дерекуюи, зажгли большой костер из ветвей колючего кустарника и сожгли заподозренного живьем.

Есть еще один способ уничтожить вампира — это поместить его в бутылку. Существуют люди, которые сделали это своей профессией. Действуют они следующим образом. Колдун с изображением какого-нибудь святого лежит в засаде до тех пор, пока не увидит проходящего мимо вампира, и тогда он преследует его со своей иконой. Бедолага вампир ищет спасения на дереве или крыше дома, но его преследователь следует за ним со своим талисманом, изгоняя его из

любого убежища и направляя в сторону специально приготовленной бутылки, в которой лежит какая-нибудь любимая еда вампира. Не имея никакого другого средства к спасению, вампир входит в свою темницу, горлышко которой немедленно затыкается пробкой, с внутренней стороны которой есть фрагмент иконы. Затем эту бутылку бросают в огонь, и вампир исчезает навсегда. Этот способ любопытен, так как демонстрирует грубо материальный взгляд на душу, который существует у болгар, воображающих, что это нечто вроде химической структуры, которую можно разрушить при помощи высокой температуры (как сероводород). Точно так же болгары полагают, что души мертвых имеют аппетит и питаются в точности, как и живые существа „в том месте, где они находятся“.

Чтобы закончить рассказ о болгарском вампире, следует отметить, что здесь он, по-видимому, не испытывает ту особую тягу к человеческой крови, которая обычно считается его отличительной и самой ужасной чертой; ему она требуется лишь тогда, когда его источники более грубой пищи исчерпали себя».

И хотя я привел этот рассказ со всеми подробностями, я бы подчеркнул, что часто авторы уходят в сторону, возможно, не столько в представлении фактов, сколько в их интерпретации. Авторов подстрекает их скептицизм, а так как он ошибочен, я предпочел беспристрастно цитировать, нежели исправлять.

В примечании они пишут: «Начав писать эту главу, мы узнали, что в деревне Дервишкуои, что в шести часах езды отсюда, живет вампир. Он появляется со спутником, которого устранили при помощи обычного средства, но этот, кажется, неуязвим для яда, а вскоре истечет его сорокадневный срок пребывания в виде тени, и жители деревни пребывают в ужасной тревоге, как бы он не появился во плоти». Ссылка на период сорока дней была рассмотрена и объяснена в предыдущей главе, посвященной вампирам в современной Греции. Ясно, что авторам здесь не удалось оценить этот важный момент, и, хотя они представили ряд фактов, ценных сами по себе, они, видимо, не способны рассмотреть этот вопрос с философской или даже традиционной точки зрения.

Вера в то, что духов и злых существ можно заключить в стеклянный сосуд, по-видимому, возникла на Востоке и вместе с другими выдумками попала в Испанию вместе с маврами. Благодаря знаменитому судебному процессу по обвинению в колдовстве доктора Эухенио Торральды в 1581 г. Великий инквизитор дон Альфонсо Манрикес обнародовал некоторые пункты обвинения, подробно описав различные преступления, связанные с общением с дьяволом, о которых каждый добрый христианин обязан был донести в Святую палату. Среди них мы видим следующее: «Если какой-нибудь человек по доброй воле или по принуждению изготавливал зеркала, кольца, флаконы из стекла или другие сосуды, чтобы с их помощью контролировать или в них содержать какой-нибудь дух, который должен отвечать на его требования и помогать ему в делах», то о таком человеке следует сообщить

соответствующим церковным властям.

Следует помнить, что в романе «Хромой дьявол» Луиса Велеса де Гевары, который впервые был опубликован в 1641 г., его герой дон Клеофас, случайно зашедший в кабинет астролога, освобождает из бутылки, в которой он был заключен мощным заклятием, Хромого дьявола, который в благодарность щедро награждает своего спасителя. Эту сюжетную линию можно сразу же узнать в произведении Ле Сажа (Лесажа) «Хромой дьявол» («Хромой бес») — ее во всех подробностях Ле Саж позаимствовал у своего испанского предшественника.

Насколько мне известно, нет на свете другой страны, кроме Болгарии, в которой считается, что вампира можно таким образом держать в плену. И даже в Болгарии это не может быть настоящий вампир, мертвец, возвратившийся из могилы, а, скорее, какой-нибудь вампирообразный дух, которого, как полагают болгары, можно заманить в такую ловушку. Есть причина полагать, что это местное суеверие пришло от турок, и оно действительно кажется ограниченным самой его незрелостью. Действительно, среди турок существует вера в вампиров, но у них они почти полностью отождествляются с вурдалаками, которым было уже уделено достаточно внимания. Люди, придерживающиеся грубо материалистических взглядов, невежественно верят во многие нецивилизованные ужасы, и у них есть соответствующие необычные способы защиты от домовых и чертей, которые кажутся им существующими на самом деле.

Стоит ли говорить, что, каким бы ужасным вампир ни был в христианских странах, когда он становится физической реальностью, ему можно помешать и уничтожить его, но за пределами христианства несчастные люди становятся забавой и жертвами демонов и злых духов, которых, вместо того чтобы изгнать, привлекают своими заклинаниями и магическими словами колдуны и специалисты по черной магии.

Примечания

1 Церковный закон 1385 Кодекса *Juris Canonici* устанавливает, что книги, написанные католиками на религиозные темы или темы, тесно связанные с религией, не могут быть опубликованы без санкции епископа или другого местного священника, исполняющего обязанности судьи. Закон 1386 оговаривает, что все книги, написанные церковнослужителями на любые темы, требуют такого же разрешения. Это разрешение не подразумевает какую бы то ни было положительную оценку данного произведения. Оно просто указывает на то, что книга не содержит ничего, что противоречило бы католической вере.

2 Шевалье Улисс — автор первого критического исследования Священного дома Лоретто.

3 Это предисловие к книге «Колдовство и магия в Африке», написанной Фредериком Кейгом (Лондон, 1957).

4 Перевод С. Сухарева.

5 Перевод С. Сухарева.

6 Перевод Б. Лейтина.